

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

1

2021

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 2 1 **Том 27**

2 0 2 1 **Volume 27**

№ 1
Январь – Март

№ 1
January – March

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЬВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Кабатов С.А., Кабатова Е.А.**
Источник-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (Статья 4)
- 21 **Ковров Т.А., Околотин В.С.**
Правовое обеспечение деятельности учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Российской империи в пореформенный период (на материалах устава Государственного банка 1860 г.)
- 26 **Тюрин А.С.**
Воспоминания В.И. Глориантова как исторический источник при изучении жизни провинциального чиновничества середины XIX в.
- 32 **Розина О.В., Волкова Т.И.**
Правовое положение еврейского населения в России: политико-аналитический обзор (конец XVIII – начало XX вв.)
- 39 **Секенова О.И.**
Практики научной повседневности в эго-документах первых русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX вв.
- 45 **Шильникова И.В.**
Трудовые конфликты на российских промышленных предприятиях в 1914–1917 гг. (по материалам губерний Центрально-промышленного района)
- 52 **Колесников В.А.**
Проблема продовольственного снабжения в российской провинции в годы мировой войны 1914–1918 гг.: по материалам Костромской и Ярославской губерний
- 59 **Иванов К.А.**
Общественные организации и местное самоуправление г. Вологды в начале XX в.
- 65 **Зябликов А.В.**
Антирелигиозные кампании 1920–1930-х гг. в Костроме
- 74 **Майорова Н.С.**
Численность, социальный и конфессиональный состав населения Ивановской и Ярославской областей накануне Великой Отечественной войны (по данным переписей населения СССР 1937 г. и 1939 г.)
- 79 **Ладыга А.И.**
К вопросу о построении новой периодизации Великой Отечественной войны: опыт решения
- 87 **Околотин В.С.**
Иваново – город трудовой доблести: организация трудовых достижений ивановцев в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)
- 93 **Гринько А.А.**
К вопросу о проблемах сельского населения в период позднего социализма (на примере Дальнего Востока РСФСР)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 99 **Вышенская Ю.П.**
Итальянские трактаты о литературе как образец стиля для английской светской литературы эпохи раннего Возрождения

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **S.A. Kabatov, Ye.A. Kabatova**
Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (Article 4)
- 21 **T.A. Kovrov, V.S. Okolotin**
The law ensuring of the activities of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Russian Empire in the post-reform period (On the materials of the charter of the State Bank of 1860)
- 26 **A.S. Tyurin**
Memories of Vasiliy Gloriantov as a historical source when studying the life of provincial officiality of the mid-19th century
- 32 **O.V. Rozina, T.I. Volkova**
The legal status of the Jewish population in Russia: a political and analytical review (the late 18th – early 20th centuries)
- 39 **O.I. Sekenova**
The practices of scientific everyday life in ego documents of the first Russian female historians in the second half of the 19th – the early 20th centuries
- 45 **I.V. Shilnikova**
Labour conflicts at Russian industrial enterprises in 1914-1917 (based on materials from the provinces of the Central Industrial Region)
- 52 **V.A. Kolesnikov**
The problem of food supply in the Russian province during the world war of 1914–1918 based on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces
- 59 **K.A. Ivanov**
Public organisations of Vologda in the early 20th century
- 65 **A.V. Zyablikov**
Kostroma anti-religious campaigns of the 1920–1930s
- 74 **N.S. Maiorova**
Population, and its social and religious composition in Ivanovo and Yaroslavl regions on the eve of the Axis aggression against the USSR (according to the censuses of the USSR in 1937 and 1939)
- 79 **A.I. Ladyga**
On the issue of formation of the new periodisation of the USSR vs Axis part of World War II: experience of solving the problem
- 87 **V.S. Okolotin**
Ivanovo – city of labour valour: organisation of labour achievements of Ivanovo residents in the years of the Axis-USSR War (1941–1945)
- 93 **A.A. Grinko**
On the problems of the rural population in the period of late socialism (on the example of the Far East of the RSFSR)

SCIENCE OF LITERATURE

- 99 **Yu.P. Vyshenskaya**
Italian treaties on literature as the style model for English secular early Renaissance literature

- 106 Козлова М.А.**
Город – воплощение женского начала
в романе Жоржа Роденбаха
«Мертвый Брюгге»
- 110 Чекалов К.А.**
«Дон Луис ещё ни разу не летал»
(Морис Леблан до 1905 г.)
- 117 Васильева Э.В.**
«Зверь в пещере» Г.Ф. Лавкрафта:
опыт прочтения
- 122 Зиновьева Р.В.**
Архетипические образы ребёнка
и культурного героя
в драматургии Э. Олби и С. Мрожека
сквозь призму проблемы поколений
- 129 Вихрова К.А.**
Религиозно-мистический аспект
«американской мечты» в повести Дж. Гарднера
«Королевский гамбит»
- 136 Сабурова Л.Е.**
Идея литературы в «Американских лекциях»
Итало Кальвино
- 141 Илунина А.А.**
Интертекстуальный диалог с викторианской
литературой в романах Сары Уотерс как средство
реализации феминистской проблематики
- 147 Чернов А.В., Максимова Т.Н.**
Историко-эстетическая позиция Николая Ульянова
в контексте «Ди-Пи словесности»
- 156 Мякинченко М.А.**
А.П. Карепин – племянник Ф.М. Достоевского и
герой его романов
- 161 Горностаева С.А.**
Психоаналитики первой четверти XX в.
о «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского
- 166 Бигильдинская О.В.**
Ранние пьесы А.П. Чехова:
диалог с И.С. Тургеневым
- 172 Осипова Е.А.**
Зарубежные славяне в программной работе
К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство»
- 179 Булавина М.О.**
Гоголь в немом кинематографе
- 185 Куликова Е.Ю.**
Абиссинские стихотворения Павла Булыгина
в журнале «Рубеж» (Харбин, 1935–1936)
- 192 Иванов Н.Н.**
Сокровенные люди Андрея Платонова:
художественная типология,
историко-литературный и культурный контекст
- 200 Муравьева А.В.**
К вопросу о восприятии абсурда
современной литературной практикой
(пьеса И. Вырыпаева «Сны»)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 205 Федотова А.А.**
«И я проснулся»:
новая книга о Толстом

210 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

- 106 M.A. Kozlova**
City image as a personification of female nature in
“The Dead [City of] Bruges” by Georges Raymond
Constantin Rodenbach
- 110 K.A. Chekalov**
“Don Luis had never been up in an aeroplane”
(Maurice Marie Émile Leblanc before 1905)
- 117 E.V. Vasileva**
Howard Phillips Lovecraft’s *The Beast in the Cave*:
an interpretation
- 122 R.V. Zinoveva**
Archetypal images of a child and a cultural hero
in the playwrights of Edward Franklin Albee
and Sławomir Mrożek in the light of the generational
problem
- 129 K.A. Vikhrova**
Religious mysticism of the “American Dream”
in the tale “The King’s Indian” by John Champlin
Gardner Jr.
- 136 L.E. Saburova**
The idea of Literature in the “American lectures” of
Italo Calvino
- 141 A.A. Ilunina**
Intertextual dialogue with Victorian literature
in the novels by Sarah Ann Waters as
a means of implementing feminist issues
- 147 A.V. Chernov, T.N. Maksimova**
Nikolay Ulyanov’s historical and aesthetic position
in the context of “DP literature”
- 156 M.A. Myakinchenko**
Aleksandr Karepin, the nephew of Fyodor Dostoevsky
and the hero of his novels
- 161 S.A. Gornostaeva**
Psychoanalysts of the first quarter of the 20th century
about “Crime and Punishment” by Fyodor Dostoevsky
- 166 O.V. Bigildinskaya**
Early plays by Anton Chekhov:
a dialogue with Ivan Turgenev
- 172 E.A. Osipova**
Non-Russian Slavs in the programme work
“Byzantinism & Slavdom” by Konstantin Leontiev
- 179 M.O. Bulavina**
Nikolai Gogol in silent films
- 185 E.Yu. Kulikova**
Pavel Bulygin’s Abyssinian poems in the magazine
“Rubezh” (Border) (Harbin, 1935–1936)
- 192 N.N. Ivanov**
The innermost men of Andrei Platonov:
the typology of artistic, historical-literary
and cultural context
- 200 A.V. Muraveva**
On the question of the perception of the absurd in
modern literary practice (on the example of the piece
of Ivan Vyrypaev’s «Dreams»)

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 205 A.A. Fedotova**
“And I woke up”:
a new book about Leo Tolstoy

210 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 7–20. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 7–20. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470.317)

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-7-20>

ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВТОРОГО КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ (Статья 4)

Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, kabatova@bk.ru

Аннотация. Вопрос датировки городского поселения, если его дата не имеет четкого и конкретного письменного подтверждения, всегда очень проблематична и сложна. Его решение требует привлечения максимально широкого спектра данных. Настоящее исследование представлено блоком статей, в которых предпринимается попытка освещения историко-историографического изучения вопроса существования второго костромского кремля, включая новейшие археологические данные 2016–2017 гг. на территории Старого города второго костромского кремля. В исследовании поднимаются вопросы: условий, специфики и датировки основания первого и второго костромских кремлей, характер их застройки; условия обретения Костромой Феодоровской иконы Божьей Матери и места ее хранения в обоих кремлях. Отдельно рассматривается вопрос о месте, времени и условиях строительства Успенского собора как место последнего хранения Феодоровской иконы Божьей Матери, поскольку на сегодняшний день только исследования условий и датировки его строительства могут пролить свет и на дату основания Старого города второго костромского кремля. Статья № 4 является продолжением данного блока исследований, где поднимается вопрос о времени строительства Успенского собора и истории его археологического исследования в наши дни.

Ключевые слова: Костромское Поволжье, Кострома, первый костромской кремль, Старый город второго костромского кремля, Успенский собор, археологические раскопки

Для цитирования: Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 4) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 7–20. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-7-20>

Research Article

SOURCE-HISTORIOGRAPHICAL STUDY OF THE EXISTENCE OF THE SECOND KOSTROMA KREMLIN (Article 4)

Sergey A. Kabatov, Candidate of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Yelena A. Kabatova, engineer of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kabatova@bk.ru

Abstract. The question of dating an urban settlement, if its date has no clear or specific written confirmation, is always very problematic and complicated. Its solution requires the use of the widest possible range of data. This research is presented in a block of articles that attempt to cover the source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin, including the latest archaeological data from 2016–2017 on the territory of the Old city of the second Kostroma Kremlin. The study raises questions about the conditions, specifics and dating of the foundation of the first and second Kostroma Kremles, their nature of development, the conditions for obtaining the icon Our Lady of Saint Theodore in Kostroma and its storage location in both Kremles. The question of the place, time and conditions of the construction of the Assumption Cathedral is considered separately, since only research on the conditions and dating of its construction can shed light on the date of the foundation of the Old city of the second Kostroma Kremlin. Article 3 continues this block of research, which refers us to the time and conditions of building the Dormition Cathedral.

Keywords: Kostroma Povolzhye, Kostroma, first Kostroma Kremlin, Old City of second Kostroma Kremlin, Assumption Cathedral, archaeological excavations

For citation: Kabatov S.A., Kabatova Ye.A. Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 4). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 7–20 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-7-20>

Итак, к началу XVII в. в Костромском детинце уже существовали каменные Успенский и Троицкий соборы, а также каменная церковь другого (посадского) собора Живоначальной Троицы с приделом преподобного Сергия. Все они могли сыграть роль архитектурного прототипа при возведении в XVII столетии первых каменных культовых сооружений на костромском посаде. Первоначальные формы Троицкого собора воссоздать уже не представляется возможным (церковь была разобрана С.А. Воротиловым после пожара 1773 г. вместе с обгоревшими каменными постройками Крестовоздвиженского монастыря). Право на строительство нового кафедрального собора получил подрядчик из посада Большие Соли Степан Андреевич Воротилов (1741–1792 гг.). Закладка храма была приурочена к посещению Костромы императрицей Екатериной II (1776 г.), следовательно, проект готовился заранее [Кабатов, Кабатова, 2020: 27–28] (рис. 1). Акварели и фиксационные чертежи середины XIX в. дают представление о колористическом решении фасадов Богоявленского храма: на голубом фоне стен выделялись элементы ордера и декоративные обрамления проёмов, крашенные в белый цвет. Золоту крестов и куполов отвечали бесчисленные золочёные вазы, расставленные по ярусам колокольни и лестницам боковых крылец. Золотыми звёздами был усыпан синий купол ротонды. Золотом мерцали циферблаты часов. Одновременно с собором Воротилов строит дополнительную лестницу в восточную галерею Успенского храма, с восьмигранной сенью в её начале. Поставив её перед колокольней по его оси, он композиционно объединил оба соборные здания.

Со временем Богоявленский храм перестал отвечать требованиям, и в 1866–1868 гг. по проекту неизвестного архитектора он был коренным образом реконструирован, в полтора раза увеличив свою площадь. Возник, по существу, новый храм – с огромным молельным залом, пятью полукруглыми апсидами (апсида старого храма была сохранена и стала средней между четырьмя новыми). Был разобран свод, отделяющий храмовое пространство от венчающей ротонды, и она стала световой. В свою очередь, это значительно улучшило вентиляцию храма. Крыльца на боковых фасадах не восстанавливались, и для эвакуационного выхода из храма была сделана закрытая лестница у западной стены основного объёма (к северу от притвора). Хотя силуэт храма существенно не изменился, он стал более громоздким. К чести автора реконструкции необходимо отметить, что она была максимально тактична, и архитектура добавлений вполне соответствовала подлиннику. Сохранена была даже переходная с перилами дорожка над коньком кровли и кольцевой балкон в основании световой ротонды. К сожалению, при реконструкции погиб первоначальный иконостас и внутренняя мраморная отделка. Новый иконостас нёс все признаки упадка стиля. В те же годы Богоявленский собор получил калориферное отопление.

Южный придел Богоявленского собора был посвящён:

- Богоявлению Господню (гл. престол),
- в честь явления чудотворной Феодоровской иконы Божией матери,
- в честь св. благ. князя Александра Невского и прп. Иосифа Песнописца,

Рис. 1. Богоявленский собор. Фото 1906–1908 гг. В.Н. Кларка

северный придел:

– в честь Боголюбской иконы Божией матери и в честь муч. Платона.

В 1878 г. в средней части подвального помещения храма был устроен придел в честь преподобного Сергия Радонежского. Придел служил усыпальницей костромских архипастырей.

* * *

В июне 1934 г. в числе прочих конструкций кремля были взорваны Успенский и Богоявленский соборы, остатки целого кирпича частично использовались в строительстве жилых домов рабочих районов города, остальное было разбито до состояния строительного мусора и равномерно распределено по холму. В 1950-х – начале 80-х гг. на данной территории существует парк отдыха с детскими каруселями, имеющими в основании мощную фундаментную кладку (местонахождение точно не известно). С 80-х годов карусели в этой части парка разбираются, и территория старого города становится смотровой площадкой.

До начала уничтожения храмового комплекса прокатилась кампания по изъятию церковных ценностей на основании распоряжений центральных органов власти. Президиум ВЦИК 2 января 1922 года принял постановление «О ликвидации церковного имущества», а 23 февраля 1922 года был опубликован декрет того же Президиума ВЦИК, предписывавший местным Советам «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного комиссариата финансов для помощи голодающим».

Во исполнении требований декрета 1 марта 1922 года президиум Костромского губисполкома принял постановление: «Создать комиссию из следующих лиц: Председат[ель] комис[сии] кандидат в члены ВЦИК т. Макаров. Члены: от Губисполкома тов. Орлеанский, от Губфина – тов. Сергеев, от Губпомгола – тов. Воронин».

В тот же день комиссия провела первое заседание, на котором обсуждались общие вопросы ее работы:

«СЛУШАЛИ:

Обмен мнений о порядке работ по извлечению ценностей и будущему плану работы. Высказываются: Воронин, Макаров, Орлеанский и Сергеев.

ПОСТАНОВИЛИ:

Приступить немедленно к изъятию церковных ценностей первоначально в гор. Костроме.

Вопрос об изъятии ценностей в уездах и волостях отложить до партконференции и расширенного Пленума Губисполкома.

Работу по изъятию слить с работой комиссии по учету ценностей. Предложить Губюсту немедленно

передать Губкомиссии подлинные описи ценностей, составленные при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства в 1918 и 1919 гг.

В помощь комиссии для непосредственного участия в работе кроме командированных Губкомом пригласить: от Губ[ернского] Полит[ического] Управления не менее двух лиц, от рабочекрестьян[ской] инспекции – одного и от Губфинотдела – одного.

Приступить к работе не позднее 3/III.

т. т. Сергееву и Орлеанскому поручается разработать инструкцию о порядке извлечения ценностей как для г. Костромы, так и для уездов.

Экспертов в гор. Костроме дает политуправление.

Изъятие ценностей в первую очередь и последовательно начать с Ипатьевского и Богоявленского монастырей и соборов: Успенского и Богоявленского»¹.

При начале работы обязываются присутствовать Члены Губкомиссии т. т. Орлеанский, Сергеев и Воронин.

Просить Губком командировать в комиссию одного или двух партийных работников, умеющих обращаться с металлом, не позднее утра 3/III.

Комиссия собирается в Президиуме Губисполкома 3/III не позднее 11 час. утра.

Расходы по осуществлению всех мероприятий, связанных с изъятием ценностей, принять на себя и ассигновать необходимые суммы.

Предложить Политуправлению взять на себя охрану как работ комиссии, так и сопровождение ценностей до Губфина, а Губисполком просить предоставить для перевозки ценностей постоянный автомобиль»².

21 марта 1922 года Костромской губотдел ГПУ принял шифрованную телеграмму:

«ЦИРКУЛЯРНО ВСЕ[М] КОМПОМГОЛАМ АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ТОЧКА «НОВЫЙ» Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами недопустима тчк Замена золотом и серебром равного количества допустима отдельных случаях разрешения Губкомиссии изъятию ценностей тчк Необходимо начинать изъятие городов богатых приходов благоприятно настроенных зпт затем переходить деревне зпт руководствуясь политическими соображениями тчк Дешифрант передать по назначению всем КОМПОМГОЛАМ ГУБЕРНИЙ ЗПТ АВТОНОМ[НЫХ] ОБЛАСТЕЙ И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ТЧК ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ЦК ПОМГОЛВЦК ВИНОКУРОВ»³.

Основной объем ценностей был изъят из кафедральных соборов в первой декаде апреля; согласно сводке за 6–20 мая, из кафедральных соборов было взято 36 долей золота, 22 фунта и 27 золотников серебра⁴.

Полный объем церковного достояния, утраченного кафедральными соборами, отражен в итогово-

вой ведомости изъятых ценностей из храмов города Костромы; этот документ 4 июля 1922 года Н.П. Орлеанский направил в губернскую комиссию по изъятию.

Согласно ведомости, из кафедральных соборов в ходе кампании 1922 года было получено:

«Золота 92-й и 84-й пробы – 38 ф[унтов] 82 зол[отника] 16 дол[ей].

Серебро – 57 п[удов] 12 ф[унтов] 49 з[лотников] 32 д[оли].

Бриллиантов – 1444 ш[туки].

Розочек бриллиан[товых] – 1283.

Алмазов – 751.

Розочек алмазн[ых] – 442.

Аметистов – 97.

Гранат – 515.

Рубинов (плавлен[ых] и шпин[ель]) – 9.

Аквамаринов – 218.

Сердолик – 1.

Альментинов – 31.

Топазов – 18.

Изумрудов – 139.

Сапфиров – 58.

Гиацинтов – 4.

Жемчугов – 669.

Опалов – 2.

Бурм[итских] зерен – 54.

Бирюз – 33.

Венис – 155.

Суровик 25 – 3.

Яхонтов – 102.

Червчак 26 – 1.

Васильков[ых] камней – 2.

Бечет – 4.

Лалов – 30.

Колчеданов – 2.

Малин[овых] дуплетов – 4.

Баусов – 2.

Жемчугу с камнями в ризах и оглавии (жемч[уг] в нераспоротом виде) – 13 фун[тов] 77 з[лотников] 36 д[олей].

16 митр, украшен[ных] клеймами в серебр[яной] оправе и 3 из них украшен[ы] жемчугом и ценными камнями.

6 золотых монет на общ[ую] сумму – 35 р. и серебрян[ых] монет – 15 руб. 05 коп.

Гранат в золотой оправе.

Золотые серьги с 6-ю тяжеловесами.

2 золот[ые] подвески к серьгам с 4-мя альмент[инами] и 2 бирюз[ы]

Золотой замочек с 12-ю бирюзками.

Золотая кисть от руки 27.

(...)

Звездочка из жемчуга – 1 з[лотник] 28

Сулок бархатный с жемчугом общ[им] вес[ом] – 1 ф[унт] 2 з[лотника].

Подвес с жемчугом – 75 з[лотников]»⁵.

В разделе «Количество оставленных ценностей на местах» указано:

«Потир, дискос, лжица, звезда, 2 блюдца, ковшик, дарохранительница и напрестольный крест – 3 ф[унта] 95 зол[отников]. Принято серебра взамен оставленного 3 ф[унта] 95 зол[отников]»⁶.

Всего по Костромской губернии было изъято (как 11 июля 1922 года костромские работники доложили телеграммой в Москву) 2 пуда 1 фунт 36 золотников 61 доля золота и 576 пудов 6 фунтов 37 золотников 71 доля серебра.

Рис. 2. Фото рабочего процесса разбора костромского кремля (1934 г.).
Общий вид площадки с ЮВ, от р. Волги

Рис. 3. Фото ЮЗ части четверика в процессе разборки в 1934 г. ГНИМА. VIII-27646

Рис. 4. Фото западной стенки четверика в процессе разборки в 1934 г. ГНИМА. V-5067

* * *

3–30 июля 1934 года последовала череда взрывных операций, которая привела к полному уничтожению Успенского и Богоявленского соборов (рис. 2–9).

Архитектурный облик и размеры Успенского собора реконструируются только на основании тех натуральных наблюдений, которые были проведены во время его обмеров в 1934 г. Л.К. Любимовым, С.С. Чижовым и Н. Чудаковым (за несколько

Рис. 5. Фото северной стенки четверика после разрушения придела вмч. Федора Стратилата в 1934 г. ГНИМА. V-5113

дней до взрыва собора, а также после взрыва). В рунированном после взрыва соборе (рис. 4–9) при натурном изучении разрушенного памятника были выявлены некоторые формы первоначального архитектурного убранства его фасадов и отдельные конструктивные особенности. Так, было установлено, что костромской Успенский собор перестраивался как минимум дважды – во второй половине XVII в. и после пожара 1773 г. Совокупность открытий, сделанных в процессе натурного

Рис. 6. Фото фрагмента северной стенки (западная часть) после разрушения придела вмч. Федора Стратилата в 1934 г. Видны следы первоначальных закомар. ГНИМА. V-5110

Рис. 7. Фото северной стенки четверика после разрушения придела вмч. Федора Стратилата в 1934 г. ГНИМА. V-5113

Рис. 8. Фото фрагмента южной стенки (снаружи) четверика после разрушения южной крытой галереи в 1934 г. Южный портал. ГНИМА. V-5157

обследования и архитектурных обмеров руинированного памятника, дала возможность С.С. Чижову предложить реконструкцию первоначальных форм Успенского собора в Костроме – его плана, продольного разреза и северного фасада (рис. 10–12). Собор был выстроен в технике однородной кладки из кирпича размерами 81×139×285 мм. Поставленный на самой бровке костромского детинца, собор казался органичным завершением городского холма.

После взрыва костромского комплекса кремля (рис. 2–9) остатки целого кирпича частично использовали в строительстве жилых домов рабочих районов города, остальное было разбито до состояния строительного мусора и равномерно распределено по холму. В 50-х – начале 80-х гг. на данной территории существует парк отдыха с детскими каруселями, имеющими в основании мощную фундаментную кладку (местонахождение точно не известно). С 80-х годов карусели в этой части парка

Рис. 9. Фото северной стенки (изнутри) в процессе разрушения в 1934 г. ГНИМА. V-5162

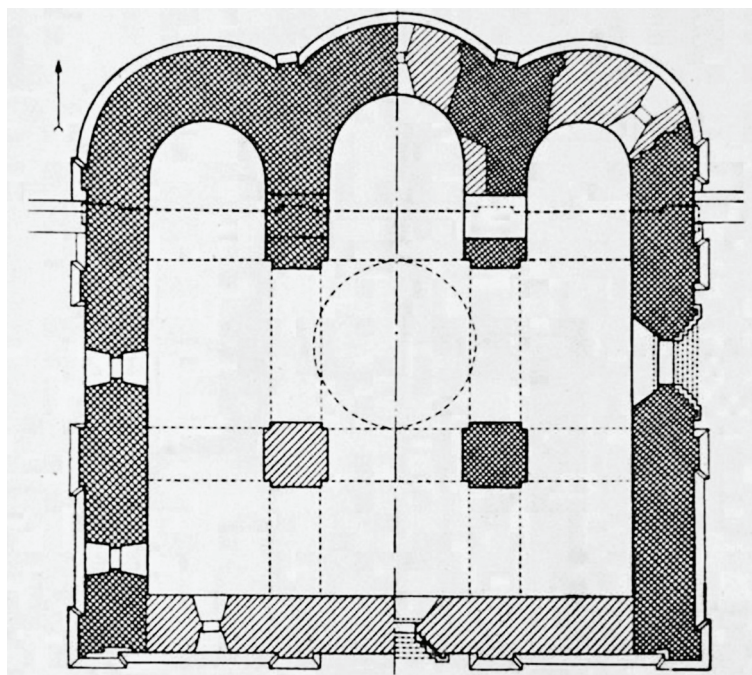

Рис. 10. План-реконструкция С.С. Чижова основного ядра Успенского собора (перекрестный штрих – сохранившиеся на момент обмеров части здания; в правой половине плана дается сечение на уровне порталов и окон алтаря; в левом – по верхнему свету)

демонтируются, и территория старого города становится смотровой площадкой.

После указанных выше событий на территории Успенского, равно как и Богоявленского соборов, каких-либо земляных, в том числе научно-исследовательских работ, не проводилось.

В 1999–2000 гг. проведены первые археологические исследования на территории костромского кремля с целью уточнения местонахождения колокольни Богоявленского собора, исследования сохранности ее фундамента для определения воз-

можности его использования под воссоздание указанного объекта на основании Открытого листа № 171 (форма 4) (проводит С.И. Алексеев; см.: [Алексеев 2000: 1]). В результате проведенных работ археолог приходит к выводу о нецелесообразности дальнейшего исследования остатков фундамента колокольни Богоявленского собора в его границах методом сплошных раскопок [Алексеев 2000: 10]. На основании данного заключения механизированным способом на глубину более 3 м и площадью, значительно превышающую реальные контуры колокольни, был откопан котлован, сильно потревоживший вплотную прилегающий

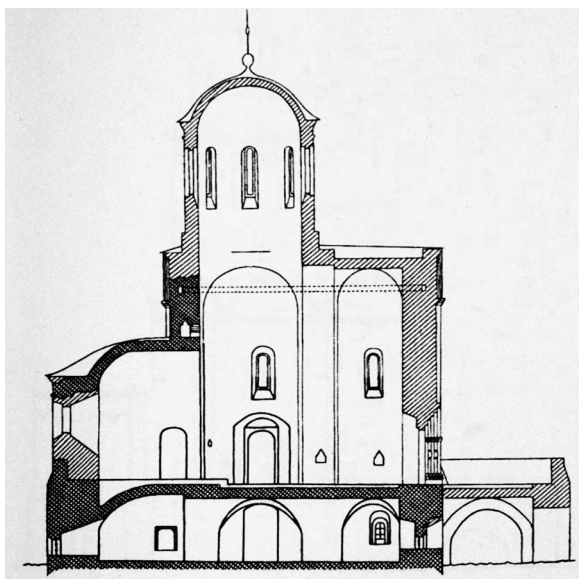

Рис. 11. План-реконструкция С.С. Чижова
основного ядра Успенского собора:
продольный разрез (перекрестный штрих –
сохранившиеся на момент обмеров части здания)

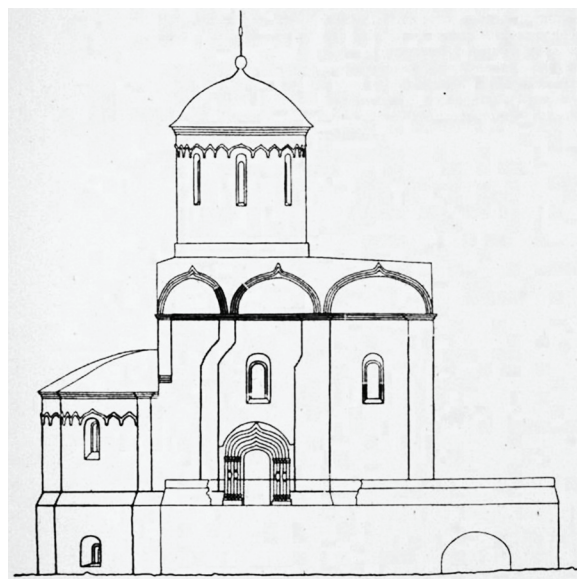

Рис. 12. План-реконструкция С.С. Чижова
Успенского собора:
северный фасад

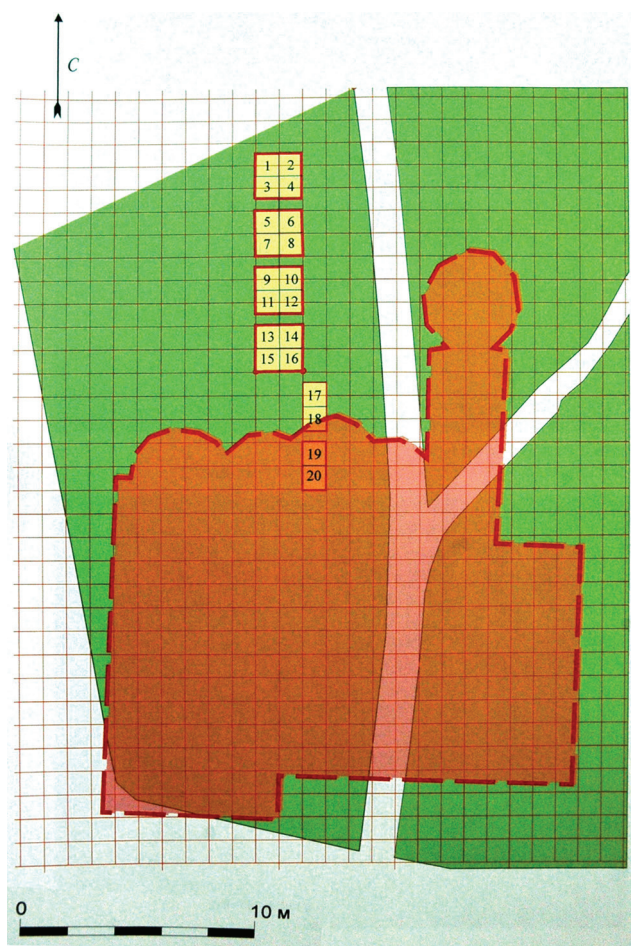

Рис. 13. План раскопа 2007 г. с указанием нумерации квадратов и посадкой предполагаемых границ
Успенского собора (материал отчета)

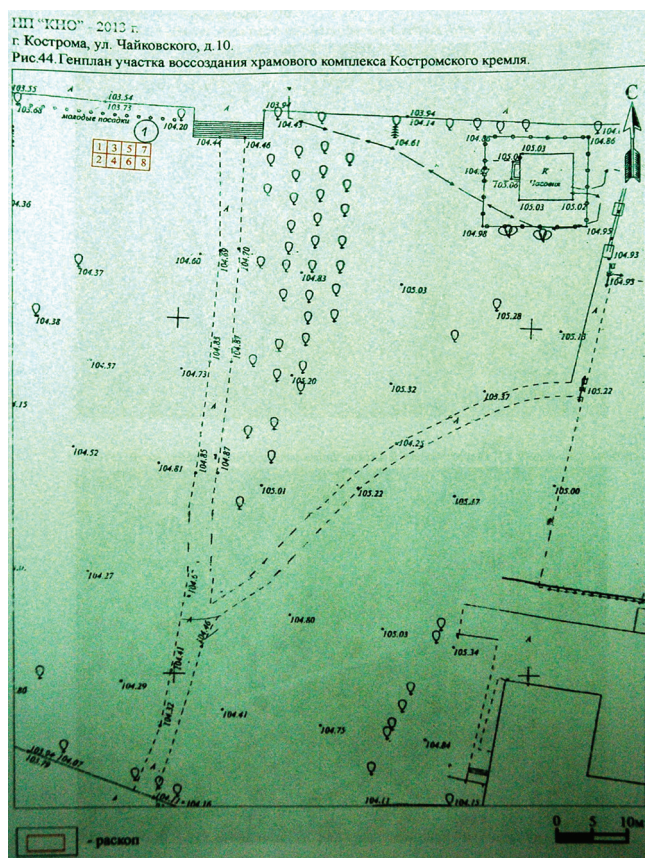

Рис. 14. Местонахождение раскопа 2013 г. С.И. Алексева (материал отчета)

к колокольне и самому Богоявленскому собору некрополь более раннего и стоящего на этом месте Крестовоздвиженского монастыря. Котлован, простояв более одного года, на основании официального указания администрации Костромской области был засыпан, площадка нивелирована.

В 2007 г. на основании Государственного контракта 5АБ/07 от 09.06.2007 «Проведение археологических раскопок Успенского собора в г. Костроме» ООО «Костромские древности» в качестве исполнителя привлекают Институт археологии РАН для проведения археологических раскопок Успенского собора [Копенкин]. Основными итогами полевых археологических работ (западная часть апсиды в районе примыкания апсиды предела Федора Стратилата), выполненных отрядом Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН (Открытый лист № 896 (форма № 1), выдан доктору исторических наук Л.А. Беляеву) были следующие результаты. На территории Успенского собора в процессе проведения раскопок вскрыт участок культурных напластований (рис. 13) общей площадью 80 кв. м; в ходе раскопок выяснилось, что самые ранние культурные напластования относятся к домонгольскому времени (XII – первая половина XIII вв.); строительство Успенского собора может относиться к XVI в.; были обнаружены остатки фундаментного рва северо-западной апсиды и западной стены Успенского собора, что позволило определить первоначальное положение

собора и выявить элементы его архитектуры [Копенкин: 23].

Очередные работы в 2008 г. на основании Государственного контракта 2А/Б08 от 02.06.2008 «Проведение археологических раскопок Успенского собора в г. Костроме» проводит Институт археологии РАН. С учетом материалов, полученных в ходе предварительных работ – сбора данных в архивах (РГАДА, НАИИМК, ЦИАМ, ГНИМА), фотофиксации, анализа описаний и графических планов, а также результатов археологических исследований прошлых лет был проведен пространственный анализ ситуации. Помимо историко-архивных сведений, для выполнения технического задания по государственному контракту № 2А-Б/08 были проанализированы материалы археологических раскопок, проведенных в июле – августе 2007 г. Результатом работ явилась привязка геоподосновы к историческим пространственным ориентирам и уточнение расположения фундаментов здания Успенского собора второго Костромского кремля [Яганов: 2].

В 2013 г. для определения характера и особенностей культурного слоя С.И. Алексеев проводит археологические раскопки на участке, где местами на уровне дневной поверхности выступали остатки фундаментов Святых ворот. Раскоп 4×8 м был заложен в западной половине Святых ворот (рис. 14) по линии запад – восток вдоль центральной оси Святых ворот. Он состоял из 8 квадратов 2×2 м

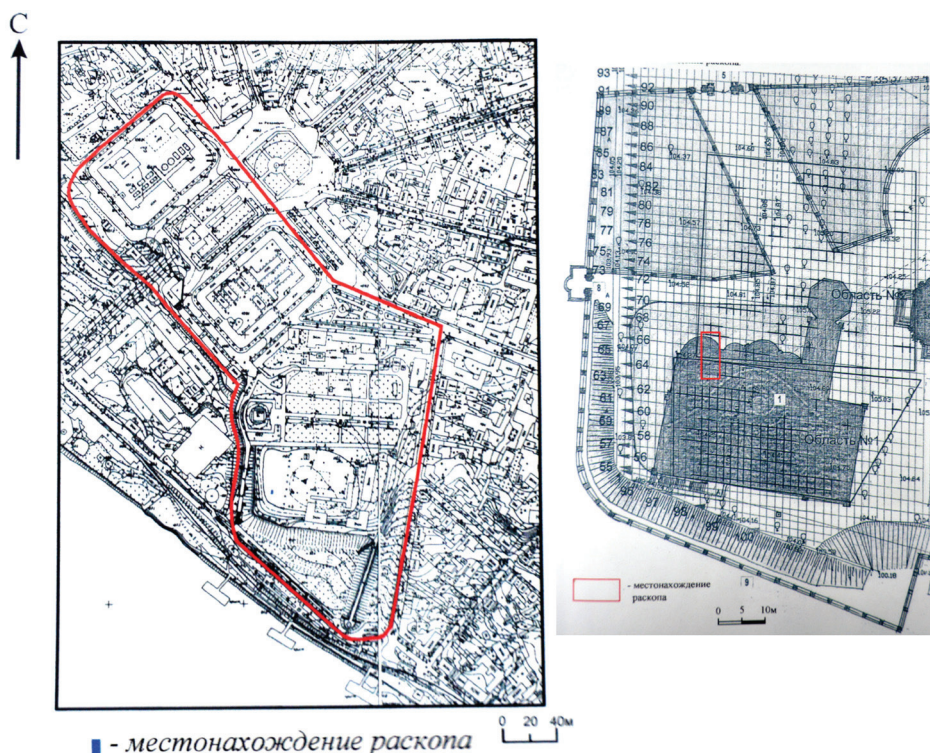

Рис. 15. Местонахождение раскопа 2014 г. С.И. Алексеева (материал аннотированного отчета)

каждый. С севера на юг и с запада на восток они получили наименование кв. 1, 2, 3 ... 8. Поверхность на месте закладки раскопа была представлена балластными отложениями, сформированными в результате разрушения храмового комплекса костромского кремля.

В результате была раскрыта западная половина фундаментов Святых ворот (длина в плане с запада на восток 661 см, ширина восточного основания под калитку на отм. +7 –307 см², длина 252 см, ширина западного основания на отм. –8/–13 – 132 см, длина более 224 см. Ширина прохода в калитке на отм. –39/–40 – 140 см., длина 124 см. Фундамент сложен из красноглиняного кирпича размерами 24,2×11,2/12,2×7,0/7,2/8,0 см. Разобрано 16–17 слоев кирпичной кладки фундамента до отм. –163, –164 см (материк). С западной стороны к фундаменту ворот примыкала траншея шириной 168 см, уходящая в западную стенку кв. 1/2, забутованная битым кирпичом с известковой крошкой – остатки разобранных фундаментов ограды, примыкающих к Святым воротам. Находки представлены фрагментами русской керамики (XV–XVI вв.). Вещевой комплекс начинает фиксироваться сразу после снятия слоя балласта. Он представлен фрагментами керамики, железными предметами, стеклом и т. п., датирующимися XIII–XIX вв. [Алексеев 2014: 26–29].

В 2014–2015 гг. С.И. Алексеев на территории Успенского собора закладывает 2 траншеи общей площадью 42 и 4 кв. м⁸ (рис. 15). Финансирование работ осуществлялось Фондом возрождения храмового комплекса Костромского кремля (директор – Д. Нетесин).

Первые археологические работы⁹ проводились в августе–октябре 2014 г. При обследовании участка работ самостоятельная съёмка плана инструментальным способом не осуществлялась в виду использования планиграфической документации, предоставленной заказчиком работ, полученной им в органах городской архитектуры (инструментальная съёмка). Раскоп закладывался с целью получения информации о характере, особенностях, состоянии культурного слоя, его изучения и сохранения, определения местонахождения Успенского собора Костромского кремля. Всего в ходе археологических работ был заложен раскоп размером 4×10,4 м общей площадью около 42 кв. м. Выбор места закладки раскопа определялся двумя факторами: он был привязан к раскопу 2007 г. и располагался в 1,6 м к югу от него по такой же ширине (4 м). Кроме того, по нашим данным, именно на месте раскопа 2014 г. должны были бы проявиться остатки фундаментов Успенского собора.

Находки представлены архитектурными элементами, фрагментами фресок, украшениями (стеклянные браслеты, медная с позолотой подвеска и др.), керамикой и т. п. [Алексеев, 2015: 2–10].

В 2016–2017 гг. С.А. Кабатовым и Е.А. Кабатовой на территории Успенского собора проведены полномасштабные археологические исследования (рис. 16–17), в результате которых был получен уникальный материал. Во-первых, была важна территория местонахождения основного ядра собора, где при его строительстве перекрываются и прорезаются слои более раннего периода. Это территория всего участка V, VI, СЗ угол участка III,

Рис. 16. Границы (обведены красным) «Участка культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.)», XV–XVIII вв. (принят под государственную охрану Постановлением главы администрации Костромской области №470 от 28.10.2009 г.). Территория местонахождения Успенского собора и участок исследования (обведены жёлтым) до начала

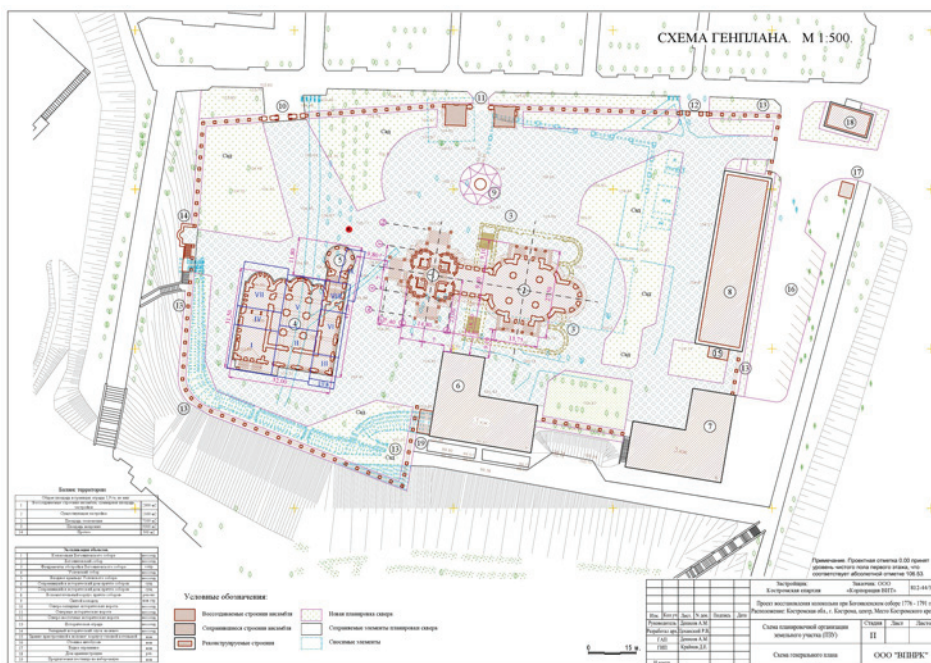

Рис. 17. Ситуационный план местонахождения Успенского (синим цветом отображены участки раскопов 2016–2017 гг.) и Богоявленского соборов

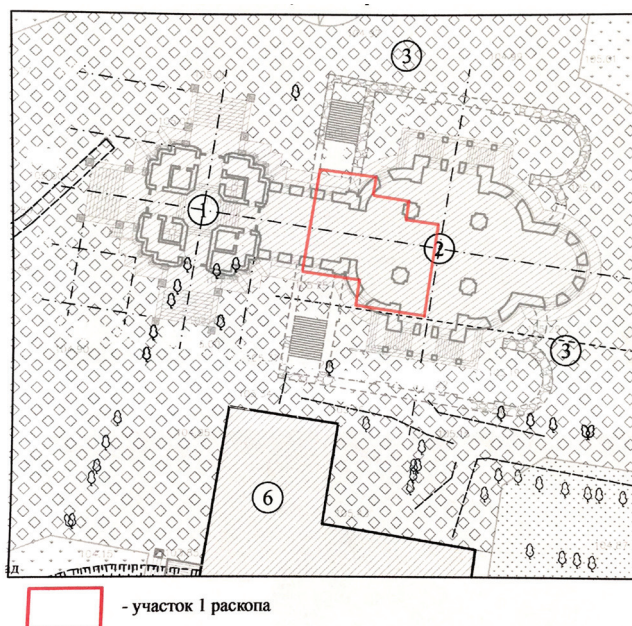

Рис. 18. Местонахождение участка исследования на территории Богоявленского собора в 2016 г.

северная половина участка II, СВ угол участка I, восточная часть участка IV и ЮВ угол участка VII. Для позиционирования основных результатов исследования был составлен условный сводный план (рис. 17), где картографированы все главные итоги археологических полевых работ. Археологические исследования участка V, VI, VIII и II на предматериковом уровне выявили четкое очертание и контуры фундаментных рвов стенок основного ядра собора (участок V, VI, VIII), включая его южную стенку (участок II). Более того, с точностью до 0,1 м были определены поворотные точки как внутренних, так и внешних контуров рвов западной, восточной и южной стенок, салии, центральной, западной и восточной апсид центрального ядра собора [Кабатов, Кабатова, 2018].

Проведенные археологические исследования выявили факт того, что Успенский собор был поставлен уже на территорию городского поселения, не на пустынное место, и, более того, всю северо-западную, северную и частично северо-восточную части собора «накрывает» участок существовавшей здесь ранее усадебно-дворовой планировки (об этом красноречиво свидетельствует обилие частокольных линий и инвентарь городского населения: бытовые и ремесленные вещи, а также украшения), а остальная часть собора, включая центральную, «накрыла» некрополь. Ориентация костяков (головной на юг и на запад), период бытования выявленного индивидуального материала (многие предметы имеют нижнюю хронологическую рамку в дозолотоордынское время), наличие несколько раз ремонтируемых частокольных линий (свидетельство долгого существования усадьбы, частокол которой несколько раз ремонтировался) – все это свидетельствует о том, что Успенский собор был поставлен на обжитую городскую тер-

риторию, формирование которой начало складываться до начала строительства по меньшей мере за 150–200 лет. [Кабатов, Кабатова, 2018].

Параллельно с работами на территории Успенского собора НП «Костромским научным обществом по изучению местного края» под руководством С.И. Алексева на основании Открытого письма № 1288, выданного 05.08.2015 на имя А.П. Мичурина, проводятся археологические раскопки на участке Богоявленского собора (рис. 18). Как следует из «Аннотированного отчета о проведенных археологических работах на участке воссоздания Богоявленского собора храмового комплекса Костромского кремля в 2016 г.»¹⁰, «в ходе археологических работ были раскрыты фрагменты фундамента трапезной Богоявленского собора, остатки экседры храма, вскрыто 9 погребений XV века и 2 групповых захоронения более позднего времени, а также исследованы небольшие участки культурного слоя, сформированные с XIII в. и не утраченные в ходе строительства Богоявленского собора. Материалы, выявленные в ходе археологических раскопок, датируются XIII–XIX вв. Площадь раскопа составила 502 кв. м. В ходе археологических работ были получены материалы, позволяющие оценить размеры, характер, особенности фундамента Богоявленского собора и его трапезной и использовать их для разработки проекта воссоздания Богоявленского собора. Были получены материалы о техническом состоянии памятника, а также уточнена его хронология. Археологические исследования на указанном участке выполнены в полном объеме, участок раскопок освобожден от культурного слоя. На данном участке допустима хозяйственная деятельность (земляные и строительные работы по воссозданию Богоявленского собора)» [Мичурин: 2].

Примечания

- ¹ ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 9.
² ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 1–1 об.
³ ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 25.
⁴ ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 170.
⁵ ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 199 об., 200 об.
⁶ ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 200.
⁷ За репер принята отметка верхнего уровня пьедестала памятника 300-летия Романовых.
⁸ В Инспекцию по охране объектов культурного наследия Костромской области представлен «Аннотированный отчет», в котором даются сведения по итогам раскопок на траншее площадью 40 кв. м.
⁹ Северная часть успенского собора – место примыкание к западной стенке западной апсиды основного ядра восточной стенки предела Федора Стратилата.
¹⁰ В реестре Инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области № 1001 от «02» сентября 2016 г.

Список литературы

- Алексеев С.И. Отчет о проведенных археологических исследованиях фундамента колокольни Богоявленского собора на территории бывшего Костромского кремля. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2000. 24 с.
- Алексеев С.И. Отчет о проведенных археологических работах в г. Костроме в 2013 г. Кострома: Костромское научное общество по изучению местного края, 2014. 34 с.
- Алексеев С.И. Аннотированный отчет о проведенных археологических раскопках Успенского собора в г. Костроме в 2014 г. Кострома: Костромское научное общество по изучению местного края, 2014. 34 с.
- Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2016 г. объекта археологического наследия «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.)», XV–XVIII вв. (Успенский собор) // сост. С.А. Кабатов, Е.А. Кабатова. Кострома: Историко-археологическое общество «Кострома», 2018. Т. 1–14.
- Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 3) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 24–39. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-24-39>.
- Копенкин А.В. Отчет на тему: Проведение археологических раскопок Успенского собора в г. Костроме. Кострома: Костромские древности, 2007. 112 с.
- Мичурин А.П. Аннотированный отчет о проведенных археологических работах на участке воссоздания Богоявленского собора храмового комплекса Костромского кремля в 2016 г. Кострома, 2016. 7 с.

Яганов А.В. Отчет по Государственному контракту 2А/Б08 от 02.06.2008 «Проведение археологических раскопок Успенского собора в г. Костроме». М.: ИА РАН, 2008. 109 с.

References

- Alekseev S.I. *Otchjet o provedlennyh arheologicheskikh issledovaniyh fundamenta kolokol'ni Bogoyavlenskogo sobora na territorii byvshego Kostromskogo kremlya* [Report on the archaeological research of the foundation of the bell tower of the Epiphany Cathedral in the former Kostroma Kremlin]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov, 2000, 24 p. (In Russ.)
- Alekseev S.I. *Otchjet o provedlennyh arheologicheskikh rabotah v g. Kostrome v 2013 g.* [Report on the archaeological work carried out in Kostroma in 2013]. Kostroma, Kostroma Scientific Society for the Study of the local region, 2014, 34 p. (In Russ.)
- Alekseev S.I. *Annotirovannyi otchjet o provedlennyh arheologicheskikh raskopkakh Uspenskogo sobora v g. Kostrome v 2014 g.* [Annotated report on the archaeological excavations of the Assumption Cathedral in Kostroma in 2014]. Kostroma, Kostroma Scientific Society for the Study of the local region, 2014, 34 p. (In Russ.)
- Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Nauchnyi otchjet po itogam arheologicheskikh issledovaniy (raskopok) v 2016 g. objekta arheologicheskogo nasledija «Uchastok kul'turnogo sloja vtorogo Kostromskogo kreml'a (Staryj gorod 1416 g. i Novyj gorod 1619 g.)», XV-XVIII vv. (Uspenskiy sobor)* [Scientific report on the results of archaeological research (excavations) in 2016 of the object of archaeological heritage «Section of the cultural layer of the second Kostroma Kremlin (the Old city of 1416 and the New city of 1619)», XV-XVIII centuries], comp. by S.A. Kabatov, E.A. Kabatova. Kostroma, Historical and archaeological society «Kostroma» Publ., vol. 1–14, 2018. (In Russ.)
- Kabatov S.A., Kabatova Ye.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovaniya vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 3)* [Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 3)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 3, pp. 24–39 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-24-39>. (In Russ.)
- Kopenkin A.V. *Otchjet na temu: Provedenie arheologicheskikh raskopok Uspenskogo sobora v g. Kostrome* [Report on the topic: Conducting archaeological excavations of the Assumption Cathedral in Kostroma]. Kostroma, Kostroma antiquities Publ., 2007, 112 p. (In Russ.)
- Michurin A.P. *Annotirovannyi otchjet o provedlennyh arheologicheskikh rabotah na uchastke vossozdaniya Bogoyavlenskogo sobora hramovogo kompleksa Kostromskogo kreml'a v 2016 g.* [Annotated

report on the archaeological work carried out at the site of the reconstruction of the Epiphany Cathedral of the Kostroma Kremlin temple complex in 2016]. Kostroma, 2016, 7 p. (In Russ.)

Yaganov A.V. *Otchet po Gosudarstvennomu kontraktu 2A/B08 ot 02.06.2008 «Provedenie arheologicheskikh raskopok Uspenskogo sobora v g. Kostrome* [Report on the State Contract 2A/B08 of 02.06.2008 «Conducting archaeological excavations

of the Assumption Cathedral in Kostroma]. Moscow, IA RAS Publ., 2008, 109 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.12.2020; одобрена после рецензирования 16.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 05.12.2020; approved after reviewing 16.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЁТНО-ССУДНЫХ КОМИТЕТОВ
ПРИ ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
(на материалах устава Государственного банка 1860 г.)**

Ковров Тимур Артушевич, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, covrov.t@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Данная статья посвящена правовому обеспечению деятельности учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Российской империи в пореформенный период. 31 мая 1860 г. император Александр II подписал указ об учреждении Государственного банка Российской империи. Одновременно с этим был принят устав Госбанка. 13 статей устава были посвящены деятельности учётно-ссудных комитетов при местных отделениях Госбанка. Авторы приводят из этих статей устава выдержки, регламентирующие деятельность данных комитетов, и предпринимают попытку анализировать их. Положения статей устава Госбанка подтверждаются примерами из документов Государственных архивов Ивановской и Владимирской областей. Исследование статей устава показало, что в должностях членов комитетов при местных отделениях Госбанка утверждались промышленники и торговцы – представители купеческого сословия района отделения. Промышленники и торговцы, работавшие в должностях членов комитета при отделении Госбанка, сообщали банку сведения о состоянии разных отраслей торговли и промышленности, давали рекомендации по выдаче банком кредита и являлись гарантами возврата кредита банку. За их полезную деятельность для дела комитета Госбанк награждал их почётными наградами, признавая их заслуги в общественной деятельности города. В конце статьи авторы делают вывод о том, что учётно-ссудные комитеты при отделениях Государственного банка создавались и функционировали на основе института государственно-частного партнёрства.

Ключевые слова: учётно-ссудный комитет, Госбанк, устав Госбанка, институт государственно-частного партнёрства

Для цитирования: Ковров Т.А., Околотин В.С. Правовое обеспечение деятельности учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Российской империи в пореформенный период (на материалах устава Государственного банка 1860 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 21-25. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-21-25>

Research Article

**THE LAW ENSURING OF THE ACTIVITIES OF THE ACCOUNTING
AND LOAN COMMITTEES AT THE BRANCHES OF THE STATE BANK
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE POST-REFORM PERIOD
(On the materials of the charter of the State Bank of 1860)**

Timur A. Kovrov, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, covrov.t@yandex.ru

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. This article is devoted to the law ensuring of the activities of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Russian Empire in the post-reform period. On May 31 (old style) (June 12 new style), 1860, Emperor Alexander II signed a decree establishing the State Bank of the Russian Empire. At the same time, the charter of the State Bank was adopted. 13 articles of the charter were devoted to the activities of the accounting and loan committees at local branches of the State Bank. The authors cite extracts from these articles of the charter that regulate the activities of the committees and attempt to analyse them. The provisions of the articles of the charter of the State Bank are confirmed by examples from the documents of the State Archives of Ivanovo and Vladimir regions. A study of the articles of the charter showed that industrialists and merchants – representatives of the merchant class of the region of the branch – were approved as the members of the committees at the local branches of the State Bank. Industrialists and traders, who worked as members of the committee at the branch of the State Bank, informed the bank about the state of various branches of trade and industry, they gave recommendations on the issuance of a loan by the bank and they were guarantors of the loan repayment to the bank. For their useful activities for the committee's affairs, the State Bank awarded them with honorary awards, recognising their merits in the public activities of the city. At the end of the article, the authors

conclude that the accounting and loan committees at the branches of the State Bank were created and functioned on the basis of the institution of public-private partnership.

Keywords: accounting and loan committee, State bank, charter of State bank, institution of state-private partnership

For citation: Kovrov T.A., Okolotin V.S. The law ensuring of the activities of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Russian Empire in the post-reform period (on the materials of the charter of the State Bank of 1860). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 21-25 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-21-25>

Образование Государственного банка Российской империи «проходило на фоне экономического кризиса конца 1850-х гг.» [История Банка России 2010: 120]. Главной причиной создания Госбанка было стремление сформировать «новый институт, который проводил бы сбалансированную финансовую политику с целью обеспечить развитие промышленности и торговли России. Его создание стало одним из ключевых звеньев в цепи «великих реформ» императора Александра II, преобразовавших социально-экономический облик страны» [История Банка России 2010: 4].

«Указ об учреждении Государственного банка Российской империи был подписан Александром II 12 июня (31 мая по старому стилю) 1860 г.» [История Банка России 2010: 4]. «К Указу прилагался устав, состоящий из двух глав: устройство банка и его операции и управление банка» [История Банка России 2010: 132–133]. Главы, в свою очередь, делились на отделения или параграфы. Каждый параграф состоял из нескольких статей.

Деятельности учётно-ссудных комитетов были посвящены статьи 167–179, содержащиеся в § 5 «Учётный и ссудный комитеты» 2-й главы. Статьи в целом регламентировали деятельность учётно-ссудных комитетов при отделениях Госбанка. Так, например, статья 167 определяла обязанность учётно-ссудных комитетов при отделениях Госбанка. Статьи с 168 по 171 регулировали требования к кандидатам, порядок их избрания и утверждения. Другие статьи регламентировали порядок присутствия членов комитета на заседаниях комитета, акцентировали внимание на привилегиях, нацеливали их внимание на необходимости хранения в тайне всех сведений о работе комитета и решений по кредитованию промышленников, торговцев и других. Их действие распространялось на учётно-ссудные комитеты при отделениях Государственного банка всей Российской империи. «Они наделялись следующими полномочиями: рассмотрение векселей, предъявленных к учёту, их приём, определение стоимости товаров, под залог которых испрашивалась ссуда (кредит), а также обсуждение объёма запрашиваемого кредита» (ст. 167)¹.

Учётно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка был создан 10 октября 1886 г.» [Околотин 2006: 16]. Важно отметить, что он действовал при отделении Госбанка в безузедном городе Шуи-ского уезда Владимирской губернии, открытом

лишь в апреле 1886 года. Именно этим и объясняется более позднее его формирование по сравнению с учётно-ссудными комитетами губернских городов центра России. Так, при Владимирском отделении Госбанка комитет был открыт 18 июня 1864 г. [История Банка России 2010: 529], при Ярославском отделении – 22 июня 1864 г. [История Банка России 2010: 535], а при Тверском – 1 сентября 1865 г. [История Банка России 2010: 534]. Для сравнения: учётно-ссудный комитет при Муромском отделении Госбанка был открыт 16 июня 1884 г. [История Банка России 2010: 532], а при Костромском отделении – 1 сентября 1884 г. [История Банка России 2010: 531], что было связано с экономическими особенностями этих регионов.

«В должностях членов учётно-ссудных комитетов утверждались представители купеческого сословия – главным образом промышленники и торговцы» (Устав, ст. 168). Дело в том, что в основе деятельности учётно-ссудных комитетов был институт государственно-частного партнёрства. Суть его заключалась в том, что промышленники и торговцы, участвовавшие в работе комитетов при отделениях Госбанка, информировали его служащих о состоянии различных отраслей торговли и промышленности в зоне его ответственности, давали рекомендации по предоставлению тем или иным лицам кредита и являлись гарантами возврата кредита банку. Труд их не оплачивался, но за полезную помощь правление Госбанка награждало их почётными наградами, признавая тем самым их заслуги в сфере общественной деятельности. Таким образом, именно на торговцев и промышленников банк опирался при осуществлении кредитной политики страны.

Членами учётно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка были представители купеческого сословия из трёх основных городов, входивших в сферу деятельности отделения: Иваново-Вознесенска, Шуи и Кинешмы.

Так, из Иваново-Вознесенска в состав учётно-ссудного комитета в разные годы входили фабриканты и промышленники: Дмитрий Геннадьевич Бурьлин, Александр Никитич Витов, Фёдор Никитич Витов, Александр Фёдорович Витов, Антон Михайлович Гандурин, Лаврентий Михайлович Гандурин, Яков Петрович Гарелин, Мефодий Никонович Гарелин, Павел Никанорович Дербенёв, Григорий Васильевич Кузнецов, Василий Иванович Куражёв, Николай Иванович Куражёв, Иван Са-

вельевич Латышев, Евгений Васильевич Меньшиков, Николай Михайлович Самохвалов, Александр Платонович Собинов, Сергей Иванович Соколов.

Из г. Шуи в состав комитета были приглашены купцы Александр Иванович Бычков, Мартын Васильевич Дубов, Архип Иванович Новиков, Василий Васильевич Трусов и Михаил Степанович Удин, а из Кинешмы – Иван Евграфович Куфтин, Иван Григорьевич Тихомиров.

В состав членов учётно-ссудного комитета по учёту торговых векселей (именно такое он носил название) при Владимирском отделении Госбанка входили купцы: Козьма Львович Голубев, Григорий Яковлевич Васильев-Люлин, Вах Назарович Муравкин, Николай Александрович Парков, Николай Дмитриевич Свешников, Николай Николаевич Сомов и другие.

Все вышеперечисленные представители купеческого сословия были компетентными в той или иной отрасли торговли и промышленности. Из этого можно сделать вывод, что главным критерием при подборе кандидатов в члены комитета была их осведомлённость в торгово-промышленной жизни, что являлось для отделений Госбанка ценным подспорьем в кредитовании торговли и промышленности.

По количественному составу «комитеты состояли из управляющего, его товарища, двух директоров банка и четырёх членов от купечества, выбранных на два года обществом первых двух гильдий» (Устав, ст. 169). Таким образом, учётно-ссудный комитет состоял из восьми лиц.

«Члены учётно-ссудных комитетов утверждались министром финансов» (Устав, ст. 171). Это положение статьи 171 устава находит подтверждение в архивных материалах. Так, «господином министром финансов Александр Никитич Витов был утверждён членом учётно-ссудного комитета Иваново-Вознесенского отделения Госбанка на двухлетний срок с 10 октября 1886 г.»². Другой пример: «Господином министром финансов Григорий Трофимович Лебедев был утверждён членом учётного комитета Владимирского отделения Госбанка по учёту торговых векселей на двухлетний срок с 1 февраля 1895 г.»³. Важным фактом было то, что управляющий отделением Госбанка лично извещал новоиспечённого члена комитета об утверждении в должности, для чего использовалась следующая формулировка: «По поручению господина управляющего Госбанком имею честь уведомить Вас, что господин министр финансов утвердил Вас в должности члена учётно-ссудного комитета отделения Госбанка на двухлетний срок»⁴.

Согласно статье 172, «члены комитета присутствовали на заседаниях комитета поочередно и попеременно по заведённому списку в дни, назначенные для учёта векселей и выдачи ссуд под залог товаров и других торговых ценностей» (Устав, с. 172). О соблюдении этого порядка свидетельствуют архивные данные. Так, «на заседании учётно-

ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка 19 сентября 1907 г. присутствовали Иван Савельевич Латышев и Николай Михайлович Самохвалов»⁵; «на заседании комитета 4 октября того же года присутствовали Антон Михайлович Гандурин, Иван Савельевич Латышев и Архип Иванович Новиков»⁶. Или: «на заседании комитета 20 октября 1909 г. присутствовали Александр Фёдорович Витов, Антон Михайлович Гандурин, Василий Иванович Куражёв и Николай Михайлович Самохвалов»⁷; «на заседании 27 октября того же года присутствовали Дмитрий Геннадьевич Бурылин, Антон Михайлович Гандурин, Мефодий Никонович Гарелин и Василий Иванович Куражёв»⁸. На наш взгляд, очередность присутствия на заседаниях комитета означала своеобразное распределение обязанностей между всеми членами комитета. Каждый член комитета обязан был предоставить сведения о каком-то определённом векселе или человеке, которому предоставлялась ссуда под конкретный товар.

Статья 173 устава гласила: «Члены комитета сменялись наполовину каждую неделю. Срок их присутствия в банке был не более двух недель» (Устав, ст. 173). Можно сделать предположение, что в учётно-ссудных комитетах при отделениях банка была ротация кадров. Эта версия подтверждается содержанием статьи 174, согласно которой «из членов от купечества выбывали ежегодно четверо, а именно по два, и избранных через биржевой комитет. Причём на первый раз очередность назначалась жребием» (Устав, ст. 174). Но далее в статье подчёркивается, что «члены, выбывшие из очереди, могли быть вновь избраны» (Устав, ст. 174). То есть срок их службы в должности члена комитета не был ограничен.

Во время работы в учётно-ссудных комитетах «промышленники и торговцы освобождались от всякой другой общественной деятельности» (Устав, ст. 175). Можно полагать, что такое освобождение было вызвано необходимостью сосредоточения ими всего внимания на работе в комитете. Для этого «они наделялись всеми преимуществами и отличиями наравне с директорами банка» (Устав, ст. 175). Всё это свидетельствует о том, что деятельность в учётно-ссудном комитете признавалась почётной и социально значимой.

Промышленники и торговцы при вступлении в должность члена комитета обещали, что: «во-первых, будут действовать по совести и беспристрастно во всех делах, по которым они будут приглашены дать мнение и указания, во-вторых, хранить тайну о всех сведениях, касающихся дел банка о кредитах лиц торгового сословия» (Устав, ст. 176). При этом своё обещание члены комитета фиксировали в письменной форме – подписке. Об этом свидетельствуют следующие примеры: «Я, нижеподписавшийся Иваново-Вознесенский 2-й гильдии купец Мартын Васильевич Дубов, даю

сию подписку в том, что, вступив в должность члена учётно-ссудного комитета Иваново-Вознесенского отделения банка, во всех делах, по которым приглашён буду дать мнение и указание, обещаю действовать по совести и хранить тайну по делам Государственного банка, касающихся кредитов лиц торгово-промышленного сословия. Мартын Васильевич Дубов»⁹.

Или: «Я, нижеподписавшийся, вступил в должность члена от купечества в учётно-ссудном комитете, учреждённом при Владимирском отделении Государственного банка, даю обещание действовать по совести и без лицепрятия, и во всех делах, по которым я приглашаюсь, буду давать мнение и указания и хранить тайну по делам банка, касающимся кредита лиц торгового сословия. – Губ. г. Владимир. 16 октября 1884 г. Купец первой гильдии Козьма Львович Голубев»¹⁰. Также: «Я, нижеподписавшийся Григорий Яковлевич Васильев-Люлин, член учётного комитета Владимирского отделения Государственного банка, даю сию подписку в том, что буду хранить в строгой тайне от лиц, не принадлежащих к составу учётного комитета всё, касающееся дел и счетов частных лиц и добровольно исполнять обязанности члена учётного комитета. 18 мая 1901 г. Григорий Яковлевич Васильев-Люлин»¹¹.

При исполнении должностных обязанностей члены учётно-ссудных комитетов не обременялись какой-либо ответственностью. А именно подчёркивалось (ст. 177) отсутствие ответственности в отношении членов от купечества «за советы и замечания по векселям и за оценку товаров» (Устав, ст. 177). Таким образом, члены комитета могли свободно высказывать свои мнения по вопросам, находящимся в их компетенции.

Из содержания статьи 178 устава банка можно найти сведения о процедуре принятия решений по тем или иным делам, рассматриваемым комитетом. Так, «приём векселей к учёту и выдача ссуд под товары разрешались учётным комитетом только в случае одобрения данных решений членами комитета от купечества и соответствующего утверждения управляющего банка» (Устав, ст. 178). Содержание данной статьи аргументируется данными архивных материалов. Например, «управляющий Иваново-Вознесенским отделением Госбанка в письме от 6 июня 1898 г. просил члена учётно-ссудного комитета при данном отделении Ивана Евграфовича Куфтина сообщить ему следующие сведения: «...о кредитоспособности и об имущественном и торговом состоянии векселей крестьянина, торгующего по свидетельству в г. Кинешме Григория Ивановича Цветкова; заслуживает ли доверия кинешемский купец Владимир Семёнович Чистяков, пользующийся в Иваново-Вознесенском отделении банка кредитом в размере 4000 руб.»¹².

«Суждения комитета о векселях и кредите лиц, обращающихся в банк, должны были храниться

в тайне» (Устав, ст. 179). То есть члены комитета не должны были разглашать информацию, касающуюся дел комитета и лиц, которым банк выдавал кредиты и ссуды.

Таким образом, правовая основа деятельности учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Российской империи закреплена в 13 статьях устава Госбанка, принятого в 1860 г. При этом каждая статья затрагивала разные аспекты деятельности комитетов (избрание членов комитета и их должностные обязанности, порядок утверждения лиц в должности члена комитета, особенности принятия решений комитета по приёму векселей и выдаче ссуд и т. д.).

Неотъемлемой чертой всех торговцев и промышленников, утверждаемых в должностях членов комитетов, была их компетентность в отраслях торговли и промышленности. Новоиспечённые члены комитета сообщали банку полезные сведения о состоянии различных отраслей торговли и промышленности. За эту деятельность банк поощрял членов комитетов разными наградами: благодарностями, почётными медалями. Тем самым правление отделения банка признавало заслуги членов комитета в общественной деятельности. Благодаря этому можно сделать вывод, что учётно-ссудные комитеты при отделениях Госбанка создавались и функционировали на основе института государственно-частного партнёрства. Примерами деятельности таких комитетов служат учётно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка и учётно-ссудный комитет по учёту торговых векселей при Владимирском отделении Госбанка.

Примечания

¹ Устав Государственного банка 1860 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 35. Ст. 167. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.09.2020). В дальнейшем ссылка на Устав дается в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 15. Оп. 2. Д. 3. Л. 16–17.

³ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 310. Оп. 1. Д. 154. Л. 2.

⁴ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 254. Л. 4.

⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 13.

⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 14.

⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 65 об.

⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 274. Л. 66.

⁹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 49. Л. 6.

¹⁰ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 155. Л. 13.

¹¹ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 254. Л. 5.

¹² ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 28–28 об.

Список литературы

История Банка России, 1860–2010: в 2 т. Т. 1: Государственный банк Российской империи. М.: Рос-

сийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 623 с.

Околотин В.С. История Государственного банка на Ивановской земле, 1886–2006: Годы. События. Люди. Иваново, 2006. 480 с.

References

Istoriia Banka Rossii, 1860–2010: v 2 t. T. 1: Gosudarstvennyi bank Rossiiskoi imperii [The History of Bank of Russia 1860-2010: in 2 vols. Vol. 1: The State Bank of the Russian Empire]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2010, 623 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Istoriia Gosudarstvennogo banka na Ivanovskoi zemle, 1886–2006: Gody. Sobytiia. Liudi* [History of the State Bank on Ivanovo land 1886-2006. Years. Events. People]. Ivanovo, 2006, 480 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.12.2020; одобрена после рецензирования 15.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 01.12.2020; approved after reviewing 15.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 26-31. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 26-31. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 930.1(091)
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-26-31>

ВОСПОМИНАНИЯ В.И. ГЛОРИАНТОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА СЕРЕДИНЫ XIX В.

Тюрин Андрей Сергеевич, Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, andreynnr@yandex.ru

Аннотация: Воспоминания В.И. Глориантова, увидевшие свет в начале XX в. и посвященные внутренней жизни Нижегородской палаты государственных имуществ – единственные опубликованные мемуары, написанные бывшим служащим Нижегородской палаты государственных имуществ. Мемуарная литература является источником дополнительного характера, углубляющим описание тех или иных фактов и событий. Вопрос о достоверности событий, содержащихся в указанных воспоминаниях, ранее не рассматривался. В ходе изучения мемуаров и сопоставления их с опубликованными документами и ранее неопубликованными архивными материалами был установлен ряд лиц, фамилии которых были скрыты В.И. Глориантовым, а также выявлены отдельные неточности в датировке событий. Сведения о пьянстве и должностных проступках служащих палаты, содержащиеся в мемуарах, находят подтверждение в сохранившихся архивных материалах. По итогам исследования сделан вывод о том, что воспоминания В.И. Глориантова имеют значительную ценность как исторический источник, освещающий повседневную жизнь Нижегородской палаты государственных имуществ с точки зрения одного из ее непосредственных участников.

Ключевые слова: Нижегородская палата государственных имуществ, служащие, лесничество, пьянство, воровство леса, растраты, следствие

Для цитирования: Тюрин А.С. Воспоминания В.И. Глориантова как исторический источник при изучении жизни провинциального чиновничества середины XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 26-31. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-26-31>

Research Article

MEMORIES OF VASILII GLORIANTOV AS A HISTORICAL SOURCE WHEN STUDYING THE LIFE OF PROVINCIAL OFFICIALITY OF THE MID-19TH CENTURY

Andrey S. Tyurin, Nizhny Novgorod institute of management the Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Nizhny Novgorod, Russia, andreynnr@yandex.ru

Abstract: The memoirs of Vasilii Gloriantov, which saw the light at the early 20th century and devoted to the internal life of Nizhny Novgorod Chamber of State Property, are the only published memoirs written by a former employee of Nizhny Novgorod Chamber of State Property. Memoir literature is a source of an additional character, deepening the description of certain facts and events. The issue of the reliability of the events contained in these recollections has not been previously considered. In the course of studying memoirs and comparing them with published documents and previously unpublished archival materials, a number of persons were identified whose names were hidden by Vasilii Gloriantov, and certain inaccuracies in the dating of events were revealed. Information on drunkenness and official misconduct by chamber employees, contained in memoirs, is confirmed in preserved archival materials. According to the results of the study, it was concluded that the memories of Vasilii Gloriantov have significant value as a historical source, illuminating the daily life of Nizhny Novgorod Chamber of State Property from the point of view of one of its direct participants.

Keywords: Nizhny Novgorod Chamber of State Property, employees, forest rangers, drunkenness, forest theft, embezzlement, investigation

For citation: Tyurin A.S. Memories of Vasilii Gloriantov as a historical source when studying the life of provincial officiality of the mid-19th century. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 26-31 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-26-31>

В продолжающемся процессе реформы системы государственного управления актуальной задачей является изучение опыта предыдущих периодов с целью выбора оптимальных путей модернизации, учета положительных аспектов при кадровой политике и своевременного предотвращения негативных тенденций. Исследование истории российской бюрократии как на высшем, так и на провинциальном уровне приобретает очевидную научную значимость.

Многие ученые отмечают, что в период правления императора Николая I и первые годы правления императора Александра II чиновный аппарат министерств и ведомств оказался чрезмерно раздут и поражен коррупцией, взяточничеством, кумовством и т.д. Важными историческими источниками, позволяющими оценить ситуацию изнутри самих ведомств, являются воспоминания участников событий.

Министерство государственных имуществ и его губернские структуры также были затронуты этими социальными болезнями. Сохранились воспоминания чиновников центрального органа, которым по роду своей деятельности приходилось взаимодействовать как с высшими должностными лицами министерства, так и выезжать на ревизии губернских органов управления. Например, А.А. Малышев в своих воспоминаниях [Малышев: 645] приводит примеры некомпетентности, халатности и взяточничества руководителей департаментов министерства при графе П.Д. Киселеве. Он дает такую характеристику Н.М. Гамалею, на протяжении 16 лет бывшему товарищем министра П.Д. Киселева: «...имея полную возможность и даже обязанность знать все творившееся в подведомственном ему министерстве, на самом деле знал очень мало, потому именно, что не хотел всего знать. От этого, во время управления его министерством, деятельность последнего отличалась своего рода халатностью, что кое-кому было весьма на руку, но зато другим было от того жутко» [Малышев: 645]. Там же он описывает самодурство и некомпетентность директора Лесного департамента графа Ламсдорфа, а также приводит сведения о торговле местами и наградами, которую вел чиновник Лесного департамента Россов при попустительстве своего начальника. Причем после увольнения Россова ничего не изменилось: «Место Россова занял Розонов, делец той же закваски, с той только разницею, что легко добываемые им от лесничих деньги он очень усердно пропибал» [Малышев: 664].

А.А. Половцов, неоднократно посещавший с ревизиями палаты государственных имуществ в разных губерниях, в своих записках [Половцов: 631] приводит сведения о конфликтах между губернаторами и управляющими палатами государственных имуществ в Архангельской, Казанской и Пермской губерниях, конфликтах между чинов-

никами палат, а также о взяточничестве, запустении дел и других проблемах управления.

По итогам ревизий, особенно в случаях выявления многочисленных нарушений, чиновники часто лишались мест и попадали под следствие, в связи с чем процветали доносы чиновников друг на друга, а в адрес министра направлялись жалобы чиновников на ревизора и результаты ревизии. Более того, А.А. Половцов указывает на отравление ревизора как существовавшую в среде губернских чиновников практику избежать последствий ревизии. Например, во время ревизии в Курляндии П.А. Валувев, бывший в то время губернатором в Митаве, стал отговаривать А.А. Половцова от посещения обеда: «...он вас отравит; вы не можете представить, как зло смотрят на вашу комиссию» [Половцов: 638]. С таким же предупреждением он столкнулся при ревизии палаты государственных имуществ в Казанской губернии. Как отметил сам А.А. Половцов: «Нельзя не вспомнить, что тогда это средство отделяться от опасной ревизии было в ходу: Козарский в Одессе, а впоследствии сенатор в Костроме были жертвами своего усердия» [Половцов: 638].

Нижегородская палата государственных имуществ более четверти века оказывала заметное влияние на жизнь населения Нижегородской губернии. Несмотря на утрату значительной части документов в результате пожара 1859 г., сохранившиеся до настоящего времени в архивах документы позволяют с большой достоверностью восстановить историю функционирования государственного органа. В то же время «внутренняя жизнь» органа власти в лице непосредственных ее участников нередко остается без описания.

В отличие от большинства аналогичных губернских органов Нижегородской палате государственных имуществ повезло – сохранились и были опубликованы воспоминания одного из участников событий, которые со временем стали важным источником для исследователей деятельности ведомства государственных имуществ.

Речь идет о воспоминаниях В.И. Глориантова, увидевших свет в начале XX в. в журнале «Русский архив»: «Воспоминания давно прошедшего времени» [Глориантов 1906: 209] и «Потомственные дворяне канцелярского происхождения» [Глориантов 1905: 662].

Указанные воспоминания были написаны автором в конце жизни; в них отсутствуют ссылки на какие-либо служебные или архивные документы. С большой долей вероятности можно предположить, что в воспоминаниях отражены самые яркие моменты из жизни автора.

Ссылки на воспоминания Глориантова встречаются в работах по истории губернского чиновничества середины XIX в. [Писарькова], однако исследований достоверности источника не обнаружено.

Целью работы является изучение воспоминаний Глориантова о жизни служащих Нижегород-

ской палаты государственных имуществ в середине XIX в. и определение достоверности данного исторического источника. Работа подготовлена на основе архивных материалов Российского государственного исторического архива и Центрального архива Нижегородской области. Иных научных работ, посвященных исследованию исторических источников о жизни служащих Нижегородской палаты государственных имуществ, не выявлено.

Василий Иванович Глориантов родился в начале 1830-х гг. в Лукояновском уезде Нижегородской губернии. В 1840-х гг. обучался в Арзамасском Духовном училище, а после – в Нижегородской Духовной Семинарии. По окончании учебы поступил на службу в Нижегородскую палату государственных имуществ в качестве писца, где и прослужил вплоть до преобразования палаты в управление государственных имуществ, и уже в чине коллежского секретаря был назначен на должность столоначальника пятого стола (хозяйственный стол).

Согласно воспоминаниям автора, он вступил в службу писцом в 1849 г. [Глориантов 1905: 662], его служба проходила в хозяйственном отделении Нижегородской палаты государственных имуществ. В Списке чинам управления государственных имуществ Нижегородской губернии³ от 04.01.1867 указано, что столоначальник пятого стола коллежский секретарь Глориантов окончил Нижегородскую Духовную семинарию, состоит в службе с 1851 г., в чине с 16.03.1861 г., женат, имеет медаль «В память войны 1853–1856 гг.», иных наград не получал.

В воспоминаниях Глориантова фамилии многих действующих лиц обозначены только заглавной буквой. Одной из очевидных причин такого шифра являются сведения о пьянстве, взяточничестве и иных пороках служащих Палаты, которые автор поместил в своих воспоминаниях. Иногда инкогнито лиц автор нарушает. Например, пишет «бухгалтер продовольственного стола Степан Семенович Р.», а буквально через несколько абзацев: «...заметив ошибку, говорит бухгалтеру Раевскому «Тут нуль пропущен!» – «Хе-хе-хе», засмеялся Степан Семенович со свойственной ему простотою» [Глориантов 1905: 663]).

Следует отметить, что в воспоминаниях автора некоторые факты могут быть отражены не совсем точно, поскольку Глориантов не мог быть непосредственным участником отдельных событий, он пересказывает то, что слышал от других служащих палаты, возможно также пересказывавших услышанное.

Например, в «Воспоминаниях давно прошедшего времени» он описывает проверку Макарьевских лесничеств, которую проводил лесной ревизор Р., в том числе кутеж ревизора с лесничими в г. Василе (ныне – Васильсурск), и его завершающую речь по окончании ревизии (автор указывает, что он передает смысл речи, но описывает так, как

будто это прямая речь Р., которую автор слышал сам) [Глориантов 1906: 216].

Имеющиеся архивные материалы позволяют предположить, что описанный «лесной ревизор Р.» – это Петр Алексеевич Раевский. Указанные предположения основаны на следующих документах.

В 1851 г. министерство государственных имуществ направило генерал-майора Яншадаржева с ревизией лесного управления восьми губерний центральной России (в том числе Нижегородской губернии). Отчёт о ревизии сохранился¹ в Российском государственном историческом архиве.

В разделе «Делопроизводство» ревизором отмечено, что «менее прочих удовлетворителен порядок в делах лесных отделений палат Нижегородской и Новгородской»: «В первой делопроизводство запущено при прежнем губернским лесничем, до вступления в управление палатой статского советника Флессьера, которому я передал всё замеченное и что, по мнению моему, делопроизводителя лесного отделения должно понуждать к большему усердию, а в случае неуспеха уволить от службы»¹.

Нижегородского губернского лесничего, запущившего делопроизводство, звали Петр Алексеевич Раевский. Из формулярных списков о службе чиновников Нижегородской палаты государственных имуществ за 1841 г.² следует, что П.А. Раевский происходил из лиц духовного звания, состоял на службе с 1813 г. На момент составления формулярного списка имел возраст 38 лет, был холост, не имел недвижимости и крепостных крестьян, имел чин титулярного советника, награду «Знак отличия беспорочной службы XX лет» и служил в должности лесничего Нижегородской палаты государственных имуществ.

Из материалов ревизии мы видим, что в 1851 г. П.А. Раевский служит в должности губернского лесничего в Новгородской губернии, причем местное начальство им довольно. Как отметил ревизор: «Ныне статский советник Васильев уверил меня, что он вполне доволен губернным лесничим Раевским, который после сделанных с него за некоторые запущения дел по Нижегородской губернии, где он прежде служил, взысканий, усугубил усердие и ревность, старается привести дела в должный порядок, в чём он по долговременной его службе и подробному знанию лесной части, вполне успеть может»¹.

Статский советник Л.Я. Флесьер был назначен управляющим Нижегородской палатой государственных имуществ 12.12.1850 г. [Историческое обозрение: XXXIII]. Предыдущий управляющий палатой В.Е. Круковский выбыл с должности 30.04.1849 г. и перешел на аналогичную должность в Вятской губернии. Фактически полтора года Нижегородская палата государственных имуществ оставалась без номинального руководителя. В этот же период произошли перевод П.А. Раевского на службу в Новгородскую губернию «за некоторые запущения дел» и поступление на службу

В.И. Глориантова. Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что история проверки Макарьевских лесничеств описана Глориантовым со слов либо кого-то из участников ревизии, либо кого-то из канцелярских служащих лесного отделения, поделившегося услышанной историей (что более вероятно, поскольку вряд ли лесничие Макарьевских лесничеств лично рассказывали эту историю простому письмоводителю хозяйственного отделения).

Другое лицо, которого автор характеризовал так: «...человек весьма строгий, вспыльчивый и вдобавок большой взяточник; по службе был весьма энергичный и деятельный; все служащие в канцелярии его сильно боялись» – это советник хозяйственного отделения Сергей Иванович К. [Глориантов 1905: 664]. Глориантов отмечает его активную деятельность: «Сергей Иванович так был деятелен по службе и столько переделывал в продолжении присутственных часов дела, что другому достало бы чуть ли не на целую неделю. Все входящие бумаги он прочитывал и по тем, которые не требовали справок, тотчас же писал резолюции, а также ни одна бумага, не будучи им прочитана, не подписывалась;...», но в то же время отмечает, что К. «...помещик-владелец 130 душ» и взяточник.

Очевидно, что речь идет о С.И. Калакуцком, с февраля 1840 г. служившим в Нижегородской палате государственных имуществ.

Из формулярных списков о службе чиновников Нижегородской палаты государственных имуществ за 1841 г.² следует, что на момент составления формуляра С.И. Калакуцкому было 50 лет, происхождение – из дворян, женат вторым браком, детей не имел. Его родовое имение в Смоленской губернии состояло из 58 душ, а также 5 душ «благоприобретенных». Службу начал с 1806 г. в Духовщинском уездном суде губернским регистратором, потом служил в Приказе общественного призрения. В 1812 г. ушел в отставку, в марте 1813 г. определен в Провиантский штат комиссионером, в августе 1816 г. перемещен в интендантство 1 армии, а с октября 1817 г. назначен главным смотрителем провиантских магазинов Смоленской губернии, в должности которого прослужил до 1829 г. Впоследствии принимал участие в борьбе с холерой (1830–1832) и шесть лет по выбору дворянства служил исправником в Белевском уезде.

В воспоминаниях Глориантов указывает, что «Советник К., гроза чиновников, перемещен в управляющие Архангельской палатой государственных имуществ, а вместо него поступил весьма добрый и симпатичный старик Николай Андреевич Малахов, а также на бывшую долгое время вакантною должность управляющего поступил Василий Александрович Трубников, добрейший и простой человек, но только по служебным делам с большими запинками» [Глориантов 1905: 666].

Однако из существующих материалов следует, во-первых, что Глориантов ошибся в месте назначения С.И. Калакуцкого, а во-вторых, эти события разнесены по времени почти на два года. Так, С.И. Калакуцкий был назначен управляющим Минской палатой государственных имуществ с 20.12.1850 г. [Историческое обозрение: XXXII] (через неделю после назначения Л.Я. Флесьера управляющим Нижегородской палатой государственных имуществ), а В.А. Трубников назначен управляющим Нижегородской палатой государственных имуществ 19.11.1852 г. [Историческое обозрение: XXXIV], через полгода после выбытия с должности управляющего статского советника Л.Я. Флесьера.

Среди документов, сохранившихся в государственном архиве Нижегородской области, встречаются подтверждения отдельным моментам из воспоминаний. Так, подтверждением назначения следствия министром М.Н. Муравьевым в отношении окружных начальников [Глориантов 1905: 670] могут служить записи в Описи делам второго контрольного стола контрольного отделения Нижегородской палаты государственных имуществ за 1859 г.⁴: «О производстве выплаты Васильскому окружному начальнику Козлову на время производства следствия половинного содержания» и «О производстве половинного содержания бывшему Лукояновскому окружному начальнику на время нахождения под судом».

Сведения о пьянстве и кутежах служащих Палаты нашли весьма незначительное отражение в сохранившихся архивных документах. Однако следует признать, что каждый случай был по-своему запоминающимся.

Например, летом 1861 г. в ходе какого-то застолья, в котором принимали участие служащие Нижегородской палаты государственных имуществ, был застрелен юнкер Саленко. В журнале занятий стряпчего за 1861 г.⁵ отмечено, что были задержаны служащие Палаты – коллежский регистратор П.И. Афонский, писец И.М. Савельев и некоторые другие. Из документа следует, что по итогам следствия указанные чиновники были освобождены, как не участвовавшие в убийстве юнкера Саленко, а «поручик М.И. Одинцов, сделавший выстрел, был переведен с гауптвахты в острог».

В июне 1867 г. «попал в историю» оставшийся за штатом при упразднении Палаты титулярный советник И.М. Прозоровский. Согласно письму управления государственных имуществ, направленному в Нижегородское городское полицейское управление, «...Иван Прозоровский настоящего числа явился в сие управление для получения заштатного жалования в нетрезвом виде, учинил неприличные выражения и сделал неправильную расписку в получении жалования».

Вследствие чего губернское управление государственных имуществ препровождает при сем по-

мянутого чиновника Прозоровского на распоряжение полицейского управления для протрезвления его»⁶. При этом сообщалось, что для получения жалования бывшему чиновнику теперь следует обращаться в полицейское управление, куда и будут перечисляться деньги (очевидно, в виде своеобразного наказания).

Интересна характеристика, данная в 1859 г. Васильским окружным начальником штабс-капитаном Михалевым окружному врачу коллежскому асессору А.М. Поимскому⁷. Так, на вопрос «Усерден ли в службе и полезен в занимаемой должности?» окружной начальник писал: «Службой не занимается и пользы никакой ровно не приносит», а на вопрос «Каких правил служебных и какой нравственности?» был дан следующий ответ: «О правилах служебных ничего хорошего сказать не могу по бесполезности его в служебном отношении; о нравственности одно, что не прочь придерживается крепким напиткам». Окружной начальник прямо писал, что его подчиненный «судя по слухам, фактам и практики знает медицину плохо». Соответственно, был сделан вывод, что коллежский асессор не заслуживает повышения. Нельзя исключать, что характеристика стала следствием какого-то личного конфликта, поскольку мнение окружного начальника было проигнорировано руководством Палаты, и в 1862 г. А.М. Поимский отмечен в списках уже как надворный советник⁷.

Относительно воровства леса и лесных материалов в сохранившихся документах лесного отделения содержатся записи о многочисленных незаконных порубках леса, о снятии «лык с дерев», о незаконном сплаве лесных материалов, о наказании крестьян за самовольные порубки и т.д. Следует отметить, что наказаниям подвергались как сами крестьяне, так и полесовщики, выбранные из государственных крестьян на лесные работы. Изредка встречаются записи о наложении взысканий на лесных стражников. В то же время, практически отсутствуют обвинения в адрес лесничих. Одно из таких дел – по обвинению лесничего Ульянова «в допуске самовольных порубок леса, сплаве плотов без клейм, отсутствие освидетельствования срубленного леса и т.д.», выдвинутому бывшим объездчиком Макарьевского лесничества Андреем Барановым. Дело рассматривалось Общим присутствием Нижегородской палаты государственных имуществ и было завершено с формулировкой: «Поскольку донос не подписан, а следствие не подтвердило обвинения, донос Баранова оставить без рассмотрения и дело сдать в архив»⁸.

Упоминаемые Глориантовым иные нарушения закона: растрата казенных и общественных средств, вымогательство, отбор имущества, неисполнение решений суда и т.д. также встречаются и в архивных документах. Многие из таких дел уже утрачены, а сведения о них сохранились лишь в описях дел, а в тех делах, которые дошли до наше-

го времени, наказания ответственных лиц нередко носят формальный характер. Например, сборщик податей Жемлиханов растратил почти 300 рублей, собранных с крестьян д. Моклоковой. Дело о растрате было открыто в 1863 г. и через шесть лет завершилось приговором «об объявлении строгого выговора бывшему сборщику податей за небрежное хранение общественных сумм»⁹.

На основании вышеизложенного следует признать, что, несмотря на отдельные неточности, которые возможно уточнить с помощью архивных документов, воспоминания Глориантова имеют значительную ценность как исторический источник, освещающий повседневную жизнь Нижегородской палаты государственных имуществ с точки зрения одного из ее участников.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 28. Д. 403.
2. РГИА. Ф. 383. Оп. 4. Д. 4129.
3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 55. Оп. 209. 1866. Д. 12.
4. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209. Д. 162.
5. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209, 1861. Д. 7.
6. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209, 1866. Д. 12.
7. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209. Д. 22.
8. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209, 1861. Д. 6.
9. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209, 1864. Д. 8.

Список литературы

- Глориантов В.И.* Воспоминания давно прошедшего времени // Русский архив. 1906. кн. 1. № 2. С. 209–220; № 3. С. 427–431; кн. 2, № 7, С. 391–398; кн. 3, № 11. С. 471–480; 1907. кн. 1. № 2. С. 277–289.
- Глориантов В.И.* Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. 1905. Кн. 1. № 4. С. 662–674.
- Мальшев А.А.* Из воспоминаний о прошлом. 1830–1836 гг. // Исторический вестник, 1885. Т. 20. № 6. С. 645–664.
- Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII–первой половине XIX века // Человек. 1995. № 4. С. 147–158.
- Половцов А.А.* Записки А. А. Половцова // Русская старина. 1913. Т. 156. № 10. С. 149–154; № 11, С. 301–317; № 12, С. 631–643.
- Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ 1837–1887. Санкт-Петербург, Тип. Киршбаум, 1888, Ч. 1.

References

- Gloriantov V.I. *Vospominaniia davno proshedshego vremeni* [Memories of a bygone time]. *Russkii arkhiv* [Russian archive]. 1906, book 1, № 2, pp. 209–220; № 3, pp. 427–431; book 2, № 7, pp. 391–398; book 3, № 11, pp. 471–480; 1907. book 1, № 2, pp. 277–289. (In Russ.)

Gloriantov V.I. *Potomstvennye dvoriane kantseliarskogo proiskhozhdeniia* [Hereditary noblemen of clerical origin]. *Russkii arkhiv* [Russian archive]. 1905, book 1, № 4, pp. 662–674. (In Russ.)

Malyshev A.A. *Iz vospominanii o proshlom. 1830–1836 gg.* [From memories of the past. 1830–1836]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin]. 1885, vol. 20, № 6, pp. 645–664. (In Russ.)

Pisar'kova L.F. *Rossiiskii chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Russian official in service at the end of the 18th - first half of the 19th century]. *Chelovek* [Man]. 1995, № 4, pp. 147–158. (In Russ.)

Polovtsov A.A. *Zapiski A. A. Polovtsova* [Polovtsov's notes]. *Pusskaia starina* [Russian

antiquity]. 1913, vol. 156, № 10, pp. 149–154; № 11, pp. 301–317; № 12, pp. 631–643. (In Russ.)

Istoricheskoe obozrenie piatidesiatiletnei deiatel'nosti ministerstva gosudarstvennykh imushchestv 1837–1887 [Historical Review of the Fifty Years of the Ministry of State Property 1837–1887]. Sankt-Peterburg, Tip. Kirshbaum Publ., 1888, Part 1. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.11.2020; одобрена после рецензирования 15.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 26.11.2020; approved after reviewing 15.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: ПОЛИТИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Розина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного университета, Москва, Россия, olgarozina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0437-7724>

Волкова Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, volkova.tatiana2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6394-6480>

Аннотация. Проблема мифологизации истории России в контексте тезиса «тюрьма народов» остается актуальной в условиях современной информационной войны цивилизационных противников. Попытка насадить в общественном сознании миф об исключительно дискриминационном характере имперской национальной политики, в частности по еврейскому вопросу, препятствует объективному рассмотрению проходивших процессов. В статье анализируются основные тенденции государственной политики в отношении еврейских подданных Российской империи в период правления четырех императоров – Александра I, Николая I, Александра II и Николая II. В работе использованы разнохарактерные источники, материалы и исследования. В статье дается общий обзор историографии по проблеме, а также рассматривается создание черты постоянной еврейской оседлости, меры в области ограничения гражданских прав еврейского населения и получения образования. Авторы приходят к выводу, что политика Российской империи в еврейском вопросе не носила антисемитского характера, хотя являлась неоднозначной и порой противоречивой. При этом ограничительные меры не распространялись на религиозную и обрядово-культурную сторону жизни евреев. Историко-фактологическая основа публикации помогает понять выстраивание цивилизованных отношений в среде российского общества, которое представляет собой разные культуры и религии.

Ключевые слова: мифологизация истории, историческое сознание, еврейский вопрос, черта постоянной еврейской оседлости, кантонисты, гражданские права, иудейское исповедание

Для цитирования: Розина О.В., Волкова Т.И. Правовое положение еврейского населения в России: политико-аналитический обзор (конец XVIII – начало XX вв.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 32-38. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-32-38>

Research Article

THE LEGAL STATUS OF THE JEWISH POPULATION IN RUSSIA: A POLITICAL AND ANALYTICAL REVIEW (THE LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Olga V. Rozina, Candidate of Historical Sciences, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, olgarozina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0437-7724>

Tatyana I. Volkova, Candidate of Historical Sciences, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, volkova.tatiana2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6394-6480>

Abstract. The problem of mythologising the history of Russia in the context of the thesis “prison of the peoples” remains topical in the context of the modern information warfare of civilisational opponents. An attempt to implant in the public consciousness a myth about the exclusively discriminatory nature of the imperial nationality policy, in particular, on the Jewish question, prevents from objective examination of the ongoing processes. The article analyses the main tendencies of the state policy towards Jewish subjects of the Russian Empire during the reign of four emperors – Alexander I, Nicholas I, Alexander II and Nicholas II. The work used various sources, materials and research. The article provides a general overview of historiography on the problem, and also examines the creation of the Pale of Settlement, measures in the field of restricting the civil rights of the Jewish population and education. The authors come to the conclusion that the policy of the Russian Empire in the Jewish question was not anti-Semitic, although it was ambiguous and, at times, contradictory. At the same time, restrictive measures did not apply to the religious and ritual-cult side of the life of the Jews. The historical and factual basis of the publication helps to understand the building of civilised relations in the environment of Russian society, which is represented by different cultures and religions.

Keywords: mythologisation of history, historical consciousness, Jewish question, Pale of Settlement, cantonists, civil rights, Jewish confession

For citation: Rozina O., Volkova T. The legal status of the Jewish population in Russia: a political and analytical review (the late 18th – early 20th centuries). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 32-38 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-32-38>

Проблема мифологизации отечественной истории – одна из ключевых в современной историософии, так как мировые трансформации, связанные с глобализацией, направленной на унификацию и культурную интеграцию, приводят не только к потере национальной идентичности, но и национального суверенитета. Вместе с тем Россия имеет уникальный опыт взаимоотношений различных этносов и этнических культур, выявление и изучение которого является актуальной проблемой, так как фактически исторические мифы стали одним из видов оружия цивилизационного противника в условиях информационной войны, которая направлена на разрушение ментального кода и манипуляцию историческим сознанием. Как замечает политолог В.А. Розина, изучая особенности этих войн, «задачи такой борьбы не в физическом, а в идеологическом уничтожении противников – изменении мировоззрения, дискредитации идеологии и т. д.» [Розина: 80]. Особенность заключается в том, что «информоружие может воздействовать на одних и тех же людей многократно, при этом его действие неявно, не агрессивно, не несёт физических разрушений, иногда незаметно – и это мешает жертвам таких атак защищаться» [Розина: 81]. Поэтому восстановление исторической правды, в том числе по истории различных народов в составе Российской империи, с опорой на разнохарактерные исторические источники в современных условиях является актуальной задачей.

Мифологизация истории «малых народов» России, в том числе еврейского этноса, является основой различных этнополитических мифов и обыденных искаженных суждений. В частности, мифологизация еврейского вопроса тесно связана с проблемой участия евреев в революционном процессе в стране и историей сионизма в целом, который рассматривался как «классово чуждый» пролетарской культуре. В данном исследовании авторы обращают внимание лишь на один аспект – правовое положение еврейского населения в императорской России как одно из направлений национальной политики в стране в конце XVIII – начале XX вв.

В этот период как в официальных документах, так и в публицистике появился новый термин, обозначающий гражданско-правовой и национально-политический статус иудейского меньшинства в европейском обществе – «еврейский вопрос». Впервые он возник в ходе дебатов по Еврейскому биллю в 1753 г., давшему евреям гражданские права в Англии. В конце XVIII в. после трех разделов Польши в состав Российской державы вошли белорусские и украинские земли с еврейским населением. Общая численность этого населения составила 600 000 человек [Петровский-Штерн 225].

В отечественной исторической науке различные аспекты еврейского вопроса изучались фрагментарно и тенденциозно. В статье О.С. Ульяновой вы-

деляется три историографических этапа – дореволюционный, советский и современный [Ульянова]. В 1995 г. вышел сводный справочник материалов, опубликованных в нашей стране по еврейскому вопросу с 1890 до 1947 гг. [Литература о евреях]

Обратим внимание на мнение Д.А. Эльяшевича о том, что в иудаике следует различать «внешний» и «внутренний» аспекты проблемы. К «внешнему» автор относит изучение истории еврейского этноса в контексте истории России, а к «внутреннему» – еврейскую историю в России [Эльяшевич: 27–28]. Такой подход является скорее конфессиональным, нежели светским, вместе с тем он присутствует во всей историографии по еврейскому вопросу, что обусловлено, прежде всего, спецификой иудейской религиозной традиции.

В целом в многочисленных отечественных исследованиях подробно освещаются различные стороны истории евреев в России, их быт и даже антропологические особенности. Однако по проблеме правового положения иудеев можно отметить лишь дореволюционную работу Г.А. Белковского, бывшего в то время присяжным поверенным при Санкт-Петербургской судебной палате [Белковский] и исследование А.А. Гольденвейзера [Гольденвейзер]. Статья М.В. Пулькина посвящена не столько рассмотрению правового статуса евреев в России, сколько общему обзору историографии [Пулькин]. В 2017 г. была защищена кандидатская диссертация В.В. Егорова, в которой дан общий обзор проблемы, объектом исследования стали «отразившиеся в источниках суждения представителей власти и общества о положении еврейского населения, проживавшего в российском государстве, его проблемах и путях их разрешения» [Егоров: 3].

В результате первого раздела Польши (1772 г.) Екатерина II встретила с трудностями, которые напрямую были связаны с правовыми и административными структурами новых жителей империи. Евреи вступили в русское подданство на равных правах с прочим пришлым населением. Им было дано, правда кратко временно, право избирать и быть избранными в органы городского самоуправления наравне с остальным населением. Но вскоре это право было ограничено: вне зависимости от численности еврейского населения в городе они не должны были превышать 1/3 состава выборных органов [Кандель: 11].

В период подготовки ко второму разделу Польши (1793 г.) в российских правящих кругах возобладало мнение, что новое население может вызвать массовое недовольство коренных подданных империи и усугубить общую социальную напряженность в стране. В результате в Российском законодательстве появилось понятие «черты постоянной еврейской оседлости», создание которой началось после указа Екатерины II от 23 декабря (3 января) 1792 г. Эта граница расселения еврейского насе-

ления отодвигалась на восток по мере вхождения в состав России земель после третьего раздела Польши (1795 г.). В итоге в черту оседлости было отведено 15 западных и юго-западных территорий страны. Она просуществовала до марта 1917 г. Черта оседлости запретила еврейскому этносу место жительства во внутренних губерниях и свободное перемещение в западные территории страны [Российское 8: 439]. Еврейские жители в черте оседлости должны были платить двойную подать.

Эта мера была обусловлена, прежде всего, защитой экономических интересов русского купечества и предпринимателей, но евреями, пользовавшимися значительными привилегиями в Польше и лишившимися их с присоединением к России ряда польских земель, новое правовое положение было воспринято негативно. Оно расценивалось ими не только как проявление юдофобии, но и приводило к еще большей обособленности этой группы населения от иных подданных империи. Вместе с тем именно в границах черты оседлости сформировалась уникальная культура еврейского народа, а также колоритный быт еврейских местечек и центры иудейской духовности. Здесь проходила жизнь и деятельность многих духовных лидеров еврейского народа. Феномен местечка способствовал развитию еврейской религиозной общины с ее стремлением к закрытости от внешнего нееврейского влияния, сплоченности и взаимопомощи ее членов.

Основной массе еврейского населения Екатерина II определила и род занятий – сфера торговли и ремесла. С 1876 г. евреям в черте оседлости было запрещено постоянное перемещение с одного места на другое и приобретение любой недвижимой собственности, кроме незаселенных владений. Введенные законодательные нормы не замедлили сказаться. Теснота в еврейских кварталах местечек становилась ужасной, а когда возникали новые населенные пункты (например, при строительстве казенных железных дорог), то и здесь для евреев не было места работы.

Политика Александра I в решении еврейского вопроса отличалась некоторым либеральным трендом. Так, в декабре 1804 г. вышло положение «Об устройстве евреев», в котором предусматривались меры по улучшению быта и отдельные изменения в системе обучения детей. Им давали право поступать во все российские учебные заведения, в надежде постепенного обращения в христианскую веру за счет самой системы обучения в течение нескольких лет [Миндлин: 50]. Вместе с тем черта оседлости сохранялась. Временно покидать эту территорию могли только «лица полезных профессий», к которым Положение относил фабрикантов, ремесленников, художников, механиков, но исключительно по особому паспорту губернатора, получить который было крайне затруднительно. При выборе на должности в городском самоуправлении от евреев требовалось знание русского,

польского или немецкого языков, в отличие от русских или поляков, которые могли быть неграмотными [Кандель 2002: 23]

Николай I фактически продолжил политику своего отца, направленную на обращение иудеев в христианство, но способ для этого был избран весьма специфический. В августе 1827 г. был подписан «Устав рекрутской повинности о воинской службе евреев» с отменой денежного налога как средства «замещения» рекрутской повинности. При этом у русских подданных брали в рекруты по 7 человек с 1000 жителей и один раз в два года, у евреев – по 10 человек ежегодно во время каждого набора [Гессен: 71]. Теперь малолетние евреи (с 7–12 лет) записывались в так называемые «кантоны» – батальоны, в которых они должны были отбывать военную службу, а с 18 лет попадали под призыв по рекрутскому набору. Подростки становились кантонистами для подготовки к военному делу. Их отправляли на самые дальние окраины страны с тем, чтобы привить образ жизни православной русской среды и отказаться от привычного религиозно-иудейского уклада [Петровский-Штерн: 43].

Кроме нового Устава рекрутской повинности при Николае I в 1844 г. был введен налог на ношение традиционной еврейской одежды, а в 1851 г. ее ношение было запрещено.

Перелом в государственной политике по отношению к еврейской этнической общности частично произошел в правление Александра II, в эпоху Великих реформ. В 1856 г. император повелел пересмотреть все существующие постановления о еврейском населении. Именным указом в августе 1856 г. самодержцем был отменен прием малолетних детей в кантонисты и приказано «рекрутов из евреев взимать наравне с другими состояниями... Тех же лет и качеств, кои определены для рекрутов других состояний... прием в рекрутство малолетних евреев отменить» [Еврейская 3: 160–171]. С введением всеобщей воинской повинности в 1874 г. евреи служили в российской армии на общих основаниях. Однако для них остались определенные ограничения: их не производили в офицеры, не брали на службу в гвардию, во флот, на пограничную службу и в команды интендантского ведомства [Гессен: 74].

Именно в правление Александра II евреям в черте оседлости было разрешено не только переселяться с одного места на другое на общих правилах, но и приобретать недвижимую собственность всякого рода, кроме «населенных имений». Первоначально это право получили купцы первой гильдии (1859 г.), затем лица с научными степенями (1861 г.), в 1879 г. – все евреи с высшим образованием.

Постепенно евреи стали играть заметную роль в экономике России. Началось развитие «сахарной империи» Л.И. Бродского [Клименко], железнодорожное строительство С.С. Полякова [Киселев],

создание банкирского дома Гинцбургов [Лизунов] и др.

Полоса притеснений еврейской диаспоры наступила после убийства Александра II. Основными проводниками нового курса стали ближайший советник императора обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев и министр внутренних дел Н.П. Игнатьев. На смену идеологии «слияния» вновь пришла идея «ограждения» коренного населения державы от евреев. Единственной альтернативой была объявлена ассимиляция через принятие крещения [Кандель 2002: 400].

В результате под руководством товарища министра внутренних дел Д.В. Готовцева, возглавлявшего Центральный комитет для рассмотрения еврейского вопроса, было опубликовано Высочайшее повеление о запрещении евреям владеть недвижимостью за пределами местечек (май 1882 г.) и переходить из одного в другое. Даже отъезд на короткий срок приводил к высылке семьи за нарушение запрета вновь селиться вне городов. В решениях комитета говорилось, что нужно вернуться к политике, согласно которой евреи считаются инородцами.

Параллельно с ограничением права жительства вводились запреты на профессиональную деятельность и процентные сокращения в учебных заведениях. В конце 1882 г. военный министр П.С. Ванновский отдал приказ об ограничении в военном ведомстве численности евреев-врачей и фельдшеров (5 % от общего числа медиков). В 1883 г. одесский генерал-губернатор И.В. Гурко в докладе императору предложил уменьшить долю еврейских учеников в гимназиях до 15 % от их общей численности. В ответ Александр III написал о согласии с этим предложением. Через три года кабинет министров поручил министру народного просвещения графу И.Д. Делянову принять меры к ограничению приема евреев в высшие и средние учебные заведения. В 1887 г. для евреев ввели процентную норму при приеме в средние и высшие учебные заведения: в губерниях черты оседлости в размере 10 % от числа всех обучающихся, 3 % для столичных структур и 5 % для всех прочих образовательных учреждений, расположенных вне черты еврейской оседлости. При этом указанные циркуляры о введении процентной нормы, как и другие ограничительные меры, всегда содержали одну и ту же формулировку: «Впредь до пересмотра всех законов о евреях» [Особые журналы 3: 610].

В свою очередь земская реформа 1864 г. лишила евреев права участия в выборах в органы местного самоуправления. Откровенное притеснение произошло в процессе баллотировки в выборные гласные в губерниях в черте оседлости. Так, по закону 1892 г. им разрешили баллотироваться, однако указывалось на нежелание их присутствия в городском самоуправлении, поэтому дарованные ранее права евреям по участию в избирательной

кампании по городской реформе фактически были просто отменены [Книга: 117].

Последний российский самодержец Николай II в целом придерживался политики ассимиляции в отношении еврейского населения. Вместе с тем премьер-министр С.Ю. Витте полагал, что решающее значение в «конфессиональном вопросе» должна иметь политика, основанная на принципе веротерпимости, что позволит внести «успокоение» в межнациональные отношения, в том числе в отношении имеющегося в России законодательства по «еврейскому вопросу». Оно, по его мнению, уже не соответствовало современным условиям жизни [Витте: 401].

Бурные революционные события в стране в 1905 г., глубокий социальный кризис и кризис верховной власти вынудили издать Манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка». Как известно, в нем предусматривалось «даровать населению незабываемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [Российское 9: 41].

В этой связи решение еврейского вопроса вновь стало актуальным, особенно с внесением в I Государственную думу 15 мая 1906 г. кадетами (Партия народной свободы) законопроекта «Основные положения законов о гражданском равенстве» [Законодательные проекты]. Один из его авторов – известный правовед Ф.Ф. Кокошкин. Именно он, как указывает О.С. Неверова, «поставил вопрос о неравенстве наций и религий в Российской империи» [Неверова: 81]. В речи на заседании I Государственной думы Кокошкин привел многочисленные примеры ограничения в правах еврейского населения, поэтому остальные подданные, по его мнению, «приучаются смотреть на евреев как на нелюдей, на лиц, относительно которых позволено все» [Кокошкин: 230]. Именно несправедливость законов порождает, как считал правовед, негативное отношение к евреям со стороны общества, что способствует разжиганию гражданского противостояния, а не установлению гражданского равенства. Законопроект «Основные положения законов о гражданском равенстве» был передан в комиссию Думы из 33-х человек, но свою работу она не закончила, так как сама I Государственная дума вскоре была распущена.

Став председателем Совета министров, П.А. Столыпин вновь попытался решить еврейский вопрос. В конце ноября 1906 г. Совет министров разработал законопроект «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». В нем предусматривалась отмена некоторых ограничительных мер для евреев, проживающих как в черте оседлости, так и вне ее. Журнал заседания Совета министров с законопроектом был подан на подпись императору с целью принятия нового закона «в чрезвычайном порядке» по ст. 87 Свода

основных законов Российской империи «во время прекращения занятий Государственной думы». Это вызвало активное противодействие со стороны монархического Союза русского народа. Все 205 его отделений выступили крайне негативно против проекта, и «по прошествии 24 часов у ног Его Императорского Величества было 205 телеграмм», в которых выражалось несогласие с улучшением правового статуса евреев [Труды: 52].

По воспоминаниям члена Государственной думы В.А. Маклакова, именно эти телеграммы сыграли решающую роль в том, что законопроект не был принят по 87 ст., а передан в Государственную думу для рассмотрения его в обычном порядке [Маклаков: 40]. Хотя император Николай II, возвращая неутвержденный Журнал Столыпину, писал, что «несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, – внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям» [цит. по: Федоров].

27 мая 1907 г. Столыпин предложил циркуляр «О невыселении евреев, незаконно водворившихся в закрытых для них местностях», так как их насильственное возвращение за черту оседлости привело бы к серьезным негативным экономическим последствиям. Однако циркуляр не был рассмотрен в Думе.

После роспуска II Государственной думы положение в стране резко изменилось, возросла поляризация общественных сил, нарастало протестное движение, в котором евреи также принимали участие. Начало Первой мировой войны фактически завершило правительственное законотворчество по еврейскому вопросу, так как боевые действия на западе страны привели к фактической ликвидации черты оседлости и эмиграции евреев во внутренние губернии и за пределы империи. Де-юре черта оседлости была упразднена Временным правительством 20 марта (2 апреля) 1917 г. постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», отменявшим любые ограничения в правах по национальному или религиозному признакам.

Таким образом, анализ документов и материалов показывает, что политика Российской империи в еврейском вопросе в конце XVIII – начале XX в. не носила антисемитского характера, хотя являлась неоднозначной и порой противоречивой. Правовые ограничения, касающиеся евреев, первоначально имели дискриминационный характер по отношению к местам их проживания, что было обусловлено не столько юдофобией, сколько экономическими обстоятельствами, вызванными возросшей конкуренцией пришедших с присоединенных польских земель новых жителей с коренными подданными империи. Однако со временем ограничительные меры стали касаться гражданских прав и вопросов

образования, хотя они не распространялись на религиозную и обрядово-культурную сторону жизни евреев.

Список литературы

Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб.: «Центр» типо-лит. М.Я. Минкова, 1905. 160 с.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 718 с.

Гессен Ю.И. О жизни евреев в России. Записка в Государственную думу. СПб.: Тип. тов. «Общая польза», 1906. 137 с.

Гольденвейзер А.А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х до революции 1917 г. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. С. 115–157.

Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. / под ред. Л. Каценельсона, Д.Г. Гинцбурга, А. Гаркави. СПб.: Общество для науч. евр. изд. Брокгауз-Ефрон, 1913. Т. 3. 489 с.

Егоров В.В. Государственная политика правительства Российской империи в отношении еврейского населения (март 1855 – январь 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017. 244 с.

Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н.И. Астрова и др. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. 386 с.

Кандель Ф. Книга времен и событий. История российских евреев: в 6 т. М.-Иерусалим: Гешарим-Мосты культуры, 2002. Т. 1. 472 с.

Киселев О.В. Самуил Соломонович Поляков и российское железнодорожное “чудо” XIX века. URL: <http://www.finteoria.ru/polyakov.html> (дата обращения: 20.12.2020)

Клименко Д. Сладкая империя Израиля Бродского. URL: <https://ujew.com.ua/business/sladkaya-imperiya-izrailya-brodskogo> (дата обращения: 20.12.2020).

Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. 598 с.

Кокошкин Ф.Ф. Гражданская свобода как понятие государственного права // Сб. правоведения и обществ. знаний. М., 1898. Т. 8. С. 228–246.

Лизунов П.В. Петербургский банкирский дом «И.Е. Гинцбург»: «Падение титана» // Экономическая история. 2014. № 2 (25). С. 8–18

Литература о евреях на русском языке, 1890–1947. Книги, брошюры, отгиски статей, органы периодической печати: библиографический указатель / сост. В.Е. Кельнер, Д.А. Эльяшевич. СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект», 1995. 678 с.

Маклаков В.А. Вторая государственная дума: Воспоминания современника. Лондон: Overseas publ. interchange, 1992. 256 с.

Миндлин А.Б. Правительствонные комитеты, комиссии и совещания по еврейскому вопросу в России в XIX – начале XX века // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 43–61.

Неверова О.С. Гражданское равенство в государственно-правовой теории Ф.Ф. Кокошкина // Вопросы современной науки и практики / Университет имени В.И. Вернадского. 2012. № 5 (38). С. 80–85.

Особые журналы совета министров царской России, 1906–191 / Акад. наук СССР. Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете министров СССР. Центр гос. ист. арх. Редкол.: В.И. Бовыкин (отв. ред.) и др. М., 1988. Т. 3. 665 с.

Петровский-Штерн И. Евреи в русской армии, 1827–1914. М.: НЛЮ, 2003. 555 с.

Пулькин М.В. Правовой статус российских евреев в XIX – начале XX века (российская историография). URL: <http://politika.snauka.ru/2014/02/1234> (дата обращения: 22.12.2020)

Розина В.А. Информационные войны в период политической коньюмеризации // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2015. № 9. С. 79–86.

Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юридическая литература. Т. 8. 1991. 496 с.; Т. 9. 1994. 352 с.

Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. СПб., 1906. 136 с.

Ульянова О.С. Отечественная историография евреев в России в XIX–XXI столетии // Молодой ученый. 2010. № 6 (17). С. 273–279.

Фёдоров Б.Г. Попытка П.А. Столыпина решить еврейский вопрос. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/fed_poputk.php (дата обращения: 19.12.2020)

Эльшиевич Д.А. Источниковедение истории евреев в России (к постановке вопроса) // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С. 27–53.

References

Belkovskii G.A. *Russkoe zakonodatel'stvo o evreiaikh v Sibiri* [Russian legislation about Jews in Siberia]. SPb., «Tsentr» tipo-lit. M.Ia. Minkova Publ., 1905, 160 p. (In Russ.)

Vitte S.Iu. *Izbrannye vospominaniia, 1849–1911 gg.* [Selected memoirs, 1849–1911]. Moscow, Mysl Publ., 1991, 718 p. (In Russ.)

Gessen Iu.I. *O zhizni evreev v Rossii. Zapiska v Gosudarstvennuu dumu* [About the life of Jews in Russia. The note to the State Duma.]. SPb., Tip. tov. «Obshchepol'za» Publ., 1906, 137 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.A. *Pravoe polozenie evreev v Rossii* [The legal status of Jews in Russia]. *Kniga o russkom evreistve ot 1860-kh do revoliutsii 1917 g.* [The Book about Russian Jewry from the 1860s to the Revolution of 1917]. Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Ierusalim, Gesharim Publ., 2002, pp. 115–157. (In Russ.)

Evreiskaia entsiklopediia. Svod znaniy o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoiashchem: v 16 t. [Jewish Encyclopedia. The Knowledge about Jewry and its culture in the past and present: in 16 vols.], pod red. L. Katsenel'sona, D.G. Gintsburga, A. Garkavi. SPb., Obshchestvo dlia nauch. evr. izd. Brokgauz-Efron Publ., 1913, vol. 3, 489 p. (In Russ.)

Egorov V.V. *Gosudarstvennaia politika pravitel'stva Rossiiskoi imperii v otnoshenii evreiskogo naseleniia (mart 1855–ianvar' 1917 gg.)* [State policy of the Government of the Russian Empire towards Jewish population (March 1855–January 1917)]: dis. ... kand. ist. nauk. Nizhnii Novgorod, 2017, 244 p. (In Russ.)

Zakonodatel'nye proekty i predpolozheniia Partii narodnoi svobody 1905–1907 gg. [Legislative projects and assumptions of the People's Freedom Party 1905–1907], ed. by N.I. Astrova i dr. SPb., Tip. t-va «Obshchestvennapol'za» Publ., 1907, 386 p. (In Russ.)

Kandel' F. *Kniga vremen i sobytii. Istoriia rossiiskikh evreev* [The book of times and events. The History of Russian Jews]: in 6 vols. Moscow; Ierusalim, Gesharim-Mosty kul'tury Publ., 2002, vol. 1, 472 p. (In Russ.)

Kiselev O.V. *Samuil Solomonovich Poliakov i rossiiskoe zhelezodorozhnoe “chudo” XIX veka* [Samuel Solomonovich Polyakov and the Russian railway “miracle” of the XIX century]. URL: <http://www.finteoria.ru/polyakov.html> (access date: 20.12.2020) (In Russ.)

Klimenko D. *Sladkaia imperiia Izrailia Brodskogo* [The Sweet Empire of Israel Brodsky]. URL: <https://ujew.com.ua/business/sladkaya-imperiya-izrailiya-brodskogo> (access date: 20.12.2020). (In Russ.)

Kniga o russkom evreistve ot 1860-kh godov do revoliutsii 1917 g. [The book about Russian Jewry from the 1860s to the Revolution of 1917]. Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Ierusalim, Gesharim Publ., 2002, 598 p. (In Russ.)

Kokoshkin F.F. *Grazhdanskaia svoboda kak poniatie gosudarstvennogo prava* [Civil freedom as a concept of State law]. *Sb. pravovedeniia i obshchestven. Znaniy* [Collection of jurisprudence and public knowledge]. Moscow, 1898, vol. 8, pp. 228–246. (In Russ.)

Lizunov P.V. *Peterburgskii bankirskii dom «I.E. Gintsburg»: «Padenie titana»* [St. Petersburg Banking House «I.E. Ginzburg»: «The fall of Titan»]. *Ekonomicheskaiia istoriia* [Economic history], 2014, № 2 (25), pp. 8–18. (In Russ.)

Literatura o evreiaikh na russkom iazyke, 1890–1947. Knigi, broshiury, ottiski statei, organy periodicheskoi pechati: bibliograficheskii ukazatel' [Literature about Jews in Russian language. 1890–1947. Books, brochures, prints of articles, periodicals. Bibliographic index], comp. V.E. Kel'ner, D.A. El'iashevich. SPb., Gumanit. agentstvo «Akad. proekt» Publ., 1995, 678 p. (In Russ.)

Maklakov V.A. *Vtoraia gosudarstvennaia дума: Vospominaniia sovremennika* [The Second State Duma: Vospominaniia sovremennika]

Memoirs of a contemporary]. London, Overseas publ. interchange Publ., 1992, 256 p. (In Russ.)

Mindlin A.B. *Pravitel'stvennye komitety, komissii i soveshchaniia po evreiskomu voprosu v Rossii v XIX – nachale XX veka* [Government committees, commissions, and meetings about the Jewish Question in Russia in the XIX and early XX centuries]. *Voprosy istorii* [History questions], 2000, № 8, pp. 43–61. (In Russ.)

Neverova O.S. *Grazhdanskoe ravenstvo v gosudarstvenno-pravovoi teorii F.F. Kokoshkina* [Civil Equality in the State-legal theory of F.F. Kokoshkin]. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki* [Questions of modern science and practice]. Universitet imeni V.I. Vernadskogo, 2012, № S (38), pp. 80–85. (In Russ.)

Osoby zhurnaly soveta ministrov tsarskoi Rossii, 1906–1917 [Special journals of the Council of Ministers of Tsarist Russia, 1906–1917]. Akad. nauk SSSR, In-t istorii, Gl. arkh. upr. pri Sovete ministrov SSSR. Tsentr gos. ist. arkh., ed. by V.I. Bovykin (otv. red.) i dr. Moscow, 1988, vol. 3, 665 p. (In Russ.)

Petrovskii-Shtern I. *Evrei v ruskoarmii, 1827–1914* [Jews in the Russian Army, 1827-1914]. Moscow, NLO Publ., 2003, 555 p. (In Russ.)

Pul'kin M.V. *Pravovoi status rossiiskikh evreev v XIX – nachale XX veka (rossiiskaia istoriografiia)* [The Legal Status of Russian Jews in the XIX – early XX Century (Russian Historiography)]. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/02/1234> (access date: 22.12.2020). (In Russ.)

Rozina V.A. *Informatsionnye voiny v period politicheskoi konsiumerizatsii* [Information wars in

the period of political consumerisation]. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obzrevatel'-Observer*, 2015, № 9, pp. 79–86. (In Russ.)

Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. [Russian legislation of the X–XX centuries]: in 9 vols. Vol. 8, 1991, 496 p.; Vol. 9, 1994, 352 p. (In Russ.)

Trudy vtorogo s"ezda upolnomochennykh dvorianskikh obshchestv 31 gubernii [Materials of the Second Congress of Authorized Noble Societies of the 31 province]. SPb., 1906, 136 p. (In Russ.)

Ul'ianova O.S. *Otechestvennaia istoriografiia evreev v Rossii v XIX–XXI stoletii* [Russian historiography of Jews in Russia in the XIX–XXI century]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2010, № 6 (17), pp. 273–279. (In Russ.)

Fedorov B.G. Popytka P.A. *Stolypina reshit' evreiskii vopros* [P.A. Stolypin's attempt to solve the Jewish question]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/fed_poputk.php (access date: 19.12.2020) (In Russ.)

El'iashevich D.A. Istochnikovedenie istorii evreev v Rossii (k postanovke voprosa) [Source Studies of the History of the Jews in Russia (to raise the question)]. *Istoriia evreev v Rossii. Problemy istochnikovedeniia i istoriografii*. SPb., 1993, pp. 27–53. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.11.2020; одобрена после рецензирования 24.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 30.11.2020; approved after reviewing 24.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.

ПРАКТИКИ НАУЧНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ ПЕРВЫХ РУССКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Секенова Ольга Игоревна, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия, jkzkray@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9246-2728>

Аннотация. В статье рассматриваются различные этапы творческого процесса в исторических исследованиях как отражение профессиональной повседневности первых русских женщин-историков. Используя принадлежащие им эго-документы, становится возможным реконструировать основные сложности при сборе материала, создании научных текстов и публикации результатов исследований, типичные для женщин-историков и необычные для их коллег-мужчин. Так, первые женщины-историки вынуждены были самостоятельно осваивать азы исследовательской работы (даже в программе Высших женских курсов изначально не предполагалось обучать курсисток методике исторических исследований), пытаться создать собственные методики исторических исследований. Несмотря на активную научную работу женщин-историков, во второй половине XIX – начале XX вв. практически нет их значимых публикаций – слишком редко женщины решались самостоятельно публиковать свои работы (это было сопряжено со значительными расходами), тогда как профессиональные издатели боялись отсутствия коммерческого успеха работ женщин-историков. Эго-документы свидетельствуют о случаях заимствования результатов исследовательского труда женщин-историков, необходимости скрывать свое настоящее имя по требованию издателей и иных проявлениях дискриминации первых исследовательниц в российской исторической науке.

Ключевые слова: академическая повседневность, женщины-историки, история науки, женская история

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-09-00191

Для цитирования: Секенова О.И. Творческий исследовательский процесс в эго-документах первых русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 39-44. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-39-44>

Research Article

THE PRACTICES OF SCIENTIFIC EVERYDAY LIFE IN EGO DOCUMENTS OF THE FIRST RUSSIAN FEMALE HISTORIANS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURIES

Olga I. Skenova, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, jkzkray@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9246-2728>

Abstract. The article focuses on the different stages of the creative process in historical research as a reflection of the professional everyday life of the first Russian female historians. Using their ego documents, it becomes possible to reconstruct the main difficulties in collecting material, creating scientific texts and publishing research results that were typical for female historians and unusual for their male colleagues. For example, the first female historians were forced to master the basics of research work themselves (even the programme of the Higher Courses for Women avoided teaching female students the method of historical research). Despite the active scientific work of female historians, in the second half of the 19th – the early 20th centuries they had not published many significant works because women could not publish their works on their own (in most cases it was too expensive for them), while professional publishers feared the lack of commercial success of the works of female historians. Ego documents testify to cases of borrowing the results of research work of female historians, the need to hide their real names at the request of publishers and other manifestations of discrimination against the first researchers in the Russian historical science.

Keywords: academic everyday life, female historians, history of science, female history

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-09-00191

For citation: Skenova O.I. The practices of scientific everyday life in ego documents of the first Russian female historians in the second half of the 19th – the early 20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 39-44 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-39-44>

Профессиональная повседневность историков – тема, не слишком часто встречающаяся на страницах публикаций, анализирующих жизнь академического и преподавательского сообщества. Конечно, к ней обращались и в биографических исследованиях [Харьковская; Долгова; Ростовцев], и в общих работах по академической повседневности [Сидорова; Павловская], но в гендерном аспекте тема эта все еще остается слабоосвещенной в отечественной исторической науке. Ее значимость для истории науки неоспорима, поскольку помогает лучше понять пути складывания личных пристрастий ученых к той или иной проблематике, но главное ее значение – это, конечно, значение для гендерной антропологии, постоянно ставящей во главу угла изучение практик неполноправия, деприваций женщин в научной среде. Упоминание имен первых русских женщин-историков обычно ограничивается сообщением о том, что в конце XIX в. их научные труды уже были известны научному сообществу [Пушкарева 2012: 230–231]. Тем не менее многие проблемы, связанные с их научной повседневностью (организация творческого исследовательского процесса, взаимодействие с научными руководителями и издателями, практики сочетания научной работы и частной жизни) до сих пор остаются неисследованными. Вхождение женщин в мужскую академическую корпорацию историков в Российской империи не было простым – и именно те частные подробности, которые встречаются в эго-документах (воспоминаниях, дневниках, личной переписке) помогают реконструировать те трудности, которые приходилось преодолевать первым женщинам в исторической науке. Первые русские женщины-историки XIX века (А.О. Ишимова, П.С. Уварова, Н.А. Белозерская) были талантливыми самоучками, их последовательницы (Е.Н. Щепкина, Н.Д. Флиттнер, О.А. Добиащ-Рождественская, И.И. Любименко и многие другие) получали возможность практиковаться в исторических исследованиях на открытых в эпоху Великих реформ Высших женских курсах [Пушкарева 2012: 230–231]. В данной статье использовались опубликованные воспоминания Н.А. Белозерской, неопубликованные эго-документы (воспоминания Е.Н. Щепкиной, Н.Д. Флиттнер), а также воспоминания современников о А.О. Ишиловой, П.Я. Литвиновой. Ценность этих эго-документов в первую очередь состоит в детальном отражении «осколков» повседневности женщин, выбравших путь исследовательниц [Пушкарева 2019: 214–215].

Исследовательский процесс историка типичен для разных стран и эпох: за поиском первичного материала (в экспедиции или архиве) следуют анализ исторических источников и создание текста научного исследования, а затем презентация результата (либо через публикацию в научном журнале, либо через преподавание или выступление на конферен-

ции). Примечательно, что в эго-документах русских женщин-историков описанию самого творческого процесса отводилось не так много внимания – вероятно, их не слишком привлекала рутинность этого процесса: гораздо больше удовлетворения, которым им хотелось поделиться с читателями мемуаров или дневников, они получали от научного поиска в библиотеках и архивах. Научные интересы первых российских женщин-историков были весьма разнообразны: они создавали замечательные исследования по истории России (Е.Н. Щепкина, Н.А. Белозерская, О.Е. Корнилович), древней и средневековой истории Европы (О.А. Добиащ-Рождественская, К.В. Тревер, Н.Д. Флиттнер), этнографии (А.Я. Ефименко, П.Я. Литвинова, В.Н. Харузина) и археологии (П.С. Уварова).

В дореволюционную эпоху наиболее популярным местом, в котором женщины-историки читали книги и работали с архивными документами, была Императорская Публичная библиотека в Санкт-Петербурге (сейчас – Российская национальная библиотека). Первые женщины-историков, выделявшихся своими серьезными занятиями из множества других завсегдатаев библиотеки, там хорошо знали (в качестве доказательства благосклонности служителей библиотеки Н.А. Ген-Белозерская, секретарь Н.И. Костомарова и самостоятельный историк, отмечала, что ей ежедневно отыскивали и приносили книги, даже самые редкие издания, а еще она всегда работала за столом [Белозерская 1913: 935] – в переполненной Публичной библиотеке 1850–60-х гг. это было большой привилегией (только в 1857 г. началось строительство нового здания, в котором было предусмотрено дополнительное помещение «для занятий художников и женщин-читательниц»¹, но из-за открытия Высших женских курсов дополнительное помещение все равно не хватало). Радость научного поиска в библиотеке прослеживается почти во всех эго-документах женщин-историков, а наиболее полно попыталась передать свои ощущения от посещения Публичной библиотеки египтолог Н.Д. Флиттнер: «...настроение, которое я больше всего люблю. В душе точно распахиваются створки двери навстречу каким-то неуловимым флюидам: смотрю на огромные фолианты в свиной коже, на неуклюже торжественный четкий шрифт первопечатных изданий – Библии, Тита Ливия, железными цепями прикованные к пультам из темного дерева, удивительные миниатюры, рукописи с выпуклыми заглавными золотыми буквами... и охватывает меня чувство внутренней духовной связи с этим прошлым... Я чувствую так же, как и они, мои далекие предки»² (в тексте воспоминаний Н.Д. Флиттнер особенно символичным кажется, что она посетила библиотеку под Рождество – поход в библиотеку и возможность остаться наедине с историческими источниками были для Флиттнер, весьма религиозной протестантки, мистическим, почти религиозным опытом).

Первая преподавательница истории на Высших Бестужевских женских курсах Е.Н. Щепкина также обучалась истории в Сорбонне и надеялась найти для себя что-то новое во французских архивах. Библиотека в Париже поразила ее, во-первых, необычной обстановкой, а во-вторых, скоростью обслуживания, нетипичной для Публичной библиотеки: «...новые удовольствия, великолепная обстановка, все кругом огромного зала обставлено пособиями классиков, словарями и т. д., потонуть можно. От 10 до 4 времени довольно при скорой выдаче книг. Около 1 ч. завтрак. Книги передаются на время на огромный стол выдач и берутся по возвращении обратно (...). Хорошо оказалось и в рукописном отделении, все выдавали чрезвычайно просто, скоро, с прекрасными приспособлениями, с пюпитром, с папочкой, нажимающей листы. Я брала переписку эмигрантов. Подавали огромные пухлые фолианты, с наклеенными по складке рядами писем и конвертов при них. Залы залиты светом, а солнце никому не мешает. Чудная обстановка. (...) Положишь – уйдешь, вернешься – возьмешь. На другое утро опять берешь свое»³. При этом младшая современница Е.Н. Щепкиной, замечательный санкт-петербургский медиевист О.А. Добиаш-Рожественнская, напротив, в 1909 году отмечала плохую организацию парижских библиотек, которая «искупается их огромными, особенно с точки зрения медиевиста, ценными богатствами»⁴. Также, особенно после революции 1917 года, заграничные поездки русских ученых в архивы и библиотеки были сопряжены с многочисленными сложностями: разрешения на поездки в зарубежные архивы выдавались обычно на летний период, когда все архивы и библиотеки закрывались⁵, поэтому приходилось ограничиваться русскими архивами. В целом именно работа со старинными документами в эго-документах женщин-историков была для них отдушиной, главной ценностью исследовательской деятельности и способом психологической разгрузки: можно было уйти от неприглядной реальности.

После первичного анализа источников (многочисленных выписок, работы с литературой) наступал наиболее сложный период – создание научного труда. К сожалению, крайне редко мы узнаем о подробностях этой работы – и в большей степени не из эго-документов, а из первичных материалов (черновики, планов статей и книг), многие из которых были уничтожены авторами. Исходя из эго-документов, становится понятно, что многие женщины-историки, особенно первого поколения, тяжело и самостоятельно осваивали специфику исследовательской работы. Научиться им было нелегко: разве что Н.А. Белозерская получила бесценный опыт, будучи секретарем Н.И. Костомарова (который научил «как работать и пользоваться материалом» [Белозерская, 1913: 933]). Е.Н. Щепкина отмечала, что обучение исследовательской работе

на Высших женских курсах в Москве и особенно в Санкт-Петербурге было организовано плохо (вероятно, до И.М. Гревса [Вахромеева], обучением исследовательской деятельности на курсах почти не занимались, считая это не слишком важной стороной обучения курсисток)⁶. Постигать принципы создания исторических исследований женщинам-историкам приходилось самостоятельно – через чтение и сравнение профессиональных научных работ и источников, по которым они были написаны (выбиралась одна диссертация и подробно анализировалась)⁷. Иногда в текстах эго-документов звучат признания о несамостоятельности работ: «хотя доклад не был написан совершенно самостоятельно по части формулировок и выводов, все же это наполнило меня гордостью...»⁸ – в данном случае их можно рассматривать как часть обучения исследованиям (некоторые научные руководители считали, что таким образом их ученики быстрее поймут, как следует делать выводы из исторического материала). Что касается написания научных текстов, во все времена это было связано со сложностями и тяжелым эмоциональным состоянием женщин-историков. Н.А. Белозерская писала о своей научной работе: «одно утомляло – постоянная спешка... Иногда, работая целый день, я писала во время обеда, между первым и вторым кушаньем. Только ночью не работала никогда, хотя часто бывала бессонница от чрезмерного напряжения мысли» [Белозерская 1913: 934]. Трудно было сосредоточиться на научной работе по разным причинам – так, историк и археограф Е.Н. Ошанина честно признавалась, что «плохо пишется, мешает влюбленное состояние. Думаю больше о нем, а не о докладе. Как бы настроиться!»⁹ Научным изысканиям мешали не только эмоции, но и обилие домашней работы, отсутствие полноценного рабочего места. Только жесткая организация своего рабочего времени и делегирование домашних обязанностей родственникам или прислуге помогали женщинам достичь успеха в исследовательской работе. Занятия наукой влияли на все стороны частной жизни историков: так, например, наибольший интерес у них вызвали хобби, так или иначе связанные с темами их исследований (например, Н.Д. Флиттнер и Т.Н. Бороздина-Козьмина увлеклись коллекционированием египетских древностей, П.Я. Литвинова-Бартош собирала образцы южнорусского народного орнамента, на их основе создавая самостоятельные вышивки).

Самым тяжелым этапом в творческой работе в большинстве случаев был процесс публикации научного труда. Именно здесь женщины-историки дореволюционной эпохи особенно часто сталкивались с проявлением дискриминации (тогда как во время сбора материала и написания текстов мужчины, напротив, стремились им помочь). Особенно важным для первых русских женщин-историков было желание указать свое настоящее имя

в статье, а не ограничиться начальными буквами, как им предлагали редакторы-мужчины. Так, Н.А. Белозерская долгое время публиковалась в журнале «Древняя и Новая Россия» под именем своего друга, историка Д.Л. Мордовцева («потому что не примут иначе – я женщина, и это первый случай» [Белозерская, 1913: 933]). Необходимо отдать должное Мордовцеву: через некоторое время он открыл главному редактору имя истинного автора статей. Тем не менее большая часть авторов журналов печатали статьи женщин под псевдонимами, а, например, М.И. Семевский открыто пользовался интеллектуальным трудом Н.А. Белозерской, присвоив авторство значительно расширенного ей своего собственного научного исследования «Царица Прасковья по новым материалам» [Семевский]. Когда в очередной раз в журнале «Русская старина» Н.А. Белозерской предложили опубликовать ее статью без подписи, потому что «неудобно ставить женское имя», она хотела разорвать всю статью, но вместо этого впервые опубликовала научное исследование под собственным именем в журнале «Русская мысль» [Белозерская, 1883]. Далее все статьи печатались с ее подписью.

В целом проблем с публикациями было много – неоднократно женщины-историки жаловались на то, как их работы долго лежат в редакциях научных журналов¹⁰. После единственного успешного опыта А.О. Ишимовой, поддержанной императорской семьей в издании «Истории России в рассказах для детей», мужчины-издатели не рисковали издавать полноценные женские научные работы. Показателен пример этнографа П.Я. Литвиновой, которая с 1870-х гг. до самой смерти собирала образцы украинского народного искусства, зарисовывала многочисленные виды орнаментов. Собрав значительную коллекцию, П.Я. Литвинова задумалась об ее публикации [Литвинова 1877]. Впрочем, друзья, поддержавшие ее на словах, не спешили помочь в издании финансово, и в итоге деньги на издание работы она заняла у некоего Шугурова [Спаська: 180] (вероятно, речь шла о черниговском историке Михаиле Федоровиче Шугурове [Гельвих: 503–504]). В 1877 году, когда работа была издана, Пелагея Яковлевна пережила тяжелый период: смерть дочери, сложности с публикацией работы («...Никто из Ваших не хотел брать моей работы никуда» [Спаська: 188], – писала она своему близкому другу, украинскому историку и этнографу Ф.К. Волкову, упрекая того в отсутствии помощи). Редактор «Киевского народного календаря» А.Ф. Андрияшев не заплатил полностью обговоренную сумму за «Русские народные узоры», а также был обвинен П.Я. Литвиновой в плагиате (вероятно, речь шла не о коллекции орнаментов, а о методических пособиях для обучения детей грамоте: составленные по одной и той же методике обучения чтению «звуковым способом», тексты навели Литвинову на мысль о заим-

ствовании у нее [Андрияшев; Литвинова 1877]). Издательские проблемы преследовали П.Я. Литвинову: решив переиздать дополненную книгу в типографии Беца [Литвинова, 1878], она не получила денег, но забрала тираж, а знакомый студент, взявшийся распространить книги в Санкт-Петербурге, сначала прислал деньги, потом исчез, оставшись должным 200 рублей [Спаська: 188]. Этот пример во многом объясняет, почему, несмотря на активную научную работу женщин-историков, во второй половине XIX – начале XX вв. практически нет их значимых публикаций – слишком редко женщины решались самостоятельно публиковать свои работы (это было сопряжено со значительными расходами), тогда как профессиональные издатели боялись отсутствия коммерческого успеха работ женщин-историков. Именно отсутствие рыночного интереса в публикации исторических исследований после революции 1917 г. позволило женщинам-историкам быть более широко представленными в академической среде, чем в дореволюционный период.

Таким образом, творческий процесс русских женщин-историков первой половины XIX – начала XX вв. был сопряжен с рядом сложностей: необходимость самостоятельно обучаться исследовательской работе, нехватка времени и сил для создания исторических текстов, многочисленные препятствия к публикации научных работ – все это, тем не менее, искупалось профессиональной самореализацией в любимой исследовательской области. Эго-документы русских женщин-историков говорят о том, что нередко из-за политики издательств женщины не могли публично признать свое авторство научных произведений, поэтому множество их работ выходило под инициалами или мужскими именами. Тем не менее постепенно увеличение числа женщин-историков и признание их научных результатов известными учеными облегчало их вхождение в академическую корпорацию в начале XX века.

Примечания

¹ История Российской национальной библиотеки. URL: http://nlr.ru/nlr_history/rooms/ost/sob/ (дата обращения: 12.12.2020).

² Отдел рукописей Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 63. Д. 6. Л. 106–107.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 31–32 об.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 254. Д. 18. Л. 1.

⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 55. Л. 1.

⁶ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁷ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁸ Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 24. Л. 37 об.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 32 об.

Список литературы

Андрияшев А.Ф. Начальное обучение грамоте по звуковому способу. Киев: ред. Киев. нар. календаря, 1875. 67 с.

Белозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. 1913 (июнь). Т. 132. С. 925–937.

Белозерская Н.А. Царское венчание в России. М.: Русская мысль, 1883. Кн. 4. С. 1–40; Кн. 5. С. 1–48.

Вахромеева О.Б. Профессорские семинары Петербургского университета как неотъемлемый элемент научной школы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professorskie-seminary-peterburgskogo-universiteta-kak-neotemlemuyu-element-nauchnoy-shkoly> (дата обращения: 17.12.2020).

Гельвих А. Шугуров, Михаил Федорович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1911. Т. 23: Шебанов – Шютц. С. 503–504.

Долгова Е.А. Методология исторической науки в работах Н.И. Кареева 1917–1931 гг.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2013. 261 с.

Литвинова П.Я. Азбука для народных школ / сост. по звуковому способу для нагляд. обучения П. Литвиновой. Киев: Тип. С.Т. Еремеева, 1877. 40 с.

Литвинова П.Я. Южно-русский народный орнамент. Киев: Изд. Бец в литогр. Фрица, 1878. Вып. 1: Черниговская губерния, Глуховский уезд. 13 с. 20 л. 12 цв. таблиц.

Литвинова П.Я. Русские народные узоры / собр. П.Як. Литвиновой. Киев: Ред. Киев. нар. календаря, 1877. 17 л.

Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. истор. наук. Н. Новгород, 2006. 295 с.

Пушкарёва Н.Л. Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.

Пушкарёва Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.

Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 4. С. 105–121.

Семевский М.И. Царица Прасковья, 1664–1723: Очерк из рус. истории Михаила Семевского. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Ред. журн. «Рус. старина», 1883. 256 с.

Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008. 294 с.

Спаська Ї. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн. 7. С. 168–199.

Хаховская Л.Н. Этнокультурные различия сквозь призму опыта полевого исследователя (на материале дневника Д.Л. Иохельсон-Бродской) // Россия и АТР. 2017. № 2 (96). С. 201–204.

References

Andrijashev A.F. *Nachal'noe obuchenie gramote po zvukovomu sposobu*. Kiev, Red. Kiev. nar. kalendarja Publ., 1875, 67 p. (In Russ.)

Belozerskaja N.A. *Avtobiografija* [Autobiography]. *Istoricheskij vestnik* [The Historical Herald], 1913, vol. 132, pp. 925–937. (In Russ.)

Belozerskaja N.A. *Carskoe venchanie v Rossii* [Tsar's Coronation in Russia]. Moscow, Russkaja mysl' Publ., 1883, vol. 4, pp. 1–40; vol. 5, pp. 1–48. (In Russ.)

Dolgova E.A. *Metodologija istoricheskoj nauki v rabotah N.I. Kareeva 1917–1931 gg.: diss. ... kand. istor. nauk* [The methodology of history in works by N.I. Kareev in 1917–1933: the dissertation]. Moscow, 2013, 261 p. (In Russ.)

Gel'vih A. *Shugurov, Mihail Fedorovich*. *Russkij biograficheskij slovar': v 25 tomah* [Russian biographical vocabulary in 25 volumes]. Saint-Petersburg; Moscow, 1896–1918, vol. 23 (1911): Shebanov – Shjutc, pp. 503–504. (In Russ.)

Hahovskaja L.N. *Etnokul'turnye razlichija skvoz' prizmu opyta polevogo issledovatelja (na materiale dnevnika D. L. Iohel'son-Brodskoj)* [Ethnocultural differences through the lenses of a field researcher's experience (a case study of D.L. Jochelson-Brodsky's field diary)]. *Rossija i ATR* [Russia and Pacific RIM], 2017, № 2 (96), pp. 201–204. (In Russ.)

Litvinova P.Ya. *Azbuka dlja narodnyh shkol: Sost. po zvukovomu sposobu dlja nagljad. obuchenija P. Litvinovoju* [Alphabet for popular schools: made up with the sounds method for visual learning by P.Litvinova]. Kiev, tip. S.T. Eremeeva, 1877, 40 p. (In Russ.)

Litvinova P.Ya. *Juzhno-russkij narodnyj ornament* [Southern Russian Folk Ornament]. Kiev, Izd. Bec v litogr. Frica Publ., 1878, vol. 1: Chernigovskaja gubernija, Gluhovskij uезд, 13 p., 20 p., 12 tabl. (In Russ.)

Litvinova P.Ya. *Russkie narodnye uzory / sobr. P. Yak. Litvinovoj* [Russian Folk Patterns collected by P.Ya.Litvinova]. Kiev, Red. Kiev. nar. kalendarja, 1877, 17 p. (In Russ.)

Pavlovskaja S.V. *Vospominanija i dnevniki otechestvennyh istorikov kak istoricheskij istochnik izuchenija obshhestvenno-politicheskoj i nauchno-pedagogicheskoj zhizni Rossii konca XIX - nachala XX vekov: dis. ... kand. istor. nauk* [Memoirs and diaries of the Russian historians as the historical source on studying the social-political and scientific-pedagogical

life in Russia in XIX – beginning XX centuries: the dissertation]. N. Novgorod, 2006, 295 p. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Jevristicheseskaja cennost' avtobiografij dlja genderologa: sopostavljaja teoreticheskie itogi rossijskih i zarubezhnyh avtobiograficheskikh issledovanij* [The heuristic value of an autobiography for a genderologist: comparing the theoretical results of Russian and foreign autobiographical researches]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2019, vol. 18, № 2, pp. 214–245. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Zhenshhiny-istoriki v Rossii 1810-1917 gg.* [Women-historians in Russia in 1810-1917]. *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istorija* [Perm State University Herald. History], 2012, № 1 (18), pp. 228–245. (In Russ.)

Rostovcev E.A. N.I. *Kareev i A.S. Lappo-Danilevskij: iz istorii vzaimootnoshenij v srede peterburgskih uchenyh na rubezhe XIX-XX vv.* [N. Kareev and A. Lappo-Danilevsky (notes on the history of the relationships in the milieu of petersburg's scientists at the end of the XIXth-the beginning of the XXth century)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2000, vol. 3, № 4, pp. 105–121. (In Russ.)

Semevskij M.I. *Carica Praskov'ja, 1664-1723: Oчерk iz rus. istorii Mihaila Semevskogo* [Queen Praskov'ja. 1664-1723: an essay of Russian history

by Mikhail Semevskij]. Saint-Petersburg, Red. zhurn. «Rus. starina» Publ., 1883, 256 p. (In Russ.)

Sidorova L.A. *Sovetskaja istoricheskaja nauka serediny XX veka: Sintez treh pokolenij istorikov* [Soviet historical science in the middle of XX century. The synthesis of 3 generation of historians]. Moscow, 2008, 294 pp. (In Russ.)

Spas'ka Ī. *Pelageja Jakovivna Litvinova: Naris ii zhittja ta praci za ii rukopisami ta rodnimi dokumentami* [Pelageia Iakovivna Litvinova: Essay of her life and work on her manuscripts and papers]. *Etnografichnij visnik* [Ethnographical Herald], 1928, vol. 7, pp. 168–199. (In Ukrainian).

Vahromeeva O.B. *Professorskie seminary Peterburgskogo universiteta kak neot'emlemyj element nauchnoj shkoly* [Professors' seminars in Petersburg University as the element of the scientific school]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of Humanities and Natural Sciences], 2016, № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professorskie-seminary-peterburgskogo-universiteta-kak-neotemlemyy-element-nauchnoy-shkoly> (access date: 17.12.2020). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.12.2020; одобрена после рецензирования 24.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 18.12.2020; approved after reviewing 24.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В 1914–1917 ГГ. (по материалам губерний Центрально-промышленного района)

Шильникова Ирина Вениаминовна, кандидат исторических наук, Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, shilnikova.i@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3854-3073>

Аннотация. Трудовые конфликты на российских промышленных предприятиях в годы Первой мировой войны традиционно рассматривались в историографии как часть протестного движения рабочих с преобладанием политической компоненты, в неразрывной связи с революционными событиями 1917 г. Расширение информационного потенциала источниковой базы позволяет ставить новые вопросы и проверять закрепившиеся в историографии тезисы на основе неагрегированных данных и не на примере отдельно взятых конфликтов, а на основе широкого комплекса данных, представленных в формате «стачка за стачкой». В статье на материалах губерний Центрально-промышленного района рассматриваются вопросы динамики стачечного движения рабочих в годы Первой мировой войны (с июля 1914 г. по февраль 1917 г.), а также характера выдвигавшихся требований и результатов этих конфликтов. Кроме того, рассматривается вопрос о степени значимости политической компоненты в стачечном движении рабочих в рассматриваемый период. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что стачки рабочих на предприятиях Центрального промышленного района в военные годы преимущественно являлись именно трудовыми конфликтами, в ходе которых приоритетными становились выдвигавшиеся рабочими экономические требования. Рост числа политических выступлений происходит в конце 1916 – начале 1917 гг., когда на фоне нарастающего дефицита продовольствия и набравшей обороты инфляции экономические требования стали адресоваться органам местной и центральной власти.

Ключевые слова: Первая мировая война, стачки, заработная плата, уровень жизни, рабочий протест, трудовые отношения, продовольственное снабжение

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00699

Для цитирования: Шильникова И.В. Трудовые конфликты на российских промышленных предприятиях в 1914–1917 гг. (на материалах губерний ЦПР) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 45-51. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-45-51>

Research Article

LABOUR CONFLICTS AT RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES IN 1914-1917 (based on materials from the provinces of the Central Industrial Region)

Irina V. Shilnikova, Candidate of Historical science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, shilnikova.i@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3854-3073>

Abstract. Labour conflicts at Russian industrial enterprises during World War I were traditionally considered in historiography to be the part of the protest movement of workers with a predominance of a political component, in an inextricable connection with the revolutionary events of 1917. The expansion of the information potential of the source base allows rising new questions and checking the theses on based not on aggregated data and not on the example of individual conflicts, but on the basis of a wide range of data presented in the “strike by strike” format. The article examines the dynamics of the strike movement of workers during World War I (from July 1914 to February 1917), as well as the nature of the demands put forward and the results of these conflicts, based on materials from the provinces of the Central Industrial Region of Russia. In addition, the issue of the degree of importance of the political component in the strike movement of workers in the period under review is considered. The study made it possible to conclude that the strikes of workers at the enterprises of the Central Industrial Region during the war years included mainly labour conflicts, in the course of which the economic demands put forward by the workers became priority. An increase in the number of political uprisings occurred in late 1916 – early 1917, when, against the background of growing food shortages and deteriorating inflation, economic demands began to be addressed to local and central authorities.

Keywords: World War I, strikes, wages, living standards, workers’ protest, labour relations, food supply

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-09-00699

For citation: Shilnikova I.V. Labour conflicts at Russian industrial enterprises in 1914-1917 (based on materials from the provinces of the Central Industrial Region). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 45-51 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-45-51>

Протестное движение рабочих в Российской империи в годы Первой мировой войны вызывало серьезную озабоченность властей и предпринимателей, поскольку напрямую влияло на сроки, объемы и качество выполнения военных заказов. В советской историографии оно рассматривалось в неразрывной связи с последующими революционными событиями. При этом исследователи до последнего времени оперировали преимущественно агрегированными данными, что существенно сужало информационный потенциал источниковой базы и возможности проведения статистического анализа, который предполагает рассмотрение не отдельно взятых (как правило, наиболее крупных) конфликтов, а всей их совокупности.

Выход в свет нового источника – «Стачное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г.: Хроника (авт.-сост. Г.Г. Касаров. М.; СПб.: Нестор-История, 2019) – создает более широкие возможности для анализа различных характеристик трудовых конфликтов, протекавших в наиболее острой их форме (стачки). Данная «Хроника» включает на сегодняшний день наиболее полный набор сведений о стачках в России периода Первой мировой войны в сравнении с имеющимися в историографии подсчетами [Балабанов: 151; Ельницкий: 578; Пионтковский: 233; Флер: 69]. Причем она дает возможность строить анализ на микроданных, поскольку материал представлен в формате «стачка за стачкой». Такая структура «Хроники» позволила на ее основе создать базу данных, где одна запись содержит информацию об одной стачке (всего база данных содержит информацию о 5 933 стачках). Далее в статье будет представлен анализ базы данных, позволяющий раскрыть ее информационный потенциал на примере губерний Центрального промышленного района. В центре рассмотрения – динамика стачечного движения (количество стачек и их участников), а также такие его характеристики,

как выдвигавшиеся в ходе конфликтов требования и результаты. Также представляет интерес вопрос о том, насколько обоснованным является доминирующий в историографии тезис о преобладающей роли политической компоненты в протестном движении рабочих в годы Первой мировой войны.

В таблице 1 представлены данные о количестве стачек в губерниях Центрально-промышленного района (далее ЦПР) в июле 1914 г. – феврале 1917 г. В целом в этот период доля стачек, зафиксированных на территории ЦПР, составляла 38,21 %. При этом по годам этот показатель менялся: в 1914 г. (июль – декабрь) он был заметно меньше – 20,37 %, в 1915 г. оказался самым высоким – 49,01 %, в 1916 г. снизился до 32,18 % и в январе – феврале 1917 г. оказался близок к среднему за весь рассматриваемый период – 36,55 %.

Данные таблицы 1 позволяют выделить три губернии, дававшие в годы Первой мировой войны наибольшее количество стачек. На первом месте находится Московская (53,33 % от общего количества стачек ЦПР), на втором – Владимирская (25,41 %), на третьем – Костромская (9,84 %). Эта ситуация представляется закономерной, поскольку в 1914 г., по данным фабричной инспекции, в указанных трех губерниях располагалось наиболее значительное количество предприятий фабрично-заводской промышленности: в Московской – 42,73 % предприятий от общего числа их по ЦПР, во Владимирской – 13,04 %, в Костромской – 7,67 % [Свод: 76–79].

В таблице 2 представлены данные о количестве участников стачечного движения в губерниях ЦПР в 1914–1917 гг.

Всего в рассматриваемый период (с июля 1914 г. по февраль 1917 г.) в забастовках, зафиксированных в губерниях Центрально-промышленного района, приняли участие 2 241 179 человека. При этом 33,08 % стачечников дала Московская губерния, немногим меньше Владимирская – 30,30 %, и Костромская – 13,72 %. И опять-таки

Таблица 1

Количество стачек в губерниях ЦПР, июль 1914 г. – февраль 1917 г.
(подсчитано по: [Стачное движение: 10–717])

Год	Владимирская	Калужская	Костромская	Московская	Нижегородская	Рязанская
1914	6	1	10	20	2	0
1915	273	17	66	587	14	10
1916	256	38	122	389	18	14
1917	41	6	25	213	0	4
Итого	576	62	223	1209	34	28
Год	Смоленская	Тверская	Тульская	Ярославская	Всего ЦПР	Всего Россия
1914	0	4	0	1	44	216
1915	1	30	2	11	1011	2063
1916	4	28	12	28	909	2825
1917	0	5	2	7	303	829
Итого	5	67	16	47	2267	5933

Таблица 2

Количество участников стачек в губерниях ЦПР, июль 1914 – февраль 1917 гг.*
(подсчитано по: [Стаечное движение: 10–717])

Год	Владимирская	Калужская	Костромская	Московская	Нижегородская
1914	1032	–	14477	30930	н. д.
1915	310402	17781	62863	459944	1014
1916	308164	27021	203363	197611	62319
1917	59587	5748	26775	52952	–
Итого	679185	50550	307478	741437	63333
Год	Смоленская	Тверская	Тульская	Ярославская	Рязанская
1914	–	411	–	400	–
1915	700	35098	75570	5962	4263
1916	5362	56689	86771	20290	15185
1917	–	8884	68655	3070	11886
Итого	6062	101082	230996	29722	31334

эти показатели объяснимы, поскольку по данным фабричной инспекции в 1914 г. в Московской губернии было сконцентрировано 44,11 % от общей численности фабрично-заводских рабочих ЦПР, во Владимирской – 23,85 %, в Костромской – 11,03 % [Свод: 76–79].

Среди требований, выдвигавшихся рабочими в ходе стачек, доминировали экономические, и прежде всего – связанные с вопросами оплаты труда. Стачки с требованием повышения заработной платы (или расценок) составляли самую многочисленную группу конфликтов, зафиксированных на предприятиях Центрально-промышленного района (45,52 %), что отражает ситуацию по России в целом (49,35 %). При этом в разных губерниях внутри ЦПР этот показатель мог существенно различаться. Так, доля стачек с требованием повышения заработка в Калужской губернии составила за весь рассматриваемый период 79,03 %, в Нижегородской – 73,53 %, в Ярославской – 72,34 %, в Костромской – 68,61 %, Рязанской – 67,86 %, в Тверской – 64,18 %, во Владимирской – 53,47 %, в Тульской – 50 %, в Смоленской – 40 %, в Московской – 32,34 %. Подобные различия могут объясняться тем, что в Московской губернии (по сравнению с другими губерниями ЦПР) была выше доля предприятий, получавших и выполнявших государственные оборонные заказы. При этом реальная заработная плата рабочих, занятых в производстве вооружения и предметов снаряжения, вплоть до 1916 г. не только не снижалась, но даже росла, чего нельзя сказать о рабочих, занятых в производстве гражданской продукции [Воробьев: 45].

Вторую многочисленную группу конфликтов составили стачки с требованиями урегулировать продовольственный вопрос (улучшить снабжение продовольственными товарами и качество последних, снизить цены на продовольствие). Причем в этой категории суммарный показатель ЦПР

заметно превышает общероссийский. Так, с июля 1914 г. по февраль 1917 г. требование решить продовольственный вопрос выдвигалось в ходе 5,9 % стачек, зафиксированных на территории империи. Для Центрально-промышленного района эта цифра практически вдвое выше – 10,59 %. При этом внутри региона между губерниями также заметны различия. Самая высокая доля «продовольственных» стачек в рассматриваемый период фиксируется во Владимирской губернии (28 %). Для остальных этот показатель заметно ниже: в Тверской губернии – 11,94 %, в Костромской – 11,21 %, в Калужской – 9,68 %, в Московской – только 2,73 %, что может рассматриваться как свидетельство удовлетворительной ситуации с продовольствием в Московской губернии вплоть до конца 1916 г. как следствие приоритетного снабжения предприятий, выпускавших военную продукцию.

Среди других групп требований наиболее заметную долю составляли требования, касавшиеся регулирования длительности рабочего дня, рабочей недели и отпусков, а также выплат квартирных денег, различных пособий и наградных.

Безусловный интерес представляют сведения о результатах трудовых конфликтов, в частности определение доли стачек, завершившихся полным или частичным удовлетворением требований рабочих. Следует отметить, что нам известны результаты лишь 55,4 % стачек в губерниях ЦПР в рассматриваемые годы. Если определять долю победных для рабочих исходов конфликтов от общего числа стачек, то Владимирская, Костромская и Калужская губернии будут демонстрировать близкие показатели – 53,99 %, 52,47 % и 50 % соответственно. Немного будет уступать Тверская губерния – 44,78 %, более заметно Ярославская – 27,66 % и Московская – 22,25 %. Но если мы будем определять долю стачек, где требования рабочих были полностью или частично удовлетворены, не

от общего их числа, а только от количества стачек, результат которых нам известен, то получим следующие значения: Владимирская губерния – 92,28 %, Костромская – 81,82 %, Калужская – 79,49 %, Тверская – 65 %, Московская – 44,17 %, Ярославская – 43,33 %. В целом можно заметить, что владельцы предприятий в условиях войны готовы были идти на те или иные уступки рабочим, удовлетворяя хотя бы часть озвученных требований, с целью в максимально короткие сроки вернуть рабочих к станкам. Кроме того, например, на заседании Особого совещания по обороне при обсуждении «рабочего вопроса» неоднократно обращалось внимание на то, что бороться с протестными выступлениями рабочих только репрессивными мерами не имеет смысла, поскольку такая политика способна спровоцировать рост антиправительственных настроений и сделать конфликты на производстве более длительными, а поведение рабочих – более агрессивным.

Советская историография традиционно акцентировала внимание на политической компоненте протестного движения рабочих России в начале XX в., включая и период Первой мировой войны. В связи с этим представляется важным на основе нового, более полного источника посмотреть, насколько велика была доля политических выступлений, тем более что рабочие губерний ЦПР проявляли заметную активность в довоенные годы в ходе стачек солидарности, стачек в связи с памяtnыми датами (9 января 1905 г., Ленские события и др.) и празднованием 1 Мая.

Во второй половине 1914 г. в целом по России прослеживаются две основные причины происхождения стачек политического характера: начало войны и арест депутатов-большевиков IV Государственной думы. Причем стачки эти не охватывали большого количества городов и регионов и были сконцентрированы преимущественно в Петроградской, Харьковской губерниях и на Донбассе. Рабочие Центрально-промышленного района практически не участвовали в этих событиях, за исключением нескольких предприятий в Московской губернии (ряд типографий, мебельная фабрика, Мытищинский вагоностроительный завод, завод «Динамо» и некоторые другие).

Первая волна политических стачек в 1915 г. падает на январь, и связана она с годовщиной событий 9 января 1905 г. Однако размах выступлений существенно уступал аналогичному показателю в довоенные годы, что отмечалось в донесениях жандармов и отношениях губернаторов. Петроградский градоначальник отмечал: «...традиционные забастовки как протест против расстрела рабочих 9 января 1905 г. молчаливо проведены в немногочисленных предприятиях, в большинстве неполным составом рабочих» [Кириянов: 48]. В эту картину вполне укладывается и тот факт, что в 1915 г. почти незамеченными прошли такие со-

бытия, как состоявшийся в феврале суд над большевистскими депутатами IV Государственной думы и годовщина Ленского расстрела в апреле. На последнее событие отреагировали только рабочие предприятий Сибири.

Первая достаточно широкая волна стачек политического характера, охватившая как предприятия Москвы и Петрограда, так и целый ряд других городов, включая ЦПР, прошла в связи с 1 мая 1915 г. Однако эти первомайские забастовки не были длительными и не сопровождались заметной активностью рабочих. Так, в Петрограде рабочие зачастую просто завершали смену ранее положенного времени и спокойно расходились по домам. В Москве же «во многих предприятиях работы кончились после обеда по соглашению с хозяевами, по издавна установившейся традиции, вне связи с первым мая» [Кириянов: 51]. Именно такая ситуация сложилась, например, на заводе «Зингер», где рабочие по предварительной договоренности с администрацией предприятия завершили работу 1 мая на 1,5 часа раньше. Из губерний ЦПР первомайские стачки состоялись только в двух костромских типографиях, на Сормовском заводе в Нижегородской губернии и на механическом заводе товарищества А.И. Зверинцева в Твери. Причем в стачках принимала участие лишь небольшая часть работников предприятий, что объяснялось условиями военного времени и опасением отправки в действующую армию за участие в протестных акциях.

Август 1915 г. был отмечен волной политических стачек протеста в связи с применением оружия при подавлении выступлений рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске. В начале июня 1915 г. рабочие Большой льняной мануфактуры в Костроме выдвинули требование увеличить выплачиваемые квартирные деньги на 2 руб. в месяц. 5 июня они пришли за ответом к администрации предприятия. Однако услышанное их не удовлетворило, и они отказались возвращаться к станкам. Выйдя за территорию предприятия, рабочие Большой льняной мануфактуры сняли с работ всех рабочих соседней фабрики Бельгийского общества и то же самое попробовали сделать на фабрике Зотова. Однако последнее предприятие выполняло военные заказы, а потому находилось под пристальным контролем властей. В результате подошедшие к фабрике Зотова рабочие Большой льняной мануфактуры и фабрики Бельгийского общества были встречены рядом полиции. В ходе столкновения были убитые и раненые, организаторы стачки были арестованы¹.

10 августа 1915 г. аналогичные костромским события произошли в Иваново-Вознесенске. В результате столкновения с полицией были убиты 30 рабочих и более 50 человек были ранены. На следующий день в городе бастовали уже более 25 тыс. человек [Лаврычев: 112–117]. Факты применения оружия против бастующих рабочих (особенно события в Иваново-Вознесенске) получили

широкую огласку. И 17–20 августа в знак протеста против подобных действий властей прошли стачки солидарности на многих предприятиях Петрограда, Москвы и других городов.

Последний в 1915 г. подъем волны политических стачек в России приходится на сентябрь. Тому было две основные причины. Во-первых, 3 сентября была распущена до февраля 1916 г. Государственная дума, во-вторых, в Петрограде прошли аресты членов левых партий (большевиков, меньшевиков и эсеров). Одними из первых забастовали рабочие Путиловского завода и Путиловской верфи, а также завода Лесснера, после чего стачечная активность фиксировалась в Москве, на заводах Екатеринослава и губернии, Области Войска Донского и других городах. В докладе московского губернатора, направленного в Министерство внутренних дел, по поводу этих событий отмечалось: «...вследствие роспуска Государственной думы и бывших забастовок в Москве и Петрограде настроение населения, в особенности рабочих, было крайне тревожным; по мнению последних, правительство тяготеет к фабрикантам и заводчикам, и только Государственная дума входит в их (рабочих) нужды и желала бы облегчить их положение»². Однако предприятия остальных губерний ЦПР эта волна политических стачек практически не затронула.

1916 год в плане активности протестного движения рабочих отличался от предшествовавших ему полутора военных лет. Стачки в связи с очередной годовщиной Кровавого воскресенья имели больший региональный охват и большее количество участников в сравнении с 1915 г. Большевики и эсеры-интернационалисты выпустили к этой дате листовки с призывами к забастовкам и демонстрациям. По случаю различных выступлений рабочих 9 января 1916 г. Охранное отделение составило специальное дело с информацией о стачках, демонстрациях и митингах. В него вошли сводки событий, отчеты начальников местных жандармских управлений, полицмейстеров, губернаторов. В частности, в нем отмечается, что в Петрограде утром 9 января работа была остановлена на 50 предприятиях, число участников стачек превышало 65 тыс. человек³. В этот день стачки имели место также в Москве, Харькове, Ревеле и других городах. Однако активность рабочих Центрально-промышленного района нельзя назвать высокой.

Годовщина суда над депутатами Государственной думы в феврале 1916 г. прошла почти незамеченной. Можно предположить, что одной из причин этого стали события в Петрограде, отвлекавшие на себя внимание как рабочих, так и революционных партий. События в столице развивались следующим образом. 4 февраля 1916 г. около 200 рабочих электрического цеха Путиловского завода прекратили работу и предъявили требование об увеличении заработной платы на 70 %. Руководство пред-

приятия ответило, что готово рассматривать вопрос о повышении заработков, но только тем рабочим, кто получал менее 100 руб. в месяц. На следующий день остановились почти все цеха завода, после чего по приказу начальника Петроградского военного округа завод был закрыт. Это вызвало возмущение рабочих многих предприятий как в столице, так и в других городах, включая губернии ЦПР, и привело к организации многочисленных сходок, собраний и обсуждению планов организации всеобщей стачки [Кирьянов: 68]. А вот в марте 1916 г. политическая компонента в протестных выступлениях рабочих ЦПР вновь возросла. В первую очередь это связано с высокой активностью московских рабочих, которые провели стачки протеста против военного суда над 25 рабочими и служащими городского трамвая, которые являлись организаторами забастовки в октябре 1915 г.

Следующая волна политических выступлений рабочих пришлось вновь на Первомай, хотя в целом по стране стачек было немного, а количество участников невелико. В Москве в эти дни состоялась стачка в Брянских железнодорожных мастерских, на фабрике Циндель, в ряде небольших швейных и кожевенных мастерских. В Ярославской губернии забастовали в это время рабочие табачной фабрики Вахрамеева. Прекратили работу несколько небольших предприятий в Костромской губернии. При этом возникает вопрос, насколько обоснованным является отнесение этих событий к выступлениям политического характера, поскольку в целом ряде стачек, совпавших по времени с первыми майскими днями, выдвигались экономические требования. Так, например, рабочие ярославской фабрики Вахрамеева предъявили требование делать дополнительные начисления к заработку в связи с ростом дороговизны, после чего покинули предприятие и вернулись на свои рабочие места через несколько дней, когда владельцы пошли на уступки и согласились увеличить выплаты.

Основной причиной рабочих протестов осенью 1916 г. в это время становится недовольство продовольственным положением, что автоматически вызывало недовольство правительством и затянувшейся войной. Волна стачек политического характера в ноябре 1916 г., захлестнувшая Москву, была связана со слухами о роспуске Государственной думы. Московских рабочих поддержали и трудящиеся промышленных предприятий в других городах.

В стачках января 1917 г. (где доля политических превысила 50 %) переплелись протест против произвола властей в прошлом (Кровавое воскресенье 1905 г.) и настоящем (отсрочка созыва Государственной думы) с требованием обеспечения рабочих хлебом и другими основными продовольственными товарами. При этом следует отметить, что если ранее с требованием улучшения продовольственного снабжения рабочие обращались к владельцам и директорам предприятий, то в на-

чале 1917 г. эти требования адресовались местной и центральной власти. Такое переплетение требований являлось характерной чертой многих стачек начала 1917 г. как в Москве, так и в других городах Центрально-промышленного района.

В профессиональном отношении участниками политических стачек чаще всего были металлисты, печатники, в январе 1917 г. – текстильщики (наибольшая активность отличались рабочие фабрик Иваново-Вознесенска и Костромы), а в отдельные периоды – рабочие деревообрабатывающих предприятий и столярных мастерских, сапожных и обувных фабрик, кондитерских предприятий, рабочие золотых приисков в Сибири и нефтедобывающих предприятий в Баку. Проще было начать стачку, особенно политическую, на предприятиях, никак не связанных с выполнением военных госзаказов. Однако в 1916 г. стачки все больше охватывали фабрики и заводы, работавшие на военные нужды.

Размеры предприятий, рабочие которых принимали участие в политических протестах, были различны. Но преобладали крупные предприятия, что как раз было характерно для ЦПР.

Таким образом, стачки рабочих на предприятиях Центрального промышленного района в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) преимущественно являлись именно трудовыми конфликтами, в ходе которых приоритетными становились выдвигаемые рабочими экономические требования. Политическая компонента стачечного движения в рассматриваемых губерниях вплоть до начала 1917 г. была слабо выражена, что позволяет сделать вывод о явной ее переоценке в исследованиях советского (да и в некоторых работах постсоветского) периода. В январе – феврале 1917 г. ситуация стремительно менялась на фоне обострявшегося продовольственного дефицита и роста дороговизны, что приводило к росту недовольства действиями местных и центральных органов власти и, как следствие, к антиправительственным лозунгам в ходе протестных выступлений.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 ДП 4 д-во. 1915 г. Д. 30. Ч. 2. Л. 10, 12–12 об., 15.

² ГА РФ. Ф. 102 ДП. 4 д-во. 1915 г. Д. 108. Ч. 42. Л. 24.

³ ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1916 г. Д. 158. Л. 17, 25–27.

Список литературы

Балабанов М. От 1905 к 1917 г.: Массовое рабочее движение. М.; Л.: Госиздат, 1927. 455 с.

Воробьев Н.Я. Заработная плата как элемент промышленного производства в условиях довоенного и военно-революционного времени // Вопросы заработной платы: сб. статей. М., 1923. С. 27–59.

Ельницкий А. Рабочее движение в России. Харьков: Пролетарий, 1925. 662 с.

Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). М.: Издательский центр Института Российской истории РАН, 2005. 218 с.

Лаверычев В.Я. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М.: Изд-во Московского университета, 1957. 160 с.

Пионтковский С. Краткий очерк истории рабочего движения в России (с 1870 г. по 1917 г.). Л.: Прибой, 1925. 260 с.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год. Петроград: Тип. В. Киршбаума, 1915. 379 с.

Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г.: Хроника / авт.-сост. Г.Г. Касаров. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 832 с.

Флеер М.Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л.: Прибой, 1926. 122 с.

References

Balabanov M. *Ot 1905 k 1917 g.: Massovoe rabochee dvizhenie* [1905 to 1917: Mass Labor Movement]. M., L., Gosizdat Publ., 1927, 455 p. (In Russ.)

Vorob'ev N.Ya. *Zarabotnaya plata, kak element promyshlennogo proizvodstva v usloviyah dovoennogo i voenno-revolucionnogo vremeni* [Wages as an element of industrial production in pre-war and military-revolutionary times]. *Voprosy zarabotnoj platy: sbornik statej* [Issues of wages. Digest of articles]. M., 1923, pp. 27–59. (In Russ.)

El'nickij A. *Rabochee dvizhenie v Rossii* [Labor movement in Russia]. Har'kov, Proletarij Publ., 1925, 662 s.

Kir'yanov Yu. I. *Social'no-politicheskij protest rabochih Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.)* [Socio-political protest of the workers of Russia during the First World War (July 1914 - February 1917)]. M., Institut Rossijskoj istorii RAN Publ., 2005, 218 p. (In Russ.)

Laverychev V.YA. *Rabochee dvizhenie v Ivanovo-Voznesenske v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917)* [Labor movement in Ivanovo-Voznesensk during the First World War (1914 - February 1917)]. M., Moskovskij universitet Publ., 1957, 160 p. (In Russ.)

Piontkovskij S. *Kratkij ocherk istorii rabochego dvizheniya v Rossii (s 1870 g. po 1917 g.)* [A brief outline of the history of the labor movement in Russia (from 1870 to 1917)]. L., Priboj Publ., 1925, 260 p. (In Russ.)

Svod otchetov fabrichnyh inspektorov za 1914 god [A collection of reports of factory inspectors for

1914.]. Petrograd, V. Kirshbaum Publ., 1915, 379 p. (In Russ.)

Stachechnoe dvizhenie v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. Iyul' 1914 g. – fevral' 1917 g.: Hronika, avt.-sost. G.G. Kasarov [Strike movement in Russia during the First World War. July 1914 - February 1917: Chronicle]. M., SPb., Nestor-Istoriya Publ., 2019, 832 p. (In Russ.)

Fleer M.G. *Raboochee dvizhenie v Rossii v gody imperialisticheskoy vojny* [Labor movement in Russia

during the imperialist war]. L., Priboj Publ., 1926, 122 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2021; одобрена после рецензирования 29.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 12.01.2021; approved after reviewing 29.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 52-58. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 52-58. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 94(470)«1914/1918»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-52-58>

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГГ.: ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ

Колесников Владислав Александрович, Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия, vladkoles95@yandex.ru

Аннотация. Продовольственное снабжение Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны претерпело изменение от свободной рыночной системы до контролируемой государством хлебной монополии в условиях кризиса снабжения. В статье рассматриваются действия местных властей Костромской и Ярославской губерний в период Первой мировой войны в контексте решения продовольственного вопроса. Внимание акцентировано на работе властей царского и революционного времени. В работе прослеживаются как первые действия по борьбе со спекуляцией, так и противоречащие государственной политике решения в условиях наступившей революции и кризиса снабжения. В статье затронуты возникшие в годы Первой мировой войны противоречия хлебного рынка. Твёрдые цены, установленные на продовольствие, зачастую вызвали недовольство производителей в хлебородных губерниях. В работе сформулирован вывод о причинах наступления продовольственного кризиса в потребляющих губерниях и степени эффективности решения данной проблемы силами местных властей.

Ключевые слова: Первая мировая война, продовольственный вопрос, русское общество, Костромская губерния, Ярославская губерния, продовольственное снабжение, земство, уполномоченный особого содействия по продовольствию

Для цитирования: Колесников В.А. Проблема продовольственного снабжения в российской провинции в годы мировой войны 1914–1918 гг.: по материалам Костромской и Ярославской губерний // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 52-58. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-52-58>

Research Article

THE PROBLEM OF FOOD SUPPLY IN THE RUSSIAN PROVINCE DURING THE WORLD WAR OF 1914–1918 BASED ON THE MATERIALS OF KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES

Vladislav A. Kolesnikov, Kostroma state University, Kostroma, Russia, vladkoles95@yandex.ru

Abstract. The article examines the actions of local authorities of Kostroma and Yaroslavl provinces during the World War I in the context of solving the food issue. Attention is focused on the work of the tsarist and revolutionary authorities. The paper traces both the first actions to combat speculation and decisions that contradict state policy in the context of the coming revolution and the supply crisis. The article deals with the contradictions of the bread market that arose during the World War I. The fixed prices set for food often caused dissatisfaction of producers in the grain-producing provinces. The paper draws a conclusion about the causes of the food crisis in the consuming provinces and the degree of effectiveness of solving this problem by local authorities.

Keywords: World War I, food issue, Russian society, Kostroma Province, Yaroslavl Province, food supply, Zemstvo, Commissioner of special meeting on food

For citation: Kolesnikov V.A. The problem of food supply in the Russian province during the world war of 1914–1918 based on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 52-58 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-52-58>

Продовольственное снабжение Верхнего Поволжья в начале XX века было актуальным в контексте снабжения населения. Костромская и Ярославская губернии относились к зоне рискованного земледелия, своего хлеба не хватало, поэтому снабдить быстрорастущее население в условиях обострения аграрного кризиса можно было только привозным хлебом.

К началу XX века в Российской империи преобладало мелкое крестьянское хозяйство. В случае неурожая, как, например, в 1891 году, страну постигал голод, для преодоления которого требовалась широкая помощь от государства [Ольденбург: 188]. Община, лежавшая в основе крестьянского землепользования, с одной стороны спасала слабых, а с другой – тормозила крепких, хозяйственных крестьян [Ольденбург: 192]. Мер, принятых в 1900 г. Николаем II по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей¹, было недостаточно. Изменение политики в отношении производителей хлеба связано с именем П.А. Столыпина. Начатая в 1906 г. Столыпинская реформа была направлена на утверждение в деревне права частной собственности на землю. Эта мера должна была способствовать росту сельскохозяйственного производства и повышению доходности крестьянского хозяйства [Безгин: 89–101]. По сути, реформа создавала крепкого крестьянина-производителя и вписывала его надёжным звеном в систему капиталистических отношений. Посредником в продовольственном деле был частный торговый аппарат. Главным центром хлебной торговли, снабжавшим как обе столицы, так и значительную часть Европейской России, был город Рыбинск Ярославской губернии, выгодно расположенный на реке Волге. Координация торговых операций осуществлялась посредством Рыбинской хлебной биржи, созданной ещё в 1842 году. В 1914 году через Рыбинск прошло 66 млн пудов хлеба [Роднов: 19–22].

С началом Первой мировой войны, в первые недели боевых действий, правительством был определён порядок заготовки хлеба для армии², запрещён экспорт хлеба за границу [Китанина: 77]. Закупки хлеба для армии способствовали росту цен на местах производства [Туган-Барановский: 5–23].

На региональном уровне первые проблемы возникли с дороговизной продуктов. По Городовому уложению 1892 г., думы и управы имели право устанавливать таксы на хлеб и мясо, с последующим утверждением губернатором³. В потребляющих хлеб Костромской⁴ и Ярославской⁵ губерниях появились такие предельные цены. Но они не достигали своей цели: торговцы зачастую их игнорировали⁶. Наличие твёрдых цен приводило к тому, что продукты исчезали с базаров, торговля становилась убыточной.

8 февраля 1915 года в Ярославле была учреждена Губернская земская касса мелкого кредита⁷,

орган местного самоуправления, предназначенный для осуществления кредитных операций внутри губернии. Через кассу в дальнейшем шли все основные закупки продовольствия для Ярославской губернии, в первую очередь – для контроля цен и предотвращения спекуляций.

19 мая 1915 года правительством был сделан следующий шаг по организации продовольственного дела в стране – Министру торговли и промышленности были предоставлены особые полномочия по общему руководству продовольственным делом в рамках Главного продовольственного комитета⁸. Поставленные координационные задачи были трудноосуществимы из-за громоздкого закупочного аппарата. Поэтому его деятельность как контрольного органа заметных следов не оставила [Китанина: 75]. Однако созданная 26 мая 1915 года городской думой Ярославля специальная продовольственная комиссия вела с указанным комитетом дела по финансовым вопросам⁹. Формирование проблем, связанных с продовольственным вопросом, не было одновременным ни в масштабе регионов, ни в контексте отдельной губернии. В Костроме, например, рост цен на продовольственные продукты вызвал недовольство рабочих. 5 июня 1915 года рабочие фабрики Кашина бросили работу и вместе с рабочими Зотовской фабрики направились к центру города требовать у губернатора упорядочить продовольственный вопрос. В итоге демонстрация была разогнана, несколько рабочих было убито. Событие вызвало общероссийский резонанс и запрос в Государственной думе. Итогом стал перевод губернатора Мякинина, взявшего всю вину на себя, в другую губернию¹⁰.

Великое отступление русской армии летом 1915 года констатировало ошибочность предположений о скоротечности войны, поэтому всё больше сфер экономической жизни страны переходило под контроль государства.

17 августа 1915 года в Петрограде с одобрения императора учреждается Особое совещание по продовольствию во главе с министром земледелия и землеустройства А.В. Кривошеиным¹¹. В этот же день Особое совещание установило твердые цены на хлеб, применимые исключительно для правительственных закупок. За их основу были приняты средние рыночные цены с надбавкой в качестве компенсации за принудительный порядок продажи хлебных продуктов. Данные меры вызывали настороженность и покупателей, и мукомолов. Позже представители биржевых комитетов Волжско-Камского района в Рыбинске в феврале 1916 г. отмечали, что торговля оказалась парализованной, и предлагали отменить нормировку [Китанина: 160–165].

В октябре 1915 года начинает создаваться система уполномоченных председателя Особого совещания по продовольствию на местах. В сфере их компетенций было: образование местных запасов продовольствия для регулировки цен; распре-

ление продовольствия среди местного населения; подвоз к местным центрам предметов первой необходимости¹². Уполномоченными председателя Особого совещания становились губернаторы, председатели губернских земских управ, члены Государственного совета и Государственной думы, градоначальники [Кондратьев].

21 октября 1915 г. председатель особого совещания А.В. Кривошеин назначил уполномоченным по Костромской губернии председателя местной губернской земской управы Бориса Николаевича Зузина. На заседаниях 21 и 26 ноября 1915 года уполномоченным был намечен план ближайших работ: обследовать продовольственные запасы в губернии и выявить меры к их пополнению. В крупных городах прошла перепись торговых запасов¹³. В Костромской губернии уполномоченный и совещание при нём стали центром в системе решения продовольственного вопроса. Его деятельность требовала взаимодействия с губернатором, в ведении которого было утверждение и отмена такс. 12 мая 1916 года губернатор И.В. Хозиков сообщил Зузину, что после отмены таксы 5 мая со складов Чумакова, несмотря на заверения об отсутствии муки, начался её отпуск в потребительские лавки и частным лицам по цене выше, чем ранее¹⁴. Губернатор просил уполномоченного установить до выпуска муки нового размола прежние ограничения. Уполномоченный считал, что восстановление твёрдой цены нежелательно, так как благодаря её отмене в городе появилась мука. Помимо всего, в губернию требовалось ввезти не менее 2–3 млн пудов муки, что виделось неосуществимым без содействия частных торговых капиталов¹⁵.

Ключевое событие в развитии продовольственной политики произошло 9 сентября 1916 года с выходом постановления министра земледелия А.А. Бобринского. Им были введены твердые цены на хлеб до урожая 1917 года как для военных, так и для гражданских закупок¹⁶. В Ярославской губернии изначально обязанности уполномоченного лежали на губернаторе, который содействовал губернской земской кассе мелкого кредита в доставке продовольствия. В ноябре 1916 года уполномоченным в Ярославской губернии становится председатель губернского Земства Д.Е. Тимрот, и уже в его обязанностях было проводить закупку всего продовольствия для губернии¹⁷.

Из системы закупок была выведена частная торговая инициатива: сложившаяся продовольственная традиция в виде классических рыночных действий торговых и предпринимательских кругов теперь могла действовать с позволения уполномоченных. И если уполномоченные потребляющих губерний использовали опыт торгового аппарата, то уполномоченные производящих регионов даже агентов уполномоченных из потребляющих губерний к закупкам допускали не всегда. Существовали проблемы с доставкой закупленного хлеба из про-

изводящих губерний. Стоило Костроме получить наряды на железную дорогу, так одесский уполномоченный запретил вывоз муки из Елизаветграда. Начались хлопоты о разрешении вывоза – истёк срок железнодорожных нарядов, стали хлопотать о нарядах – истёк срок разрешений на вывоз¹⁸. По сути, всю полноту продовольственных операций получали уполномоченные в производящих губерниях, как правило – по закупкам продовольствия для армии, в потребляющих – Особого совещания по продовольствию.

7 октября 1916 года костромское совещание при уполномоченном признало, что причиной, вызвавшей хлебный кризис, была непоследовательность в проведении твёрдых цен. Население не знало реального продовольственного положения, хлебная торговля почти остановилась. Учреждения, предприниматели, частные лица закупали хлеб по фиктивным счетам или же со скрытыми доплатами¹⁹. 31 октября 1916 г. костромское совещание признало необходимым введение карточной системы²⁰. Зимний подвоз для Костромской губернии можно было выполнить лишь по железным дорогам в размере действительной необходимости. Карточки вводились на территории губернии на продажу ржаной и пшеничной муки, крупы и сахара с 1 января 1917 года²¹. Схожие проблемы решали и в Ярославле²²: 16 ноября 1916 года Губернская продовольственная комиссия под председательством уполномоченного Д.Е. Тимрота постановила начать разработку вопроса о введении карточной системы на пшеничную и ржаную муку.

В условиях осложнённых закупок министерство земледелия приняло решение провести продовольственную развёрстку: разверстать необходимое количество хлеба для армии и лиц, работающих на оборону. 29 ноября 1916 г. Министр земледелия А.А. Риттих подписал постановление, по которому предполагалось, что система принудительного отчуждения продукта создаст равномерность закупок, возможность образования государственного запаса и осуществит плановость железнодорожных перевозок. Но в итоге по развёрстке даже нуждавшиеся в хлебе губернии, подобно Вологодской, Новгородской, Костромской, вынуждены были отдавать его с ущербом для себя [Китанина: 256–259]. Власть, не сумев поставить дело централизованного мобилизационного управления, металась в поисках решения продовольственной проблемы [Оськин: 53–56]. Однако в условиях военного времени требовались более оперативные действия, и население ожидало более решительных и целесообразных мер [Долидович: 71–74].

Накануне февральских событий 1917 года министр земледелия А.А. Риттих отмечал, что к продовольственному кризису привели твёрдые цены, проблемы транспорта и климатические условия, острая политическая борьба, шедшая на всех думских заседаниях. В Петрограде появились слухи по

поводу отсутствия муки, снижения нормы выдачи хлеба [Гальперина: 34–52]. В январе – феврале 1917 года план снабжения Москвы и Петрограда был выполнен лишь на 25 %. По мнению исследователей, требование ликвидации голода стало одним из основных лозунгов Февральской революции [Китанина: 302].

Органы местного самоуправления и уполномоченные особого совещания проделали значительную работу по организации снабжения населения продовольствием в условиях Первой мировой войны. Несмотря на твёрдые цены, ограничения свободной торговли, им удавалось осуществлять подвоз продовольствия на места, сдерживать спекуляцию.

После февральского переворота 1917 года руководство продовольственным делом переходит к новым организациям. В Ярославле 6–7 марта в здании губернской земской управы прошло организационное собрание Ярославского губернского общественного продовольственного комитета, в организации комитета принимали участие представители кассы мелкого кредита, Ярославской продовольственной комиссии²³. 12 марта 1917 г. в Костромской губернской земской управе состоялось организационное заседание губернского продовольственного комитета, созванное губернской управой по предложению министра земледелия. Главой избран А.С. Колодин, председатель Кинешемского союза кооперативов. Комитетом определены следующие задачи: прокормить население до навигации, произвести обследование частных хозяйств; организовать закупки и снабжение в навигационный период²⁴.

Постановление Временного правительства от 25 марта 1917 года²⁵ вводило хлебную монополию – переход хлебных запасов в распоряжение государства. Новая власть создала структуру продовольственных комитетов. Центральный Комитет распределял наряды в губернии, которые действовали уже через более мелкие единицы. Уездные, районные, волостные продовольственные комитеты избирались, или представляли собой преобразованные продовольственные совещания. Реквизиции хлеба, самое болезненное мероприятие, должны были происходить без понижения цены. Производителю продуктов оставлялось необходимое количество продуктов на годовое продовольствие и хозяйство, излишки забирали в казну по твёрдым ценам и распределяли между потребителями по карточной системе²⁶. На практике к 1917 году и после событий февраля 1917 года ситуация в стране многократно усложняется. Усугубляются проблемы с транспортной системой, сложнее становится контроль за отдельными губерниями. На местах отсутствовало понимание – с кем связываться, сколько и откуда хлеба получать. Уже 20 апреля 1917 года Председатель Костромского губернского продкома Б.Л. Петерсон отправил телеграмму в Петроград, в которой

просил разъяснить, кто заведует распределением хлебных грузов, идущих с низовьев Волги, и в какой мере может быть удовлетворена потребность губернии в пяти миллионах пудов хлеба²⁷.

В конце июня 1917 года Ярославская губернская продовольственная управа докладывала в министерство продовольствия, что отсутствие продовольственных запасов в губернии создавало трудности в функционировании управы. Под окнами шумела недовольная толпа, что порождало психологические проблемы служащих в связи с невозможностью удовлетворить запросы горожан. В губерниях, назначенных для закупки продовольствия, агенты Ярославского губпродкома сообщали о следующих проблемах²⁸: недостаток вагонов или же отказ местного комитета допускать агентов Ярославля. В условиях твёрдых цен крестьяне производящих губерний, считавшие расценки невыгодными, не всегда подвозили хлеб к станциям и пристаням.

Нередки были случаи, когда уполномоченный министерства по водным перевозкам А.С. Салазкин перенаправлял баржи, следующие в Ярославль, по другим адресам в другие губернии. Это вызывало возмущение ярославских продовольственных органов. Так, например, с трудом закупленный хлеб в сентябре 1917 года в Уфимской губернии в размере 62 тысяч пудов Салазкин передал Новгородской губернии²⁹. Однако и ярославские продовольственные органы прибегали к реквизициям. В конце октября на пристани Урочь близ Ярославля баржа с грузом «неизвестно кому принадлежавшего ячменя», ввиду острой нужды губернии в хлебе, была реквизирована Губпродкомом³⁰. В условиях острого дефицита хлеба Ярославская губернская продовольственная управа выдавала разрешения на самостоятельную закупку хлеба крестьянам в счёт невыполненных планов снабжения³¹. Это было нарушением хлебной монополии, но другого выхода не было – население голодало.

Ввиду фактической невозможности получить хлеб по нарядам, Ярославская продовольственная управа приступила к товарообмену³². В имевшие хлеб губернии для натурального обмена отпавились поезда с махоркой, мануфактурой, валенками. Из Оренбурга, например, только после посылки махорки начал поступать в губернию хлеб. Вятская губерния за 5 вагонов махорки на сумму 77 500 рублей и мануфактуры на 57 875 рублей обещала выслать на такую же сумму хлеба.

6 декабря 1917 года при Совете рабочих и солдатских депутатов Ярославля прошло организационное собрание продовольственного отдела³³. 21 декабря 1917 года Совет постановил ликвидировать продовольственную управу, не оправдавшую своего предназначения³⁴. Продовольственный отдел Совета постановил разделить население на группы по доходу: бедные – до 300 р. в год, средние – до 500 р. в год, остальные – богатые. Бедным

полагались красные карточки, средним – белые карточки. Богатые оставались без карточек³⁵. В январе 1918 года Костромская губернская продовольственная управа сообщала в Петроград о полном голоде в губернии. Мелкие партии расхищались на северных дорогах. В Тургай губернской управой был отправлен маршрутный поезд с махоркой и мануфактурой, такой же поезд с 8 вагонами мануфактуры и 4 вагонами махорки ушёл в Ялutorовск³⁶. На станции Буй местные организации реквизируют вагон хлеба, следующий из Челябинска в Ярославль, на что Ярославский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выразил решительный протест³⁷.

Всероссийский продовольственный съезд советов на заседании 21 января 1918 года постановил в целях проведения хлебной монополии передать дело снабжения в руки Советов крестьянских и рабочих депутатов; продовольственные органы как в центре, так и на местах создать через Советы. Руководствуясь данным постановлением, комитет Костромского губернского совета на заседании 31 января 1918 года постановил взять продовольственное дело в губернии и образовать Продовольственный отдел³⁸. В стране процветало самоснабжение, поэтому власти приходилось использовать жёсткие меры. Специальные вооружённые отряды реквизируют хлеб, борются с мешочниками, охраняли хлеб в пути. По мнению исследователей, широкое распространение самоснабжения было связано с провалом продовольственной политики советской власти. В конце 1917 года и в 1918 году ее органы стремились монополизировать дело заготовок продовольствия и снабжения им населения [Давыдов: 41–54].

В начале 1918 года состояние Костромской губернии было таковым, что даже реквизировать было нечего. В некоторых уездах были съедены даже семена. Властям приходилось действовать в условиях разрушенного рынка и надвигающейся гражданской войны.

Система продовольственного снабжения России накануне Первой мировой войны основывалась на свободном рынке: производители-крестьяне и посредники – частный торговый аппарат. С началом Первой мировой войны в Российской империи не было создано органа, который бы контролировал систему снабжения мирного населения продовольствием. Контроль продовольственного дела осуществлялся на уровне местного самоуправления. С августа 1915 г. структурным органом было Особое совещание по продовольствию. До февраля 1917 года земство, городские думы, губернаторы, уполномоченные особого совещания решали проблемы по сдерживанию цен на продовольствие. Важнейшим ограничением стал закон от 9 сентября 1916 года, по которому уполномоченные потребляющих губерний были обязаны не только бороться со спекуляциями, но и снабжать

население продовольствием. Можно полагать, что именно этот указ, вводящий твёрдые цены на все торговые операции, обрушил хлебный рынок. После февральских событий 1917 года Временное правительство ввело хлебную монополию. Новые организации столкнулись с нежеланием производящих губерний продавать хлеб по оторванным от реальности твёрдым ценам, со сложностью доставки закупленного продукта, с самочинными действиями властей и простого населения. С постепенным переходом на местах продовольственного дела во власть Советов в стране начинает устанавливаться жёсткая продовольственная диктатура: уже после выхода России из Первой мировой войны в губерниях будут образованы комитеты бедноты и продовольственные отряды – совершенно новые силы для контроля за продовольственным снабжением.

Примечания

¹ Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей, 12 июня 1900 г. // Свод законов Российской империи: в 5 кн. СПб., [б. г.]. Кн. 5. Т. 13. С. 44–54.

² Особый Журнал Совета Министров, 1 августа 1914 года // Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. / сост. Г.К. Гинс, при содействии А.А. Боголепова, А.И. Горовица. Пг., 1917. Ч. 1. С. 5–7.

³ 1892 год. Июня 11. Высочайше Утвержденное Родовое Положение // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3, отд. 1. СПб., 1895. Т. 12: 1892 год. С. 635–658.

⁴ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 535. Оп. 2. Д. 79. Л. 70 – 70 об.

⁵ Таксы выработанные Городскими Думами // Ярославские губернские ведомости. 1914. 26 августа. С. 2.

⁶ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 112. Л. 117.

⁷ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 1089. Оп. 1. Д. 1. Л. 1а.

⁸ Высочайше утверждённое 18 мая 1915 года Положение Совета Министров // Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. / сост. Г.К. Гинс, при содействии А.А. Боголепова, А.И. Горовица. Пг., 1917. Ч. 1. С. 7–11.

⁹ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 3. Д. 289. Л. 11 – 11 об.

¹⁰ Костромское охранное отделение: записки жандармского офицера. Кострома, 1917. С. 27–30.

¹¹ Закон 17 августа 1915 года // Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. / сост. Г.К. Гинс, при содействии А.А. Боголепова, А.И. Горовица. Пг., 1917. Ч. 1. С. 11–36.

¹² Особое совещание по продовольственному делу // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 1. С. 26–28.

¹³ Деятельность Костромского уполномоченного и учреждённых им в губернии продовольствен-

ных организаций за время с 15 ноября 1915 г. по 1-е апреля 1916 года // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 4. С. 20–26.

¹⁴ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 79. Л. 58–58 об.

¹⁵ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 79. Л. 59–59 об.

¹⁶ ГАЯО. Ф. 1089. Оп. 1. Д. 459. Л. 3 об.

¹⁷ ГАЯО. Ф. 1089. Оп. 1. Д. 459. Л. 3 об. – 4.

¹⁸ Из жизни Центр. О-ва // Костромской кооператор. 1917. № 1. С. 11–12.

¹⁹ Совещание при Уполномоченном по продовольственному делу // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 13. С. 11–16.

²⁰ Совещание о введении карточной системы // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 18. С. 13–15.

²¹ ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 126–126 об., 127.

²² ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 55. Л. 3 об.

²³ ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

²⁴ Губ. Продовольств. Комитет // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 10. С. 11–15.

²⁵ Постановление Временного правительства 25 марта 1917 года // Гинс Г.К. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. / сост. Г.К. Гинс, при содействии А.А. Боголепова, А.И. Горовица. Пг., 1917. Ч. 1. С. 9–19.

²⁶ Совет Крестьянских Депутатов // Известия Костромского Совета Рабочих Депутатов. 1917. 22 марта. С. 3–4.

²⁷ Вопросы продовольствия // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 15. С. 12.

²⁸ ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 108. Л. 76.

²⁹ ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 22. Л. 70 – 70 об.

³⁰ ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 22. Л. 35.

³¹ ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 16. Л. 118.

³² ГАЯО. Ф. 931. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

³³ ГАЯО. Ф. Р-1590. Оп. 2. Д. 7. Л. 6.

³⁴ ГАЯО. Ф. Р-1590. Оп. 2. Д. 7. Л. 18.

³⁵ ГАЯО. Ф. Р-1590. Оп. 2. Д. 7. Л. 16.

³⁶ Телеграммы, посланные губ. прод. управой // Продовольственное дело. 1918. № 3. С. 3.

³⁷ Чем грозит нам захват чужого хлеба в пути // Продовольственное дело. 1918. № 4. С. 11.

³⁸ Передача дела продовольствия в ведение Советов // Продовольствие и снабжение. 1918. № 1. С. 7–8.

Список литературы

Безгин В.Б. Крестьянство в аграрных преобразованиях начала XX века // Крестьянство и власть в истории России XX века / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. Москва: ООО «АПР», 2011. С. 89–101.

Гальперина Б.Д. IV Государственная Дума (пятая сессия) и последний министр земледелия // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2014. № 3. С. 34–52.

Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 41–54.

Долидович О.М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. 2014. № 12 (50). Ч. 3. С. 71–74.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.) / под ред. С.И. Потолова. Л.: Наука, 1985. 384 с.

Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/25336> (дата обращения: 25.09.2020)

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II: в 2 т. Нижний Новгород: Черная Сотня. XXI век, 2013. Т. 1. 430 с.

Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53–66.

Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. 225 с.

Туган-Барановский М.И. Война и народное хозяйство // Чего ждёт Россия от войны: сб. ст. Петербург: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. 223 с.

References

Bezgin V.B. *Krest'janstvo v agrarnykh preobrazovanijah nachala XX veka* [Peasantry in agrarian transformations of the beginning of the XX century]. *Krest'janstvo i vlast' v istorii Rossii XX veka* [Peasantry and power in the history of Russia of the XX century]. Moscow, ООО «APR» Publ., 2011, 472 p. (In Russ.)

Gal'perina B.D. *IV Gosudarstvennaja Duma (pjataya sessija) i poslednij ministr zemledelija* [IV State Duma (fifth session) and the last Minister of agriculture]. *Vestnik TvGU. Ser. Istorija* [Herald Of Tver State University. History Series], 2014, № 3, pp. 34–52. (In Russ.)

Davydov A.Ju. *Meshochnichestvo i sovetskaja prodovol'stvennaja diktatura. 1918-1922 gody* [Bagging and the Soviet food dictatorship. The years 1918-1922]. *Voprosy istorii* [Question of history], 1994, № 3, pp. 41–54. (In Russ.)

Dolidovich O.M. *Prodovol'stvennyj krizis v Enisejskoj gubernii v gody pervoj mirovoj vojny* [Food crisis in the Yenisei province during the first world war]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]: in 3 vols., 2014, № 12, vol. 3, pp. 71–74. (In Russ.)

Kitanina T.M. *Vojna, hleb i revoljucija (prodovol'stvennyj vopros v Rossii. 1914 – oktjabr' 1917 g.)* [War, bread and revolution (food issue in Russia. 1914-October 1917)]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 384 p. (In Russ.)

Kondrat'ev N.D. *Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii* [Bread Market and its regulation during the war and revolution]. *Istoricheskie materialy* [Historical materials]. URL: <http://istmat.info/node/25336> (access date: 25.09.2020) (In Russ.)

Ol'denburg S.S. *Carstvovanie Imperatora Nikolaja II* [The Reign of Emperor Nicholas II]. Nizhnij Novgorod, Chernaja Sotnja Publ., 2013, vol. 1, 430 p. (In Russ.)

Os'kin M.V. *Prodovol'stvennaja politika Rossii nakanune fevralja 1917 goda: poisk vyhoda iz krizisa* [Food policy of Russia on the eve of February 1917: search for a way out of the crisis]. *Rossijskaja istorija* [Russian history], 2011, № 3, pp. 53–66. (In Russ.)

Rodnov M.I. *Prostranstvo hlebnogo rynka (Ufimskaja gubernija v konce XIX – nachale XX vv.)*

[Space of the bread market (Ufa province in the late XIX-early XX centuries)]. Ufa, 2012, 225 p. (In Russ.)

Tugan-Baranovskij M.I. *Vojna i narodnoe hozjajstvo* [War and national economy]. *Chego zhdjot Rossija ot vojny* [What Russia expects from the war]. Petrograd, Prometej Publ., 1915, 223 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.10.2020; одобрена после рецензирования 24.11.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 30.10.2020; approved after reviewing 24.11.2020; accepted for publication 12.02.2021.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ Г. ВОЛОГДЫ В НАЧАЛЕ XX В.

Иванов Кирилл Александрович, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия, ki.ivanov1994@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность общественных организаций начала XX в. в Вологде и Вологодской губернии. Показано, что активность общественности постоянно росла на протяжении исследуемого периода. Причем если на политическую активность общества оказывали значительное влияние общероссийские события, то неполитические организации медленно, но уверенно распространяли свое влияние на все большее число сфер жизнедеятельности местного населения. Общественные организации постоянно сотрудничали как с государственной властью, так и с местным самоуправлением. Основой исследования является работа с материалами по Вологодской губернии, их анализ для понимания того, как выстраивался механизм сотрудничества и взаимодействия органов местного самоуправления с губернским правлением, губернатором и бюрократическим аппаратом. В результате исследования удалось показать, что количество общественных организаций в Вологодской губернии с начала XX в. росло, при этом важной проблемой в отечественной историографии остается вопрос о политическом характере общественных организаций. В статье рассматривается вопрос о том, можно ли считать общественную организацию политической, если в неё входят представители разных политических партий. Новизной работы является тезис о том, что большинство общественных структур имели аполитичный характер и занимались в основном социальными вопросами, не уделяя внимания проблемам по взаимодействию с государственной властью.

Ключевые слова: Вологда, земство, общественные организации, родиноведение (краеведение), кооперация, общества вспомоществования, власть, местное самоуправление

Для цитирования: Иванов К.А. Общественные организации и местное самоуправление г. Вологды в начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 59-64. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-59-64>

Research Article

PUBLIC ORGANISATIONS OF VOLOGDA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Kirill A. Ivanov, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, ki.ivanov1994@yandex.ru

Abstract. The article describes the activities of public organisations in the early 20th century in Vologda and Vologda Province. It is shown that the activity of the public was constantly growing during the study period. Moreover, the political activity of the society was significantly influenced by all-Russia events, while non-political organisations slowly but surely extended their influence to an increasing number of spheres of life of the local population. Public organisations constantly cooperated with both state authorities and local self-government. The research is based on working with materials on Vologda Province, their analysis to understand how the mechanism of cooperation and interaction of local self-government bodies with the provincial government, the Governor and the bureaucracy was built. As a result of the study, it became possible to show that the number of public organisations in Vologda Province had been growing since the early 20th century, although the number of political organisations was not enough. There were also no serious conflicts or opposition from the authorities in relation to public organisations. Most of the public structures were apolitical in nature and dealt mainly with social issues without paying attention to the problems of interaction with the state authorities.

Keyword: Vologda, Zemstvo, community organisations, studying of Motherland (local history), cooperation, welfare society, government, local self-government

For citation: Ivanov K.A. Public organisations of Vologda at the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2020, pp. 59-64 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-59-64>

Общественные организации в дореволюционной России имели достаточно сложную историю взаимоотношений с властью. До периода Великих реформ общественная жизнь империи была заключена в жесткие рамки административно-полицейского регулирования и надзора. Утверждение устава любого общества или союза являлось прерогативой императора. Но с середины XIX в. процесс регистрации общественных организаций все более упрощался. 4 марта 1906 г. вышли Временные правила об обществах и союзах – единственного в истории царской России законодательного акта, посвященного основам функционирования общественных организаций. Относительно этого акта в историографии, как в либеральной дореволюционной, так и советского периода, сложилось консолидированное мнение как о документе формальном, половинчатом, призванном в первую очередь ограничить общественную деятельность, а не способствовать ее развитию. По мнению современных исследователей, издание Временных правил свидетельствует прежде всего о признании государственной властью права на обособленную общественную жизнь граждан. В известной степени оно ставило предел вмешательству администрации в эту сферу деятельности [Туманова: 14]. Изменение порядка создания обществ и союзов привело к бурному росту их числа. Так, если в первые 60 лет XIX в. число общественных организаций не превышало ста, из них большая часть в западных губерниях и Прибалтике, то в 1912 г. только в Москве их было около 600 [Туманова: 16]. За 1906–1909 гг. в порядке, установленном Временными правилами, было зарегистрировано 4 801 общество, а всего в России к началу Первой мировой войны их насчитывалось более 10 тысяч [Сергеев]. Тем не менее отношения власти и общества продолжали оставаться сложными, далекими от сотрудничества и взаимопонимания.

Процессы, аналогичные общероссийским, происходили и на Севере России, в том числе в г. Вологде. Данная статья посвящена общественным организациям Вологды, функционировавшим в городе и Вологодской губернии в начале XX в.

Важной проблемой был вопрос о значении общественных организаций и её членов в революционных и протестных движениях 1905–1907 гг. Большую роль в общественной жизни европейского севера России играли просветительские общества, которые, по словам жандармов, являлись «предметом серьезных вожделений и для социал-демократов, и для социалистов-революционеров». В Вологодской губернии самым известным являлось общество «Помощь» в г. Вологде. В разное время в составе общества состояло от 150 до 200 человек: врачи, учителя, мелкие чиновники и др. 10 октября 1904 г. состоялось торжественное открытие собственного здания общества «Помощь», получившее название Пушкинский народный дом. В 1905–

1906 гг. Пушкинский народный дом стал центром общественной жизни Вологды [Солодянкина: 152].

Первой общественной организацией, которую хотелось бы упомянуть в этой связи, являются кооперативы, широко представленные в губернии. По числу кооперативных организаций Россия занимала первое место в мире (на 1 января 1917 г. их насчитывалось 63 тысячи). Уже одни цифры распространения кооперативов говорят об их влиянии на российское общество. У современного читателя кооперативы ассоциируются, прежде всего, с коммерческой производственной или сбытовой деятельностью. Однако, как показывают исследования последних лет, прежде всего Е.В. Диановой, российские кооперативы начала XX в. рассматривали свои задачи гораздо шире. Эти организации уделяли значительное внимание культурно-просветительской деятельности. Причиной такого некоммерческого интереса кооперативов была культурная отсталость крестьянства, препятствовавшая развитию кооперативного движения и формированию кооперативного сознания. Со ссылкой на труды теоретиков кооперативного движения Е.В. Дианова подчеркивает, что работа в области культуры и просвещения, поднятие культурного уровня членов кооператива напрямую была связана с ростом материальной эффективности движения [Дианова: 57–58].

Направления работы кооперативов в данной области были чрезвычайно разнообразны. Вологодские кооператоры выпускали собственные журналы. Так, в 1911–1919 гг. печатался журнал «Северный хозяин». Помимо проблем, связанных с чисто хозяйственной деятельностью, в нем поднимались и обсуждались вопросы формирования кооперативной этики, печатались статьи по общекультурным темам. Число таких изданий выросло в период после свержения самодержавия. В 1917–1918 гг. выходила кооперативная газета «Вольный голос Севера» [Дианова: 60].

Ещё одной крупной общественной организацией, которая имела свои филиалы в других городах губернии, была совокупность обществ вспомоществования. Целью создания обществ было, прежде всего, оказание материальной помощи нуждающимся учащимся. Первое общество вспомоществования в Вологодской губернии было открыто в г. Никольске в 1868 г. под названием «Благотворительное Общество». В дальнейшем такие общества развернули свою деятельность практически в каждом уезде. Одно общество вспомоществования обслуживало несколько учебных заведений. Так, Тотемское общество, возникшее в 1881 г., обслуживало 8 начальных учебных заведений. По 3 учебных заведения обслуживали Красноборское (1899 г.), Великоустюгское (1906 г.) и Сольвычегодское (1901 г.) общества. Вологодское общество вспомоществования в начале XX века обслуживало 22 начальных училища¹.

Так, в 1902 г. обществом г. Вологды было выделено на народные чтения 432 руб., а в 1905 г. на эти же нужды – уже 1454 руб., в 1908 г. – 2029 руб. В 1911 г. по инициативе члена общества А.А. Тарутина Вологодским отделением было принято решение об организации при обществе детской библиотеки. Это решение было одобрено губернатором².

Значительное внимание уделялось обучению крестьян современным приемам хозяйствования. Вологодское общество сельского хозяйства и Северосоюза (так назывался Вологодский губернский кооперативный союз) регулярно проводили курсовые занятия по кустарно-промысловой тематике. Способами распространения агрономических знаний являлись народные чтения, курсы, сельскохозяйственные выставки и выставки изделий народных промыслов, экскурсии для крестьян.

Если все вышеперечисленное относилось к профильной сфере деятельности кооперативов, то существовала и значительная, скажем так, непрофильная деятельность. Кооперативы сотрудничали с библиотеками, научными обществами, народными театрами. Даже такая сторона культурной жизни, как музейное дело и кинематограф, стали сферой приложения сил кооперативного движения.

Перейдем теперь к общественным организациям, которые, в принципе, не занимались никакой коммерческой деятельностью. Здесь рост числа обществ и союзов по всей России был также значителен. Только с конца 80-х годов XIX столетия по 1904 г. число научных обществ выросло с 73 до 130, сельского хозяйства со 130 до 851, учительских с четырех до 71 [Сергеев].

Одним из направлений деятельности вологодской общественности было краеведение или, как говорили в то время, родиноведение. В начале века в Вологде существовало Вологодское общество изучения северного края, сокращенно – ВОИСК. По его инициативе в 1911 г. был открыт Музей родиноведения (краеведения). Так как существование музея требовало немалых финансовых затрат, то средства на его функционирование выделялись губернским земством. В 1917 г. на баланс ВОИСК был принят другой музейный объект – «Домик Петра Великого», посвященный пребыванию в Вологде императора Петра Первого. Краеведческое общество не только активно изыскивало средства для содержания музейных объектов, в том числе собирая пожертвования среди населения. Оно организовывало этнографические экспедиции, собирало предметы старины, вело просветительскую деятельность. Помощь в комплектовании музейных коллекций оказывали не только губернские власти, но и уже упомянутые кооперативные организации.

ВОИСК не ограничивался музейной деятельностью. При Музее родиноведения существовала библиотека, сотрудники которой издали справочник «Библиография Северного края с 1766 по

1903 год». Стараниями членов ВОИСК издавался журнал «Известия ВОИСК», а затем «Северный край» [Дианова: 61–62].

Надо отметить, что первоначально в Вологде было создано отделение Ярославского естественно-исторического общества. Это было связано с тем, что число активистов-краеведов было невелико, и в среде самой вологодской интеллигенции существовали сомнения в возможности создания самостоятельной организации.

Другим важным направлением деятельности вологодской общественности было развитие начального народного образования, в том числе среди девочек из небогатых слоев населения. Изменение отношения российского общества к проблеме народного образования стало побудительным мотивом создания многочисленных обществ вспомоществования. Первое благотворительное общество с такой целью было создано в г. Никольске в 1868 г. В дальнейшем такие общества были созданы в каждом уезде. Они обслуживали от трех до восьми учебных заведений. Члены таких обществ вносили денежные средства на помощь нуждающимся детям и работали с ними на безвозмездной основе. С 1900 г. дополнительно к членским взносам стали поступать субсидии от земства, из бюджетов различного уровня и от других общественных организаций. Дополнительный доход поступал также от мероприятий, проводимых обществом, например концертов и спектаклей. Особенное внимание уделялось питанию учащихся. Подавляющее число обратившихся за помощью происходило из крестьянских детей – от 75 до 85 %. Благодаря всесторонней помощи, как отмечалось в одном из докладов, число неуспевающих учеников снизилось с 20 до 8 % [Колос: 44–45].

Кроме того, члены благотворительного общества предпринимали меры к всестороннему развитию учеников. Так, в Пушкинском саду г. Вологды была организована детская площадка, где дети занимались гимнастикой под руководством учителя Ф. Кленова, члена общества вспомоществования, работавшего на безвозмездной основе. Для учащихся проводились экскурсии по окрестностям Вологды, а также поездки на пароходе, безвозмездно предоставленном одним из местных купцов. Все это в немалой степени способствовало интеллектуальному развитию подрастающего поколения [Колос: 45–46].

Заметным явлением в жизни Вологды стало появление такого специфического благотворительного учреждения, как Община сестер милосердия. Община была создана в 1896 г. В нее принимались женщины и девушки в возрасте от 18 до 45 лет, которые готовились к выполнению обязанностей младшего медицинского персонала в мирное и военное время, а также к помощи врачам во время командировок на борьбу со вспышками эпидемий. В том же году при общине была открыта Хирур-

гическая лечебница Российского Красного Креста. Именно на ее базе планировалось проводить обучение сестер милосердия. В связи с тем, что земство отказалось выделить средства на содержание больницы, все расходы взял на себя Красный Крест. Часть средств зарабатывали сами сестры, получавшие вознаграждение за работу в других лечебных заведениях. Надо сказать, что становление лечебницы проходило со сложностями, но к началу Первой мировой войны это, хотя и небольшое, медицинское заведение смогло оказывать квалифицированную помощь на достаточно высоком уровне. В целом деятельность Общины сестер милосердия являет собой пример организации, альтернативной медицинской помощи без значительного государственного участия [Борзых: 111–112].

Несмотря на относительное разнообразие общественных организаций Вологодской губернии, взрывной рост их числа произошел после Февральской революции. Так, весной – летом 1917 г. возникли Союз медицинских врачей, Союз служащих уездного земства, Союз служащих правительственных учреждений, Союз домовладельцев. Всего в Вологде насчитывалось более 20 организаций. Некоторые из этих организаций достигали значительной численности. Так, Союз квартирантчиков насчитывал 600 человек, Союз земских и городских учреждений – 400, Союз служащих правительственных учреждений – почти полторы тысячи [Егоров: 55].

Кроме неполитических, в бурной обстановке Первой русской революции возникли и политические организации. В 1906 г. возникла Вологодская кадетская группа. Вслед за Вологодой организации возникли в уездных городах, а также в трех крупных селах. 30 августа 1906 г. прошел общегубернский съезд Партии народной свободы, как официально называли себя кадеты. Однако поражение революции и наступление периода реакции привело к фактическому прекращению работы губернской организации. Вновь в полном объеме деятельность кадетской организации возобновилась только в марте 1917 г. после победы Февральской революции. К сентябрю 1917 г. ячейки Партии народной свободы существовали в девяти из десяти уездных городов Вологодской губернии [Егоров: 59–60].

Если говорить о проблемах взаимодействия между органами местного самоуправления и учреждениями государственной власти, то необходимо отметить следующее: в большинстве случаев земства и губернская власть находили точки соприкосновения и работали в духе сотрудничества, а не конфронтации. Приведем некоторые примеры.

Губернатор С.Ф. Хоминский, занимавший этот пост в 1861–1878 гг., обратился к местному самоуправлению с просьбой выделить средства беднейшему населению для закупки дров на предстоящую зиму. Поводом к данной просьбе было резкое увеличение стоимости дров из-за недостаточного

объема заготовки. Городская дума г. Вологды сочла возможным выделить 1000 рублей. Достаточно плодотворно сотрудничали органы местного самоуправления в деле благоустройства подведомственных территорий. Так, по ходатайству губернатора вологодской городской думой совместно с полицмейстером был разработан порядок содержания придомовых территорий.

Однако были и конфликты. Так, например, в августе 1915 г. в Вологде прошел кооперативный съезд, организованный Вологодским обществом сельского хозяйства при поддержке земских организаций. Когда присутствовавший на съезде видный деятель кооперации Д.Д. Шаховской пытался обсуждать политические вопросы, вице-губернатор несколько раз прерывал его, а затем и вовсе закрыл съезд. Тем не менее Вологодская городская дума устроила уже после этого торжественный банкет в честь делегатов съезда, на котором вновь звучали «крамольные» речи [Егоров: 60].

Поводя итог краткому рассказу о некоторых общественных организациях Вологды, осуществлявших свою деятельность в начале XX в., необходимо отметить следующее. Большинство организаций занималось вопросами просвещения в широком смысле этого слова, что было связано, прежде всего, с низким уровнем культурного развития основной массы населения. При этом в большинстве случаев общественные организации находили поддержку как у местного земства, так и у достаточно мощного кооперативного движения, располагавшего значительными собственными средствами и активно участвовавшим в культурно-просветительской деятельности. Впрочем, как показывает опыт создания Хирургической лечебницы при Общине сестер милосердия, в некоторых специфических вопросах общественные организации и земства не всегда находили точки соприкосновения.

Если сравнить количество общественных организаций и сферы, в которых они были представлены, с другими соседними губерниями и городами, то можно отметить, что количество обществ, связанных с поддержкой образования в Вологде, было больше, чем в Череповце (Новгородская губерния). Так, в Череповце была только одна такая организация, а именно Череповецкое общество вспомоществования, а в Вологде организаций, занимавшихся поддержкой образования, было 4. При этом если сравнить вологодское и череповецкое общества вспомоществования, то последнее имело своей главной целью оказывать финансовую поддержку бедных учащихся, вологодское общество старалось в большей степени помогать не только самим ученикам, но и тем заведениям, в которых они проходили обучение. В Череповце не было потребительских обществ, когда в Вологде они уже были.

По количеству организаций в сфере оказания медицинской помощи Вологодская губерния не была в числе передовых. В 1903 году в ней насчи-

тывалось сорок четыре земских врачебных участка. Принимая население губернии на этот период в один миллион четыреста сорок восемь тысяч человек и площадь в 353 тысячи квадратных верст, получаем, что один врачебный участок приходился на тридцать две с половиной тысячи человек населения. Для сравнения укажем, что в Новгородской губернии средний участок охватывал двадцать пять тысяч четыреста человек, в Ярославской – двадцать пять тысяч семьсот человек. Хуже, чем в Вологодской, ситуация была, пожалуй, только в Олонецкой губернии [Коновалов: 124].

В изученных нами источниках Вологодского областного архива не содержится упоминаний о каких-либо серьезных конфликтах неполитических общественных организаций и официальных лиц. Единственный такой эпизод мы находим только в 1902 г., когда известный краевед П.А. Дилакторский подал прошение об открытии губернской газеты соответствующей направленности. Губернатор Л.М. Князев отказал в этом. Однако отказ был обусловлен не политическими причинами, а недостаточным образованием и неимущим положением заявителя [Панов: 285].

Таким образом, можно констатировать, что общественная жизнь в Вологде и уездах Вологодской губернии в начале XX в. постепенно охватывала все более широкие слои населения и протекала в условиях плодотворного сотрудничества с органами как государственной власти, так и местного самоуправления. Одной из особенностей общественных организаций было то, что часть из них среди своих членов имела как либералов, так и социалистов, что было нечастым явлением в общественной жизни других губерний. Ярким примером такой организации была Вологодская общественная организация «Помощь». Значительная часть общественных организаций занималась вопросами образования, попечительства учреждений здравоохранения, культуры. Другая же часть общественных структур – вопросами сельского хозяйства, поддержки крестьян и их обучением в агрономии. Также стоит отметить, что члены общественных организаций, как и сами организации, не являлись местом сбора революционеров, на собраниях и сборах участники обществ не поднимали вопросы недоверия к власти, не пытались противопоставить свои общества интересам государства и губернских властей. В целом проблема аполитичности была свойственна многим учреждениям и организациям Вологодской губернии. При этом стоит отметить, что проблема определения политичности той или иной общественной организации остается дискуссионной в историографии.

Примечания

¹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 1071.

² Там же.

Список литературы

Борzych А.С. Деятельность Вологодской хирургической лечебницы при Общине сестер милосердия // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 83. С. 110–119.

Дианова Е.В. Краеведческие музеи и кооперация: опыт сотрудничества // Вопросы музеологии. 2015. № 1. С. 55–64.

Егоров А.Н. Кадетские организации Вологодской губернии в 1917 году // История. Факты и символы. 2017. № 4. С. 53–62.

Колос Л.Н. Роль обществ вспомоществования в развитии начального женского образования в Вологодской губернии // Наука и современность. 2012. № 3. С. 44–48.

Коновалов Ф.Я. Земское здравоохранение в Вологодской губернии. Вологда, 2007. С. 205–211.

Панов Л.С. Становление краеведения в Вологде // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 283–287.

Сергеев С. Общественные организации России в начале XX века // Живая история. 2016. № 1. Режим доступа: <https://sovrhistory.ru/events/special/58dd00766f3bc8046e864721> (дата обращения: 18.11.2020).

Туманова А.С. Общественные организации и союзы России в начале XX века // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 2–18.

Элементы жизнеустройства российского города второй половины XIX – конца XX в.: механизмы власти, политические и экономические структуры, общественные объединения, социальная, образовательная, культурная среда: монография / под ред. О.Ю. Солодянкиной. Череповец, 2018. 267 с.

References

Borzykh A.S. *Deiatel'nost' Vologodskoi khirurgicheskoi lechebnitsy pri Obshchine sester miloserdiia* [Activity of the Vologda surgical hospital at the Community of Sisters of Mercy]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2018* [Bulletin Of The Orthodox St. Tikhon's University For The Humanities. Series 2. History. History Of The Russian Orthodox Church], 2018, issue 83, pp. 110–119.

Dianova E.V. *Kraevedcheskie muzei i kooperatsiia: opyt sotrudnichestva* [Local History museums and cooperation: experience of cooperation]. *Voprosy muzeologii* [Questions of museology], 2015, № 1, pp. 55–64.

Egorov A.N. *Kadetskie organizatsii Vologodskoi gubernii v 1917 godu* [Cadet organizations of the Vologda province in 1917]. *Istoriia. Fakty i simvol'y* [History. Facts and symbols], 2017, № 4, pp. 53–62.

Kolos L.N. *Rol' obshchestv vspomoshchestvovaniia v razvitiu nachal'nogo zhenskogo obrazovaniia v*

Vologodskoi gubernii [The Role of aid societies in the development of primary female education in the Vologda province]. *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity], 2012, № 3, pp. 44–48.

Kononov F.Ia. *Zemskoe zdravookhranenie v Vologodskoi gubernii* [Zemstvo health care in the Vologda province]. Vologda, 2007, pp. 205–211.

Panov L.S. *Stanovlenie kraevedeniia v Vologde* [Formation of local history in Vologda]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl pedagogical Bulletin], 2010, № 3, pp. 283–287.

Sergeev S. *Obshchestvennye organizatsii Rossii vnachale XX veka* [Public organizations of Russia at the beginning of the XX century Electronic resource]. *Zhivaia istoriia* [Living history], 2016, № 1. URL: <https://sovrhistory.ru/events/special/58dd00766f3bc8046e864721> (access date: 18.11.2020).

Tumanova A.S. *Obshchestvennye organizatsii i soiuzy Rossii v nachale XX veka* [Public organizations and unions of Russia at the beginning of the XX

century]. *Rossiia i sovremennyi mir* [Russia and the modern world], 2002, № 2, pp. 2–18.

Elementy zhizneustroistva rossiiskogo goroda vtoroi poloviny XIX – konca XX v.: mekhanizmy vlasti, politicheskie i ekonomicheskie struktury, obshchestvennye ob"edineniia, sotsial'naia, obrazovatel'naia, kul'turnaia sreda: monografiia / pod red. O.Iu. Solodianskoi [Elements of the Russian city's life structure in the second half of the XIX – end of the XX century: mechanisms of power, political and economic structures, public associations, social, educational, and cultural environment: the monograph], ed. by O.Y. Solodyankin. Cherepovets, 2018, 267 p.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020; одобрена после рецензирования 11.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 03.12.2020; approved after reviewing 11.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ КАМПАНИИ 1920–1930-Х ГГ. В КОСТРОМЕ

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, a.zyablikov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются причины, методы и формы антирелигиозной борьбы на Костромской земле в 1920–30-е гг. Рассматривается деятельность костромского отделения Союза воинствующих безбожников, чьи усилия были направлены на то, чтобы готовить идейный базис грядущего антицерковного и антирелигиозного террора. Богоборчество являлось одной из смыслообразующих идеологием становящегося советского строя, однако агрессивная атеистическая пропаганда в Костроме оказалась малоэффективной: православные традиции здесь были очень прочны. Делается вывод о планомерности и целенаправленности уничтожения религиозных святынь Костромы, разрушения ее исторического облика. Начав с попыток полемического диалога с Церковью в первые послереволюционные годы, в 1920-е гг. большевистская власть применила тактику сатирического осмеяния религии и религиозности, задействовав весь имеющийся в распоряжении государства пропагандистский арсенал. Потерпев поражение на фронте антирелигиозной пропаганды и агитации в 1920-е гг., власть в 1930-е гг. решительно перешла к репрессивным и карательным мерам. Единственным реальным средством борьбы с религией в русских городах советские и партийные руководители считали физическое уничтожение храмов и наиболее активной и влиятельной части духовенства.

Ключевые слова: советская власть, богоборческая политика, антирелигиозная пропаганда, атеистическая цензура, сатирический журнал, приходская жизнь, церковь, храмовая архитектура

Для цитирования: Зябликов А.В. Антирелигиозные кампании 1920–1930 х гг. в Костроме // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 65-73. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-65-73>

Research Article

KOSTROMA ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGNS OF THE 1920–1930S

Alexey V. Zyablikov, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, a.zyablikov@yandex.ru

Abstract. The article analyses the reasons, methods and forms of anti-religious struggle in Kostroma land in the 1920s – 1930s. The article focuses on the activity of Kostroma branch of the League of Militant Atheists, whose efforts, in the author's opinion, were aimed at building the ideological basis for the coming anti-church and anti-religious terror. The author of the article argues that fight against god was one of the meaning-forming ideologies of the emerging Soviet system, though aggressive atheistic propaganda in Kostroma turned out to be ineffective as Orthodox traditions allegedly were particularly strong here. The conclusion is made about the planned and purposeful destruction of the religious shrines of Kostroma and its historical appearance. After the attempts of a polemical dialogue with the Church in the first post-revolutionary years in the 1920s the Bolshevik government used the tactics of satirical ridicule of religion and religiosity, using all propaganda arsenals at the disposal of the state. It is claimed in the article that having being defeated at the front of anti-religious propaganda and agitation in the 1920s, the authorities did not hesitate to switch to repressive and punitive measures in the 1930s. Soviet and Communist Party leaders are depicted in the article as those who considered physical destruction of churches and the most active and influential part of the clergy to be the only effective means of fighting religion in Russian cities.

Keywords: Soviet power, state-church contradictions, anti-religious propaganda, atheistic censorship, satirical magazine, parish life, church, temple architecture

For citation: Zyablikov V.A. Kostroma anti-religious campaigns of the 1920–1930s. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 65-73 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-65-73>

Одним из знамен большевистской революции был атеизм – мировоззрение, отрицающее религию и существование Бога. После октября 1917 г. для Церкви наступили тяжелые времена: богоборческая большевистская власть объявила религии войну. Это было частью грандиозного плана по созданию человека нового типа, «свободного» от социальных оков, от умственных и духовных предрассудков. Ломка «старого» мира предполагала уничтожение или по крайней мере ослабление тех ценностных скреп, которыми держалась прежняя государственность.

Декретом Совета народных комиссаров от 2 февраля 1918 г. церковь была отделена от государства. Религия объявлялась частным делом граждан. Впрочем, декларируя «веротерпимость», советская власть сразу продемонстрировала, что для достижения своих идеологических целей она не погнушается прибегнуть к самым грубым и кощунственным методам, например, к вскрытию мощей святых. В ходе «мощейной» кампании 1918–1920 гг. были разорены более 60 усыпальниц [Лучшев: 96]. Декрет ВЦИК РСФСР от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей (формально для помощи голодающим) открыл дорогу фактическому разграблению храмов и приходов. Координировать и реализовывать богоборческую политику в масштабах страны должна была созданная в 1922 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) (АРК). Священнослужители и монахи попали в разряд «лишенцев». Так называли людей, лишенных согласно конституциям РСФСР 1918 и 1925 гг. избирательных прав. Таким способом власть выбивала из «нетрудовых» сословий исторические долги.

Увы, нередко бытует мнение, что в послереволюционные десятилетия русские люди якобы легко и по собственному почину отрекались от веры в Бога, более того – сладострастно глумились над православными святынями. Конечно, это имеет весьма отдаленное отношение к истине. Подтверждение тому – история проведения антирелигиозных кампаний и уничтожения православных святынь на Костромской земле.

Запретительные и репрессивные меры в отношении идейных врагов – метод испытанный и надежный. Однако местное советское и партийное руководство понимало, что в губернии с прочными православными традициями тактика грубого нажима не всегда может дать нужный результат. В первые послереволюционные годы власть еще пыталась прибегнуть к тактике полемического диалога с Церковью. Видимо, большевистские агитаторы полагали, что бойкое пролетарское разоблачение библейских «несуразностей» и поповских «обманов» немедленно откроет костромичам глаза на «антинародную» сущность религии. По инициативе коммунистических ячеек в городе проводились революционные и антирелигиозные

«митинги-концерты», «спектакли-субботники» и «суды», на которые нередко приглашались представители духовенства. Приглашались, конечно, для публичного осмеяния и посрамления. Однако нередко в роли выставленных на посмеище оказывались сами партийные активисты, не способные противопоставить хоть сколько-нибудь внятные возражения умному и прочувствованному слову священника. В Государственном архиве новейшей истории Костромской области сохранился интересный документ – полуотчет-полудонес некоего члена комячейки о диспуте в клубе, на который в 1920 г. был приглашен (вызван?) местный священник Милословский для разговора «о сотворении мира и загробной жизни»¹. Похоже, батюшке во время выступления неожиданно удалось заручиться поддержкой и симпатией части аудитории, о чем бдительный протоколист написал не без классовой обиды: «Священник Милословский не только уводил от прямого ответа, но даже стал походить на циркового комика, говоря комичные слова, дабы развеселить публику и этим завоевать свой авторитет»².

Прямо противоположную картину приводит в своих воспоминаниях В.Ф. Маслюткин, присутствовавший однажды на диспуте «Есть ли Бог?» в красном уголке завода Пло (с 1922 г. – «Красный металлист», потом «Рабочий металлист»). Ветеран производства восторженно рассказывает, с каким блеском некий «пропагандист-атеист» Щекин разоблачал «несуразности» Библии, как остроумно он отвечал на реплики оппонентов-священников. Однако даже в этом тенденциозном изложении мы можем разглядеть зерна истины. «Шутки, иронию, доводы и разоблачения атеиста, – свидетельствует В.Ф. Маслюткин, – одни встречали взрывом смеха и гулом одобрения, другие – вздохами, скорбным выражением лиц»³.

В 20-е годы XX в. приходская жизнь на Костромской земле не угасала – вопреки репрессиям и богоборческим усилиям новой власти. Храмовые праздники собирали сотни и тысячи людей. «Красные» праздничные даты еще не закрепились в сознании людей, а вот Рождество и Пасху костромичи открыто отмечали до конца 1920-х гг. Авторитет священства среди основной массы населения оставался очень высоким, несмотря на усилия местных комячеек и крепнущую пролетаризацию губернии. Глубокая религиозность костромичей, их привязанность к традициям дедов и отцов создавали массу неудобств для пропагандистов-атеистов, подавляющее большинство которых не имело должных знаний и не отличалось умственной культурой. В результате пропагандистская кустарщина зачастую приводила к оглуплению и дискредитации тех идей, которые агитаторы должны были активно внедрять в сознание верующих.

В 1920-е гг. важнейшим плацдармом для наступления на религиозные «предрассудки» стано-

вится периодическая печать. Костромская пресса тех лет пестрела лозунгами: «Безбожие – путь к поднятию культурности массе!», «Не в церковь, а в клуб!», «По религии мы бьем наукой и культурой», «Религия – дочь глупости и мать всякой эксплуатации». В газете «Красный мир» появилась рубрика «Поповские делишки». Местные периодические издания были наполнены сатирическими материалами и карикатурами на «церковников». В первой половине 1920-х гг. партийные функционеры считали «художественную сатирическую плакатную пропаганду» одним из наиболее действенных инструментов антирелигиозного просвещения⁴. Для провинциальных авторов главным художественным мерилom и маяком атеистической «идейности» были столичные издания, например газета «Безбожник» (1922–1941) или журнал «Безбожник у станка» (1923–1931). Тональность этих изданий близка дореволюционной черносотенной печати – с присущим ей погромным колоритом, грубо-развязным, надменно-грязным слогом. Некоторые «безбожные» публикации были столь бесцеремонны, что вызывали оторопь даже у партийного начальства.

Костромские редакционные художники не утруждали себя поиском оригинальных решений: обычно картинка изображала толстобрюхого попа с кадилом, крестом и бутылкой водки, который сидел на шее трудящегося человека. Советский читатель должен был проникнуться мыслью о паразитирующей, антинародной и контрреволюционной сущности церкви. Заметим, что у лишенцев-священников, особенно сельских, с их многодетными семьями, не было никаких иных средств к существованию, кроме того, что давали им прихожане. Советские активисты предлагали привлекать «попов-сбирунов» к ответственности за «злостное нищенство»⁵.

В повседневную жизнь вторгалась атеистическая цензура. Открыто выражать свои религиозные убеждения становилось небезопасным. Государство стало активно выдвигать церковь из тех сфер повседневности, которые традиционно были за церковью закреплены (рождение ребенка, свадьба, похороны). Постановлением Наркомпроса от 18 февраля 1918 г. было предписано упразднить преподавание закона Божьего во всех учебных заведениях, а также запретить в названных заведениях совершение религиозных обрядов. Ко двору пришлось и проведение в 1918 г. орфографической реформы, упростившей русскую графику и перекрывшей молодому поколению канал доступа к церковным книгам: их стало трудно понимать. Литература религиозного содержания не допускалась в свободную продажу, изымалась из библиотечных фондов.

Развернулась борьба против церковного брака. Первым шагом был декабрьский декрет 1917 г., который узаконил гражданский брак. В 1926 г. был принят брачно-семейный кодекс, который приравнивал фактические и зарегистрированные браки.

Традиционная свадьба как торжественный ритуал соединения сердец была отнесена к буржуазным и церковным предрассудкам. В пример ставились «красные» свадьбы – с заседанием комсомольской ячейки, чтением докладов, пением «Интернационала», с вручением молодоженам политической литературы в качестве подарков. Иногда «красная» свадьба сопровождалась приемом молодоженов (или одного из них) в члены РЛКСМ.

В противовес крестинам получили распространение октябрины. Наречение новорожденного именем проходило в клубе при стечении нескольких десятков, а то и сотен рабочих. Так, первые в костромском Заволжье октябрины состоялись 20 апреля 1924 г. в клубе им. В.И. Ленина. Октябрили ребенка столяра железнодорожного депо Петрова. Младенец получил имя Роза (в честь Розы Люксембург)⁶. В сельской местности отношение к «октябринам» было куда более сдержанное. Доходило до того, что крестьяне отказывались иметь дело с людьми, которые открыто брезгают православным таинством крещения. В селе Мисково нового секретаря ВКП(б) местные жители отказывались пускать на постой, объясняя это тем, что малолетняя дочь партийного начальника «поганая», «необмытая». «Если будет второй ребенок, – сетовал секретарь, – больше “октябрить” не буду, ибо середняк против и доверия не получишь...»⁷

В идеологическую моду входили антипасхальные и антирождественские кампании, которые нередко были окрашены в откровенно кощунственные тона, борьба с колокольными звонами. Старым церковным праздникам предлагались революционные «альтернативы». Так, Ильин день был объявлен «Днем электричества». Досталось даже древнему имени города. «Кострома – бог языческой пасхи», – под таким названием в апреле 1923 г. в газете «Красный мир» вышел очерк журналиста А. Высоцкого⁸. Вместо раздражающего «несоветского» имени предлагались такие идейно выдержанные варианты, как Шагов или Ленин-на-Волге.

Надо сказать, что названные нововведения, нацеленные на искоренение религиозных «привычек» населения, не находили широкого отклика в сердцах костромичей. Экзальтированных и громогласных отрицателей веры было не так много. Большинство местных жителей (о сельчанах – нечего и говорить!) относилось к антирелигиозной пропаганде с глухим и сдержанным неприятием. Кто-то вовсе предпочитал ее не замечать. Советские служащие нередко состояли членами церковно-приходских советов. Членство человека в партии тоже отнюдь не гарантировало отказа от следования религиозным традициям. В мае 1921 г. эта проблема даже стала предметом обсуждения на пленуме Костромского губкома РКП(б). Ведший заседание секретарь губкома Павел Андреевич Бляхин горячо убеждал присутствующих в том, что коммунисту не по пути с религией, а Христа

называл «самым свирепым врагом» строителей нового мира [Майорова: 106]. В итоге собранием была принята следующая резолюция: «Или с церковью против советской власти и коммунизма, или с коммунизмом против церкви: среднего решения быть не может» [Майорова: 107]. Костромские члены РКП(б) (с декабря 1925 г. – ВКП(б)) нередко подвергались партийному взысканию, а некоторые исключались из партии – за «религиозные обряды». Правда, следует признать, что это был не самый распространенный повод для наложения наказаний: на первом месте в числе проступков костромичей-коммунистов – пьянство, на втором – должностные преступления, на третьем – преступления уголовные⁹.

Костромичи не спешили отказываться от жизненного уклада, который был сформирован веками. Костромские рабочие и сельские жители продолжали крестить детей и хранить в домах иконы. Заметим, что религиозность была присуща не только костромичам старшего возраста, но и молодым людям, в том числе школьникам. Среди деревенских партийцев редким исключением были те, кто не держал в домах икон и не участвовал, наряду с другими селянами, в религиозных праздниках. Даже если «коммунист от сохи» придерживался атеистических взглядов, ему было очень непросто следовать им на практике. Характерное признание сделал осенью 1926 г. председатель одного из районных сельских советов Андреевской волости корреспонденту журнала «Октябрь»: «Жена очень религиозна; все дети крещены с попом, помимо моего желания. Иконы есть в одной половине избы – жены, а в моей части нет (здесь же и канцелярия райсельсовета). Из-за икон со мной жена 3 месяца не разговаривала. Детей заставляет молиться богу, а я не допускаю, вечные скандалы»¹⁰.

Вот еще один характерный фрагмент из газетного очерка, опубликованного без подписи в костромской газете «Северная правда» 5 сентября 1929 г.:

«Кострома – город старый, древнерусский. Физиономия его проста и ясна. <...>

Церковь – вот отличительная особенность, вот физиономия города Костромы. 43 церкви, все почти действующие. Народ в Костроме богомольный. Редко в какой квартире вы не найдете целого иконостаса... <...>.

Культурная борьба с религией в нашем городе и бледна, и затруднена»¹¹.

Репутацию самой консервативной и набожной части Костромы имело Заволжье. Показательно мнение, высказанное о Павлом Флоренским в одном из писем В.В. Розанову: «...нет во всей России, а м. б., и на земном шаре, никого более *коренного* (курсив автора. – А. З.) по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи, особенно заволжского района. И отсюда – органическая же нелюбовь ко всему, что бескоренно, что корни подье-

дает...» [Розанов: 178] Стоит ли удивляться тому, что атеистическая пропаганда в Костроме была «затруднена»? В 1934 г. временно исполняющий должность (ВРИД) начальника горотдела НКВД Базаров в справке о состоянии дел на костромских фабриках сетовал, что среди рабочих есть немало религиозно настроенных, «особенно из-за реки Волги»¹².

К концу 1920-х гг. борьба с религией становилась все более плановой и агрессивной. От сатирического осмеяния, антирелигиозных плакатов и лозунгов власть переходила к тактике прямого выдавливания религии из всех сфер жизни, замещения ее традиционными и новыми досуговыми формами, ориентированными прежде всего на молодежь. Менялось содержание антирождественских и антипасхальных мероприятий. Дважды в год, в канун Рождества и Пасхи, костромские театры, клубы, образовательные учреждения предлагали молодежи вечерние и ночные программы, включавшие в себя не только антирелигиозные митинги, но и концерты, цирковые номера, лотереи, спектакли, кино, радио, игры, танцы. «Свое счастье будем строить на земле, – призывала в пасхальные апрельские дни 1928 г. газета «Северная правда», – небо же предоставим попам, кулакам и нэпманам!»¹³ На борьбу с религиозными «перешитками» были брошены все творческие силы.

К концу первого послереволюционного десятилетия священнослужитель окончательно превратился в фигуру, ответственную за неудачи и пробуксовки в строительстве нового «красного» быта. На человека в рясе и клобуке было удобно списать собственные просчеты, приведшие к всплеску таких социальных явлений, как пьянство, хулиганство, моральное разложение и бытовое насилие. Сатирическая газета «Бороний зуб» (приложение к газете «Борона») пестрела фельетонами и карикатурами, главными действующими лицами которых были кулаки, самогонщики, хулиганы, пьяницы и, конечно, представители духовенства.

Сами церкви и священнослужители все чаще становились объектами хулиганских выходов. Так, в начале 1926 г. некто К.А. Остроумов по прозвищу «Костя злой» учинил в одной из заволжских церквей пьяный дебош. Не признавая себя виновным, Остроумов дал на суде такое объяснение: «Если я дьякону в лицо наплевал, то это и нужно было – пусть не машет своим кадилом, которое я терпеть не могу; аналог я сшиб потому, что он на дорогу поставлен был, а ножом размахивался для того, чтобы меня самого не побили»¹⁴. Эти слова выдают человека, который ощущает свою полную безнаказанность, более того – свое моральное право творить бесчинство. В феврале 1927 г. посреди бела дня был учинен погром в Борисоглебской церкви на Муравьевке. Весть о разоренной святыне, о фекалиях, оставленных в алтаре, и окурках, прислуженных к иконам, повергла горожан в смятение.

Злоумышленники действовали столь цинично, что даже партийное руководство осудило этот акт вандализма. Преступником оказался некто И.П. Ильичев – без определенного местожительства. Свой поступок погромщик демагогично объяснил желанием «проверить» существование Бога: «Вот нахулиганил, а наказания не было за то. Значит, нет бога»¹⁵. Позже Ильичев был признан душевнобольным и отправлен на лечение в Никольскую больницу. Объяснения дебошира К.А. Остроумова и безумца И.П. Ильичева, как это ни страшно сознавать, вполне соотносимы со шкалой моральных ценностей, которые предлагались в те годы воинствующими атеистами.

Была начата иконоборческая кампания. Костромичам ставили в пример семью рабочих Барышниковых, которые на месте икон устроили в своем жилище уголок Ленина¹⁶. Вечером 5 января 1930 г. на площади около горсовета состоялось публичное сожжение икон, собранных на специально организованных пунктах приема. Становилось небезопасным держать дома книги религиозного содержания.

Во второй половине 1920-х гг. в Костроме развернул свою деятельность Союз безбожников (создан в 1925 г.). Члены этой всесоюзной организации проводили публичные антирелигиозные акции: устраивали «громкие читки» газеты «Безбожник» и концерты «антирелигиозных хоров», вели разъяснительные беседы на предприятиях, в школах: «Иже херувимь» должны были окончательно уступить место «Интернационалу». В конце 1925 г. при редакции газеты «Северная правда» была создана «антирелигиозная консультация». Активисты Союза агитировали за создание «безбожных» бригад, цехов, улиц, коммун. При клубах создавались «кружки безбожника». В трудовых коллективах собирались средства на самолет «Безбожник». В марте 1926 г. в Костроме прошел первый губернский съезд безбожников, наметивший план наступления на антирелигиозном фронте. Однако пропагандистские функции не исключали главной миссии СБ – формировать идейный базис будущего террора, осуществлять фискальную деятельность, готовить досье на священнослужителей. Одну из принципиальных своих задач СБ видел в том, чтобы «сбирать цифры и факты о вредительской роли религии в деле социалистического строительства»¹⁷.

Черной страницей в истории Костромы является пребывание нескольких костромских уездов в составе Ивановской промышленной области (с января 1929 по март 1936 г.): в это время были подвергнуты репрессиям и гонениям священнослужители, уничтожены многие храмы и великолепные архитектурные ансамбли города.

Письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г. наметило новые шаги по отлучению церкви от повседневных забот и нужд населения. В результате на

рубеже 1920–30-х гг. под идеологическим запретом оказалось даже празднование Нового года (действовал до 1935 г.). Новогоднюю елку объявили символом религиозного мракобесия. Ее запрещали ставить и в домах, и в детских учреждениях. Поэтому костромичам приходилось делать это тайно. Один из январских номеров «Северной правды» за 1929 г. открывался антирождественской карикатурой: ёлка, украшенная крестами, церковными свечами, водочными бутылками и свиньей с надписью «обжорство». Почему-то венчает это новогоднее дерево шестиконечная звезда, а под ним отплясывают кулак и священник в рясе¹⁸. Печатные издания наполнились «антиёлочными» материалами. Вот типичный пример – заметка «Ёлка, партиец и комод», опубликованная за подписью П. Виноградов в газете «Северная правда» 30 января 1929 г.: «Рабочий завода “Рабочий металлист” партиец В. Фомичев в 1928 г. побил рекорд прогулов. Зато у себя дома за прогулянное время он сделал комод, гардероб и другие предметы домашней обстановки. А на старое рождество Фомичев устроил для своих детей – комсомольцев и пионеров ёлку, а для себя – хорошую выпивку»¹⁹. Для автора заметки, которая по стилю больше напоминает донос, все самые скверные качества Фомичева (трудовая недисциплинированность, склонность к выпивке, мешанские замашки) сходятся в главном – в порочной привязанности к отжившим свое, старорежимным, «мракобесным» традициям.

Еще одним законодательным ударом по церковной жизни стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.: оно делало религиозные общины всецело зависимыми от произвола государства. В общественное сознание все активнее вбрасывалась мысль о том, что «церковник» и «вредитель» – одного поля ягоды. В июне 1929 г. в Москве с размахом прошел II съезд Союза безбожников, на котором Н.И. Бухарин сформулировал задачу исторического момента: «Религия должна быть взята в штыки» [Лучшев: 177]. Не случайно на съезде решили внести корректив в название организации – теперь она называлась Союз *воинствующих* безбожников.

Директивы центра незамедлительно принимались к исполнению на местах. С революционным рвением и азартом. С желанием «взять в штыки» конкретного человека с наперсным крестом. 9 декабря 1929 г. бюро Заволжского райкома ВКП(б) Костромы приняло постановление, один из пунктов которого гласил: «Вопросы массовой антирелигиозной пропаганды пропитать более конкретным содержанием, в частности проводить кампании за закрытие церквей, за отказ от празднования религиозных праздников, за снятие колоколов и т. д. <...>. Вся антирелигиозная работа должна сопровождаться разоблачением классовой сущности религии и деятельности религиозных

организаций в этом духе»²⁰. По сути, это был призыв перейти от слов к делу.

Год «великого перелома» подвел черту под эпохой инфантильных пролетарских диспутов «о сотворении мира» и сатирических столбцов о толстобрюхих «попах-дармоедах». 13 декабря 1929 г. газета «Северная правда» опубликовала подборку материалов под общим названием «Никакого примиренчества с религией!». Публицист С.В. Чумаков в заметке «Прогоним попов» призвал костромских рабочих в дни зимних праздников проявить пролетарскую сознательность, гнать из своих жилищ «гнусаво поющих контрреволюционеров с крестом и в рясе»²¹.

Некто Ручинский предлагал противопоставить праздничному «поповскому хождению со “славой”» «коммунистические колядки». Для борьбы с религиозными пережитками предлагалось формировать мобильные бригады активистов по 3–5 человек «с политически развитым, выдержанным товарищем во главе». Что дальше? «Составляем коротенький, незатейливый, выдержанный репертуар: 2–3 хорошие песни, несколько частушек о религии и о социалистическом строительстве, пара хороших стихотворений; гармонь или бала-лайка – непременно спутник группы. И – айда по рабочим квартирам, с песней, декламацией, беседой»²². Сама тональность этих призывов и увещаний свидетельствует о том, что проблема антирелигиозного просвещения костромских рабочих оставалась нерешенной.

Конечно, главными боевыми единицами на антирелигиозном фронте мыслили себя активисты Союза воинствующих безбожников, своего рода «опричное» войско атеизма. Областные комитеты СВБ получали помощь из Москвы. Так, в феврале 1931 г. Центральным комитетом ВСБ в Кострому был направлен лектор В.А. Жигулин для чтения лекций, в том числе на тему «Религия как тормоз в социалистическом строительстве»²³. Профсоюзы предприняли в приказном порядке должны были заключать с горсоветом СВБ взаимобязывающие договоры с перечислением финансовых средств на антирелигиозную работу²⁴. В роли контролеров выступали партийные организации, но желаемого результата это не приносило. Председателю губернского СВБ т. Груше приходилось несладко. Никакие усилия власти, никакие лозунги и угрозы не могли повысить авторитет Союза воинствующих безбожников в глазах костромичей. Руководители организаций и профсоюзы отказывались заключать договоры с СВБ, всячески уклонялись от участия в атеистической пропаганде. Председатель горрайсовета СВБ Касаткин 13 мая 1934 г. жаловался на заседании костромского горкома, что на предприятиях и в колхозах относятся к антирелигиозной работе «по-оппортунистически», поэтому она фактически не ведется²⁵. Костромское отделение СВБ было плохо обеспечено опытными

и «политически грамотными» кадрами. Доходило до казусов: сотрудником горсовета СВБ оказался бывший священник Рябцовский, который, после выяснения этого обстоятельства, немедленно был снят со своей должности и уволен²⁶.

28 сентября 1935 г., когда в стране уже был развернут настоящий богоборческий террор, председатель облсовета Союза воинствующих безбожников Ивановской промышленной области Поспелов отправил в Центральный совет СВБ отчет «Об остатках религиозности среди трудящихся области», в котором сообщал, что не менее 40 % колхозников продолжают исповедоваться, а в некоторых районах церковный актив превышает число партийцев и комсомольцев, вместе взятых²⁷. Богоборческие усилия местных властей разбивались о каменный утес костромской религиозности. Как следствие – в октябре 1934 г. председатель Костромского горрайсовета СВБ Касаткин был снят с работы с формулировкой: «За развал работы СВБ и полную бездеятельность в работе, за злоупотребления средствами»²⁸. Дело главного костромского безбожника было передано в следственные органы.

Итог деятельности региональных структур СВБ был подведен в сентябре 1936 г. в справке Оргбюро ЦК ВКП(б) по Ярославской области «О состоянии антирелигиозной пропаганды». Состояние это высшим партийным начальством признавалось катастрофическим и «нетерпимым»²⁹. В 1937–1938 гг. просчеты СВБ в антирелигиозной работе были предсказуемо списаны на вредительство «троцкистов», пробравшихся в руководящие «безбожные» органы. Многие из воинствующих безбожников, определявших стратегию и тактику атеистической пропаганды в 1920–30-е гг. (в том числе и звывший взять религию «в штыки» Н.И. Бухарин), взошли на плаху сталинского «большого террора». То, что к середине 1930-х гг. пропагандистская антирелигиозная кампанейщина постепенно меняла свое содержание – более того, во многом приходила к опровержению самой себя, объясняется еще одним важным обстоятельством. Дело в том, что к этому времени в стране окончательно утвердился *сталинизм*, который по сути своей является сублимированной идолопоклонческой «верой» – со всеми атрибутами религиозного культа: самоотреченным служением определенным догмам, фанатичным поклонением «божественному» верховнику, культом красных «святых», наличием «священного писания» – программных работ большевистских вождей [Зябликов 2017: 70]. В известном смысле власть была заинтересована в том, чтобы не изжить «религиозность» масс, а перенаправить ее в нужное идеологическое русло [Зябликов 2015: 40]. К началу Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда в стране фактически была свернута.

К 1940 г. в Заволжском районе Костромы правдами и неправдами были созданы 12 ячеек СВБ об-

щей численностью 172 человека, что партийному руководству города казалось ничтожно малым³⁰. Некоторые костромские ячейки СВБ существовали лишь на бумаге. 3 августа 1940 г. появилось постановление бюро Костромского горкома ВКП(б), подписанное секретарем горкома А. Ишановым и посвященное состоянию пропагандистской и агитационно-массовой работы в Костроме. Распечатанное в виде памятки для всех первичных парторганизаций, оно содержало в себе убийственные оценки состояния дел. Главный изъян пропагандистской работы виделся в том, что она «не носит наступательного характера», агитаторы занимают «стыдливооборонительную позицию» по отношению к «явно враждебным и отсталым настроениям»³¹. Интересное резюме – если учесть, что к тому времени большой террор нанес разящие удары не только по «чужим», но и по «своим». Но даже это не могло удовлетворить безбужную власть.

К середине 1930-х гг. антицерковное движение в стране приобретало характер настоящей истерии. Осенью 1934 г. были арестованы члены так называемой «селищенской контрреволюционной группы», в том числе настоятель заволжской церкви Александра и Антонины о. Павел Острогский и нашедший убежище в Костроме опальный епископ Макарий (Григорий Яковлевич Кармазин). В марте 1935 г. они были сосланы в Казахстан, потом снова арестованы, а в декабре 1937 г. расстреляны по приговору тройки УНКВД [Зонтиков 2007: 131]. 21 октября 1937 г. в Москве, на Бутовском полигоне, был расстрелян епископ Димитрий (Иоанн Добросердов), возглавлявший Костромскую епархию в 1929–1932 гг. Его преемник архиепископ Костромской и Галичский Никодим (Николай Кротков) был замучен в ярославской тюрьме НКВД в 1938 г. (в 2000 г. оба иерея были причислены Русской православной церковью к лику святых). Репрессии ударили по многим костромским священникам и членам их семей.

Палаческие усилия по отношению к сословию «служителей культа» сопровождалась варварской атакой на культовые строения. Война с памятниками, историческими названиями и ценностными приоритетами прошлого – узнаваемый почерк любой революции. Для областей был установлен поквартальный план заготовки лома колокольной бронзы. Какой богоборческий инструментарий применялся властью, иллюстрирует история уничтожения церкви Николая Мирликийского в бывшей Никольской слободе [Зябликов 2015: 46–47].

К 1930 г. на многих городских и сельских церквях уже висели замки. За первое послереволюционное десятилетие количество действующих церквей в Костромской губернии сократилось более чем в два раза (с 1206 до 543) [Майорова: 225]. На 1 января 1930 г. в Костроме оставалось 19 (из 54) действующих православных храмов и один

римско-католический костел³². Еще в середине 1920-х гг. были разобраны (якобы по причине ветхости) Георгиевская и Воскресенская церкви на Советской площади. В 1924 г. была превращена в рабочий клуб Власиевская церковь в Фабричном районе. В октябре 1929 г. президиум горсовета принял решение передать некоторые церкви «под культурные нужды населения». Крестовоздвиженская церковь была передана в пользование фабричного комитета фабрики «Искра Октября», Лазаревская – под красный уголок фабрики «X Октябрь», Сергиевская – под клуб полка связи. Космодемьянскую церковь на Гноищах решено было приспособить под учебные мастерские, а Космодемьянскую на улице Шагова и Рождественскую – под клубы пионеров. В церкви Спаса в Подвязье решено было устроить детскую библиотеку, а синагогу и Алексеевский храм планировалось отдать под жилье³³. В конце 1929 г. был передан (правильнее сказать отобран) под клуб сельсовета храм Василия Блаженного в Селище. В начале 1930 г. были сброшены колокола с колокольни заволжского храма Александра и Антонины, в том числе большой 252-пудовый колокол, который при падении на землю разбился [Зонтиков 2010: 163].

На многих предприятиях были инициированы общие собрания трудовых коллективов с принятием резолюций о закрытии в Костроме части церквей и передаче их под культурные или хозяйственные нужды. Так, рабочие и служащие мукомольного завода заявили свои права на церковь Николы на Лесной улице, а выбивальщики завода «Рабочий металлист» выдвинули аналогичные требования в отношении двух церквей в слободе Металлистов (бывшей Никольской). В печати была организована кампания за расширение проскрипционного «списка горсовета» с включением туда гораздо большего количества храмов³⁴.

В 1931 г. городские власти продолжили обследование костромских храмов «на предмет выявления возможности их приспособления»³⁵. Так, в августе 1931 г. представитель горкома ВКП(б) Голубков и техник горкомхоза Лавров осмотрели семь костромских церквей и сформулировали следующие рекомендации: Рождественскую, Константиновскую и Крестовоздвиженскую церкви возможно отдать под склады или торговые помещения; в Борисоглебской можно было бы разместить контору, клуб или мастерскую, в Богоотцевской – клуб или общежитие; Спасская церковь на Запрудне годилась для нужд судоверфи, а Всехсвятская – под общежитие для дефективных детей³⁶. Однако перепрофилирование зданий, их перестройка и перепланировка требовали усилий и затрат, которые, видимо, показались неоправданными. В итоге большую часть храмов решили просто разобрать на кирпич. В других церковных помещениях устраивались клубы, рабочие общежития, мастерские, овощехранилища и склады.

К середине 1930-х гг. большинство костромских церквей были закрыты или приспособлены для хозяйственных нужд. Были снесены Рождественский собор Ипатьевского монастыря, Костромской кремль с храмовым ансамблем и многие другие сооружения. В 1934 г. разобрали на кирпич селищенскую церковь Василия Блаженного, разрушили купола и часть звонницы Спасско-Преображенской церкви, а в ее помещениях устроили общежитие завода «Рабочий металлист». Город покрылся печальными руинами. Продолжалась кампания по снятию колоколов с церковных звонниц. Добрались и до сельских церквей.

После революции 1917 г. из более чем 50 костромских церквей и часовен 36 были утрачены. 21 храм был полностью разрушен. Сегодня можно утверждать, что уничтожение памятников костромской храмовой архитектуры в 1930-е гг. было злонамеренным и целенаправленным. В основном оно осуществлялось именно в тот короткий период, когда Кострома являлась частью Ивановской промышленной области. В 1935 г. председатель облсовета СВБ Поспелов в юбилейном докладе «Десять лет воинствующего атеизма» с гордостью писал: «К настоящему времени в области закрыто большое количество церквей, закрыты все монастыри, больше чем в 10 раз сократилось “черное воинство”. Бывшие очаги дурмана: церкви и монастыри – превращены в клубы, детские дома, электростанции»³⁷.

Сразу после создания в 1944 г. Костромской области костромичи смогли оценить масштаб нанесенного городу урона. В январе 1945 г. начальник отдела по делам архитектуры при исполкоме Костромского облсовета депутатов трудящихся И.П. Журавлев подготовил объемную докладную записку на имя секретаря обкома ВКП(б) А.А. Кондакова, которая является одним из самых бесстрашных и честных документов своей эпохи. По существу, И.П. Журавлев сравнил уничтожение костромских памятников с нашестием варваров. Неравнодушный советский чиновник провел ненавязчивую параллель между богоборческой кампанейщиной 1930-х гг. и фашистским вторжением. Досталось и горкомхозу, который на здания церковной архитектуры «смотрел как на каменоломню, и ломал их, совершенно не считаясь ни с исторической, ни с художественной ценностью уничтожаемых памятников»³⁸. Уже в феврале 1945 г. исполкомы областного и городского советов приняли ряд жестких постановлений о сохранении оставшихся памятников архитектуры. В частности, было решено аннулировать все договоры на эксплуатацию исторических зданий, предписано привести их в порядок, установить на них охранные доски и т. п.³⁹. В 1946 г. областное управление по делам архитектуры определило перечень памятников старины. В Костроме к таковым было отнесено 63, по области – 634 гражданских и церковных строения. В 1950 г. начались реставрационные

работы в Ипатьевском монастыре. Однако решения эти явно запоздали: историческому облику города был нанесен непоправимый ущерб.

Таким образом, антирелигиозная борьба являлась одним из смыслообразующих элементов становящегося советского строя. Начав с попыток полемического диалога с Церковью в первые послереволюционные годы, в 1920-е гг. большевистская власть применила тактику сатирического осмеяния религии и религиозности, задействовав весь имеющийся в распоряжении государства пропагандистский арсенал. Потерпев поражение на фронте антирелигиозной пропаганды и агитации в 1920-е гг., власть в 1930-е гг. решительно перешла к репрессивным и карательным мерам. Единственным реальным средством борьбы с религией в русских городах советские и партийные руководители считали *физическое* уничтожение храмов и наиболее активной и влиятельной части духовенства. Кострома, колыбель двух царствовавших династий, прочно ассоциировавшаяся в сознании большевистского руководства с консервативно-монархическими, православными идеалами, пострадала больше других русских городов.

Одной из актуальных задач сегодняшнего дня должно стать воссоздание исторического облика русских городов, возрождение разрушенных во время богоборческого террора 1930-х гг. святынь.

Примечания

¹ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 59.

² Там же.

³ Костромской экскаваторный. История завода «Рабочий металлист» / авт.-сост. П.И. Бедов. Кострома, 1972. С. 59.

⁴ Овсейчик В. К вопросу о постановке антирелигиозной пропаганды // Известия Костромского губкома РКП(б). 1923. № 7. С. 28–29.

⁵ Кунипер. Добрый совет // Красный мир. 1923. 4 июля.

⁶ [Хроника] Красный мир. 1924. 4 мая.

⁷ Тадеуш П. Лицо деревенских коммунистов // Октябрь. 1926. № 11. С. 24–25.

⁸ Высоцкий А. Кострома – бог языческой психи // Красный мир. 1923. 6 апр.

⁹ Ведомость о состоянии организации (январь – август 1923 г.) // Известия Костромского губкома РКП(б). 1923. № 8. С. 43.

¹⁰ Тадеуш П. Лицо деревенских коммунистов // Октябрь. 1926. № 11. С. 25).

¹¹ Кострома. В погоне за культурой // Северная правда. 1929. 5 сент.

¹² ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 273. Л. 23.

¹³ Готовьтесь к антипасхальной кампании // Северная правда. 1928. 1 апр.

¹⁴ [Хроника] // Северная правда. 1926. 27 марта.

¹⁵ [Хроника] // Северная правда. 1927. 18 февр.

¹⁶ Шантырева М. Вместо икон уголок Ленина // Северная правда. 1925. 10 февр.

¹⁷ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 47.

¹⁸ [Хроника] // Северная правда. 1929. 8 янв.

¹⁹ Виноградов П. Ёлка, партиец и комод // Северная правда. 1929. 30 янв.

²⁰ ГАНИКО. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 136.

²¹ Чумаков С. Прогоним попов // Северная правда. 1929. 13 дек.

²² Ручинский. Организуем коммунистические колядки // Северная правда. 1929. 13 дек.

²³ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 79.

²⁴ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 66. В августе 1935 г. платные аппараты районных центров СВБ были упразднены, эта работа стала общественной. ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 34.

²⁵ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 218. Л. 48.

²⁶ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 42.

²⁷ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 18–19.

²⁸ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 219а. Л. 238.

²⁹ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 2.

³⁰ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 590. Л. 85. Для сравнения: в 1940 г. в Ленинском районе г. Костромы имелось 29 ячеек СВБ общей численностью 884 человека. Там же. Л. 59.

³¹ Там же. Л. 64.

³² ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 128.

³³ Церкви под культурные очаги // Северная правда. 1929. 21 окт.

³⁴ Прекрасные здания под нашим носом // Северная правда. 1929. 28 окт.

³⁵ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 128.

³⁶ Там же. Л. 130.

³⁷ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 5. До революции на территории Ивановской промышленной области было 4 594 церкви, 52 монастыря, 13 094 церковнослужителя, 3 932 монаха.

³⁸ ГАНИКО. Ф. 765. Оп. 1. Ед. хр. 467. Кор. № 48. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 72–73.

Список литературы

Зонтиков Н.А. Один из последних: Н.И. Серебрянский // Светочъ: альманах. 2007. № 2. С. 127–133.

Зонтиков Н.А. Церковь святых великомучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме. Кострома: ДиАР, 2010. 368 с.

Зябликов А.В. Агиографические мотивы в советском кино 1930–1950-х гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки, 2017. № 3. С. 40–48.

Зябликов А.В. Стихи и песни о Сталине как элемент новой теогонии // История в подробностях: иллюстрированный научно-популярный журнал. 2015. № 4. С. 70–75.

Зябликов А.В. Церковь Николая Мирликийского в костромском Заволжье // Костромской гуманитарный вестник. 2015. № 2 (9). С. 44–48.

Лучшев Е.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. СПб.: Информационно-техническое агентство «Ритм», 2016. 364 с.

Майорова Н.С. Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. 292 с.

Розанов В.В. Литературные изгнанники / под общ. ред. А.Н. Николыкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. Кн. 2. 960 с.

References

Zontikov N.A. *Один из последних: Н.И. Серебрянский* [One of the last: N.I. Serebryansky]. *Svetoch*: al'manah, 2007, № 2, pp. 127–133.

Zontikov N.A. *Cerkov' svyatykh velikomuchenikov Aleksandra i Antoniny v Selishche v Kostrome* [Church of the Holy Great Martyrs Alexander and Antonina in Selishche in Kostroma]. Kostroma, DiARPubl., 2010, 368 p.

Zyablikov A.V. *Agiograficheskie motivy v sovetskom kino 1930–1950-h gg.* [Hagiographic motives in the Soviet cinema of the 1930-1950s.]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Ser.: Humanities and Social Sciences], 2017, № 3, pp. 40–48.

Zyablikov A.V. *Stihi i pesni o Staline kak element novej teogonii* [Poems and songs about Stalin as an element of the new theogony]. *Istoriya v podrobnostyah* [History in detail], 2015, № 4, pp. 70–75.

Zyablikov A.V. *Cerkov' Nikolaya Mirlikijskogo v kostromskom Zavolzh'e* [Church of Nikolai Mirlikisky in Kostroma Zavolzhje region]. *Kostromskoj humanitarnyj vestnik* [Kostroma humanitarian bulletin], 2015, № 2(9), pp. 44–48.

Luchshev E.M. *Antireligioznaya propaganda v SSSR: 1917–1941 gg.* [Anti-religious propaganda in the USSR: 1917-1941 Anti-religious propaganda in the USSR: 1917-1941]. SPb., Informacionno-tekhnicheskoe agentstvo «Ritm» Publ., 2016, 364 s.

Majorova N.S. *Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v 1917–1929 gg. (na materialah Verhnego Povolzh'ya)* [State-church relations in 1917-1929 (based on the Upper Volga region materials)]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2006, 292 s.

Rozanov V.V. *Literaturnye izgnanniki. Kniga vtoraya* [Literary exiles. Book two], pod obshch. red. A.N. Nikol'yukina. M., Respublika Publ.; SPb., Rostok Publ., 2010, 960 s.

Статья поступила в редакцию 14.01.2021; одобрена после рецензирования 04.02.2021; принята к публикации 21.02.2021.

The article was submitted 14.01.2021; approved after reviewing 04.02.2021; accepted for publication 21.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 74-78. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 74-78. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 94(470.315+470.316) «1937/1939»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-74-78>

**ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
НАСЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(по данным переписей населения СССР 1937 г. и 1939 г.)**

Майорова Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, Natalyamaiorowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов переписей населения, проведенных в СССР в 1937 и 1939 годах, применительно к Ивановской и Ярославской областям. В основу исследования положены продолжительное время засекреченные и опубликованные только в 1990-е годы материалы переписей. Из всего многообразия аспектов переписей внимание автора было сосредоточено только на трех: численность населения, его социальная структура и конфессиональный состав. На основе результатов переписей сделаны выводы о преобладании в регионе женщин как в сельской местности, так и в городах. Именно женщины в условиях Великой Отечественной войны и стали тем крепким тылом, на плечах которого держалось обеспечение фронта продовольствием, обмундированием, оружием. Городское население более многочисленным было в Ивановской области, что объяснялось характерными для нее высокими темпами индустриализации. Перепись 1937 г. зафиксировала достаточно высокий уровень религиозности, и это несмотря на проводимую почти 20 лет масштабную антирелигиозную политику. Война привела к росту религиозности, поскольку зачастую только вера и могла стать стержнем, вокруг которого строилась полная лишений, тревог и страха за близких повседневная жизнь.

Ключевые слова: всесоюзная перепись населения, численность, городское население, сельское население, конфессиональный состав, религиозная принадлежность

Для цитирования: Майорова Н.С. Численность, социальный и конфессиональный состав населения Ивановской и Ярославской областей накануне Великой Отечественной войны (по данным переписей населения СССР 1937 г. и 1939 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 74-78. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-74-78>

Research Article

**POPULATION, AND ITS SOCIAL AND RELIGIOUS COMPOSITION
IN IVANOVO AND YAROSLAVL REGIONS ON THE EVE
OF THE AXIS AGGRESSION AGAINST THE USSR
(according to the censuses of the USSR in 1937 and 1939)**

Natalya S. Maiorova, Candidate of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, Natalyamaiorowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of population censuses conducted in the USSR in 1937 and 1939, in relation to Ivanovo and Yaroslavl regions. The research is based on census materials that had been classified for a long time and published only in the 1990s. Of all the various aspects of the censuses, the author's attention was focused on only three – population, its social structure, and religious composition. Based on the results of the censuses, conclusions are drawn about the prevalence of women in the region, both in rural areas and in cities. It was women who, in the conditions of World War II, became the strong rear, on whose shoulders the front was supported by food, uniforms, and weapons. The urban population was greater in Ivanovo Region, which was explained by its characteristic high rates of industrialisation. The 1937 census recorded a fairly high level of religiosity, despite the largely anti-religious policy that had been carried out for almost 20 years. The war led to an increase in religiosity, probably because often only faith could become the core around which daily life was built, full of deprivation, anxiety and fear for loved ones.

Keywords: all-Soviet Union census of population, population, urban population, rural population, confessional composition, religious affiliation

For citation: Maiorova N.S. Population, and its social and religious composition in Ivanovo and Yaroslavl regions on the eve of the Axis aggression against the USSR (according to the censuses of the USSR in 1937 and 1939). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 74-78 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-74-78>

Ивановская промышленная область, созданная в 1929 г. путем объединения Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, в 1936 г. была разделена на Ивановскую и Ярославскую области. В состав Ивановской области вошли территории бывшей Владимирской губернии и ряда уездов бывшей Костромской губернии (Кинешемский и Юрьевоцкий). Большая часть территории Костромской губернии стала составной единицей Ярославской области. Изменения в структуре административно-территориального деления РСФСР были обусловлены, с одной стороны, идеологическими установками, с другой – задачами индустриализации страны. В советском государстве Иваново-Вознесенску – родине первого Совета – стоило придать особый статус и утвердить за небольшим текстильным городком положение центра области. А в условиях первых пятилеток объединение промышленного потенциала соседних губерний позволяла укрупненным промышленным единицам добиться высоких показателей производственной деятельности и выпуска готовой продукции. Таким образом, Кострома и Владимир – губернские города дореволюционной России – опустели до уровня районных центров, а текстильный городок Иваново-Вознесенск – до уровня областного центра. Аналогичные изменения коснулись Нижегородской губернии (с 1936 г. Горьковская область), усиленная с 1918 г. Варнавинским и Ветлужским уездами Костромской губернии.

В 1937 г. в Советском Союзе была проведена перепись населения. Опросные листы, в сравнении с первой всесоюзной переписью населения 1926 г., включали множественные пункты. Вопрос о религиозной принадлежности был включен в перепись одним из последних. Историки полагают, что за соответствующими изменениями стояла инициатива И.В. Сталина. Вероятно, итоги переписи должны были продемонстрировать серьезные успехи в борьбе с религией и доказать, что в СССР покончено с религиозными предрассудками.

Исследователи делают вывод о высокой точности переписи 1937 г., свидетельством чему служит проведенная почти повсеместно в сельской местности сверка с имевшимися в сельсоветах списками населения. Однако результаты переписи оказались не соответствующими ожиданиям руководства партии и государства, поэтому специальным постановлением Совета народных комиссаров организация переписи признана неудовлетворительной, а результаты были объявлены дефектными и длительное время находились под грифом «секретно». В 1990-е гг. гриф секретности был снят, и материалы переписи стали доступны исследователям. Они содержат важные статистические данные о составе населения как страны в целом, так и Ивановской и Ярославской областей в частности.

Бурные темпы индустриализации превратили СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование, но по составу населения Советский Союз оставался индустриально-аграрной страной. Согласно итогам всесоюзной переписи 1937 г. городское население насчитывало 43 млн человек, в то время как сельское (крестьянское) – 116,4 млн. В областях верхневолжского региона проживало более 2 млн человек, при этом по указанным выше причинам численность населения в Ивановской области была выше, чем в Ярославской. Более многочисленным в Ивановской области было и городское население, что обуславливалось наличием крупных текстильных предприятий в городах Иваново, Ковров, Шуя, Владимир, Кинешма и др. Так, в Ивановской области проживало 2 519 168 человек, из них сельское население составляло 1 467 575 человек, а городское население – 1 051 593 человек. В соотношении с результатами переписи населения 1926 г. городское население выросло и составило 193,5 %, а сельское снизилось и составило 84,1 %. Область была отнесена к числу областей со средним приростом населения и механическим его движением.

В Ярославской области общая численность населения исчислялась в 2 197 057 человек, из них сельское население – 1 448 362 человека, а городское население – 748 695 человек. Рост численности городского населения к данным 1926 г. составил 186,4 %, сельского населения – 89,1 % [Жиромская, Киселев, Поляков: 39–41]. Ярославская область определена как область потребляющей полосы с большим отходом населения, т. е. за счет сельского населения пополнялись, «питались» области с быстроразвивающейся индустрией, в первую очередь Московская и Ленинградская. Следовательно, отходничество, характерное для крестьянства ряда уездов Костромской, Ярославской и Владимирской областей XIX – начала XX вв., сохранялось, но в несколько модифицированном виде. Не имевшие паспортов крестьяне не могли самостоятельно распоряжаться своими рабочими руками, такая возможность в большей мере была у молодежи, вовлекаемой в систему ФЗУ и пополнявшей ряды рабочего класса. Городское население в Ярославле в сравнении с 1926 г. выросло на 229,2 %, Иваново – на 219,4 %, Коврове – на 213,5 %, Кинешме – на 192,7 %, Костроме – на 162,7 %, Владимире – на 158,6 % [Жиромская, Киселев, Поляков: 56].

Основную массу населения Ярославской и Ивановской областей составляли женщины, причем такова была ситуация и в сельской местности, и в городах. В 1926 г. женщины составляли 51,7 % населения, а в 1937 г. – 52,7 %. Мужчины в Ярославской области составляли 1 003 803 человек, женщины – 1 193 254 человек, из них в городах проживали 350 772 мужчины и 397 923 женщины, в сельской местности – 653 031 мужчины и 795 331 женщины. В Ивановской области муж-

ского населения было больше на 135 913 человек, общая его численность составляла 1 139 716 человек, из которых в городах жили 472 703 человека, а на селе – 667 013 человек. Женское население Ивановской области включало 578 890 горожанок и 800 562 сельянки [Жиромская, Киселев, Поляков: 48–53]. Различия в численности сельского населения между областями были незначительны, превосходство в численности городского населения Ивановской области, несомненно, объяснялось наличием большего числа крупных промышленных предприятий, в первую очередь текстильных. Преобладание женского населения в обеих областях в сочетании с большей продолжительностью жизни у женщин и призывом на фронт мужского приводит к выводу, что вся тяжесть обеспечения нужд армии и фронта в годы Великой Отечественной войны в Ивановской и Ярославской областях легла именно на женские плечи.

Уровень рождаемости в деревне в 1937 г. был значительно выше, чем в городе. Но молодежь 15–29 лет преобладала в городах и составляла 32,2 % против 24,8 % молодежи сельской. Тенденция численности людей пожилого возраста была прямо противоположной. Люди старше 60 лет на селе составляли 7,1 %, в городах – 5,5 % [Жиромская, Киселев, Поляков: 66], и это учитывая то обстоятельство, что средняя продолжительность жизни на селе была меньше, чем в городе.

В целом по стране сельское население делилось на несколько социальных групп. Наиболее многочисленной группой были колхозники-земледельцы численностью 28 864 444 человека, 36,2 % мужчин и 63,8 % женщин. От них отличались «колхозники прочие», к которым относились 7 357 987 человек, 80,3 % мужчин и 19,7 % женщин. Более 3,5 млн человек крестьянства составляли единоличники (здесь, вероятно, данные не точны), а также 507 210 промколхозников и 378 310 человек промкустарей [Жиромская, Киселев, Поляков: 73–74]. За годы первых пятилеток общая численность рабочих выросла, в то же время численность колхозников снизилась. По состоянию на 1937 г. колхозники составляли 46,6 % населения страны.

В опросном листе переписи 1937 г. после вопросов об имени и фамилии, поле, возрасте, национальности и родном языке под № 5 значился пункт «Религия». Формулировка довольно нейтральна, но существо вопроса в *отношении* к религии. Порядок вопросов определялся следующей логикой: если человек называл себя верующим, то закономерно связывал себя с той или иной конфессией, что отмечалось в опросном листе. Если неверующим или атеистом, то вопрос о вероисповедании отпадал сам собой. В число опрошиваемых входили лица старше 16 лет. Вопрос об отношении был одним из самых неоднозначных, поскольку предполагал некое вмешательство в сферу глубоко личную – чувств и убеждений. К тому же анти-

религиозный характер политики советской власти ставил опрошиваемых в тупик. Люди среднего возраста не забыли эксцессов, связанных с изъятием церковных ценностей, судебных процессов над верующими и духовенством 1922–1923 гг., суда над патриархом Тихоном, а молодежь знала о закрытии храмов и арестах священнослужителей в 1930-е гг. Вопрос о религии был сложен для молодых людей как из-за необходимости сделать собственный выбор, самоопределиться и быть честным перед собой, так и противоречия между личным и общественным – верой в Бога и лозунгом «Бога нет!».

Среди населения до переписи, начавшейся 5–6 января 1937 г., распространялись слухи двоякого рода. С одной стороны, из уст в уста передавались предположения о возможных карах для верующих: исключат из колхозов, обложат дополнительными налогами, предадут суду, детей изгонят из школы, лишат продовольствия и т. д. С другой стороны, высказывалось мнение, что если верующих окажется много, то откроют церкви и вернут бывшие церковные здания, а ныне клубы, кинотеатры, склады верующим. Надежды на смягчение церковной политики в связи с результатами переписи питали и некоторые священники. Однако опасения населения были очень велики, что привело к отказу 20 % респондентов отвечать на вопрос о религии. Переписчики в своих отчетах отмечали такие случаи среди сектантов и старообрядцев.

Итоги переписи в вопросе религии оказались довольно неожиданными. Верующими себя назвали 55,3 млн человек, что составило 56,7 % населения, неверующими – 42,2 млн человек, т. е. 43,3 %. Учитывая то обстоятельство, что около 1 млн опрошенных отказались ответить на вопрос о религии, уровень религиозности населения должен был достигнуть 60 %, поскольку, не желая вступать в сделку с совестью или мотивируя тем, что «Бог знает, верующий я или нет», не пожелали отвечать именно люди верующие. Отнюдь не единичным был случай «перемены» религиозных взглядов на нерелигиозные убеждения и наоборот, опасаясь гонений, опрошенные отвечали неискренне и скрывали свою веру.

Сведения о религии в итогах переписи приведены в целом по стране, без каких бы то ни было статистических данных по отдельным регионам (исключение составили Московская, Ленинградская и Харьковская области), но и они весьма показательны. В рамках антирелигиозной пропаганды особое значение придавалось нескольким тезисам: во-первых, об отмирании религиозных предрасудков по мере роста грамотности населения, во-вторых, о влиянии распространения научного мировоззрения на снижение религиозности населения и, в-третьих, о росте религиозности по мере старения населения. Итоги переписи опровергли их все.

Так, среди грамотных людей верующих оказалось больше, чем среди неграмотных. Например,

среди православных число неграмотных составило 17 173 336, а грамотных – 24 448 236 человек [Всесоюзная перепись 2007: 118]. Среди грамотных (как мужчин, так и женщин) процент неверующих был выше, чем среди неграмотных. Но и среди мужчин, и среди женщин людей верующих было значительно больше. Среди неграмотных мужчин православными назвали себя 2 366 531, среди грамотных – 11 089 684 человека, при этом неверующих мужчин в обеих категориях насчитывалось всего 3 781 911. Среди неграмотных женщин к православным себя отнесли 14 206 805, среди грамотных – 13 358 559 человек, общее же число неверующих женщин составило 17 784 576. Показатель верующих среди грамотных мужчин не превышал 30 %, в то время как у женщин он достигал 40–49 %.

В целом уровень религиозности женщин значительно превышал уровень религиозности мужчин. Верующих женщин насчитывалось 64 %, верующих мужчин – 36 %. Это обстоятельство объясняется и преобладанием женщин в общей численности населения, и относительно более ранним взрослением женщин, связанным с замужеством, материнством, ответственностью и многочисленными тревогами за детей. Учитывая перемещение части мужского населения в города, воздействие на них городской среды, оторванность от дома и освобождение от традиционализма сельской местности, снижение их религиозности стало вполне естественным. Поскольку территория Ивановской и Ярославской областей в конфессиональном отношении была преимущественно православной, можно полагать, что это соотношение столь же характерно для региона, как и страны в целом. Число неверующих преобладало в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет, однако возрастных групп, в которых процент неверующих составил бы 100 %, нет.

Перепись выявила девять наиболее распространенных религий: христианство всех направлений, магометанство, иудаизм, буддизм, шаманизм. Большинство верующих составили христиане – 80 % населения. Православные обоого пола составили 75,3 % населения страны – 41,6 млн человек. При этом численность служителей культа была очень незначительна. В целом по стране она составила 31 298 человек, что составляло 0,02 % населения – при том, что к началу XX в. в Костромской, Ярославской и Владимирской губерниях, территориально в 1937 г. составлявших Ивановскую и Ярославскую области, насчитывалось более 22 000 священнослужителей.

Под лозунгом «Не пропустить ни одного человека!» в 1939 г. была проведена следующая перепись населения. Перепись должна была показать «положительную динамику» прироста численности населения, то есть осуществить то, с чем не справилась перепись 1937 г., поэтому у исследователей закрепилось мнение о том, что результаты

переписи 1939 г. в отношении численности населения были фальсифицированы. До войны были опубликованы только отдельные таблицы, содержащие общие сведения о половозрастном составе, уровне грамотности, национальном, социальном и профессиональном составе населения СССР. Вопрос о религии из переписи 1939 г. был исключен по причине неоднозначного к нему отношения респондентов, а также ввиду того, что перепись 1937 г. не только не продемонстрировала уничтожение религии, но и зафиксировала достаточно высокий уровень религиозности населения.

В отличие от результатов переписи 1937 г. итоги переписи 1939 г. носят более общий характер в целом по стране. Лишь в нескольких случаях данные обобщены по областям, преимущественно сведения аккумулированы по союзным и автономным республикам. Так, например, сведения о распределении населения СССР по общественным группам и источникам средств к существованию включают статистику о рабочих и служащих города и села, колхозниках, кооперированных кустарях, некооперированных кустарях и других группах – как с членами семей, так и с указанием численности входящих в их состав лиц, занятых в личном подсобном хозяйстве, стипендиатов, пенсионеров и иждивенцев [Всесоюзная перепись 1992: 93]. Приведенные сведения не позволяют точно обобщить данные о профессиональном и социальном составе городского и сельского населения.

По данным всесоюзной переписи 1939 г., численность населения и Ивановской, и Ярославской областей выросло. Так, общая численность населения в Ярославской области увеличилась на 87 198 человек и составила 2 284 255 человек, при этом на 35 138 человек возросло и число сельских жителей, исчислявшееся 1 484 000 селянами. В составе и городского, и сельского населения преобладали женщины. Мужчин, проживавших в городах, насчитывалось 1 063 220 человек, проживавших в сельской местности – 702 049 человек. Число женщин-горожанок составляло 1 221 035 человек, женщин-селянок – 781 951 человек.

На 130 261 человек выросла численность населения Ивановской области, составившая 2 649 429 человек, сельское население увеличилось на 13 303 человека и достигло 1 480 878 селян. Сельское население включало 681 997 мужчин и 798 881 женщину, а городское население – 1 212 304 мужчин и 1 437 125 женщин. Сельское население Ярославской области составляло 65 % (численность уменьшилась на 0,9 % в сравнении с 1937 г.), Ивановской области – 55,9 % населения (численность уменьшилась на 2,4 % в сравнении с 1937 г.) [Всесоюзная перепись 1992: 23–27].

Приведенные данные вызывают определенные сомнения, поскольку за столь короткий срок – два года, учитывая коэффициенты естественной прироста и убыли населения (рождаемостей и смер-

тей), а также фактор «заданности» показателей со стороны власти, прирост населения был уж очень высок. Однако тенденция роста численности населения, несомненно, имела место. Неизменным осталось превосходство количества сельского населения над количеством городского населения, при изменении этого показателя в пользу городского населения, и превосходства числа женского населения над мужским населением обеих областей.

Следовательно, накануне Великой Отечественной войны в Ивановской и Ярославской областях крестьянство составляло более половины населения. Женская часть крестьянства также превышала 50 %. Основная масса крестьян была представлена крестьянами-колхозниками, незначительной была доля кооперированных кустарей, крестьяне-единоличники составляли меньшинство сельских жителей. Преобладание женского населения в преимущественно православном регионе обуславливало и сохранение значительной степени религиозности. С началом Великой Отечественной войны именно на женские плечи легла тяжесть обеспечения нужд фронта. Крестьяне осуществляли сбор средств в «Фонд обороны страны», стремились досрочно выплачивать значительно возросшие налоги, осуществляли поставки продовольствия и гужевую повинность. И горожане, и селяне обеспечивали сбор денежных средств и теплых вещей, строительство оборонительных сооружений, прием и размещение населения эвакуированных районов и блокадного Ленинграда и многое-многое другое. И в этих условиях многим из них помогала вера. Поэтому росло число ходатайств об открытии храмов и число религиозных треб, совершаемых по просьбам населения.

Список литературы

Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 254 с.

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги: сб. документов и материалов / сост. В.Б. Жиromская, Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007.

Жиromская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

References

Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1939 goda: osnovnye itogi [All-Union census of 1939: main results], ed. by Iu.A. Poliakova. Moscow, Nauka Publ., 1992, 254 p. (In Russ.)

Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 g.: obshchie itogi: sb-k dokumentov i materialov [All-Union census of 1937: general results. Collection of documents and materials], comp. V.B. Zhiromskaja, Yu.A. Polyakov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 320 p. (In Russ.)

Zhiromskaia V.B., Kiselev I.N., Poliakov Iu.A. *Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda* [Half a century under the heading «secret»: the all- Union census of 1937]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 152 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.12.2020; одобрена после рецензирования 14.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 25.12.2020; approved after reviewing 14.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ НОВОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ РЕШЕНИЯ

Ладыга Александр Иванович, кандидат исторических наук, Луганский государственный аграрный университет, Луганск, Луганская Народная Республика, lall1973@hotmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены история создания и усовершенствования периодизации в советской и современной российской историографии Великой Отечественной войны, установлены и раскрыты ключевые положения гипотез авторов. Учитывая замечания военных специалистов прошлых лет, автор предложил периодизацию, где критериями деления войны на периоды служат: изменение способов военных действий – определяющий критерий; условия ведения военных действий (характер войны, создание или раскол коалиций, изменения в международной и внутренней ситуации воюющих государств и др.); организация, подготовка, боевой опыт, вооружение сторон (и прочее) и их влияние на боевые возможности армий; уровень борьбы народов против оккупантов, развитие движения Сопротивления; эволюция экономики воюющих сторон и ее влияние на вооруженную борьбу. В предложенной периодизации автора периоды разделены на этапы с учетом условий, особенностей и специфики военных действий. Выявлены особенности и тенденции историописания на разных этапах эволюции научных знаний, выделены основные научные школы и институты, которые исследовали периодизацию Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, периодизация, военные действия, гипотезы

Для цитирования: Ладыга А.И. К вопросу о построении новой периодизации Великой Отечественной войны: опыт решения // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 79-86. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-79-86>

Research Article

ON THE ISSUE OF FORMATION OF THE NEW PERIODISATION OF THE USSR VS AXIS PART OF WORLD WAR II: EXPERIENCE OF SOLVING THE PROBLEM

Alexander I. Ladyga, Candidate of Historical Sciences, Lugansk State Agrarian University, Lugansk, People's Republic of Lugansk, lall1973@hotmail.com

Abstract. The article reviews the process of formation and improvement of hypotheses of periodization in the Soviet and Russian historiography of the USSR war against the Axis, the key provisions of these hypotheses are given and revealed. Taking into account the comments of military experts of the past years, the author proposed a periodisation, where the criteria for the division of the war into periods include: changing the war activities ways – the determining criteria; the war activities conditions (the nature of war, coalitions creation or split, changes in the international and internal situation of the warring countries, etc.); organisation, training, combat experience, armed forces (and others) and their influence on the combat capabilities of the army; the level of the struggle of peoples against the occupation, the development of the Resistance movement (including Germany); the evolution of the war economy of the warring countries and its influence on the armed struggle. In the author's periodisation, the periods are divided into stages, taking into account the conditions, features and specifics of war activities. The features and trends of history description at different stages of the evolution of scientific knowledge are identified and the main scientific schools and institutions that studied the periodisation of the World War II East Front are named.

Keywords: World War II (East Front), periodisation, war activities, hypotheses

For citation: Ladyga A.I. On the issue of formation of the new periodisation of the USSR vs Axis part of World War II: experience of solving the problem. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 79-86 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-79-86>

Важным вопросом, связанным с исследованием истории Великой Отечественной войны, требующим обоснованного научного решения, является создание выверенной периодизации войны. Такая периодизация облегчит работу ученых, позволит разобраться в исторических явлениях, систематизировать события и факты, сделать из них научные выводы. В свою очередь, применение ошибочной периодизации может привести к неверным выводам. О важности объективного рассмотрения истории войны писал в своей статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» президент России В.В. Путин¹.

Научные принципы построения периодизации Второй мировой войны были изложены в работе В.В. Курасова, изданной в «Военно-историческом журнале» еще в начале 1950-х гг. [Курасов: 8–13]. Согласившись с положениями данной статьи, заметим, что позже ученые лишь корректировали отдельные нюансы построения периодизации Отечественной войны 1941–1945 гг.

В 1954–1957-х гг. разгорелась дискуссия при участии ученых-интеллектуалов и военных в одном лице, таких как генерал-майор Е.А. Болтин, генерал В.В. Курасов, маршал Г.К. Жуков, Министр обороны маршал В.Д. Соколовский, секретаря ЦК КПСС, соавтора доклада Н.С. Хрущёва «О культе личности...» Д.Т. Шепилова, которая была весомее современных дискуссий по данной проблематике и по новизне, и по аргументации, и по цене победы в дискуссии. Это «стимулировало» и без того напряженную борьбу, которая развернулась на страницах военно-исторических изданий «Военный вестник» и «Красная звезда», при участии маршалов и министра обороны, Президиума и секретарей ЦК КПСС (с материалами дискуссии можно ознакомиться в РГАНИ)².

Дискуссия 1950-х гг., в сущности, закончилась основательной коррекцией характеристик и названия периодов Великой Отечественной войны: победой историков-генералов «Военного вестника» над специалистами «Красной звезды» [Болтин: 10]. Весомые аргументы в поддержку ученых «Военного вестника» представили маршалы Г.К. Жуков и В.Д. Соколовский в специальной «Записке...»³. Они поддержали изменения в оценках «сталинского подхода» к характеристике периодов войны в сторону большей критичности в отношении партийных и военных лидеров, не умалчивая поражений Красной Армии.

Отечественная периодизация войны 1941–1945 гг. не безупречна и требует вдумчивой работы по ее совершенствованию. В свою очередь, зарубежной историографии присуща полная несогласованность оценок и мнений (фактически в каждой стране собственная периодизация, где учитывается только ход боевых действий в данной стране). Западными учеными игнорируется определяющая

роль Восточного фронта на европейском театре военных действий и преувеличивается англо-американская роль в победе над странами Оси. С победой же в Европе «мультикультурализма» (в конце 1990-х гг.) история как наука, по крайней мере в вопросах Второй мировой войны, перестала существовать. Например, есть работы, которые обосновывают изменения в ходе войны, исходя из личных проблем А. Гитлера. Львиная доля работ западных авторов начиная с 2000-х гг. написана в абсолютно вольном стиле. Большая часть авторов – не профессиональные историки и не ученые.

Периодизация войны понимается нами, как и большинством военных историков, как ее деление на качественно отличные один от другого периоды (отрезки времени), следовательно, строиться научная периодизация Великой Отечественной войны должна в соответствии с объективными закономерностями, нашедшими отражение в войне [Периодизация: 20].

Важно отметить, что между понятиями период и этап истории много общего. Период – это промежуток времени, в который происходят качественные перемены в ходе процесса, а этап является качеством, формирующим данный промежуток времени. В рамках периода процессы и явления могут происходить случайно, присутствуют и переходные состояния, даже факты, нетипичные для данного периода, а закономерности оттеняются многообразием действительности. В этапах сложность исторических явлений упрощается, а закономерности становятся очевиднее [Косарев: 12–28].

По мнению военных историков, при построении периодизации войн необходимо учитывать следующие критерии, такие как:

- условия ведения боевых действий (характер войны, создание или раскол союзов, изменения во внутренней ситуации сражающихся стран и др.);
- состояние экономики воюющих сторон и изменения, происходящие в этой сфере;
- боеспособность армий воюющих сторон (подготовка, организация, боевой опыт, оснащение) и их потенциал на разных этапах войны [Болтин: 13].

По нашему мнению, именно изменение способа боевых действий является главным критерием смены периода. Так, в начале войны Красная армия отступала и оборонялась; впоследствии перешла в наступление и завершила войну всеобщим наступлением на всех фронтах. Различны были и масштабы боевых действий, которые развивались в соответствии с ситуацией и обстоятельствами ведения войны. В процессе войны изменялась и роль родов войск [Периодизация: 20]. Например, важнейшая роль в войне принадлежала операциям сухопутных армий, а война за воздушное и морское пространство, подпольная и партизанская борьба в разные периоды войны имела неодинаковое значение.

Кардинальные перемены в ходе военных действий являются важнейшей чертой деления войны на периоды; следовательно, устанавливая научную периодизацию войны, следует отыскать поворотные моменты в ходе войны.

Следовательно, периодом войны является отрезок времени, в течение которого происходит законченный цикл событий в сфере ведения боевых действий. Но определить четкие границы периода с точностью до месяца достаточно тяжело. Вследствие этого события одного периода перетекают иной раз в следующий период.

В 1949–1952 гг. приняли периодизацию Великой Отечественной войны, в основе которой стали рассуждения И.В. Сталина о войне. Практически сразу она стала применяться в учебных заведениях, научных структурах и в общественной жизни. Оценка периодов угодливыми карьеристами-«учеными» вырывалась из контекста речей руководителя страны, использовалась и сталинская характеристика периодов, например «коренной перелом» и др. «Сталинская периодизация» предполагала деление войны на четыре периода:

1-й период (22.06.1941 – 18.11.1942 гг.) называли периодом «активной обороны». После дискуссии 1954–1957 гг. применяется существующее до сих пор название «период краха фашистского плана “молниеносной” войны и создания условий для коренного перелома в войне»;

2-й период (19.11.1942 – 31.12.1943 гг.) именовался и именуется «периодом коренного перелома в ходе войны»;

3-й период (1944 г.) – назывался «периодом решающих побед вооруженных сил СССР»;

4-й период (1945 г.) – «период окончательных побед вооруженных сил СССР»; включал боевые действия в Западной Европе и тихоокеанском регионе [Болтин: 15]

Периодизация вызвала обоснованные протесты специалистов [Периодизация: 22]. Ее главными недостатками были: неудачные наименования периодов войны (за исключением сталинского «второго»); отсутствие основательной аргументации деления периодов войны, например, граница времени между 2-м и 3-м периодами войны, с переходной датой – декабрь 1943 г., и между 3-м и 4-м периодами – декабрь 1944 г. и др. До сегодняшнего дня практически все недостатки периодизации не устранены. Справедливо заметить, что 3-й и 4-й периоды специалисты в 1970-е гг. объединили в один. В настоящий момент в официальной историографии всех стран постсоветского пространства, за исключением республик Прибалтики, периодизация Великой Отечественной войны выглядит следующим образом:

1-й период (22.06.1941 г. – 18.11.1942 г.) – вероломное нападение Третьего рейха на СССР, срыв плана «Барбаросса»;

2-й период (19.11.1942 г. – 31.12.1943 г.) – «коренной перелом» в войне, Сталинградская и Курская битвы;

3-й период (01.01.1944 г. – 9.05.1945 г.) – наступление Красной Армии, изгнание государств Европы от оккупации. Капитуляция Германии.

С тех времен, невзирая на комплексное изучение проблем Великой Отечественной войны, раскрытие новых явлений, периодизация войны так и не поддавалась коррекции.

С учетом мнения военных экспертов и ученых прошлых лет и в соответствии с нашими умозаключениями, критериями деления войны на периоды являются:

– эволюция вооруженного конфликта и, в частности, изменение способов боевых действий – **главный (определяющий) критерий**;

– внешние факторы ведения боевых действий (создание/раскол коалиций, изменение ситуации вокруг сражающихся стран и др.);

– трансформация политического курса страны в войне (**связан с предыдущим**), повлиявшая на расстановку сил на фронтах (является ли он освободительным или завоевательным). Например, выход из союзнических отношений с Германией Болгарии, Румынии, Финляндии или других стран, без сомнения, прямо влиял на ход военных действий. Кроме того, поставки для стран Оси (в первую очередь Германии) румынской нефти, финского никелевого концентрата и молибдена, шведской стали, швейцарской зенитной артиллерии – важная составляющая успеха в войне;

– организация, подготовка, боевой опыт, вооружение сторон (и прочее) и их влияние на боевые возможности армий;

– уровень борьбы поработанных народов мира против оккупантов, развитие движения Сопротивления (не исключая Германии);

– кардинальные изменения на иных театрах боевых действий;

– эволюция военной экономики воюющих стран и ее влияние на военное противостояние.

Характеристика периодов авторской периодизации учитывает оценки военных действий всех воюющих сторон (СССР и противоборствующих ему европейских стран). Следовательно, с учетом вышеназванных «критериев» периодизация Великой Отечественной войны будет выглядеть следующим образом:

1-й период – «Период отступления Красной Армии и срыв плана “молниеносной” войны Германии и ее европейских союзников против СССР» (22.06.1941 г. – 06.12.1941 г.). Вермахт и его союзники планировала в течение шестивосьми недель выйти на линию Мурманск – Сталинград – Астрахань;

– хронологические рамки периода обусловлены характером боевых действий, представленным главным образом обороной вооруженных сил

СССР и их отступлением под ударами германских, финских, румынских, венгерских, итальянских, словацких, испанских, хорватских военных контингентов;

– в результате ожесточенных боев советским войскам удалось замедлить темпы продвижения немецких и союзных ей войск, а на ряде участков и временно стабилизировать положение. Если в первый месяц войны враг продвигался на расстояние в среднем 30 км в сутки, с середины июля по сентябрь – до 10 км, в октябре – ноябре – 5 км, в декабре враг вынужден был прекратить наступление [Хисамутдинова: 112–116].

2-й период – «Период борьбы за овладение стратегической инициативой» (07.12.1941 г. – 18.11.1942 г.). **Основанием для смены периода являются:**

а) изменение способов военных действий (с декабря 1941 г. проводятся как успешные, так и неудачные стратегические наступательные и фронтовые операции (при участии нескольких фронтов), причем как Красной Армией, так и противником. Данный период состоит из двух этапов (**1 этап** – с декабря 1941 г. по май 1942 г. – инициативой владела Красная Армия, **2 этап** – с июня по ноябрь 1942 г. – инициативой владел Вермахт и армии его союзников):

– действия Красной Армии (1 этап): Тихвинская стратегическая наступательная операция (декабрь 1941 г.), Ростовская стратегическая наступательная операция (ноябрь – декабрь 1941 г.), Московская стратегическая наступательная опе-

рация (декабрь 1941 г. / январь 1942 г.), Крымская (Керченско-Феодосийская) операция (декабрь 1941 г. / январь 1942 г.) и др., были реализованы и фронтовые наступательные операции (как минимум девять), например Любанская, Демянская, Болховская, Синявинская и др.;

– противник провел ряд как неудачных, так и удачных наступательных операций (2-й этап), позволивших в июне 1942 г. в итоге вернуть стратегическую инициативу. Это наступательная операция на Керченском п-ве (май 1942 г.), контрудар в р-не г. Славянска и г. Краматорска и «Харьковское сражение» (так его в журналах боевых действий обозначили немцы) (май – июнь 1942 г.), попытка уничтожения 2-й ударной армии Волховского фронта (май– июль 1942 г.), наступление в р-не г. Белый (июль 1942 г.), наступление на Воронежском и Ворошиловградском направлениях (июнь – июль 1942 г.), наступление на Сталинградском и Северокавказском направлениях (июль – ноябрь 1942 г.);

б) резкое изменение политических условий ведения военных действий:

– в течение декабря Великобритания (6 декабря 1941 г.) и ее доминионы – Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз – объявили войну Финляндии, Румынии, Венгрии и другим союзникам Германии;

– окончательно уяснив, что «блицкриг» против СССР сорван, японцы, покончив с англичанами на азиатских просторах, решают напасть на США (7 декабря 1941 г. (Перл-Харбор) – начало войны между Японией и США);

Таблица 1

Динамика участия воинских контингентов союзников Германии в 1941 и 1942 гг.

Государства	Пехоти. и моториз. дивизии	Пехоти. и мотор. бригады	Легкие кавалерийск. бригады	Танки и самоходные орудия	Артустановки с минометами (без зениток)	Самолеты	Корабли различных типов
<i>Вооруженные силы союзников (август – сентябрь 1941 г.)</i>							
Италия	3	–	–	61	около 1000	75	–
Финляндия	16	2	1	85 (без учета трофейных)	около 2000	309	53
Румыния	13	6	3	65	около 3000	620	60
Венгрия	–	4	1	190	более 200	50	–
Словакия	1	1	–	50	более 100	70	–
<i>Вооруженные силы союзников (май – ноябрь 1942 г.)</i>							
Италия	9	4 (с чернорубашечниками)	–	75 (без учета трофейных)	около 2900	75	27
Финляндия	16	3	1	около 200	около 2000	220	56
Румыния	18	10	6	около 200	около 6000	410	520
Венгрия	10	9 (полицейские)	1	110 (без учета предоставлен. Германией)	более 2000	90 (без учета самолетов-разведчиков)	–
Словакия	2	2	–	42	более 300	42	–
Испания	1	–	–	31	около 200	–	–
Хорватия	0,5	1	–	31	более 200	51	7

– укрепление гитлеровской коалиции (Италия настаивает на увеличении контингента на Восточном фронте); переговоры с Италией, Венгрией и Румынией закончились решением о существенном увеличении войск (на смену армейских корпусов пришли армии), Финляндия также обещала начать наступление весной 1942 г. (см. таблицу 1) [Ладыга: 491, 495].

– официальное оформление антигитлеровской коалиции (январь 1942 г. – подписание Декларации объединенных наций в Вашингтоне 26 странами «о целях войны против фашизма»);

– в Западной Европе начинается антисоветская и антибольшевистская истерия (во всех странах рост количества добровольцев в войска, отправляющиеся на Восточный фронт, составляются списки из желающих получать участки на территории СССР – в Румынии, Германии и др.);

в) эволюция военной экономики воюющих сторон и ее влияние на вооруженную борьбу:

– в декабре 1941 г. запущены новые заводы, эвакуированные из европейской части СССР, которые начали давать военную продукцию;

– с декабря 1941 г. было развернуто массовое производство новейших бесствольных систем полевой реактивной артиллерии БМ-13 «Катюша», противотанковых ружей, пушечных истребителей и бомбардировщиков;

– производство военной продукции стран гитлеровской Европы зимой 1941/1942 гг. достигло своего пика;

г) группа учёных во главе с И. Курчатовым и А. Александровым создала новые методы размагничивания кораблей, противодействующие магнитным (с электронным сигнализатором) минам. Обнаружены и освоены полезные ископаемые (вольфрамовые, медные, марганцевые руды в Казахстане, бокситы на Урале, огромные запасы нефти в Татарии);

д) появление первых крупных отрядов партизан (например, отрядов Ковпака и Руднева), создание Главного штаба партизанского движения (первоначальное название), изменение методов деятельности партизан: до конца 1941 г. их отряды дрались в прифронтовой зоне и нередко вели оборонительные бои совместно с регулярными советскими подразделениями, после стабилизации линии фронта в конце 1941 г. основной формой боевой деятельности партизан становятся рейды по захваченным врагом территориям.

3-й период – «Период коренного перелома» (19.11.1942 г. – сентябрь 1943 г.). Немецкое командование потеряло стратегическую инициативу и перешло к оборонительным действиям.

В июле – августе 1942 г. немецкие части с армиями союзников прорвались к Дону, а в конце июля вышли к Волге. Первая фаза битвы (с июля по ноябрь) значительно вымотала силы врага, его войска растянулись от среднего Дона до Кавказ-

ских гор, а общие потери составили около 700 тыс. человек.

В конце ноября 1942 г. в рамках операции «Уран» войска Красной Армии перешли в наступление. Силами двух фронтов окружили немецко-румынскую группировку численностью 330 000 человек. Яростное сопротивление окруженных, попытки немцев и их союзников деблокировать окруженных успеха не принесли, и в феврале 1943 г. враг сдался. В результате битвы были разбиты 32 дивизии Вермахта и его союзников, составлявшие 25 % вражеских дивизий, находившихся на передовой. Победа в Сталинградской битве стала началом перелома во Второй мировой войне.

Гитлеровское командование рассчитывало вернуть потерянную инициативу летом 1943 г. в районе так называемой Курской дуги, образовавшейся в период зимнего наступления Красной Армии. На этом направлении Вермахт сосредоточил лучшие элитные дивизии (900 000 пехотинцев, 2 900 танков и самоходок, 2 100 самолетов). Гитлеровцы планировали массово применить свои новейшие разработки – средние танки Pz.Kpfw V Panther, тяжелые танки Pz.Kpfw Tiger, тяжелые САУ «Элефант», истребители-штурмовики «FW-190» и бомбардировщики «He-111h», снаряды с вольфрамовым сердечником и др.

Операция «Цитадель» началась 5 июля 1943 г. Несколько дней шли жесточайшие сражения. Со временем инициатива перешла к Красной Армии, и Курская битва закончилась победой советских войск, склонив чашу весов в пользу СССР и его союзников. С ноября 1942 г. по сентябрь 1943 г. Красная Армия с боями прошла 550 км в центре фронта и 1 200 км на юге, освободив территорию, где до войны проживало 47 млн жителей. Высокий темп наступления позволил в августе – сентябре 1943 г. освободить Донбасс, восток Украины, восточные районы Белоруссии, овладеть плацдармами в Крыму.

Основанием для смены периода является то, что:

а) с сентября 1943 г. вооруженные силы стран Оси потеряли способность проводить стратегические наступательные операции, только армейские. Вследствие советского наступления линия Восточного фронта сократилась с 6 000 км в декабре 1942 г. до 4 000 км в октябре 1943 г.;

б) в это же время США в Тихом океане, Англия и США в Африке добились решительных побед в битвах со странами Оси – происходит переход стратегической инициативы к союзникам;

в) развал союза стран Оси:

– в июле 1943 г. была свергнута диктатура Бенито Муссолини в Италии, а уже в октябре новое правительство во главе с маршалом Пьетро Бадольо объявило войну Третьему рейху;

– политические лидеры Румынии, Финляндии и других союзных Германии стран ведут секрет-

ные переговоры, пытаясь выйти из войны (сентябрь – октябрь 1943 г.);

– в оккупированных западноевропейских государствах осенью 1943 г. происходит зарождение и активный рост движения Сопротивления;

г) из отдельных отрядов в течение летних месяцев 1943 г. создаются крупные партизанские соединения во главе с С. Ковпаком, П. Вершигорой, А. Федоровым, А. Сабуровым и др., которые выполняли важные стратегические задачи командования. Самой известной операцией советских партизан, проведенной на оккупированной территории РСФСР, УССР и БССР с целью срыва наступления Вермахта на Курской дуге, стала «Рельсовая война» (август – сентябрь 1943 г.). Под «срывом наступления» подразумевалось нарушение транспортного сообщения и выведение из строя техники и людских ресурсов противника;

д) 1943 г. стал переломным и в работе советского тыла. Благодаря героическому труду тыла к сентябрю 1943 г. был достигнут экономический перевес над Германией (советская промышленность с сентября 1943 г. превысила германскую по производству артсистем, самолетов, танков);

е) произошли изменения в государственной идеологии СССР:

– основой патриотического воспитания стало обращение к героическим страницам и личностям прошлого Российского государства (были учреждены новые ордена для офицерского состава (Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Суворова, Кутузова, адмирала Ушакова и Нахимова). Появился и аналог солдатского ордена «Георгиевский крест», им стал орден Славы трех степеней;

– произошел позитивный перелом в отношении советской власти и религиозных конфессий. Так, в сентябре 1943 г. состоялось избрание патриарха Московского и всея Руси, им стал Сергий. Открывались духовные семинарии, академии, монастыри. Проведена частичная реабилитация репрессированных священнослужителей.

4-й период (октябрь 1943 г. – февраль 1945 г.). Битва на Курском выступе, левобережной Украине, Тамани, на земле Донбасса и р. Днепр, под Ленинградом завершили коренной перелом в ходе мировой войны. В октябре 1943 г. резко изменилось соотношение сил в пользу Красной Армии. Это позволило провести Красной Армии крупнейшие стратегические наступательные операции в ходе войны. Германия и ее союзники стремились сорвать наступление Красной Армии и сохранить удерживаемые позиции. В этот период движение Сопротивления в странах Западной Европы достигает своего апогея, к январю 1945 г. в нём участвовало 2,1 млн человек.

Как и второй, 4-й период включает два этапа.

1-й этап (октябрь 1943 г. – июль 1944 г.). Германия и ее союзники потерпели ряд сокруши-

тельных поражений от Красной Армии, которые привели к освобождению территории СССР от европейских захватчиков (за исключением части Латвийской и Карело-Финской ССР). Важнейшие битвы этого этапа: наступление в районе Ленинграда и Новгорода в январе – феврале 1944 г., освобождение Правобережной Украины в феврале – марте 1944 г.; наступление на полуострове Крым в апреле – мае 1944 г.; освобождение территорий, захваченных Финляндией в июне – июле 1944 г.; Белорусская операция в июне – июле 1944 г.; освобождение Западной Украины в июле 1944 г.

2-й этап (июль 1944 – февраль 1945 гг.) ознаменован открытием Западного фронта в Нормандии (Франция). До июня 1944 г. главным фронтом оставался Восточный фронт, который поглощал до 94 процентов сухопутных войск Германии и ее союзников. С июля 1944 г. количество войск Третьего рейха на Восточном фронте снизилось до 70 % от общего количества, что повысило эффект и успех наступления Красной Армии. Освободив Родину, она преступила к освобождению зарубежных стран. Цена их освобождения была высока – более 1 млн советских солдат погибло в странах Европы.

Основанием для окончания периода является то, что:

а) противник пытался создать ситуацию «коренного перелома», которая завершилась последними попытками реализовать Вермахтом и его союзниками крупные наступательные операции (например, в Венгрии и Бельгии):

– операции «Конрад» и «Весеннее пробуждение» на Восточном фронте. Целью операций являлось рассечение советских войск в Венгрии с последующим изгнанием их за Дунай, что ликвидировало бы угрозу Австрии и югу Германии. Кроме того, Германия хотела сохранить в своем распоряжении крупнейшие венгерские месторождения нефти. В результате огромного напряжения сил планы стран Оси были сорваны. Советские войска при участии подразделений румын, болгар и югославов (12 % от состава советских войск) разбили три немецкие и одну венгерскую армию;

– соответственно, немецкое наступление «Стража на Рейне» на Западном фронте (декабрь 1944 г. – январь 1945 г.) предполагало разгром американо-британских войск в Бельгии и Нидерландах с целью принуждения к переговорам о мире на германских условиях. В результате немецкого наступления в Арденнах потери армии США за две недели составили 108 347 убитых, раненых, плененных и сопоставимы с потерями за всю войну в Корее (37 904 военнослужащих) и во Вьетнаме (58 220 погибших и плененных). Только активные действия советской армии в Венгрии и перенос на две недели (на 11 января 1945 г.) Висло-Одерской наступательной операции (благодаря настойчивым просьбам У. Черчилля И.В. Сталину) сорвали пла-

ны Германии. В феврале 1945 г. начинается новый период войны, в котором нет места даже армейским наступательным операциям Вермахта и его союзников;

б) в феврале 1945 г. проведена Ялтинская конференция, где были определены новые государственные границы территорий, недавно оккупированных Третьим рейхом. Были предложены процедуры, гарантирующие неизбежность проведенных на карте разделительных линий. Складывается система послевоенных отношений между государствами мира;

в) в ходе февральско-мартовского наступления 1945 г. характер действий армий антигитлеровской коалиции изменился: боевые действия строго координировались между союзниками (это, по сути, и привело к срыву наступления Вермахта в Арденнах). Англо-американско-французские войска в конце апреля вышли к р. Эльба, где и состоялась историческая встреча советских и американских войск.

5-й период – «Битва за Германию» (февраль 1945 г. – 9.05.1945 г.). Разгром нацистской Германии и освобождение государств Европы (Австрии, Чехо-Словацкой Республики и др.). С февраля – марта 1945 г. наступление Красной Армии приобрело лавинообразный характер от Балтики до Западных Карпат. Советские войска освободили Польшу, разгромили гитлеровцев в Северной Германии и Пруссии, северо-западной Венгрии, Австрии и Чехо-Словакии.

Попытка нового временного немецкого правительства во главе с гросс-адмиралом К. Денницом 1 мая 1945 г. достичь сепаратного мира с США и Великобританией провалилась. 3 мая 1945 г. сдались немецкие войска в Дании, Голландии, Северо-Западной Германии.

В ходе Берлинской операции советские войска совместно с польскими частями разбили и пленили 92 дивизии противника. 8 мая 1945 г. в Карлсхорсте (под Берлином) был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии (при участии СССР, США, Великобритании, Франции, Германии). 9 мая (по московскому времени) стал Днем Победы над нацистской Германией.

Таким образом, с учетом замечаний военных специалистов прошлых лет и наших замечаний предложенная периодизация призвана существенно облегчить работу ученых, позволит разобраться в исторических явлениях, систематизировать и сгруппировать факты, сделать из них научные выводы.

Примечания

¹ С полным текстом статьи можно ознакомиться: Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. URL: <https://tass.ru/politika/8765179> (дата обращения: 30.10.2020).

² Переписка Г.К. Жукова, В.Д. Соколовского с Секретариатом ЦК КПСС и редакторами изданий «Военный вестник» и «Красная звезда» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 2–29.

³ Записка в ЦК КПСС об изменении наименования первого периода Великой Отечественной войны (Г.К. Жуков, В.Д. Соколовский) // АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 69. Л. 14–15.

Список литературы

Болтин Е.А. О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза // Военно-исторический журнал. 1959. № 2. С. 9–21. URL: <http://zhhistory.org.ua/periodiz.htm> (дата обращения: 4.11.2020)

Косарев А.И. Мировой исторический процесс: вехи и контуры: монография. М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2013. 415 с.

Курасов В.В. О принципах построения и значении периодизации Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 1959. № 1. С. 8–13.

Ладыга А.И. Анализ современных подходов к участию воинских контингентов союзников Германии в войне с СССР в 1942 году // Научный вестник ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет». 2019. № 6 (1). С. 487–500.

Периодизация Великой Отечественной войны. URL: <https://lektsii.com/1-15851.html> (дата обращения: 3.11.2020).

Хисамутдинова Р.Р. Советский Союз накануне и в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие к лекционному курсу. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2015. 248 с. URL: http://militera.org/books/pdf/manuals/hisamutdinova_rr01.pdf (дата обращения: 2.11.2020).

References

Boltin E.A. *O periodizatsii Velikoi Otechestvennoi voyny Sovetskogo Soiuz* [On the periodization of the Great Patriotic war of the Soviet Union]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military history magazine], 1959, № 2, pp. 9–21. URL: <http://zhhistory.org.ua/periodiz.htm> (access date: 4.11.2020). (In Russ.)

Kosarev A.I. *Mirovoj istoricheskij process: vехi i kontury: monografija* [The World historical process: milestones and contours: monograph]. Moscow, Modern humanitarian University Publ., 2013, 415 p. (In Russ.)

Kurasov V.V. *O printsipakh postroeniia i znachenii periodizatsii Vtoroi mirovoi voyny* [On the principles of construction and significance of the periodization of the Second World War]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military history magazine], 1959, № 1, pp. 8–13. (In Russ.)

Ladyga A.I. *Analiz sovremennykh podhodov kasatel'no uchastija voinskih kontingentov sojuznikov Germanii v vojne s SSSR v 1942 godu* [The analysis of modern approaches regarding participation of military contingents of the allies of Germany in the war with

the USSR in 1942]. *Nauchnyj vestnik GOU LNR «Luganskij nacional'nyj agrarnyj universitet»* [Vestnik of SEI LPR «Lugansk National Agrarian University»], 2019, № 6, pp. 487–500. (In Russ.)

Periodizacija Velikoj Otechestvennoj vojny [The Great Patriotic War periodization]. URL: <https://lektsii.com/1-15851.html> (access date: 3.11.2020). (In Russ.)

Hisamutdinova R.R. *Sovetskij Sojuz nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: uchebnoe posobie k lekcionnomu kursu* [The Soviet Union before and during the Great Patriotic war: a textbook for a lecture

course.]. Orenburg, OGPU Publ., 2015, 248 p. URL: http://militera.org/books/pdf/manuals/hisamutdinova_rr01.pdf (access date: 2.11.2020). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.12.2020; одобрена после рецензирования 27.01.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 09.12.2020; approved after reviewing 27.01.2020; accepted for publication 12.02.2021.

ИВАНОВО – ГОРОД ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ: ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ИВАНОВЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Статья посвящена исследованию трудовых достижений ивановцев в годы Великой Отечественной войны. Этому предшествовал целый перечень правовых, управленческих, социальных и хозяйственных решений, принятых на уровне центра и региона. Главными их составляющими стали меры по организации труда и укреплению трудовой дисциплины, которые наравне с другими опирались на максимальную мобилизацию региональных ресурсов. Они были адекватными военной обстановке и в целом оказались настолько успешными, что предприятия города и области смогли выйти на бесперебойное производство военной и гражданской продукции, а их коллективы в годы войны проявили массовый трудовой героизм и самоотверженность. Статья подготовлена по материалам Государственного архива Ивановской области и Российского государственного архива социально-политической истории, а также местной и центральной периодической печати. В ней обобщены новые сведения по исследуемой теме, большинство архивных документов впервые вводятся в научный оборот, что позволяет расширить представление исследователей и общественности о вкладе жителей города Иваново и области в достижение победы над нацистской Германией и ее союзниками. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области региональной экономики и истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: почетное звание «Иваново – город трудовой доблести», организация труда, укрепление трудовой дисциплины, мобилизация трудовых и материальных ресурсов, Государственный Комитет Обороны, Совет народных комиссаров, уголовная ответственность, военные трибуналы, прокуратура, борьба с трудовым дезертирством, амнистия текстильщикам

Для цитирования: Околотин В.С. Иваново – город трудовой доблести: организация трудовых достижений ивановцев в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 87-92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-87-92>

Research Article

IVANOVU – CITY OF LABOUR VALOUR: ORGANISATION OF LABOUR ACHIEVEMENTS OF IVANOVU RESIDENTS IN THE YEARS OF THE AXIS-USSR WAR (1941–1945)

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. The article is devoted to the study of labour achievements of Ivanovo residents during the participation of the USSR in World War II. This was preceded by a whole list of legal, managerial, social and economic decisions taken at the level of the centre and the region. Their main components were measures to organise labour and strengthen labour discipline, which, along with others, were based on the maximum mobilisation of regional resources. They were adequate to the military situation and in general they were so successful that the enterprises of the city and the region were able to achieve uninterrupted production of military and civilian products, and their teams during the war showed mass labour heroism and dedication. The article is based on the materials of the state archive of Ivanovo Region and the Russian state archive of socio-political history, as well as local and central periodicals. It summarises new information on the subject of most archival documents are introduced into scientific circulation, which allows to expand the knowledge of researchers and the public about the contribution of residents of Ivanovo and the region in achieving victory over Nazi Germany and its allies. The results of this study may be of interest to experts in the field of regional economy and the history of the World War II East Front.

Keywords: Honorary title “Ivanovo – city of labour valour”, labour organisation, strengthening labour discipline, mobilisation of labour and material resources, State Defence Committee, Council of People’s Commissars, criminal liability, military tribunals, Prosecutor’s office, fight against labour desertion, Amnesty for textile workers

For citation: Okolotin V.S. Ivanovo – city of labour valour: organisation of labour achievements of Ivanovo residents in the years of the Axis-USSR War (1941–1945). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 87-92 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-87-92>

Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 2 июля 2020 г. городу Иваново в числе других 20 промышленных центров страны с формулировкой: «За значительный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, проявленные при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность» было присвоено почетное звание «Город трудовой доблести». Однако в сложнейшей военной обстановке выйти на указанный уровень производства и массовый героизм трудящимся города и Ивановской области удалось не сразу. Этому предшествовал целый перечень правовых, управленческих, социальных и хозяйственных решений, принятых на уровне центра и региона. Главными их составляющими стали меры по организации труда, укреплению трудовой дисциплины, внедрению различных форм социалистического соревнования и максимальной мобилизации региональных ресурсов. О реализации первых двух составляющих в текстильной промышленности города и области в годы Великой Отечественной войны и пойдет речь в данной статье.

Итак, к началу войны город Иваново являлся административным центром Ивановской области, обладавшей крупными производственными, людскими и финансовыми ресурсами. На ее территории были размещены 113 хлопчатобумажных предприятий из 200 по стране и 51 производство льняной отрасли промышленности. Часть из них была вновь выстроена, другая реконструирована. В 1930 гг. на предприятиях Иванова и области получили развитие различные формы соревнования за увеличение производительности труда. Наиболее распространенными среди них стали ударничество, стахановское движение, а в текстильной и льняной отраслях промышленности – виноградовское движение. Имена многих передовиков производства Ивановской области звучали на всю страну. В Иванове были размещены все звенья управления сложным хозяйственно-имущественным комплексом области, составными частями которого кроме хлопчатобумажной и льняной были: оборонная, химическая, машиностроительная и электротехническая отрасли промышленности, а также сельское хозяйство. С первых дней войны с громадным напряжением физических и нравственных сил предстояло правильно организовать их функционирование, обеспечить бесперебойный процесс производства военной и гражданской продукции, войти в единый боевой лагерь страны и занять в нем достойное место.

Организация труда на предприятиях города и области. Согласно архивным документам во второй половине 1930-х гг. в каждой отрасли промышленности страны имелся свой мобилизационный план. В феврале 1940 г. для РСФСР решением СНК

был разработан общий мобилизационный план, в результате прежние мобпланы утратили силу. Однако его разработчики не могли предвидеть огромные потребности фронта и тыла в столь сжатые сроки. В итоге 27 июня 1941 г. СНК СССР принял постановление № 1701–785 с «О выпуске продукции для Красной армии в условиях военного времени». С образованием 30 июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны (ГКО), получившего на время войны чрезвычайные полномочия, именно он стал главным органом управления народным хозяйством страны. В результате 9 июля 1941 г. ГКО постановлением № 66 сс «О дополнительном изготовлении и о поставке вещевого имущества для Красной армии в III квартале 1941 г.» определил наркоматам текстильной и легкой промышленности СССР объемы и ассортимент выпуска спецпродукции на указанный период¹. В свою очередь для его исполнения Ивановский обком ВКП(б) во втором полугодии 1941 г. неоднократно принимал постановления о работе текстильной промышленности и ее улучшении. В них констатировались не только политический и производственный подъем на большинстве предприятий области, борьба трудовых коллективов за выполнение производственных планов, но и все острее звучали вопросы о проблемах в обеспечении фабрик и заводов топливом, сырьем и полуфабрикатами. В них же определялись первоочередные меры для решения возникших проблем [Околотин: 229–250].

В связи со строительством оборонительных сооружений Московской зоны обороны осенью 1941 г. на территории Ивановской области значительная часть текстильщиков была снята с производства для их возведения. Под воздействием военной обстановки и объявления города Иванова прифронтовым настроением в рабочих коллективах ухудшилось. По словам секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева, на совещании 15 ноября 1941 г. с участием хозяйственных руководителей «людьми овладело известное безразличие, что, дескать, фронт приближается, может быть, все пропадет, поэтому что думать о большой выработке мануфактуры, о том, о другом, как бы только пережить это время и все». Далее он продолжал: «Сейчас надо сказать людям, что рано руки опустили и не имеем права на это, тем более что сейчас мы являемся единственной областью, где можно в большом количестве вырабатывать всякие ткани»². На том же совещании нарком текстильной промышленности СССР И.Н. Акимов в своем докладе подчеркнул: «Если предприятия будут работать плохо, то мы не удовлетворим всех нужд военного времени, а Вы знаете, товарищи, что нет ни одного вида, ни одной статьи расходов... без того или иного участия текстильных товаров: и боец одет, и химическая защита, и артиллерийская стрельба, и пулеметная стрельба, и аэропланы – во всех этих направлениях участвуют текстильные из-

деля, и отсутствие их болезненно отразится на обороне страны»³.

12 декабря 1941 г. на очередном совещании руководящих работников текстильной и легкой промышленности зампредсовнаркома СССР А.Н. Косыгин обратил внимание руководства области на то, что «все хозяйство страны работает с полной нагрузкой. Так же обязаны работать и текстильщики. Надо понять каждому, что фронту нужны как снаряды, пушки, боеприпасы, так и обмундирование, нужны ткани и для удовлетворения нужд трудящихся нашей Родины». Трудности с топливом он предложил решать на месте за счет использования торфа. Правительство, по его словам, поможет решить транспортные проблемы и обеспечит поставку в область хлопка нового урожая. Относительно рабочей силы надо применять активные методы ее вербовки, привлекать в производство домохозяек, рабочих, эвакуированных из зоны боевых действий и т. д. Он также потребовал от начальников главных управлений, директоров предприятий мобилизовать всех рабочих, инженерно-технических работников и служащих на обеспечение деятельности предприятий, на максимальный выпуск ткани для нужд фронта и страны⁴.

К сожалению, реализовать в полном объеме указанные меры не удалось. Зимой 1942 г. большинство текстильных предприятий Ивановской области остановилось. Не хватало топлива, сырья и рабочих рук. В области продолжалось строительство оборонительных сооружений, где были задействованы десятки тысяч ее жителей, в том числе и рабочие текстильных предприятий. Одновременно с мобилизацией во втором полугодии 1941 г. военнообязанных 27 призывных возрастов такое отвлечение рабочей силы с производств в совокупности с другими хозяйственными проблемами оказалось губительным для предприятий текстильной промышленности. Обращения местного руководства в СНК СССР и ЦК ВКП(б) к должному результату не привели. Только в начале весны 1942 г. предложенные обкомом ВКП(б) и облисполкомом меры по возобновлению работы текстильных предприятий нашли в центре поддержку. В результате было принято решение о проведении в области мобилизации 25–30 тыс. квалифицированных текстильщиков, ранее ушедших с фабрик и комбинатов. СНК СССР для немедленного улучшения положения рабочих постановил отпустить дополнительно мясные и другие продукты для столовых текстильных предприятий. При крупных фабриках были организованы отделы рабочего снабжения (ОРСы). Была разбронирована часть государственных резервов сырья и топлива, что позволило запустить фабрики и постепенно наращивать их производственные темпы [Околотин: 229–250].

Разумеется, степень значимости хозяйственных задач в годы войны, их приоритетность во многом зависели от обстановки на фронтах и заявлений

политического руководства страны. Так, в первомайском приказе И.В. Сталина прозвучала установка для фронта и тыла: «Добиться того, чтобы 1942 г. стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

Для ее реализации обком ВКП(б) предпринял ряд организационных мер, в том числе провел совещания с руководителями предприятий. На одном из них, 16 мая 1942 г., Г.Н. Пальцев, характеризуя отношение центра к текстильной промышленности, отметил следующее: «Делом восстановления работы текстильной промышленности нашей области повседневно интересуется ЦК ВКП(б) и СНК. Мы буквально каждый день ведем разговор с ЦК и СНК о том, как идет восстановление текстильных фабрик. Задача эта является важной... Если обнаружится, что тот или иной директор фабрики или иной ответственный работник не выполняет этих требований, которые нам предъявляют военная обстановка и приказ тов. Сталина, то в отношении таких работников обком и наркомат будут ставить вопрос о привлечении к судебной ответственности по законам военного времени»⁵.

К лету 1942 г. значительная часть текстильных предприятий области, проведя цикл восстановительных работ, смогла выйти на высокие производственные темпы. Только Родниковский комбинат «Большевик» за счет выпуска сверхплановой продукции в июле и августе ежемесячно мог обмундировать от 15 до 20 стрелковых дивизий. Трудовые достижения были и у других предприятий. Так, сентябрьский план досрочно смогли выполнить 57 фабрик области (18 прядильных, 31 ткацкая и 8 отделочных). Однако успехи текстильных предприятий в сентябре не смогли заслонить общие недостатки в текстильной промышленности. В результате 11 октября 1942 г. СНК СССР принял постановление «Об улучшении работы текстильной промышленности», где говорилось о неудовлетворительной работе текстильщиков по выполнению государственных планов. А 14 октября 1942 г. ЦК ВКП(б), заслушав доклад Ивановского обкома ВКП(б) о работе текстильной промышленности, принял постановление «О работе Ивановского обкома ВКП(б)». В нем работа обкома по руководству текстильной промышленностью была признана неудовлетворительной. Он был предупрежден, что вместе с Наркоматом текстильной промышленности СССР несет прямую ответственность за работу текстильщиков, должен ликвидировать имеющиеся недостатки и обеспечить выполнение фабриками производственных планов [Околотин: 215–247]. И такая работа была проведена. В результате за работу в 1943 г. трудовые коллективы передовых фабрик и комбинатов Ивановской области были награждены орденами и медалями. Одновременно правительство приняло по работникам текстильной промышленности ряд важных решений. В частно-

сти, разрешило провести повышение заработной платы через введение новой системы прогрессивной оплаты труда, а также создать специальные фонды для премирования лучших работников.

В 1944 г. для нужд текстильной промышленности ГКО постановил мобилизовать внутри области 15 110 человек. Однако фактически было мобилизовано 12 640 рабочих, т. е. 84 % от задания. Несмотря на это, убыль рабочих на предприятиях города и области продолжала оставаться выше числа их привлечения. Так, за 5 месяцев 1944 г. по всем трем Главкам в штат было принято 5 726, убыло 7 966 человек.

Недостаток рабочей силы в совокупности с другими проблемами отразился на выполнении плановых заданий. На заседании СНК СССР 15 июня 1944 г. работа текстильной промышленности Ивановской области вновь была признана неудовлетворительной. Тогда же было заявлено, что «на сегодня текстильные предприятия Ивановской области в среднем работают на более низком уровне, чем промышленность Московской и Ленинградской областей и очень отстают от довоенного уровня»⁶. Указанная оценка послужила поводом для проведения совещания и пленума обкома ВКП(б). Так, в совещании у секретаря обкома Г.Н. Пальцева 7 июля 1944 г. участвовали: председатель СНК РСФСР А.Н. Косыгин, И.Н. Акимов и другие высокопоставленные лица. Рассматривался вопрос «О мерах неотложной помощи текстильным фабрикам области». Предложенные в ходе совещания меры были самыми различными. Они включали помощь предприятиям бензином, подмосковным углем и мануфактурой для ремонта фабричных крыш в смеси с битумом. Было также решено обратиться к правительству с просьбой выделить для рабочих текстильной промышленности дополнительно 30 тыс. вторых горячих блюд и по сто граммов хлеба⁷.

По словам И.Н. Акимова, другими важнейшими мероприятиями по улучшению работы текстильной промышленности должны были стать: дальнейшая мобилизация рабочих и возврат ранее работавших текстильщиков на фабрики, пуск законсервированного оборудования, увеличение производительности труда за счет уплотнения и укрепления трудовой дисциплины. Пленум поставил перед советскими партийными, хозяйственными, профсоюзными и комсомольскими организациями фабрик задачу обеспечить покрытие задолженности, образовавшейся в первом полугодии, и безусловное выполнение производственного плана 1944 г.⁸

В дальнейшем так остро вопрос о работе текстильной промышленности области в центре не ставился. Несмотря на многочисленные трудности, текстильщики города и области продолжали бороться за выполнение производственных планов и бесперебойное обеспечение потребностей фронта и тыла.

Меры по укреплению трудовой дисциплины.

Трудовая дисциплина на фабриках и заводах области в годы Великой Отечественной войны была объектом пристального внимания. Любое проявление, направленное на ее ослабление, в виде отказов от работы, прогулов и самовольного ухода с производства рассматривалось как пособничество врагу, подрыв оборонной мощи Красной армии. Для ее укрепления использовались самые различные меры, в том числе и карательной направленности. Правовой основой для их осуществления был Указ Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», предусматривавший ряд наказаний за нарушение трудовой дисциплины. Так, прогул без уважительной причины карался исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием до 25 % зарплаты. Самовольный уход с предприятия предусматривал тюремное заключение на срок от 2 до 4 месяцев. Директора предприятий и начальники учреждений, принявшие на работу лиц, укрывавшихся от ответственности за самовольный уход с производства, подлежали судебной ответственности. Согласно разъяснению Пленума Верховного суда от 23 июля 1940 г. за повторное нарушение дисциплины срок исправительно-трудовых работ, данный за первый проступок, превращался в срок тюремного заключения. Совместными приказами Наркомата юстиции и прокуратуры СССР опоздание на работу (даже с обеда) более чем на 20 минут или уход с работы на то же время приравнялось к прогулу. Разрешить уволиться с предприятия мог только руководитель предприятия в строго оговоренных Указом от 26 июня 1940 г. случаях. Для мужчин их было всего три: полная нетрудоспособность, поступление на учебу в вуз или призыв на армейскую службу.

22 июня 1941 г. ряд категорий дел из нарсудов был передан в подсудность военного трибунала, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» требования к трудовой дисциплине были еще более ужесточены. Согласно этому Указу самовольный уход рабочих и служащих рассматривался как дезертирство, а допустившие его лица карались тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. Их дела рассматривались военным трибуналом. Он, как чрезвычайное звено в карательной системе, активно действовал на территории области и вынес массу приговоров [Околотин: 291–295].

Прокуратура Ивановской области тщательно контролировала этот процесс и постоянно информировала обком ВКП(б) о состоянии трудовой дисциплины на текстильных предприятиях. Только по

Указу от 26 июня 1940 г. в суды области в 1941 году поступило: в июле – 6 966 дел, августе – 7 478, сентябре – 8 034, октябре – 5 929, ноябре – 4 771 и декабре – 3 845. Из них большая часть дел была возбуждена за прогулы. Так, в июле 1941 г. за прогулы было заведено 4 044 дела, а за самовольный уход с предприятий – 534, в декабре – 2 668 и 1 006 соответственно⁹.

В 1942 г. динамика нарушений трудовой дисциплины также имела тенденцию к росту. В суды области поступило: в январе – 3 932 дела, в феврале – 4 604, марте – 5 295, апреле – 5 017, мае – 6 344, июне – 8 800 и июле – 8 946 (то есть к январю количество дел о нарушениях выросло в 2,3 раза). Большая часть дел, направленных в суды, как и в 1941 году, возбуждалась в отношении работников, совершивших прогулы. Только в июле 1942 г. из общего числа осужденных (8 946 человек) за данное преступление были осуждены 5 479 и самовольное оставление работы 2 384 работника. Оправданы 608 человек, и в отношении 118 дела прекращены. При этом следует сказать, что по числу лиц, оправданных судами, была положительная динамика (481 в январе и 608 в июле), а по прекращенным делам, наоборот, отрицательная (в январе 158, а в июле 118)¹⁰. В «лидерах» по нарушителям дисциплины значился завод им. Киркиж в Коврове (в марте 784 дела, а в апреле 708), а также Ивановский меланжевый комбинат (в августе 576 дел, в том числе 380 – на лиц, самовольно оставивших работу). В апреле 1942 г. большое количество дел было возбуждено в Гусь-Хрустальном – 257 дел, Вичуге – 259, Кинешме – 233, Родниках – 181, Фурманове – 256, Шуе – 304 и Тейкове – 208. В других промышленных районах области дело обстояло не сколько лучше. В марте в Собинском районе было возбуждено всего лишь 58 дел, Комсомольском – 89, Вязниковском – 118 и Владимирском – 133¹¹.

Из анализа дел, поступивших в суды области, следовало, что значительная их часть возбуждалась на молодежь, влившуюся в производственные коллективы, а также выходцев из деревни, ставших с началом весенних полевых работ возвращаться к местам жительства. Были нарекания и в адрес администрации предприятий, которая при использовании труда рабочих зачастую не учитывала состояние их здоровья, не заботилась об улучшении бытовых и жилищных условий, не обеспечивала детей работниц яслями, садами и т. д. Обратной стороной такого невнимания стало широкое распространение членовредительства, симуляция болезни и подделка больничных листов.

Требование приведения в действие наказания за нарушения трудовой дисциплины повсеместно нарушалось. Ряд приговоров нарсудов милиция не могла выполнить ввиду того, что дети работников, осужденных к тюремному заключению, оставались безнадзорными. Только в Иваново по этим причинам милиция возвратила 313 дел, что соста-

вило 25 % приговоров, направленных судами для исполнения¹².

Вскрывая недостатки, прокуратура области все же признавала, что только мерами карательного воздействия не обойтись. «Необходимо участие всех общественных организаций в борьбе за трудовую дисциплину», – утверждал прокурор области Н.Н. Хламов в одном из документов. Одновременно прокуратура области предложила обкому ВКП(б) разнообразить формы воздействия на нарушителей трудовой дисциплины, в том числе лишать их права на снабжение продуктами, обеспечение жильем и т. д.¹³ И такие предложения очень скоро были реализованы советским правительством. 18 октября 1942 г. СНК СССР принял постановление «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий», согласно которому директорам предприятий было предоставлено право устанавливать порядок снабжения в целях ликвидации уравниловки и поощрения хорошо работающих.

В целях изыскания дополнительной рабочей силы обком ВКП(б) принял нестандартное решение. 23 июля 1944 г. Г.Н. Пальцев обратился к зампреду СНК СССР В.М. Молотову с просьбой освободить из тюрем и колоний более 4 тыс. текстильщиков, осужденных главным образом за мелкие хищения и нарушения трудовой дисциплины, из которых значительную часть составляли женщины. Как утверждалось в обращении, «большинство из них имеет детей, отцы и другие родственники которых находятся на фронтах», и их возврат на фабрики позволил бы пустить в ход тысячи станков и машин и выработать не один десяток миллионов метров ткани¹⁴.

Важно отметить, что правительство очень быстро отреагировало на это обращение. 4 августа 1944 г. ГКО принял решение освободить от дальнейшего отбывания наказания 2 308 заключенных (1 935 женщин и 373 мужчины) из числа работников текстильной промышленности, осужденных по Указам Президиума Верховного Совета СССР, и вернуть их к прежним местам работы¹⁵.

Однако эта амнистия носила ограниченный характер и не могла приостановить действия Указов Верховного Совета СССР от 26 июня и 26 декабря 1940 и 1941 гг. соответственно. Озабоченный практикой их применения на местах ЦК ВКП(б) 3 июля 1944 г. принял постановление «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 года». О ходе его выполнения на территории области свидетельствует отчет секретаря обкома Г.М. Капранова в секретариат ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1944 г. В нем говорилось, что органы прокуратуры и милиции значительно активнее стали разыскивать дезертиров. Если за первое полугодие 1944 г. (январь – июль) по 1 399 оформленным делам было задер-

жано только 646 человек, или 45,5 %, то только за июль разыскано и предано суду военного трибунала 708, а августе месяце – 962 нарушителей. Оперативнее стал работать военный трибунал. В целях быстрого рассмотрения дел были созданы постоянно действующие сессии военного трибунала в 4 крупных городах области: Александрове, Владимире, Коврове и Кинешме. В июле 1944 года было проведено 29 показательных процессов, в августе – 53. Дела рассматривались только при личной явке подсудимого, 86 % дел рассматривались в установленный срок – 3 дня.

Наряду с усилением репрессий в отношении дезертиров была усилена борьба с лицами, укравшими их. За июль – август 1944 г. по этому виду преступлений к уголовной ответственности было привлечено 6 человек. На ряд ответственных работников предприятий и колхозов наложены административные взыскания.

В отчете также признавалось, что, несмотря на проведение большой работы по выполнению постановления ЦК ВКП(б), дезертирство на предприятиях области продолжало оставаться высоким. Так, в августе месяце 1944 г. было привлечено к уголовной ответственности за дезертирство 962 человека, за самовольный уход с предприятий не оборонной промышленности – 269 человек, за прогулы и опоздания – 4 364 чел., в том числе по текстильной промышленности 1 470 чел.»¹⁶.

Однако на исходе войны эти меры перестали соответствовать общему патриотическому подъему советского народа и обстановке в стране. В этой связи 31 декабря 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия». Действие этого Указа распространялось на лиц, добровольно вернувшихся на предприятия до 15 февраля 1945 года¹⁷.

Таким образом, в годы войны для организации работы текстильных предприятий Ивановской области по бесперебойному производству военной и гражданской продукции СНК СССР, ГКО и ЦК ВКП(б) приняли широкий спектр организационных и правовых мер. В целом они были адекватны военной обстановке и способствовали мак-

симальной мобилизации трудовых и материальных ресурсов региона на разгром нацистской Германии и ее союзников.

Примечания

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 2. Л. 140.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 72. Л. 11–12.

³ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 72. Л. 1–2.

⁴ Текстильное оборудование на полную мощность. Совещание партийных и руководящих предприятий г. Иванова // Рабочий край. 1941. 13 декабря.

⁵ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 432. Л. 62.

⁶ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1116. Л. 99–102.

⁷ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1116. Л. 99.

⁸ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 620. Л. 12.

⁹ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 36.

¹⁰ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 54.

¹¹ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 32.

¹² ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 48.

¹³ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1155. Л. 43.

¹⁴ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1152. Л. 63–66.

¹⁵ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 1155. Л. 107.

¹⁶ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 72. Л. 1–2.

¹⁷ Родниковский рабочий. 1945. 11 января.

Список литературы

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. 22 июня – 31 декабря 1941 года. Иваново: А-Гриф, 2017. 341 с.

References

Okolotin V.S. *Ivanovskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Kniga 1. 22 iunია – 31 dekabria 1941 goda* [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 1. June 22 – December 31, 1941]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2017. 341 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.12.2020; одобрена после рецензирования 14.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 05.12.2020; approved after reviewing 14.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА (на примере Дальнего Востока РСФСР)

Гринько Андрей Александрович, кандидат исторических наук, Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск, Россия, andrey2007-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9690-421X>

Аннотация. В статье рассматривается жизнедеятельность сельского населения дальневосточной части страны в 1970-х – первой половине 1980-х гг. через призму существующих проблем и противоречий. Особое внимание обращается на ряд явлений социально-экономического плана, вызывавших негативную реакцию жителей сельской местности, в первую очередь работников сельского хозяйства. Отношение, которое испытывали сельчане к своему положению в регионе и в структуре дальневосточного социума, не следует считать сугубо негативным. Оно имело и позитивные проявления. Тем не менее в рамках данной статьи автор акцентирует внимание на отрицательных сторонах жизни, которые носили перманентный характер и усиливались под влиянием как субъективных, так и объективных факторов. Актуальность данному вопросу придает тот факт, что многие процессы, отражавшиеся на сельчанах эпохи позднего социализма, имеют место и в современной российской действительности. Автор отмечает многогранность и неоднозначность существовавших проблем, недостаточность усилий власти по их преодолению и формированию к середине 1980-х гг. отчетливой тенденции оттока молодого, трудоспособного и квалифицированного населения в более благоприятную местность, в первую очередь города.

Ключевые слова: Дальний Восток, сельское население, удовлетворенность жизнью, качество жизни, дефицит, поздний социализм

Для цитирования: Гринько А.А. К вопросу о проблемах сельского населения в период позднего социализма (на примере Дальнего Востока РСФСР) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 93-98. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-93-98>

Research Article

ON THE PROBLEMS OF THE RURAL POPULATION IN THE PERIOD OF LATE SOCIALISM (on the example of the Far East of the RSFSR)

Andrey A. Grinko, Candidate of Historical Sciences, Far Eastern Agrarian University, Blagoveschensk, Russia, andrey2007-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9690-421X>

Abstract. The article examines the life activity of the rural population of the Russian Far East in the 1970s – the first half of the 1980s through a set of existing problems and contradictions. Special attention is paid to a number of socio-economic phenomena that caused a negative reaction of rural residents, primarily agricultural workers. The attitude that the villagers felt towards their position in the region and in the structure of the Far Eastern society should not be considered purely negative. It also had positive manifestations. Nevertheless, within the framework of this article, the author focuses on the negative aspects of life, which were permanent and intensified under the influence of both subjective and objective factors. Topicality of this issue is given by the fact that many processes that affected the villagers of the late socialism era also take place in modern Russian reality. The author notes the complexity and ambiguity of the existing problems, the insufficient efforts of the authorities to overcome them, and the formation by the mid-1980s of a clear trend of the outflow of young, able-bodied and qualified population to more favourable areas, primarily cities.

Keywords: Far East, rural population, life satisfaction, quality of life, scarcity, late socialism

For citation: Grinko A.A. On the problems of the rural population in the period of late socialism (on the example of the Far East of the RSFSR). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 93-98 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-93-98>

1970-е – первая половина 1980-х годов отложились в отечественной истории и памяти народа с навешанными ярлыками «застоя», «позднего» или «развитого» социализма и даже как «золотая эпоха» жизни страны. Действительно, рассматриваемый период отличался противоречивостью во всех сферах, а положительные тенденции сочетались с негативными явлениями.

Село в полной мере ощутило на себе всю многогранность советской действительности и претерпело более серьезную трансформацию в сравнении с городом. Эта трансформация не завершилась после коллективизации или хрущевских реформ, а продолжалась и в брежневский период.

В это время одним из регионов, оказавшимся в приоритете для государственной власти, стал Дальний Восток. На фоне всей республики он выделялся значительным притоком капиталовложений. В первой половине 1970-х гг. финансовые вливания в регион более чем на 400 % превосходили уровень второй половины 1960-х гг., а во второй половине 1970-х гг. – на 500 % соответственно [Минакир, Рензин, Чичканов: 179]. Ассигнования в неприводимую сферу региона возросли на 25,6 % с середины 1970-х по середину 1980-х годов [Социально-экономический анализ: 89]. Однако в расчете на душу населения прослеживалось недофинансирование Дальнего Востока в рамках страны.

Сельская местность восточной окраины государства также становилась объектом все большего внимания республиканских и союзных властей. Важной демографической особенностью региона являлся молодой состав сельчан, сложившийся благодаря сравнительно низкой смертности при высокой рождаемости. Почти две трети всего населения составляли люди трудоспособного возраста, что было выше показателей по РСФСР¹. Приток переселенцев из других частей страны также отличался преобладанием молодежи. Последние искали на Дальнем Востоке лучшие условия труда и жизни.

Все более ускоряемое течение жизни в совокупности с возрастающим влиянием новых источников информации, активной урбанизацией сознания сельского жителя, ростом образованности, мобильности и многое другое изменяли отношение к ранее привычному образу жизни, своему положению в обществе и трансформировали взгляды на будущее. Массовое вовлечение женской части сельчан в экономику повышало статус женщины в семье и обществе, способствовало росту образованности, расширению кругозора, требований к себе, работе, месту жительства, окружающей действительности [Гринько 2019: 292].

Если предшествующие поколения были более терпимыми к трудностям и сложностям жизни в деревне, то женщина 1970-х годов относилась к существующей реальности более избирательно и даже непримиримо.

Отечественная аграрная сфера всегда отличалась большой трудовой нагрузкой, более значительной и неравномерной в сравнении с другими отраслями экономики. На Дальнем Востоке нередко она была выше, чем по республике, например, у механизаторов – на 30–40 %². Сверхурочные работы и отсутствие выходных дней были распространенным явлением в дальневосточных хозяйствах. Однако если ранее сельчане были вынуждены мириться с этим обстоятельством, то в рассматриваемые годы для молодых и образованных людей появились возможности выбора иных сфер приложения своих сил, где затраты труда были распределены относительно равномерно в течение года, имелась фиксированная продолжительность рабочего дня, обязательные выходные, а проблема отпусков в летний период не стояла особенно остро.

Подобная картина была присуща не только востоку, но и центральной части республики, причем как работникам растениеводства, так и животноводства. При трудовой норме в 280–290 дней часть из них работала 300–330 дней³.

Отпечаток на настроения сельчан накладывал и уровень доходов, который играл крайне важную роль по причине высокой стоимости жизни на Дальнем Востоке. Уровень зарплат в сельской местности неуклонно рос. Так, зарплата в сельском хозяйстве выросла с 155,5 руб. в 1970 г. до 285,1 руб. в середине 1980-х гг.⁴ Тем не менее финансовая привлекательность региона снижалась, поскольку к середине 1980-х годов зарплата превышала среднереспубликанский уровень лишь на 15 % в сравнении с 30 % в начале 1970-х годов [Ващуков: 84–85].

Ситуация усложнялась тем, что основополагающими принципами при начислении выступали уравнительность и гарантия средней величины заработной платы для всех тружеников. Величина заработной платы практически не зависела от качества работы. Высокая рентабельность хозяйства давала основание получать 13%-ную надбавку к среднему заработку, однако имели место ситуации, когда в менее успешных и даже убыточных колхозах и совхозах работники получали такую же оплату труда⁵.

Молодежь нередко привлекали для работ вне зависимости от приобретенной профессии, современное оборудование и техника предоставлялись далеко не всегда.

Закономерностью эпохи стал ускоренный рост потребностей, что вступало в явное противоречие с одной из главных примет времени – дефицитом. Непреодолимые издержки плановой экономики, ошибки местных властей и незаинтересованность торговых организаций в качественном удовлетворении потребностей сельчан приводили к тому, что целый ряд продовольственных и промышленных товаров отсутствовали в сельской торговле в принципе. Несмотря на то, что в рассматриваемые годы капиталовложения в дальневосточную торговлю выросли в 1,8 раза, однако в среднем по республике

рост составил 2,3 раза, что не могло не отразиться на отставании в развитии [Социально-экономический анализ: 92]. Если в середине 1980-х годов в среднем по республике выпуск промышленных товаров в расчете на одного человека достигал тысячи рублей, то на Дальнем Востоке – 754 руб., а в Амурской области – только 398 руб. [Сибирь и Дальний Восток: 41]. Естественно, что городская торговля находилась в приоритете. Товарооборот в сельской местности Дальнего Востока был почти в два раза меньше, чем в городах [Аграрная политика: 118].

Даже при наличии денежных средств приобрести качественную современную одежду и обувь, игрушки, бытовую технику, стройматериалы, ковры было крайне сложно. Практически все новинки отечественной промышленности автоматически становились дефицитом. Их приобретение было возможно только через ожидание своей очереди, которая могла наступить через несколько месяцев или лет. Более того, продолжала существовать нехватка простых изделий, обязательных для нормального существования: ниток, мыла, спичек.

Трудности осложнялись тем, что советская промышленность зачастую продолжала производить невостребованные товары. В результате складывалась ситуация, когда действительно нужные товары были в дефиците, а низкокачественные или немодные изделия накапливались и не реализовывались. Не менее сложная ситуация была и с продовольственными товарами. Если картофель, молоко или мясо можно было приобрести у частников, то чай, колбасы, сыры и другие продукты были доступны крайне редко. Ряд овощей и особенно фруктов, был доступен только в определенный сезон и только в крупных торговых точках. Местные жители неоднократно жаловались на то, что если в магазинах районных центров существует выбор продуктов питания, то в остальных селах «абсолютно ничего нет». Сельчане предполагали, что эта проблема существует из-за ошибочного мнения власти о продовольственной самодостаточности деревни.

Для отдаленных сел проблема товарного дефицита была просто катастрофической. Около 300 деревень южной части Дальнего Востока были полностью лишены торговых точек⁶. Система посылторга и автомагазины должны были обеспечивать небольшие деревни товарной продукцией, однако этого не произошло.

Вышеназванные проблемы вызывали к жизни спекуляцию, а также уникальные извращенные пути «доставания» и «блата», не характерные для рыночных экономических систем. Нехватка востребованных товаров приводила к их нормированию и распределению среди наиболее «ценных» жителей сельской местности – руководящего аппарата и специалистов. Но даже среди них были свои очереди, а знакомство с нужным человеком (главой хозяйства, продавцом) или взятка были эффективнее, чем административные рычаги.

Существует распространенное мнение, что проблема товарного дефицита в некоторой степени сглаживалась стабильностью уровня цен в торговле. Однако действительно дефицитные товары стоили дорого, а государственные цены росли. Например, в рассматриваемые годы дважды повышалась стоимость меховых изделий, трижды – ковров, увеличивалась стоимость электро- и фототоваров, лакокрасочной продукции [Ващук: 175; Социально-экономический анализ: 16].

Сельчане были недовольны такой ситуацией, поскольку обоснованно считали, что цены растут на товары, востребованные в регионе. А если учесть то, что в дальневосточной сельской местности были дополнительные наценки и надбавки к государственным ценам, то ситуация становилась особенно тревожной. В частной торговле цены были еще выше, поскольку зависели от спроса и дефицитности, а переплата могла достигать 50 % и более⁷. В результате, согласно официальной статистике, дальневосточник тратил на 13 % средств больше, чем житель республики в среднем за год, а жители сельской местности – более чем 20 % [Ващук: 175; Социально-экономический анализ: 16; Территориальные особенности: 24].

Ситуация с обеспечением бытовыми услугами в сельской местности также была непростой. В первой половине 1980-х годов общее количество предприятий службы быта в селах Дальнего Востока было меньше, чем в городской среде, на треть, а капиталовложения в бытовую сферу в расчете на одного городского жителя были в три раза больше, чем на сельчанина [Крестьянство: 351; Бытовое обслуживание: 16; Народное хозяйство: 109]. Несмотря на открытие новых предприятий, развитие передвижного способа обслуживания мелких населенных пунктов и расширение перечня оказываемых услуг даже к середине 1980-х гг. около половины сел Амурской области, более 60 % приморских и хабаровских деревень в принципе не имели стационарных бытовых служб [Социально-экономическое развитие: 26]. Новые услуги и современные способы бытового обслуживания развивались недостаточно быстро и слабо учитывали деревенские реалии.

В частности, в 1983 г. в Приамурье удельный вес новинок (например, ремонт фотоаппаратов и пошив спортивной обуви) в общем объеме оказанных услуг не достигал и 1 %, а на селе составлял лишь 0,14 %⁸.

К концу эпохи позднего социализма сельчанин получал в течение года примерно 10 различных видов услуг, житель городской местности – в два раза больше [Социально-экономический анализ: 116]. Фотографирование, ремонт техники, услуги красоты в абсолютном большинстве сел отсутствовали как таковые.

Даже крупные села, являющиеся районными центрами, обладали недостаточным уровнем инфраструктуры и с трудом обеспечивали основны-

ми услугами своих жителей. Практика выездного обслуживания была малоэффективной, поскольку выезд в район означал необходимость прекращения оказания услуги в головной организации из-за нехватки кадров или оборудования.

К концу рассматриваемого периода даже сравнительно благополучные регионы южной части Дальнего Востока по объемам оказанных услуг оказались в худшем положении, чем на рубеже 1960–70-х годов. Особенно это касается Хабаровского и Приморского краев, отброшенных в рамках республики с 36 на 58 и с 18 на 55 позицию соответственно [Показатели: 29–30]. Трудности с бытовым обслуживанием являлись одним из мотивов, вызывавших отток сельских жителей в другую местность. Сельчане неоднократно подчеркивали, что у них нет «удовлетворения от бытового обслуживания» и что «от нас ничего не зависит»⁹.

Естественным выходом из создавшегося положения в сфере бытового и торгового обслуживания являлись поездки сельчан в более развитые населенные пункты, особенно города. В частности, до 80 % амурчан стремились посещать города ради предприятий торговли¹⁰. В них сельчане оставляли как минимум треть и более средств от общего объема трат на промтовары. Здесь приобреталась основная часть (более 50 %) обуви, одежды, транспортных средств, бытовой техники¹¹.

Посещая торговые и бытовые организации в городах, деревенские жители тратили немало личного времени. Так, в Амурской области подобные временные затраты могли достигать 10 часов за одно посещение. Распространенным явлением становились поездки в рабочее время, что наносило экономический ущерб отрасли.

Другим выходом для сельчан было обращение к услугам теневого сектора. Взятки должностным лицам за тот или иной дефицитный товар, получение услуг неофициальным путем за вознаграждение, заказы частникам приобретали с каждым годом все большее распространение.

Значительное влияние на настроения сельчан оказывали и жилищные условия. Качество жилья, уровень благоустройства, планировка и другие аспекты стали находиться в центре внимания наиболее активной части населения. Однако, как и в случае с торгово-бытовой сферой, концентрация строительства происходила в относительно больших селах в ущерб остальным, где планы ввода нового жилья систематически срывались. Такая практика стала нормой. Только за вторую половину 1970-х годов в Приамурье не было построено более 60 тыс. кв. м. планируемого жилья [Борчанинова: 18–19]. Ситуация усугублялась более высокой (с превышением до 70 %) стоимостью строительства в сравнении с РСФСР. Вводимое жилье зачастую строилось по городским шаблонам (многоэтажное, без придомовой территории с хозяйственными постройками), что вызывало недовольство сельчан, вплоть

до отказа от переселения [Власов: 40–41]. Даже качество новостроек было крайне невысоким, о чем неоднократно сообщали местные газеты. Внешняя невзрачность, плохая планировка помещений, плесень на стенах, протекающие крыши, занозы и щели в половых досках, неподогнанные двери – это лишь малая часть претензий того времени. При опросе в 1984 г. работников хабаровских совхозов каждый пятый из тех, кто проживал в новых домах, был недоволен ими [Территориальные особенности: 74].

Новое жилье предоставлялось в первую очередь переселенцам. Нередко это происходило в ущерб кадровым специалистам. Например, в первой половине 1970-х годов из 13 млн рублей, направленных на жилищное строительство в Приморье, почти 12 млн выделялись на новоселов, чем были недовольны местные жители¹².

Однако даже такое приоритетное положение не улучшало ситуацию для многих переселенцев, которых нередко заселяли в непригодные для жизни дома. Так, в Хабаровском крае примерно половина всех приезжающих семей не получала постоянное новое жилье. Многие сельчане проживали в ветхом жилье, что являлось одной из главных причин их отъезда.

Температура в домах с централизованным отоплением нередко была крайне низкой. Только 20 % районных центров Дальневосточного региона имели центральное водоснабжение, разумеется, только холодной водой. В деревнях Приморья и Хабаровского края общая длина водопроводных сетей составляла 20 км, а в Приамурье – 3 км, что явно свидетельствовало о неразвитости коммуникаций¹³. Только по обеспеченности электроэнергией села постепенно приближались к городской среде. Достигнутый уровень благоустройства в реальности оказывался ниже из-за аварий, перебоев и длительных ремонтов [Гринько 2018: 114].

Частное или индивидуальное жилищное строительство развивалось слабо. Одной из ключевых причин этого была высокая стоимость строительства. Немаловажной причиной было и то, что далеко не все сельчане, особенно молодежь, были уверены в длительности своей жизни в сельской местности. Более того, в некоторых дальневосточных хозяйствах не приветствовалось строительство своего жилья, поскольку с помощью «казенного» дома можно было хотя бы временно «привязать» работника рабочему месту.

Даже к середине 1980-х годов жизнь в дальневосточном селе требовала ежедневного использования печи, заготовки топлива, привоза воды и других действий, отнимающих и без того ограниченное свободное время.

Благоустройство постепенно росло, но по сравнению с уровнем РСФСР дальневосточная деревня была отстающей. Доля ветхого и аварийного жилья превышала республиканские значения [Корякина: 82]. По размерам жилой площади в первой полови-

не 1980-х годов Амурская область оказалась отброшена с 50-го на 56-е место в рамках республики, а Хабаровский край – с 55-го на 65-е место [Показатели: 35–36].

Таким образом, можно отметить, что социально-экономическая система, существовавшая в государстве в рассматриваемую эпоху, оставалась крайне неповоротливой и бюрократизированной, ее эффективность была недостаточной для удовлетворения быстро растущих потребностей народа. К середине 1980-х гг. сельская среда оставалась консервативнее городской и изменялась значительно медленнее. Однако периферийное положение Дальнего Востока и традиционная консервативность села не означали отсутствие перемен в сознании сельчан и рост их «урбанизированности».

Восприятие проблем обострялось сравнением с жизнью городских жителей, ростом амбициозности и желанием добиться большего в своей жизни, восприятию села как бесперспективного места. Само слово «деревня» приобретало отрицательный смысл в речи все большего числа людей.

Уровень зарплат, пенсий сельчан (особенно колхозников) и некоторых других выплат был ниже в сравнении с доходами городских жителей. Преимущества в заработках дальневосточников по сравнению с остальной страной постепенно снижались.

В результате накапливавшееся в течение ряда лет недовольство своим положением вылилось в массовый отток квалифицированных кадров, молодежи из сел (особенно из аграрной сферы) в города и несельскохозяйственные отрасли экономики. Если в 1970 г. села покидала четверть всего мигрирующего населения Амурской области, то в середине 1980-х годов – уже треть [Рыбаковский: 42]. Сельские жители, имевшие востребованное образование и опыт, были более мобильны и могли сменить сферу деятельности, место жительства довольно безболезненно. В начале рассматриваемого периода соотношение покидающих и прибывающих в аграрную отрасль кадров было сравнительно благополучным, но в дальнейшем ситуация стала явно отрицательной, причем по многим профессиям. В частности, за 1982 г. в приморских хозяйствах трудоустроилось только 2 284 трактористов-машинистов, а уволилось – 2 376¹⁴. Статистика отражает сложную ситуацию на Дальнем Востоке, где среднегодовая текучесть кадров механизаторов достигала 20–25 % в сравнении с 12–13 % в среднем по республике¹⁵.

Даже те дальневосточники, которые оставались жить на селе, стремились все больше дистанцироваться от аграрной сферы [Крестьянство: 324–325]. Широкий спектр мест приложения своего труда, хоть и ограниченный барьерами административно-командной экономики, способствовал мобильности сельского населения как в пределах собственно сельской местности, так и в рамках всего региона.

В селе оставались малоквалифицированные работники, не имеющие возможности или желания уе-

хать, стали массовыми явлениями алкоголизм и наркомания, аккумулировались застойные процессы.

Примечания

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 719. Оп. 22. Д. 414. Л. 71; Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 131. Оп. 10. Д. 343. Л. 11.

² ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 99. Л. 10.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10.005. Оп. 1. Д. 778. Л. 11.

⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 8397. Л. 69

⁵ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 480. Оп. 12. Д. 186. Л. 16.

⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 8183. Л. 48.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2631. Л. 11.

⁸ ГААО. Ф. 480. Оп. 15. Д. 161. Л. 9.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 1090. Л. 12.

¹⁰ ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 186. Л. 13.

¹¹ ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 99. Л. 10; ГАПК. Ф. 131. Оп. 16. Д. 382. Л. 34.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 153. Д. 1091. Л. 57.

¹³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 932. Л. 48.

¹⁴ ГАПК. Ф. 131. Оп. 19. Д. 357. Л. 20.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 1142. Л. 49.

Список литературы

Аграрная политика КПСС на Дальнем Востоке (1960–1986 гг.). Владивосток: ДВГУ, 1987. 184 с.

Борчанинова В.Е. О некоторых особенностях социально-классовых изменений на Дальнем Востоке в 60–80-е годы. Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 1988. 59 с.

Бытовое обслуживание населения Амурской области за 1980, 1985–1987 гг. Благовещенск: Статуправление, 1988. 76 с.

Ващук А.С., Деревянко А.П., Просвянников Н.Н. Сельское хозяйство Дальнего Востока // Дальневосточная деревня в 1961–1980 гг. Владивосток: ДВО РАН, 1987. Ч. 1. 218 с.

Ващук Л.И. Развитие сельского хозяйства СССР: цифры и факты. М., Финансы и статистика, 1986. 95 с.

Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток, Дальнаука, 2008. 204 с.

Гринько А.А. Повседневность жителей Дальнего Востока страны в период «позднего» социализма // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2018. № 1 (43). С. 113–118.

Гринько А.А. К вопросу о положении женщин дальневосточных сел в период «позднего» социализма // Самарский научный вестник. 2019. № 2 (27). С. 292–295.

Корякина Е.В. Социальное развитие села юга Дальнего Востока в годы перестройки (1985–1991-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 213 с.

Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX–XX вв.: очерки истории / под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: ДВУ, 1991. 416 с.

Минакир П.Я., Рензин О.М., Чичканов В.П. Экономика Дальнего Востока: перспективы ускорения. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1986. 256 с.

Народное хозяйство Хабаровского края в 1985 г. Хабаровск: Статуправление, 1986. 234 с.

Показатели социального развития РСФСР, Дальневосточного района, Приморского, Хабаровского краев и Амурской области за 1965–1987 гг. Хабаровск: Статуправление, 1988. 194 с.

Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., Наука, 1990. 138 с.

Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. 183 с.

Социально-экономический анализ уровня жизни населения Дальнего Востока: сб. науч. тр. / отв. ред. С.В. Югай. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. 171 с.

Территориальные особенности формирования уровня жизни населения: сб. науч. трудов / отв. ред. А.С. Ревайкин. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. 124 с.

References

Agrarnaia politika KPSS na Dal'nem Vostoke (1960-1986 gg.) [Agrarian policy of the CPSU in the Far East (1960-1986)]. Vladivostok, DVGU Publ., 1987, 184 p. (In Russ.)

Borchaninova V.E. *O nekotorykh osobennostiakh sotsial'no-klassovykh izmenenii na Dal'nem Vostoke v 60-80-e gody* [On some features of social and class changes in the Far East in the 60-80 years]. Vladivostok, IAE DVO RAN Publ., 1988, 59 p. (In Russ.)

Bytovoe obsluzhivanie naseleniia Amurskoi oblasti za 1980, 1985-1987 gg. [Consumer services for the population of the Amur region in 1980, 1985-1987]. Blagoveshchensk, Statupravlenie Publ., 1988, 76 p. (In Russ.)

Vashchuk A.S., Derevianko A.P., Prosiannikov N.N. *Sel'skoe khoziaistvo Dal'nego Vostoka. Dal'nevostochnaia derevnia v 1961-1980 gg.* [Agriculture of the Far East. Far East village in the years 1961-1980. Part 1]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1987, ch. 1, 218 p. (In Russ.)

Vashchukov L.I. *Razvitie sel'skogo khoziaistva SSSR: tsify i fakty* [Development of agriculture in the USSR: facts and figures]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1986, 95 p. (In Russ.)

Vlasov S.A. *Zhilishchnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke (1946-1991 gg.)* [Housing construction in the Far East (1946-1991)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2008. 204 p. (In Russ.)

Grin'ko A.A. *Povsednevnost' zhitelei Dal'nego Vostoka strany v period «pozdnego» sotsializma* [Everyday life of the inhabitants of the Far East of the country in the period of «late» socialism]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector science of Togliatti State University], 2018, № 1 (43), pp. 113–118. (In Russ.)

Grin'ko A.A. *K voprosu o polozhenii zhenshchin dal'nevostochnykh sel v period «pozdnego» sotsializma* [On the situation of women in the Far Eastern Villages in the period of «late» Socialism]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2019, № 2 (27), pp. 292–295. (In Russ.)

Koriakina E.V. *Sotsial'noe razvitie sela iuga Dal'nego Vostoka v gody perestroiki (1985-1991-e gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Social development of rural areas in the South of the Far East in the years of Perestroika (1985-1991): dissertation ... candidate of historical sciences]. Khabarovsk, 2009, 213 p. (In Russ.)

Krest'ianstvo Dal'nego Vostoka SSSR v XIX–XX vv.: ocherki istorii [The peasantry of the Far East of the USSR in the XIX-XX centuries: essays of history], pod red. A.I. Krushanova. Vladivostok, DVU Publ., 1991, 416 p. (In Russ.)

Minakir P.Ia., Renzin O.M., Chichkanov V.P. *Ekonomika Dal'nego Vostoka: perspektivy uskoreniia* [The economy of the Far East: prospects for acceleration]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986, 256 p. (In Russ.)

Narodnoe khoziaistvo Khabarovskogo kraia v 1985 g. [National economy of the Khabarovsk Territory in 1985]. Khabarovsk, Statupravlenie Publ., 1986, 234 p. (In Russ.)

Pokazateli sotsial'nogo razvitiia RSFSR, Dal'nevostochnogo raiona, Primorskogo, Khabarovskogo kraev i Amurskoi oblasti za 1965-1987 gg. [Indicators of social development of the RSFSR, the Far Eastern region, Primorsky, Khabarovsk Territories and the Amur Region for 1965-1987]. Khabarovsk, Statupravlenie Publ., 1988, 194 p. (In Russ.)

Rybakovskii L.L. *Naselenie Dal'nego Vostoka za 150 let* [Population of the Far East in 150 years]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 138 p. (In Russ.)

Sibir' i Dal'nii Vostok: sotsial'noe razvitie [Siberia and the Far East: Social development]. Moscow, Goskomstat RSFSR Publ., 1990, 183 p. (In Russ.)

Sotsial'no-ekonomicheskii analiz urovnia zhizni naseleniia Dal'nego Vostoka: sb. nauch. tr. [Socio-economic analysis of the standard of living of the population of the Far East: a collection of scientific papers], отв. ред. S.V. Iugai. Vladivostok, DVO AN SSSR Publ., 1989, 171 p. (In Russ.)

Territorial'nye osobennosti formirovaniia urovnia zhizni naseleniia: sb. nauch. trudov [Territorial features of the formation of the standard of living of the population: collection of scientific works], отв. ред. A.S. Revaikin. Vladivostok, DVO AN SSSR Publ., 1988, 124 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2021; одобрена после рецензирования 28.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 15.01.2021; approved after reviewing 28.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 99-105. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 99-105. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(410.1)09«16»

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-99-105>

ИТАЛЬЯНСКИЕ ТРАКТАТЫ О ЛИТЕРАТУРЕ КАК ОБРАЗЕЦ СТИЛЯ ДЛЯ АНГЛИЙСКОЙ СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Вышенская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, clemence_isaure@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-3026>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессами формирования стиля произведений английской художественной словесности XVI века. Стиль интерпретируется как некий представитель целого в частном, чем обуславливается принадлежность художественного произведения к определённому типу культуры. В рамках толкования подобного рода феномен стиля рассматривается как часть глобального контекста изменений, претерпеваемых культурой европейского Ренессанса. В статье отождествляются понятия культуры и словесности, одного из основных интеллектуальных занятий представителей гуманитарного мышления, которые в рассматриваемый период времени отличает необычайный ранее подъём. Понимание культуры анализируемого временного периода как общения культур даёт возможность проследить пути художественного преобразования представлений об особенностях стилистического построения литературного произведения на материале творческого наследия представителя елизаветинской культуры, Ф. Сидни, на формирование индивидуальности и стиля которого во многом оказывает влияние итальянская гуманистическая мысль.

Ключевые слова: гуманистическое мышление, подражание, разнообразие, Ренессанс, стиль

Для цитирования: Вышенская Ю.П. Итальянские трактаты о литературе как образец стиля для английской светской литературы эпохи раннего Возрождения // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 99-105. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-99-105>

Research Article

ITALIAN TREATIES ON LITERATURE AS THE STYLE MODEL FOR ENGLISH SECULAR EARLY RENAISSANCE LITERATURE

Yuliya P. Vyshenskaya, Candidate of Philological Sciences, Herzen State Pedagogic University, St.-Petersburg, Russia, clemence_isaure@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-3026>

Abstract. The article deals with the matter of the English belles-lettres style of the 16th century. The style phenomenon is interpreted as some representative of the whole in particular. The fact in turn makes condition of interpreting the work of literature as belonging to some type of culture. Within the scope of the interpretation of the kind the style phenomenon is considered within the scope of the global context of changes which took place in European Renaissance. The notions of culture and literature are identified, the latter is believed to be one of the principle sphere of intellectual activity of the representatives of the humanistic thought devoted their time. The kind is marked by an outstanding rise during the analysed period of time. Perceiving the analysed time period culture as one of the cultures' communication gives an opportunity to trace the ways of artistic transforming of the ideas about particular features of stylistic construction of a piece of literature. The study is based on the material of the creative heritage of Philip Sidney, the salient representative of the Elizabethan culture, whose individuality and style were under the influence of Italian humanistic thought.

Keywords: humanistic thought, imitation, Renaissance, style, variety

For citation: Vyshenskaya Yu.P. Italian treaties on literature as the style model for English secular early Renaissance literature. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 99-105 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-99-105>

Цель художественного творческого процесса, иными словами, воздействие на реципиента, «обратной связью влияет на весь... процесс создания стилистически оформленного предмета и его функционирования» [Борев: 76]. Стиль, «генный набор» данной культуры, представитель целого в частном, обуславливает принадлежность художественного произведения к определённому типу культуры [Борев: 77].

Подобное понимание позволяет выявить особенности формирования стиля произведения словесно-художественного творчества на фоне своеобразия гуманистического философствования, изучение которого отождествляется с изучением исторической мысли как «истории культурного сознания», иными словами, смещением фокуса исследовательского внимания в сторону принципиальных изменений культуры Ренессанса [Баткин 1978: 8].

«Жадность к словесности» (*aviditas litterarum*), присущая представителям гуманитарного мышления, обусловлена, как пишет Г. Веронезе, тем, что «занятия словесностью научают наилучшим основам благой жизни» (цит. по: [Баткин 1978: 75]).

Особенности, присущие тому или иному типу культуры, закрепляются в предложенном Л.М. Баткиным термине «ключевое слово», уподобляемое мировоззрению, соизмеримому «в конечном счёте, с целым историческим миром» [Баткин: 68].

Ключевым словом для культуры Возрождения является слово *varietà* (*diversità*) («разнообразие»), «сгущённый ренессансный стиль мышления», в объёме значения которого отражается общение культур как основа культуры Ренессанса, присущий ей дух, связанный вещественностью, стилистикой слова, оригинальность творческого процесса Ренессанса [Баткин: 69].

Понятие *varietà* наряду с «незаурядной эрудированностью в гуманитарной словесности и знаниями “многих и разных вещей”», обретаемыми в результате учёных занятий, включено в перечень качеств гуманиста, представленный в трактате Б. Кастильоне (цит. по: [Баткин, 1990: 73]). Слово изобилие, используемое в оригинале, раскрывается в значении «красноречие», что в гуманистическом толковании предполагает «богатую артикулируемость и мерность целого» [Баткин 1990: 74].

В качестве аналога понятия *varietà* в английском Ренессансе выделяется понятие *decorum*, многозначность которого допускает трактовку уместности, что, как пишет Дж. Бакстон, включает все аспекты проявления стиля в самом широком смысле этого слова [Buxton: 52].

Применительно к стилю произведения словесно-художественного творчества *decorum* означает соответствие стиля сути вопроса или речи в пьесе или романе персонажу, стилю поэмы событию, по поводу которого она написана, или персоне, которой она адресована.

Понятие *varietà* непосредственно связано также с вопросом соотношения индивидуального и общего в художественном стиле, особо ценимых в эпоху Ренессанса характеристик и в области красноречия соответствует понятию, обозначаемому термином *imitatio* (подражание). Процесс *imitatio* предполагает обращение автора и читателя гуманиста к риторическому знанию, унаследованному со времён античности, особенность которого заключается в «овладении умением превращать то, что всем известно, в новое и неизвестное» [Баткин: 53].

К проблеме учёбы у латинских классиков обращаются многие выдающиеся умы эпохи, о насущности её для латиноязычного Возрождения свидетельствует дискуссия о подражании, развернувшаяся в 90-е годы XV века между А. Полициано и П. Кортеше, предметом которой стал вопрос о выборе в процессе подражания. Согласно позиции, занимаемой А. Полициано, современный писатель «должен выражать самого себя, а не Цицерона», что предполагает наличие у индивидуального стиля таких качеств, как «спонтанность и органичность», достигаемых в результате ознакомления и овладения разными памятниками классических авторов, «накопления знаний, расширения эрудиции и упорных занятий» [Степанова: 46; ср.: Сидни: 201].

П. Кортеше, выразитель принципиально иной позиции, утверждает, что «подражание являет собой закон природы», а автору надлежит «ориентироваться на самый лучший, а потому единственный образец», аргументируя это тем, что в противном случае стиль в результате подражания многим «превратится в лавку старьевщика» [Степанова: 47].

Понимание *varietà* в собственно языковом отношении близко позиции П. Кортеше, поскольку подразумевает овладение признанными античными образцами и не требует от придворного (поэта) проявления индивидуальности.

Восприимчивником италийских *studia humanitatis* на Британских островах стал Ф. Сидни, воплощение идеального гуманиста, выдающегося елизаветинца, поэта и общественного деятеля. Разносторонность и широта интересов Ф. Сидни во многом определяет его причастность к созданию института покровительства на Британских островах, что оказывает влияние на особенность связанной с *varietà* проблемы подражания, своеобразии присущей ей формы и путей решения.

В творческой поэтической среде *imitatio* принимает форму стремления к подражанию классическим образцам, в среде представителей английской знати – в стремлении следовать примеру античных предшественников в оказании поэтам покровительства и поддержки.

Специфика творческого подражания в Англии заключается в том, что стиль произведений Ф. Сидни, покровителя-нобиля, становится эталоном сти-

ля для елизаветинской поэзии, формирующегося под влиянием идей и творческих методов итальянских философов и поэтов, излагаемых в известных трактатах.

Одну из особенностей стиля Ф. Сидни, ставшего образцовым, составляет насмешливая элегантность, мягкая ирония, которой поэт отдаёт предпочтение в «*Apologie for Poetru*» и которая в дальнейшем проникает в стиль английской поэзии.

Благодаря эрудированности и одарённости Ф. Сидни спектр английских стилистических приёмов обогащается заимствованными из французской и итальянской поэзии сложными эпитетами, мелодичностью звучания поэтической речи, классическими метрами, разнообразными метрическими формами [Buxton: 111].

Ценность упоминаемого трактата «*Apologie for Poetru*» заключается в том, что это первое произведение, относящееся к жанру критики на национальном языке, в котором переосмысливаются идеи и методы, заимствованные из трудов итальянских гуманистов Ю.Ц. Скалигера, А. Минтурно и Л. Кастельветро. Непринуждённое мастерство изложения превращает трактат в художественное произведение, а его стиль – эталон для подражания [Muir: 18].

В стиле трактата, как и прочих произведений Ф. Сидни, находит отражение особый стиль жизни, срез ренессансной культуры. Украшения речи являют собой органичную часть поэзии, придают ей стилистическую утончённость, превращая стихотворные произведения в прекрасные, искусно сделанные предметы [Rudenstein: 57].

Проблема подражания является одной из принципиально важных для «*Apologie for Poetru*» Ф. Сидни и демонстрирует применение отмеченных выше переосмысления и присвоения его античного смысла.

В рамках оригинальной трактовки процесс создания художественного произведения предстаёт как подражание природе [Аристотель: 23].

Свой взгляд на проблему подражания и других вопросов ренессансной поэтики Ф. Сидни излагает со свойственным ему изяществом рафинированного вельможи, эрудита, искусённого в университетских научных прениях и светских беседах:

«onely the Poet, disdayning to be tied to any such subiection, lifted vp with the vigor of his owne inuention, dooth growe in effect, another nature, in making things either better then Nature bringeth forth, or quite a newe formes such as neuer were in Nature ... not inclosed within the narrow warrant of her guifts, but freely ranging onely within the Zodiack of his owne wit. ... Poesie therefore is an arte of imitation, for so Aristotle termeth it in this word Mimesis, that is to say, a representing, counterfetting, or figuring foorth: to speake metaphorically, a speaking picture: with this end, to teach and delight...» [«*Apologie for Poetry*»]

(«Лишь поэт, презирающий путы любого рабства, воспаряет на своем вымысле, создает, в сущ-

ности, другую природу. Он создает то, что или лучше порожденного Природой, или никогда не существовало в Природе... Так он идет рука об руку с Природой, не ограниченный ее дарами, но вольно странствующий в зодиаке своего воображения... Поэзия – искусство подражания, оттого Аристотель называет её *mimesis*, то есть воспроизведение, преобразование, или метонимически – говорящая картина, цель которой учить и доставлять удовольствие») [Защита Поэзии: 153–155].

В создании художественного произведения, второй природы, Поэт уподобляется Творцу. Он совершенно свободен в своих действиях, что подчёркивается использованием метафор, объединяемых общим значением свободы, издревле ассоциируемой с полётом, небом: *disdayning to be tied to any subiection, lifted vp with the vigor of his owne inuention, he goes hand in hand with Nature*.

В изобилии украшений речи примечательна метафора «*freely ranginig only with Zodiack of his owne wit*», которая может быть интерпретирована и как уподобление Поэта-творца алхимику, поскольку процесс творения являет собой некое колдовство, вызывая к реальности несуществующие миры, способные заставить человека испытывать разного рода переживания, связанные, в частности, и с удовольствием, основным предназначением поэзии.

Метафорическое определение поэзии как «говорящей картины» возникает на основе объединения античного, представленного у Аристотеля, и гуманистического понимания *imitatio* [Аристотель: 23], существующего во множестве интерпретаций, объединяемых связью с ключевым словом *varietà*.

В период Возрождения под влиянием действия принципа *varietà* понимание природы и подражания ей меняется. В рамках гуманистического мышления миры природы и культуры образуют принципиально иную комбинацию, объединяемые связями иного характера. Природа, «первозданное и неотёсанное творение» Всевышнего передаётся в руки человека, который придаёт ему совершенную форму. Процесс (ср. известное изречение Микеланджело) обретения законченности форм предполагает выявление, высвобождение заложенных в природе качеств, присущих человеческой культуре: «формирующая её разумная воля, предназначение к человеческому познанию (*ad usus hominum*), красота упорядоченности (*ornamenta*), замыкает перечень разнообразие (*varietà*), изобилие которого рассматривается как лучший аргумент внутренне-го искусства природы» [Баткин: 89].

Сочетание понятий *imitation* и *varietà* у Б. Кастильоне даёт возможность уподобления мира, места обитания человека, картине живописца, главное достоинство которой заключается в разнообразии, «так что тот, кто может ей [природе] подражать, достоин большей хвалы, к этому нельзя прийти без знания многих вещей, как хорошо известно тому, кто эти занимался (цит. по: [Баткин: 74]).

Иной аспект интерпретационного спектра, также связанного с понятием *varietà*, заключается в вопросе соотношения живописи и поэзии, о сопоставлении поэта и живописца, что обусловлено широтой интересов и занятий гуманистов.

В итальянской любовной поэзии, как отмечает Ф.Г. Робинсон, существовала давняя традиция изображения картины и науки любовного видения в *trattate d'amore*. Так, Дж. Фракасторо пишет, что поэт подобно художнику не желает изображать человека таким, каковым он является в действительности, тем не менее по созерцанию универсальной и необычайно прекрасной идеи изображает вещи такими, какими они должны быть (цит. по: [Robinson: 107]).

Возможно, метафора *speaking picture* появляется как реплика уже известному в то время тезису Горация *ut pictura poesis*, применяемому для обоих видов искусств.

Взгляды Ф. Сидни о поэтических картинах, как известно, получили практически немедленную поддержку в среде поэтов [Robinson: 99–100].

Примечательно созвучие смысла, вкладываемого поэтом в толкование подражания, современным взглядам о назначении произведения искусства, в том числе и словесно-художественного творчества, о воздействии на эмоциональное состояние реципиента.

Подобные взгляды предвосхищают современные точки зрения о единстве искусств со стилиевой организацией, вопрос, которому посвящены труды отечественной классической научной мысли.

Тема нераздельности поэзии с прочими видами искусства неоднократно возникает в трактате в различных метафорических обличьях:

«So among the Romans were Lilius, Andronicus, and Ennius. So in the Italian language, the first that made it aspire to be a Treasure-house of Science, were the Poets Dante, Boccace, and Petrarch. So in our English were Gower and Chawcer. After whom, encouraged and delighted with theyr excellent foregoing, others haue followed, to beautifie our mother tongue, as wel in the same kinde as in other Arts» (курсив мой. – Ю. В.) [«Apologie for Poetry»].

(«У римлян были Ливий Андроник и Энний. Поэты Данте, Боккаччо и Петрарка первыми возвысили итальянский язык, превратив его в сокровищницу науки.

В Англии были Гауэр и Чосер, и за ними, восхищенные и воодушевленные несравненными предшественниками, последовали другие, украшая наш родной язык как в этом, так и в других искусствах») [Защита Поэзии: 147].

В данном пассаже вопрос об украшениях речи представлен как рассуждения об использовании стилистических ресурсов, заложенных в родном языке, возможно, как реакция поэта на суждения, излагаемые в трактатах знаменитых итальянцев, среди которых П. Бембо.

При этом аргументы поэта вновь облекаются в форму изысканных метафор *Treasure-house of Science*, что придает его доводам большую убедительность, стилю – утонченность, превращая произведение в целом в источник интеллектуально-эстетического удовольствия.

Экскурс в историю риторической мысли сконструирован на основе использования синтаксического стилистического приёма повтора, представленного параллельными конструкциями, дублируемыми расстановкой на анафорические позиции *So*. Обращение к этому виду приёма увеличивает эмоциональность атмосферы пассажа, придает ей торжественность и возвышенность, усиливаемые использованием инверсии обстоятельства.

Принцип античной риторики о соразмерности и пропорциональности находит отражение в отношении Ф. Сидни к родному английскому языку. Позиция, занимаемая поэтом, во многом сходна с позицией итальянских интеллектуалов, в частности Триссино, последователя Данте, в стремлении использовать национальные языковые источники, в отличие от П. Бембо и его сторонников, позиция которых заключалась в стремлении установить тосканский диалект Фр. Петрарки и Дж. Боккаччо как классический и грамотный [Buxton: 129–130].

Требования и взгляды елизаветинцев на английскую поэзию формировались в рамках европейской традиции. Взгляды Данте были приняты и переосмыслены в рамках нового стиля мышления *varietà*.

Ф. Сидни разделяет прогрессивные взгляды о способности английского языка к выражению самых сложных оттенков чувств, вызывать удовольствие у читателя:

«To beatifie our mother tongue, as wel in some kinde as in other Arts».

Оригинальное преломление проблемы подражания получает в поэтическом наследии Ф. Сидни, что демонстрирует справедливость наблюдения И.Ю. Подгаецкой о том, что «для ренессансных деятелей поэзия включает и её теорию, а теория поэзии сама по себе строится как теоретическое произведение» [Подгаецкая: 316]. Стилистическая программа, изложенная Ф. Сидни в трактате «Apologie for Poetry» находит применение в цикле сонетов «Astrophel and Stella». Тексты сонетов предоставляют интересный материал для анализа вторичного переосмысления положений трактатов итальянских гуманистов, подвергнувшихся присвоению в «Apologie for Poetry».

«Astrophel and Stella» появляется в результате занятий Ф. Сидни словесностью, в стиле которого в полной мере находит отражение *varietà* придворной жизни елизаветинской эпохи: церемонность и обращение к куртуазным ценностям, гармония, изысканность и остроумие в использовании фигур речи. Подобное разделение являет собой неизбежное следствие вопроса о стиле, а также прозаиче-

ского содержания риторики Ф. Сидни, его рифмы, концепция формы, изысканность и гармоничность, разговорная манера, что присуще стилю елизаветинского придворного. Формируясь в ренессансной культурной среде, стиль произведения многое заимствует у стилистического образца, представленного в сонетах Фр. Петрарки.

В том находит отражение эволюционное развитие художественного стиля, крепнущая в лирике тенденция к поглощению стилей и моделей, которые до того были ограничены другими видами или жанрами, сосуществуя в сонетах Ф. Сидни [Rudenstein: 180].

Сонет I являет собой художественную реплику упоминаемому спору о проблеме *imitatio*, миниатюру трактата «*Apologie for Poetry*» и одновременно иллюстрацию взглядов поэта, изложенных в нём:

«Ouing in trueth, and fayne in verse my loue to show,
That she, deare Shee, might take som pleasure of my paine,
Pleasure might cause her reade, reading might make her know,
Knowledge might pittie winne, and pity grace obtaine,
I sought fit wordes to paint the blackest face of woe;
Studying inuentions fine, her wits to entertaine,
Oft turning others leaues, to see if thence would flow
Some fresh and fruitfull showers vpon my sun-burnd brain.
But words came halting forth, wanting Inuentions stay;
Inuention, Natures childe, fledde step-dame Studies blowes;
And others feet still seemde but strangers in my way.
Thus, great with childe to speak, and helplesse in my throwes,
Biting my trewand pen, beating myselfe for spite,
Fool, said my Muse to me, looke in thy heart, and write.»

*Astrophel and Stella*¹

(«Пыл искренней любви я мнил излить стихом, / Чтоб милую развлечь изображеньем бед – / Пускай прочтет, поймет и сжалится потом, / 4 И милость явит мне за жалостью вослед. / Чужие книги я листал за томом том: / Быть может, я мечтал, какой-нибудь поэт, / Мне песнями кропя, как благостным дождем, / 8 Спаленный солнцем мозг, подскажет путь... Но / нет! / Мой слог, увы, хромал, от Выдумки далек, / Над Выдумкою бич учения навис, / Постылы были мне сплетенья чуждых строк, / И в муках родовых перо я тщетно грыз, / Не зная, где слова, что вправду хороши... / 14 “Глупец! – был Музы глас. – Глянь в сердце и / пиши”»); перевод В. Рогова) [Астрофил и Стелла: 7].

В тексте сонета угадываются взгляды поэта, изложенные в трактате «*Apologie for Poetry*», относительно стилистического эталона. Так, обращаясь к образцам Фр. Петрарки, Астрофил предпринимает своего рода критику этого образца, стилистическое совершенство которого являет источник вдохновения, достичь которого поэт не в состоянии.

Открывающие сонет строки повествуют о решимости Астрофила поведать возлюбленной Стелле о терзаниях, вызванных глубоким чувством, с целью доставить ей удовольствие (*entertaine*).

Выбор подобного художественного решения обусловлен следованием совету Аристотеля, по-

скольку поэтическое изображение «ужасного тоже доставляет удовольствие» [Защита Поэзии: 174].

Первые четыре строчки являют собой череду оксюморонов: «*take some pleasure of my paine, knowledge might pettie winne, and pity grace obtaine*».

Примечательна синтаксическая конструкция этой части сонета, в основу которой положен принцип «нанизывания», также описанный в трактате Аристотеля. Тем не менее повторение структурной модели не создаёт эффекта монотонности, скорее возникает обратный эффект, особый ритм, что достигается использованием другого стилистического приёма – анадиплосиса, использования завершающего каждый отдельный смысловый блок слова (как вариант, его составляющей) в качестве открывающего в каждом последующем блоке: *reade – rerading, know – knowledge, pittie – pity*.

Общий ритм усиливается использованием приёма аллитерации антонимичных обозначений чувств и понятий: *pleasure – paine*.

Особое место в общем ритмическом рисунке сонета занимает повтор образов. Поэт неоднократно подчёркивает своё желание доставить удовольствие своей возлюбленной Стелле, поведать ей о терзаемых его душевных муках: «*might take som pleasure of my paine, I sought fit wordes to paint the blackest face of woe*».

Проблема подражания представлена как стремление Астрофила обрести вдохновение, искомое под влиянием заблуждения, как и идей для подражания у собратьев по перу, в созданных ими произведениях: «*Studying inuentions fine*».

Книги (очевидно, поэтические сборники) метафорически представлены в виде некоего сосуда с питательной влагой, обладающей способностью дать пищу иссушённому бесплодными стараниями мозгу поэта: «*Some flow fresh and fruitful showers vpon my sunne-burne'd braine*».

Вдохновение, искомое Поэтом, уподобляется *showers*, ассоциируемому с благотворной прохладой, что подчёркивается в эпитете *fresh*, но одновременно и символу изобилия, что находит отражение в парном аллитерирующем с ним эпитете «*fruitful*». Таким образом, смысл фигурной пары «*fresh and fruitful*» раскрывается в способности вернуть подобно живительной воде выжженному солнцем мозгу утраченную способность к созиданию.

Поиски Астрофила оборачиваются неудачей, поскольку слова не складываются в рифмы, напротив, «*came halting forth (идут, хромая)*».

Чужие мысли не только не помогают Поэту обрести вдохновение, но превращаются в препятствие для рождения собственных:

«*And others' feele still seem'd but strangers in my way*».

Осознав тщетность попыток обрести в чужих идеях и образцах вдохновение, без которого созидание невозможно, Поэт обращается к природе (*Nature*). В том видится иной пример аллю-

живной петли к идеям Аристотеля, подхваченным в трактатах итальянских гуманистов и собственным размышлениям о поэзии и законах художественного процесса, представленного в «Apologie for Poetry» Ф. Сидни.

Вдохновение уподобляется «Invention, Nature's child» (ребёнку Природы), естественность которого противопоставляется возникающему во второй половине строки образу «Studies» (Учения).

Испытанные другими поэтами чувства, получающие виртуозное воплощение в стихах предшественников (аллюзия на сонеты Фр. Петрарки), душат творческую энергию автора: «And others' feele still seem'd but stranges in my way».

Следует отметить появление в палитре используемых стилистических лексических приёмов иронии, благодаря которой она обогащается, становится ярче и красочнее:

«Biting my toward pen, beating my selfe for spite».

Созвучные синонимичные причастия biting и beating, используемые в «нанизываемых» звеньях из смысловых блоков, сочетаются с существительным, обозначающим одушевленный предмет pen и возвратного местоимения «my selfe».

Поэт испытывает душевные терзания, а выход из творческого тупика подсказывает ему Муза, образ которой появляется в последней строке и советом которой сонет заканчивается:

«Fool, said my Muse to me, looke in thy heart, and write».

Строка примечательна также отмечаемым в «Apologie for Poetry» допущением смешивать стили для достижения большего риторического эффекта.

В процессе создания стилистически оформленного произведения художественной словесности периода Ренессанса находят отражение особенности гуманистического стиля мышления. Стиль английской прозы и поэзии как представителя культуры Возрождения в художественном целом формируется под влиянием характерных универсальных характеристик, присущих культуре рассматриваемого временного периода, прежде всего varietà, и тесным образом связанного с ним imitatio, которому в английской возрожденческой культуре соответствует собственно английское понимание, обозначаемое термином decorum. В Англии, по примеру деятелей итальянской ренессансной гуманистической мысли, словесность и её теория тесным образом взаимосвязаны, что предполагает построение теоретического произведения по структуре поэтического. Образец подобного рода опыта в английской литературе представлен трактатом Ф. Сидни «Apologie for Poetry», в котором в изящном стиле излагаются положения собственно трактатов по литературе известных деятелей итальянской художественной мысли, сильное влияние которой ощущается во всех аспектах интеллектуальной и духовной жизни. Специфику английского Ренессанса составляет сочетание ан-

тичной, итальянской и национальной традиций. Проблема подражания решается путём создания английского эталона на национальном языке, которому следует сам создатель, а также и другие представители творческой поэтической среды.

Примечания

¹ Astrophel and Stella. URL: <http://www.luminarium.org/renascence-editions/stella.html>.

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Риторика / пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука, Азбука Аттикус, 2013. 352 с.

Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М.: Искусство, 1990. 415 с.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 272 с.

Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1978. 199 с.

Борев Ю.Б. Художественный стиль, метод и направление // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М.: Наука, 1982. С. 76–90.

Козлова Н.П. Ранний Европейский классицизм // Литературные манифесты западно-европейских классицистов. М.: Из-во Моск. ун-та, 1980. С. 5–30.

Подгаецкая И.Ю. Поэтика Плеяды // Литература эпохи Возрождения и проблемы мировой литературы. М.: Наука, 1967. С. 316–370.

Сидни Ф. Защита Поэзии // Филип Сидни. Астрофил и Стелла. Защита Поэзии. М.: Наука, 1982. С. 326–254.

Сидни Ф. Астрофил и Стелла // Филип Сидни. Астрофил и Стелла. Защита Поэзии. М.: Наука, 1982. С. 7–325.

Степанова Л.Г. Из истории первых итальянских грамматик: неизданные заметки на полях трактата П. Бембо «Беседы о народном языке» (1525, кн. III). СПб.: Наука, 2005. 277 с.

Buxton J. Sir Philip Sidney and the Elizabethan Renaissance. London, Macmillan & CoLTD, N-Y, StMartin's Press, 1954, 284 p.

Levaio R. Renaissance Minds and their fictions. Berkely, Los Angeles, London, University of California Press, 1985, 446 p.

Muir K. Sir Philip Sidney. London, Longmans, Green & Co, 1960, 40 p.

Robinson F.G. The Shape Of Things Known. Sidney's Apology inits Philosophical Tradion. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1972, 230 p.

Rudenstein N.L. Sidney's Poetic Development. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1967, 313 p.

Sidney Ph. Apologie for Poetry <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A12224.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 13.09. 2020).

Sidney Ph. *Astrophel and Stella*. URL: <https://www.luminarium.org/renascence-editions/stella.html> (дата обращения: 13.09. 2020).

References

Aristotel'. *Pojetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric], tr. from Old Greek by V. Appel'rot, N. Platonova. SPb., Azbuka Publ., Azbuka Attikus Publ., 2013, 352 p. (In Russ.)

Batkin L.M. *Leonardo da Vinchi i osobennosti renessansnogo tvorcheskogo myshlenija* [Leonardo da Vinchi and Peculiarities of the Renaissance Creative Thought]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, 415 p. (In Russ.)

Batkin L.M. *Ital'janskoe Vozrozhdenie v poiskah individual'nosti* [Italian Renaissance in Search of Individuality]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 272 c.

Batkin L.M. *Ital'janskije gumanisty: stil' zhizni i stil' myshlenija* [Italian Humanists: Life Style and Thought Style]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 199 p. (In Russ.)

Borev Ju.B. *Hudozhestvennyj stil', metod i napravlenie. Teorija literaturnyh stilej. Sovremennye aspekty izuchenija* [The Belles-lettres Style, Method and Direction. Theory of Literary Styles]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 76–90. (In Russ.)

Kozlova N.P. *Rannij Evropejskij klassicizm. Literaturnye manifesty zapadno-evropejskih klassicistov* [The Beginnings of European Classicism. Litarary Manifests of West-European Classicists]. Moscow, Moscow University Press, 1980, pp. 5–30.

(In Russ.)

Podgaeckaja I.Ju. *Pojetika Plejady. Literatura jepohi Vozrozhdenija i problemy mirovoj literatury* [La Pléiade Poetics. Renaissance Literature and the World Literature Issues]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 316–370. (In Russ.)

Sidni F. *Zashhita Pojezii. Filip Sidni. Astrofil i Stella. Zashhita Pojezii* [The First English Poetics. Astrofel and Stella. Apologie for Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 326–254. (In Russ.)

Sidni F. *Astrofil i Stella. Filip Sidni. Astrofil i Stella. Zashhita Pojezii* [The First English Poetics. Astrofel and Stella. Apologie for Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 7–325. (In Russ.)

Stepanova L.G. *Iz istorii pervyh ital'janskih grammatik: neizdannye zametki na poljah traktata P. Bembo «Besedy o narodnom jazyke» (1525, kn. III)* [Glimpses of the First Italian Grammar Treaties: Unpublished Notes on the Margins of P. Bembo Treaty «Talks about National Language» (1525, kn. III)]. SPb., Nauka Publ., 2005, 277 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 13.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 106-109. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 106-109. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821(4).09 «19»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-106-109>

ГОРОД – ВОПЛОЩЕНИЕ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА В РОМАНЕ ЖОРЖА РОДЕНБАХА «МЕРТВЫЙ БРЮГГЕ»

Козлова Марина Андреевна, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, kir-ha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5114-5627>

Аннотация. Статья посвящена особенностям создания персонифицированного образа города в романе Жоржа Роденбаха «Мертвый Брюгге», который, по свидетельству самого автора, представляет собой не только главное действующее лицо, но и ее организующее начало. Бельгийский автор опирается на более раннюю литературную традицию, согласно которой город предстает сознанию поэта в виде женщины. Образ города строится на сочетании и взаимодействии различных элементов, из которых в статье рассматриваются следующие: тема двойничества, мотив отражения, который становится основным конструктивным принципом образной системы произведения, а также отсылки к мифологическим и литературным архетипам. Тема двойничества напрямую связана с центральной для творчества Роденбаха категорией соответствия, или же аналогии, которая формирует своеобразную поэтику отражений и обуславливает выбор выразительных средств. Двойничество связывается с враждебной, темной, демонической силой и противопоставляется «святому» и непогрешимому женскому идеалу, воплощенному в образе погибшей возлюбленной, которая, в свою очередь, является прообразом города. Поэтизированный образ города связывается с типичными для представителей европейского символизма архетипическими фигурами: в первую очередь Офелией, а также Орфеем, Нарциссом – посредством обращения к символической воде, потустороннего мира и через попытку главного героя преодолеть границу между мирами, создать новый миф о любви, побеждающей смерть.

Ключевые слова: образ города, Роденбах, Бодлер, бельгийская литература, европейский символизм, двойничество, поэтика отражений

Для цитирования: Козлова М.А. Город – воплощение женского начала в романе Жоржа Роденбаха «Мертвый Брюгге» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 106-109. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-106-109>

Research Article

CITY IMAGE AS A PERSONIFICATION OF FEMALE NATURE IN “THE DEAD [CITY OF] BRUGES” BY GEORGES RAYMOND CONSTANTIN RODENBACH

Marina A. Kozlova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, kir-ha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5114-5627>

Abstract. The paper is devoted to the peculiarities of the creation of the personified image of the city in the novel “The Dead [City of] Bruges” by Georges Raymond Constantin Rodenbach, which, according to the author himself, represents not only the protagonist, but also its organising force. The Belgian author draws on an earlier literary tradition, according to which the city appears to the poet’s mind in the form of a woman. The image of the city is built on the combination and interaction of different elements, among which those that are considered in the article: the theme of duality, the motif of reflection, which becomes the main constructional principle of the image system of the novel, as well as references to mythological and literary archetypes. The theme of duplicity is directly connected with the category of correspondence or analogy, which is central to Rodenbach’s oeuvre and forms a peculiar poetics of reflection and determines the choice of expressive means. Dualism is associated with a hostile, dark and demonic force, contrasted with the «holy» and infallible feminine ideal, embodied in the image of the perished beloved, who is also a prototype of the city. The poetised image of the city is related to archetypal figures that are typical of European symbolism – first of all, Ophelia, but also Orpheus and Narcissus, all this through an appeal to the symbolism of water and the otherworld, then through the main character’s attempt to overcome the border between worlds and create a new myth about love that defeats death.

Keywords: city image, Georges Raymond Constantin Rodenbach, Charles Pierre Baudelaire, Belgian literature, European symbolism, duplicity, poetics of reflection

For citation: Kozlova M.A. City image as a personification of female nature in “The Dead [City of] Bruges” by Georges Raymond Constantin Rodenbach. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 106-109 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-106-109>

Повесть бельгийского писателя Жоржа Роденбаха «Мертвый Брюгге» (или же роман – так это произведение называется во французской традиции, хотя русскому читателю сложно назвать романом текст столь небольшого объема) была опубликована в отрывках в газете «Фигаро» с 4 по 14 февраля 1892 года и в мае того же года вышла отдельной книгой в издательстве «Фламарион». Интерес как читателей, так и исследователей всегда вызывал тот факт, что главное действующее лицо и организующее начало в повести – город, о чем пишет сам Роденбах в «Обращении к читателю»: «Dans cette étude passionnelle, nous avons voulu aussi et principalement évoquer une Ville, la Ville comme un personnage essentiel, associé aux états d'âme, qui conseille, dissuade, détermine à agir. Ainsi, dans la réalité, cette Bruges, qu'il nous a plu d'élire, apparaît presque humaine... <...> Voilà ce que nous avons souhaité de suggérer : la Ville orientant une action ; ses paysages urbains, non plus seulement comme des toiles de fond, comme des thèmes descriptifs un peu arbitrairement choisis, mais liés à l'événement même du livre» [Rodembach: 50].

Иными словами, перед нами не привычный фон для развития сюжета, а, как назвал эту манеру письма Гастон Башляр, «офелизация» города [Bachelard: 110], то есть поэтическое преломление материала реальности через идеализированный архетипический женский образ. Образ навсегда потерянной идеальной женщины становится в повести одной из неотъемлемых частей посюстороннего, недостижимого мира, стремление к единению с которым движет главным героем; а невозможность данного союза рождает типичную для роденбаховского персонажа меланхолию. Рассмотрим далее, какими средствами автор создает оригинальный поэтизированный образ города через его связь с женским началом и женскими образами. Наше исследование коснется трех аспектов: мотива двойничества, поэтики отражений (или же аналогии), литературных и мифологических архетипов.

В первой главе повести Роденбах обращает внимание читателя на особенное отношение главного героя и города: тот «ищет сходство со своим трауром» [Rodembach: 54], повинуюсь «врожденному чувству аналогии» [Rodembach: 128]. Именно склонность главного героя – как и автора – к соотношению явлений, поиску соответствия между состоянием души и окружающей действительностью провоцирует в его сознании желание создать некую устойчивую эмоциональную связь с пространством города: как назовет это автор, «une télégraphie immatérielle entre son âme et les tours inconsolables» [Rodembach: 129]. Между городом и персонажем устанавливаются, таким образом, отношения двойничества или же *соответствия*. Роденбах понимает данный термин в том смысле, который придавал ему Шарль Бодлер в знаменитом сонете «Соответствия» («Les Correspondances»)

[Baudelaire: 87], впоследствии определившем развитие доктрины символизма [Illouz: 126], то есть как способ вскрытия механизма «всеобщей аналогии» мира через установление невидимых (нематериальных) связей между предметами и явлениями. На этом совпадении не заканчиваются: герой встречает двойника своей умершей жены, женщину, как две капли воды похожую на, казалось бы, утерянный и оплакиваемый идеал. Чтобы определить характер связи между тремя персонажами, следует обратиться к названию: написание его через дефис в оригинале – «Bruges-la-Morte» – наводит на мысль о том, что эпитет «мертвый» (точнее, «мертвая», ведь во французском слово «город» женского рода, что также играет не последнюю роль в создании образа) не воспринимается как свойство, определение, а скорее как некая неотъемлемая часть; и действительно, мы находим во второй главе повести подтверждение этой гипотезе: «Une équation mystérieuse s'établissait. À l'épouse morte devait correspondre une ville morte. <...> Dans l'atmosphère muette des eaux et des rues inanimées, Hugues avait moins senti la souffrance de son cœur, il avait pensé plus doucement à la morte. Il l'avait mieux revue, mieux entendue, retrouvant au fil des canaux son visage d'Ophélie en allée, écoutant sa voix dans la chanson grêle et lointaine des carillons. La ville, elle aussi, aimée et belle jadis, incarnait de la sorte ses regrets. Bruges était sa morte. Et sa morte était Bruges. Tout s'unifiait en une destinée pareille. C'était Bruges-la-Morte, elle-même mise au tombeau de ses quais de pierre, avec les artères froides de ses canaux, quand avait cessé d'y battre la grande pulsation de la mer» [Rodembach: 69–70]. Женщина, ее двойник, город – все сливается воедино в механизме *аналогии*, о котором мы упоминали ранее. Реальность проникает в сознание лирического героя, преобразуется и становится новым поэтически отраженным образом. Вместе с тем отражение реальнее материальных вещей, так как зеркальная поверхность может уловить и сохранить «душу вещей», саму суть явлений, а не только их материальную оболочку, то есть позволить прикоснуться к лучшей версии реальности¹. Поэтому в отражении в канале герой часто видит лицо умершей, находящейся «по ту сторону» реальности. Таким образом, двойник – это результат отражения, фрагмент идеального потустороннего мира, и вместе с тем – персонификация, или олицетворение, города, который, в свою очередь, отражает внутреннее состояние героя. Впрочем, как мы увидим далее, это отражение отнюдь не полностью совпадает с «оригиналом».

Облик покойной жены окружен ореолом святости и чистоты. Например, второе появление ее двойника сопровождается в сознании героя мельканием белых вуалей, тюлей, видением религиозной процессии, где белый цвет, как и сама фигура невесты, а также образы благоверных христианок отсылают к безгрешности и чистоте умершей: «son sang

lui avait chanté aux oreilles; des mousselines blanches, des voiles de noces, des cortèges de communiantes avait brouillé ses yeux» [Rodenbach: 86–87]. Помимо этого, главный герой создаёт в доме своеобразный храм почившей, полный «сокровищ», куда не допускается без его сопровождения даже крупная и набожная служанка: «Il y avait, dans ces deux pièces, trop de trésors, trop de souvenirs d'Elle et de l'autrefois pour laisser la servante y circuler seule» [Rodenbach: 58] (стоит обратить внимание на написание местоимения «Она» с большой буквы). Каждый день, помимо привычного свидания с городом, Гюг исполняет ритуал поклонения ее вещам, в частности – локону золотистых волос, над которым, как и над мощами святых, не властно время и который сам герой воспринимает как «реликвию» [Rodenbach: 81].

Роман с танцовщицей Джейн (или Жанной, в переводе М. Веселовской [Роденбах: 251]) Скотт, двойником, воспринимается не только как нарушение ханжеской «провинциальной морали» [Rodenbach: 121], но и как предательство в отношении светлого идеала, своего рода «святотатство», которое, несмотря на изначальное ощущение ошибки и «первой трещины в вазе его супружеского культа» [Rodenbach: 94], в итоге не расценивается героем как таковая: «Lui n'avait éprouvé vis-à-vis de lui-même aucune honte ni rougeur d'âme, parce qu'il savait le motif, le stratagème de cette transposition qui était non seulement une excuse, mais l'absolution, la réhabilitation devant la morte et presque devant Dieu» [Rodenbach: 114]. Однако сходство двух женщин, с точки зрения автора, является результатом неких чар: «le sortilège de la ressemblance» [Rodenbach: 190], вследствие чего герой постепенно понимает, что над ним «насмехается некий Демон аналогии»² [Rodenbach: 102]. Помимо этого, Джейн Скотт выходит на сцену в постановке оперы «Роберт-дьявол», где она в прямом смысле слова «восстает из мертвых» [Rodenbach: 99] и тем самым полностью принимает на себя облик почившей возлюбленной. В этой сцене герой еще отличает обман от реальности, но впоследствии он будет воспринимать иллюзию как попытку единения с идеалом, не видя, что перед ним в некотором смысле слова спектакль, поставленный по коварному замыслу «демона аналогии». Именно после этого эпизода Виана начинает преследовать призрачный и обманчивый образ танцовщицы: «Hugues, la tête en feu, bouleversé et rayonnant, s'en retourna au long des quais, comme halluciné encore par la vision persistante qui ouvrait toujours devant lui, même dans la nuit noire, son cadre de lumière... Ainsi le docteur Faust, acharné après le miroir magique où la céleste image de femme se dévoile!» [Rodenbach: 100]. Отсылка к фигуре доктора Фауста подчеркивает, что Гюг пал жертвой дьявольского обмана; «рамка», силуэт видения указывает на его искусственность, а также отсылает к «магическому зеркалу», кото-

рое, в свою очередь, невозможно представить без рамы, заключающей в себе отражаемый фрагмент реальности. Как будто в кривом зеркале, отражение-двойник идеальной женщины приобретает демонические черты и становится противоположностью «оригинала».

Роман с псевдодвойником становится предательством не только по отношению к собственной памяти об идеале, но и по отношению к городу. Гюг постепенно теряет свою связь, ощущение «анalogии», единства с городом: «Et le trop-plein des gouttières avait beau dégouliner, le tunnel des ponts suinter des larmes froides, les peupliers du bord de l'eau frémir comme la plainte d'une frêle source inconsolable, Hugues n'entendait plus cette douleur des choses; il ne voyait plus la ville rigide et comme emmaillotée dans les mille bandelettes de ses canaux. La ville d'autrefois, cette Bruges-la-Morte, dont il semblait aussi le veuf, ne l'effleurait plus qu'à peine d'un glaucis de mélancolie; et il marchait, consolé, à travers son silence, comme si Bruges aussi avait surgi de son tombeau et s'offrait telle qu'une ville neuve qui ressemblerait à l'ancienne» [Rodenbach: 121].

Возвращаясь к определению Башляра, приведенному в начале статьи, заметим, что поэтизированный образ города связан с героиней Шекспира, в первую очередь, через аллюзии. Два раза ее имя появляется в тексте; в первом случае лицо умершей, не случайно увиденное Гюгом именно в воде канала, отождествляется с лицом Офелии. Другое упоминание имени Офелии соотносится с мыслями героя о самоубийстве: «Dans cette solitude du soir et de l'automne, où le vent balayait les dernières feuilles, il éprouva plus que jamais le désir d'avoir fini sa vie et l'impatience du tombeau. Il semblait qu'une ombre s'allongât des tours sur son âme; qu'un conseil vînt des vieux murs jusqu'à lui; qu'une voix chuchotante montât de l'eau — l'eau s'en venant au-devant de lui, comme elle vint au-devant d'Ophélie, ainsi que le racontent les fossoyeurs de Shakespeare» [Rodenbach: 71]. Башляр связывает Брюгге в повести Роденбаха с образом Офелии через образ «тяжелой воды», ассоциирующейся с «приглашением к особенной смерти», с забывьем, «окончательным растворением» в среде, которой человек также обязан своим рождением и посредством которого восходит к «одному из изначальных материальных мест пребывания»: «une invitation à mourir ; elle est une invitation à une mort spéciale qui nous permet de rejoindre un des refuges matériels élémentaires» [Bachelard: 72]. Впрочем, по мнению исследователей [Cousseau: 105–122], образ Офелии у Роденбаха отсылает не столько к творчеству Шекспира, сколько к живописи прерафаэлитов и их трактовке данного образа. В пользу этого довода говорит тот факт, что последователем прерафаэлитов отчасти можно считать Фернана Кнопфа, а ведь именно он был автором фронтисписа к первому самостоятельному изданию повести.

Роденбах обращается и к другим знаковым для символистского видения мифологическим образам³. В образе главного героя проступают черты Орфея, ведь произнесенная им характеристика самого себя, вероятно, отсылает к строке из знаменитого сонета Жерара де Нерваля «El Desdichado» («Je suis le Ténèbreux, – le Veuf, – l’Inconsolé» [Nerval: 645]): «Veuf ! Être veuf ! Je suis le veuf !» [Rodenbach: 52]; как и мотив потери и поиска возлюбленной в загробном мире – к мифу об Орфее и Эвридике. Подобно лирическому герою Нерваля, Гюг Виан ищет выход за границы реальности и здешнего мира («et j’ai deux fois vainqueur traversé l’Acheron» [Nerval: 645]). Символом этой границы в географии Брюгге становится вода, отделяющая мир мертвых от мира живых, реальность от иллюзии. Герой провоцирует воскрешение жены в образе двойника посредством чувства «врожденной аналогии», о котором мы упоминали ранее. Гюг пытается вернуть ее к жизни из другого мира через эмоциональную связь с мертвым городом, но его попытка не увенчивается успехом. Он, как и Орфей, стремится обмануть смерть, следуя теории соответствий: через повторение, многократное отражение образа умершей, поскольку в образном мире Роденбаха повторение становится способом дать вещам и образам вечную жизнь в постоянном их возвращении, замечает Кристиан Берг [Berg: 112].

Из приведенных наблюдений можно сделать вывод, что при создании поэтизированного образа города посредством связи с женскими персонажами Роденбах руководствуется не только собственными эстетическими воззрениями. Он в значительной степени обращается и к устоявшимся моделям, как, например, теория соответствий Бодлера, мотив двойничества, которые находят воплощение в его «поэтике аналогии», а также прибегает таким популярным среди символистов мифологическим и литературным архетипам, как Нарцисс [Illouz: 109], Орфей, Офелия. Кроме того, к моменту написания «Мертвого Брюгге» во французской литературной традиции, продолжателем которой можно считать бельгийских символистов, уже сложилось и стало практически стереотипным представление о городе как о женщине. Лирической герой Бодлера представляет себе город в женском облике, поскольку именно посредством физического контакта с женским телом, и только благодаря ему, поэт способен воспринять город и сделать его частью собственного образного мира и сознания, продуцирующего поэтические образы, пишет французский критик Пьер Лубье [Loubier: 141]. Роденбах раскрывает не плотскую, а мистическую сторону данного союза, создает сложную систему соответствий и отражений и тем самым адаптирует бодлеровскую модель под собственное видение.

Примечания

¹ Подробнее о принципе аналогии у Роденбаха см.: [Gorceix P. George Rodenbach, une poétique de l’analogie. Georges Rodenbach ou la légende de Bruges. Vulvaines-sur-Seine, 2005, pp. 57–65].

² Это словосочетание, очевидно, отсылает к одноименному стихотворению в прозе Стефана Малларме («Le Démon de l’analogie», опубликовано в журнале «Revue du Monde nouveau» 1 марта 1874 года), см.: [Gorceix: 64].

³ О других отсылках и интертекстуальных связях в романе Роденбаха см.: [Angelet C. Bruges-la-Morte comme carrefour intertextuel. Le monde de Rodenbach, Études et documents réunis par Jean-Pierre Bertrand. Bruxelles, Labor, 1999].

Список литературы

Роденбах Ж. Мертвый Брюгге / пер. М. Веселовской; стихотворения в пер. С. Головачевского. Томск: Водолей, 1999. 702 с.

Angelet Ch. Bruges-la-Morte comme carrefour intertextuel. Le monde de Rodenbach, Études et documents réunis par Jean-Pierre Bertrand. Bruxelles, Labor, 1999, pp. 135–145.

Bachelard G. L’Eau et les rêves. Essai sur l’imagination de la matière. Paris, Librairie José Corti, 1942, 267 p.

Baudelaire Ch. Les Fleurs du mal. Œuvres complètes. T. I. Bibliothèque de la Pléiade. Paris, Gallimard, 1956, 1604 p.

Berg Ch. Lecture de Bruges-la-Morte. Rodenbach G. Bruges-la-Morte. Bruxelles, Labor, 1999, pp. 107–171. URL: http://www.ae-lib.org.ua/texts/berg_rodenbach_fr.htm (access date: 10.12.2020).

Cousseau A. Ophélie: histoire d’un mythe fin de siècle. Revue d’histoire littéraire de la France, 2001, №1, pp. 105–122.

Gorceix P. George Rodenbach, une poétique de l’analogie. Georges Rodenbach ou la légende de Bruges. Vulvaines-sur-Seine, 2005, pp. 57–65.

Illouz J.-N. Le Symbolisme. Paris, Livre de Poche, réédition mise à jour, 2014, 352 p.

Loubier P. Le Poète au labyrinthe: ville, errance, écriture. Fontenay-Saint Claude, ENS Éditions, 1998, 443 p.

Rodenbach G. Bruges-la-Morte, présentation par Jean-Pierre Bertrand, Daniel Grojnowski. Paris, Flammarion, 1998, 343 p.

References

Rodenbah Zh. *Mertvyj Brjuggje* [Bruges the Dead], per. M. Veselovskoj, stihotvorenija, per. S. Golovachevskogo. Tomsk, Vodolej Publ., 1999, 702 c. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.12.2020; одобрена после рецензирования 23.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 07.12.2020; approved after reviewing 23.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 110-116. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 110-116. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821(44).09«19»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-110-116>

«ДОН ЛУИС ЕЩЁ НИ РАЗУ НЕ ЛЕТАЛ» (Морис Леблан до 1905 г.)

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, ktchekalov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются произведения Мориса Леблана, одного из создателей французского классического детектива, написанные в период с 1890 по 1905 годы (до выхода в свет первой из новелл о приключениях «джентльмена-взломщика» Арсена Люпена). Влияние Мопассана и Флобера сочетается здесь с обращением к бретонским легендам и популярным в «прекрасную эпоху» эротическим мотивам. Анализируется тематизация в этих произведениях велосипеда и автомобиля и связанного с ними культа скорости, предваряющего сюжетный динамизм Люпенианы. На примере новелл Леблана, опубликованных в ряде газет 1890-х – начала 1900-х годов, показано постепенное вызревание в его творчестве криминального нарратива. В числе затронутых в статье проблем – реакция Леблана на идеи анархизма и возможное влияние на образ Арсена Люпена личности знаменитого анархиста Мариуса Жакоба, а также творчества английского писателя Эрнеста Хорнунга (создателя образа «взломщика-любителя» Раффлза).

Ключевые слова: детектив, новелла, роман, эссе, сюжет, газета, велосипед, автомобиль

Для цитирования: Чекалов К.А. «Дон Луис ещё ни разу не летал» (Морис Леблан до 1905 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 110-116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-110-116>

Research Article

“DON LUIS HAD NEVER BEEN UP IN AN AEROPLANE” (Maurice Marie Émile Leblanc before 1905)

Kirill A. Chekalov, Doctor of Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Moscow, Russia, ktchekalov@mail.ru

Abstract. Some of the works of Maurice Leblanc are considered in the article, who is one of the creators of the French classic detective, written between 1890 and 1905 (before the publication of the first novel about the adventures of «gentleman-cambrioleur» by Arsène Lupin). The influence of Henri René Albert Guy de Maupassant and Gustave Flaubert is combined with an appeal to Breton legends and erotic motives popular in the “Belle Époque”. The image of a bicycle, a car and the cult of speed associated with them, anticipating the plot dynamics of Lupinian in these works is analysed. On the example of Leblanc’s short stories, published in a number of newspapers in the mid-1890s to early 1900s, the gradual maturation of criminal narrative in his work is shown. Among the problems raised in the article – Leblanc’s reaction to the ideas of anarchism and the potential influence on the image of Arsène Lupin of the personality of the famous anarchist Marius Jacob as well as the influence of the work of Ernest William Hornung (the creator of the character of A. J. Raffles, the «Amateur Cracksman»).

Keywords: detective fiction, short story, novel, essay, plot, newspaper, bicycle, car

For citation: Chekalov K.A. “Don Luis had never been up in an aeroplane” (Maurice Marie Émile Leblanc before 1905). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 110-116 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-110-116>

В романе Мориса Леблана «Зубы тигра» (первая публикация – газета «Le Journal», с 31 августа по 31 октября 1920 года; отдельное издание вышло в том же 1920 году), входящем в цикл произведений о похождениях Арсена Люпена, главный герой цикла предстает в образе дон Луиса Перенна (имя «Luis Perenna» представляет собой анаграмму имени «Arsène Lupin»). В предыдущем романе Леблана, «Остров тридцати гробов» (1919), дон Луис охарактеризован как «испанский гранд, владелец имений во многих странах» [Леблан 2011: 543]. Уже в первой главе «Зубов тигра» Морис Леблан мифологизирует своего персонажа, сравнивая его одновременно с Д'Артаньяном, Портосом и Монте-Кристо. Герои Дюма скакали на конях; в 1920 году статус супергероя уже предусматривает возможность полета в небеса. По ходу развития сюжета дону Луису приходится преследовать автомобиль, в котором, как он полагает, находится похищенная девушка. Чтобы наверстать упущенное время, он решает подняться в воздух на аэроплане, причем делает это впервые в жизни (здесь и далее мы приводим анонимный русский перевод с некоторыми изменениями):

«Дон Луис еще ни разу не летал. Франция завоевала воздух, пока он сражался в пустынях Африки. Но, как ни чутко он реагировал на всевозможные новые впечатления – а уж более волнительного впечатления и представить себе было невозможно! – он не испытал священного восторга впервые оторвавшегося от земли человека. Он был слишком поглощен мыслью об автомобиле, который преследовал. Нервы у него были натянуты, как струна, его охватывало невероятное возбуждение» [Леблан].

Здесь существенно сочетание аэроплана и автомобиля; именно последний вид транспорта, как мы увидим далее, являлся предметом особого восхищения со стороны Мориса Леблана. Интересно, что дон Луис не слишком-то заворожен полетом; для него аэроплан становится не столько возможностью, взмыв в небеса, одержать победу над земным притяжением, сколько наиболее эффективным способом преследования противника. Тем самым техническая новация начала XX века, прогремевшая на весь мир после полета Луи Блерио через Ла-Манш в 1909 году, вписывается в арсенал нарративных ресурсов криминальной интриги. Аэроплан (10 октября 1920 года, то есть как раз в период газетной публикации романа «Зубы тигра», французский летчик Жозеф Сади-Лекуэнт поставил рекорд скорости в 297 км/ч) дает возможность быстро переместиться из одного пункта в другой по «игровому полю» детективного романа. Арсен Люпен – человек «прекрасной эпохи», с ее техническими достижениями, мировоззренческими

*Светлой памяти Доминика Калифа (1957–2020),
крупнейшего специалиста в области
французского массового чтения*

увлечениями (подчас радикального толка) и политическими драмами – в первую очередь всё-таки является виртуозом сыска.

В этой статье нас будет интересовать в первую очередь не сам цикл романов и новелл о Люпене (в дальнейшем мы будем называть его Люпениной): он уже достаточно подробно описан в научной литературе. Мы обратимся к раннему творчеству «французского Конан Дойла», то есть к его произведениям, опубликованным в промежутке между 1890 и 1905 годами (до выхода в свет первой новеллы об Арсене Люпене). Мы отнюдь не претендуем на исчерпывающий обзор раннего Леблана; нам важно сделать упор на медленном вызревании люпеновского цикла в «долюпеновских» сочинениях писателя.

Морис Леблан родился 12 декабря 1864 года в Руане. В 80-е годы литературными кумирами будущего писателя сделались Мопассан и Флобер; с первым из них Леблан встречался лично, как в Нормандии (вилла автора «Милого друга» находилась рядом с живописным приморским городком Этретá, где проводила каникулы семья Леблана), так и затем в Париже. Что касается второго, то 11 мая 1880 года Морис присутствовал при отпевании Флобера в храме городка Кантелé (автор «Госпожи Бовари» жил на протяжении тридцати пяти лет в деревне Круассе, которая входит в состав коммуны).

В конце 1888 года Леблан перебирается в Париж. Его имя впервые появляется на страницах столичной прессы в 1890 году – 15 марта журнал «La Revue Illustrée» напечатал небольшую новеллу начинающего писателя под названием «Спасение» («Le Sauvetage»). В известном смысле «Спасение» созвучно новелле Мопассана «Утопленник» (1888). Характерный для новеллы контраст благочестия и жестокости можно считать определенным предвестием поэтики зрелого Леблана; связь водной стихии и смерти – вполне мопассановская – заставляет в то же время вспомнить и «сатанические» мотивы «морских» романов Эжена Сю.

Первой же опубликованной книгой автора стал сборник из семи новелл «Супружеские пары» («Les Couples»), выпущенный (за счет автора) в ноябре того же 1890 года Эрнестом Кольбом. Обращает на себя внимание предпосланное книге посвящение «Мэтру Ги де Мопассану»; тематическое и стилистическое влияние мэтра в этой «горько-ироничной книге»¹ очень ощутимо. Впрочем, Леблану несвойственны натуралистические эпизоды, коими изобилует новеллистика Мопассана.

Еще в 1880 году молодой Леблан увлекся велосипедными прогулками (под влиянием своего

приятеля Андре Деламара). «Не было в окрестностях Руана такого уголка, который я с наслаждением бы не исколесил», признавался он в интервью «Руанской газете» (цит. по: [Déroutard : 74]). С октября 1892 года Леблан сотрудничает с парижской газетой «Gil Blas»; параллельно с этим он становится одним из пылких пропагандистов велосипеда. В 1893 году газета «Le Vélo» цитирует коллег из «Gil Blas»: «...все мы в той или иной степени ездим на велосипедах, но лидером среди нас в этом смысле является Морис Леблан»². В 1894 году будущий создатель Люпенианы печатает (сначала в «Gil Blas», а затем в том же «Le Vélo») примечательное эссе под названием «Она». Если в не самом известном фильме Жан-Люка Годара «Две или три вещи, которые я знаю о ней» (1967) «она» – это пригород Парижа (la banlieue), то в очерке Леблана под «ней» подразумевается велосипед (la bicyclette).

«Она» выглядит прежде всего как изящное упражнение по риторике, само название которого сбивает с толку читателя (он вправе предположить, что речь пойдет о женщине, тем более что годом ранее Леблан выпустил насыщенный чувственностью роман «Une Femme»). Но привычная лаудативная лексика здесь оказывается применена к новому средству передвижения (которое, впрочем, в глазах Леблана и его единомышленников являлось в первую очередь спортивным снарядом). Автор со знанием дела описывает особенно любимый дамами велосипедный маршрут «Tour-de-Bois», от Триумфальной арки до Булонского леса; действительно, одна из задач катания на велосипеде – приобщиться к природе, подышать свежим воздухом. И всё же наибольшее уважение у Леблана вызывает велотрек, профессиональный велоспорт, где всё зависит от человека, а не от лошади или снаряда.

Критики особо выделили те пассажи эссе, где Леблан противопоставляет велосипед автомобилю, и противопоставление это не в пользу последнего: ведь велосипед – это воплощение безыскусности и искренности, тогда как автомобиль, подобно фиговому листку, прикрывает и прячет человеческое естество³.

Нам кажется наиболее примечательным – в контексте будущей Люпенианы – следующий фрагмент очерка, где Леблан рассуждает о велосипеде как анархическом изобретении:

«Велосипед – анархистское устройство. В наше время, когда завершается век и рушится старый порядок, когда принципы людской слиянности, ассоциированности, централизации выказали свою неэффективность, человек стремится проявить себя в индивидуальном усилии... Между тем именно велосипед содержит в зародыше наиболее благородные инициативы и развивает наиболее надежные человеческие качества. Не замечали ли вы, кстати, что изобретение велосипеда совпало с возникновением анархистских доктрин, а его массо-

вое распространение – со взрывным применением этих доктрин на практике?»⁴

Отсюда Леблан делает вполне «анархистский» вывод: «настанет день... когда собственность каждого гражданина окажется сведена к одному-единственному велосипеду, этому источнику восторга, здоровья, пылкости, молодости, этому верному спутнику человека».

В этой связи следует напомнить, что Арсена Люпена нередко сопоставляют с известным теоретиком и практиком анархизма Мариусом Жакобом (1879–1954). Вместе с сообщниками (группа «Труженики ночи») Жакоб в начале 1900-х годов совершил полторы сотни весьма изощренных ограблений; процесс начался в 1905 году в Амьене и завершился лишь в начале следующего года; Жакоба осудили на пожизненную каторгу, однако в 1927 году он вышел на свободу. Симптоматично название опубликованной в 1993 году монографии В. Карюше: «Мариус Жакоб, анархист-взломщик» [Caruchet]. Первым на этот возможный прототип образа Люпена указал писатель Ален Сержан [Sergent: 87]. По его мнению, именно Леблана следует считать автором анонимных репортажей с процесса Жакоба, которые публиковала газета «Gil Blas». Однако гипотеза эта не имеет никакого документального подтверждения (среди ее оппонентов – столь авторитетный ученый, как Доминик Калифа [Kalifa]), а сам Леблан категорически отвергал подобное сближение. Здесь скорее можно говорить, в самом общем виде, о «светском анархизме» [Ruaud: 181], о презрении к буржуазному порядку и стремлении сломать его – пусть даже криминальным путем. В эссе, которое мы процитировали выше, эта антибуржуазная установка уже прочитывается достаточно ясно, хотя до появления на свет «джентльмена-взломщика» остается целых одиннадцать лет.

В феврале 1897 года Леблан получил приз (разумеется, то был новый велосипед) за свой только что опубликованный рассказ «Из Плоэрмеля в Геранд». Награду вручило общество «Гладиатор», которое объявило конкурс на лучшее литературное произведение – рассказ о велосипедной экскурсии; на конкурс было подано в общей сложности 428 рукописей. Разумеется, редакция газеты «Gil Blas» восприняла это награждение как собственную победу. «Из Плоэрмеля в Геранд» – произведение незамысловатое, со всеми приметам заказного текста, но оно примечательно тем, что перебрасывает мостик между очерком «Она» и выпущенными в том же 1897 году двумя романами Леблана – «Армель и Клод» и «Вот вам крылья!».

Герои рассказа – повествователь и безымянная двадцатилетняя особа – путешествуют на велосипедах по Бретани, в направлении моря; от Плоэрмеля до Геранда без малого восемьдесят километров, так что выезжают они рано утром, а прибывают на место вечером. Попутно герои обсуждают красо-

ты и историю Бретани, причем погружение в веянное легендами историческое прошлое здешних мест усиливает их общую склонность к романтической медитации; само собой, дело не обходится без влюбленности. Въезд в ворота старинного города Геранд венчает собой это своеобразное погружение в грёзу.

Еще сильнее указанное настроение выражено в романе «Армель и Клод»: персонажи пускаются уже не просто на экскурсию, но в своеобразное инициатическое путешествие, в «queste» на манер средневекового романа, и не случайно путь их лежит через Броселиандский лес, квинтэссенцию «matière de Bretagne»:

«Они без усталости, три часа кряду шли по пустынным дорогам. Силуэты окружающих предметов тонули в легкой полутени. Приходило в движение волшебный мир; ночные призраки скользили между деревьями, в невидимом пространстве пробуждались бретонские феи. Клод был подобен возвращающемуся с Востока крестоносцу» [Leblanc].

Итогом этого инициатического путешествия оказывается не обретение Грааля, а победа над чувственностью; Армель и Клод справляются со страстным порывом, едва не побудившим их отдаться друг другу. Храм Природы и память веков становятся для них источником высокого нравственного начала. Так и протагонист рассказа «Из Плоэрмеля в Геранд», поначалу с трепетом созерцающий изящную фигуру своей спутницы, в конечном итоге забывает о чувственном соблазне и погружается в близкое к экстазическому состояние. Совершенно иначе, как мы увидим далее, обстоит дело в романе «Вот вам крылья!», хотя динамизм пространственного перемещения играет не менее существенную роль.

В романе «Армель и Клод» велосипеды отсутствуют – тут они были бы совершенно неуместны; в романе «Вот вам крылья!» они, напротив, оказываются на первом плане. Роман представляет собой вдохновенную апологию интересующего нас средства передвижения. (Несмотря на звучавшие в прессе громкие рекламные заявления, Леблан вовсе не являлся первопроходцем в отношении этой темы: годом ранее Герберт Уэллс выпустил роман «Колёса Фортуны», где также отдана дань велосипедному увлечению; что же касается романа Дж. К. Джерома «Трое на четырех колесах», то он действительно вышел в свет позже книги Леблана, в 1900 году).

Если в сборнике «Les Couples» выведены супружеские пары, то в романе «Вот вам крылья!» – две пары влюбленных. Сюжет незамысловат, как и в случае с рассказом «Из Плоэрмеля в Геранд». Леблану здесь гораздо важнее не выстраивать увлекательный нарратив, а пропагандировать, как бы мы теперь сказали, здоровый образ жизни. Его герои дают друг другу (а заодно и читателю) немало практических советов: как следует правильно дер-

жаться в седле, какой костюм стоит надевать велосипедисту; самое же главное, в романе сочетается культ велосипеда и культ здорового тела. Апология модного средства транспорта основана прежде всего на его соразмерности и природе, и человеку. В то же время катание на велосипеде, по Леблану, заключает в себе и эстетическое начало – быть может, даже большее, чем в случае с катанием верхом. Эта эстетика естественным образом вбирает в себя и эротическую составляющую. Вот что, например, заявляет своей прекрасной спутнице Паскаль:

«Только слепой и предвзятый человек станет отказывать этому виду спорта в каком бы то ни было претензии на художественность! Почему, собственно, всаднику она свойственна, а нам нет? Чем мы хуже его? <...> Гармония никогда не бывает столь полной, чем в случае с велосипедистом, который движется ровно и просто. Поэтому вы для меня – само воплощение гармонии – гармонии изящества, силы и упорства. Ваши ноги – сама легкость и ловкость, ваша грудь – сама устойчивость и неколебимость»⁵.

На этом фоне вполне закономерно появление чувственных сцен: езда на велосипеде оказывает столь эротизирующее воздействие на велосипедистов, что молодые герои прямо за рулем стаскивают с себя одежды. Именно полуобнаженная дама на велосипеде и была воспроизведена на обложке отдельного издания (художник Люсьен Метиве).

В произведениях, входящих в состав Люпенианы, велосипеду подчас отводится довольно существенная роль. Например, в романе «Полая игла» (1909) юный сыщик-любитель Исидор Ботреле раскрывает (частично!) тайну сокровища французских королей, «разъезжая на велосипеде по Нормандии» ([Bussi]). В романе «Графиня Калиостро» (1924) велосипед упоминается уже в самой первой фразе, а в дальнейшем легкомыслие молодого Рауля (настоящее имя Люпена), не прихватившего с собой в ответственный момент велосипед, едва не становится причиной его гибели. Но самый интересный, связанный с велосипедом сюрприз читателю «Графини Калиостро» приготовил не автор романа, а анонимный русский переводчик; в его версии Рауль заявляет: «мой отец был всего-навсего велогонщиком» [Леблан 2004: 19], хотя в оригинале стоит совершенно другое слово – «простолюдин» («mon père n'était qu'un roturier»).

Однако менее чем через год после выхода в свет романа «Вот вам крылья!» Леблан (он тем временем прекратил сотрудничество с «Gil Blas» и в декабре 1897 года перешел в другую парижскую газету – «Le Journal») опубликовал на страницах журнала «La Vie au grand air» свою статью «Эстетика автомобилей». Здесь писатель полностью пересмотрел свои взгляды по отношению к автомобилю и занялся безудержным восхвалением этого – куда как более мощного, нежели велосипед, – средства передвижения. Нельзя сказать, что статья стала от-

кровением в области промышленного дизайна, но она довольно впечатляюще развивает культ энергии и скорости, характерный для романа «Вот вам крылья!»:

«В стальном туловище скрывается неведомая сила. В нем ощущается биение неукротимой жизни... Авто мчатся мимо нас по мнимо неподвижным улицам, будто устрашающие животные, будто разящие насмерть молнии. Это современные химеры, фантастические чудовища, созданные наукой, саламандры пространства...»⁶

В Люпениане увлечение Леблана автомобилями отразилось в большей степени, чем его страсть к велосипеду. Мы обнаруживаем это уже во второй книге о Люпене – «Арсен Люпен против Херлока Шолмса» (1908). Здесь Шолмс и Люпен едут из Парижа по направлению к Руану (за рулем – «джентльмен-взломщик»). Описание путешествия скорее напоминает описание полета.

«Арсен Люпен не преувеличил, сказав, что они поедут “довольно быстро”. С самого начала скорость движения была головокружительной. Горизонт мчался им навстречу, будто его тянула к ним некая таинственная сила, и тут же исчезал, поглощаемый какой-то бездной, в которую летели, словно потоки воды, затягиваемые водоворотом, деревья и дома, леса и доли» [Леблан 2020: 323–324].

В Люпениане автомобиль не раз используется преступниками для похищения жертвы (например, в романе «Таинственный особняк», 1928), но он может пригодиться и для почти метафизических блужданий по дорогам Франции (финал романа «Усадьба “Бурный поток”», 1930), и даже превращаться в артистическую уборную, как в романе «Хрустальная пробка» (1912) [Чекалов: 112].

Совершенно очевидно, что Леблана завораживало в автомобиле многое. И внешнее изящество корпуса, столь созвучное его дендистскому габитусу, и высокая скорость, и даже рев мотора, неотъемлемый элемент современной цивилизации. Так что вполне закономерно, что Пьер Сувестр, будущий соавтор «Фантомаса», увековечил писателя в своей объемистой книге «История автомобиля» [Souvestre: 445].

В многочисленных рассказах Леблана, печатавшихся в 1890-х – начале 1900-х годов на страницах газет «Gil Blas», «La Lanterne», «Le Journal», «L'Auto» и других, медленно, но верно начинает проступать склонность писателя к остросюжетному нарративу, который нередко сочетается с неприятельской сентиментальной интригой. Что касается газеты «L'Auto», то опубликованные здесь новеллы, с учетом специфики издания, так или иначе затрагивают автомобильную тему. Например, в (автобиографической?) новелле «Джентльмен» (25 июня 1903 г.) рассказчик знакомится в поезде с весьма импозантным попутчиком, который представляется как «князь Мещерский». Затем он приезжает в гости к рассказчику, намереваясь приобре-

сти автомобиль и в то же время демонстрируя свою некомпетентность в управлении им. Всё заканчивается тем, что «князь» ловко угоняет машину на глазах потрясенного владельца. Как представляется, «князь» в чем-то предвосхищает «джентльмена-взломщика» Арсена Люпена. В новелле «Поворот» (2 декабря 1903 г.) Леблан демонстрирует умение выстраивать столь существенный затем для Люпенианы «suspens»: тревожное, почти мистическое ожидание главной героиней гибели ее сына Рауля (как уже говорилось, это настоящее имя Люпена) увенчивается страшной трагедией. А в отправленном в тот же период письме писателю Тристану Бернару Леблан – «человек исключительно мирный», никогда не носивший с собой оружия⁷ – неожиданно сравнивает автомобиль с револьвером: «автомобиль и револьвер – механизмы, способные вызвать у пользователя головокружительное упоение мощью» (цит. по: [Dégouard: 250, note 3]).

Впрочем, и до своего перехода от «веломании» к «автомобилемании» Леблан демонстрировал интерес к криминальной сюжетике. При этом наиболее отчетливо соответствующая интрига (в духе Люпенианы!) развернута в рассказе «Преступление в компании с улицы Камбон», напечатанном в январе 1903 года на страницах «Gil Blas». Здесь расследуется преступление из разряда бытовых: карточный игрок г-н Ришванс заколот ножом в комнате, смежной с игровым залом. Любительским расследованием занимается бывший судейский чиновник Ботреле – как мы помним, эту фамилию затем будет носить один из персонажей «Полой иглы». Он выдвигает гипотезу, согласно которой Ришванса после крупного выигрыша убил г-н де Х., причем все остальные игроки фактически стали его сообщниками, совместно завладев деньгами. Однако настоящими уликами Ботреле не располагает – «как он ни старался убедить окружающих, что подобного рода гипотезы нередко оказываются более основательными и даже логичными, чем реальные факты – над ним лишь посмеялись»⁸. Перед нами полноценный эскиз детективного нарратива, вместе с тем приближенный к газетной уголовной хронике. Во введении к современному переизданию этого рассказа С. Андуш справедливо отмечает его близкое сюжетное сходство с третьей из новелл, включенных в состав сборника «Агентство Барнет и К» (1928); она озаглавлена «Партия в баккара» [Hannedouche: 12]. В новой версии место действия смещается из Парижа в родной город Леблана, и это не только возможность отдать дань уважения «малой родине», но и повод к пунктирному развертыванию социально-критического дискурса в традиции «Госпожи Бовари». Вполне естественно, что в «Партии в баккара» расследование берет на себя уже сам Арсен Люпен (в обличье руководителя частного сыскного агентства Джима Барнета), причем действует он в тандеме с инспектором Бешу (сменившим действовавшего в первых

частях цикла Ганимара; как Ганимар, так и Бешу навеяны инспектором Скотланд-Ярда Лестрейдом из Холмсианы). Гипотеза оказывается подкреплена весьма эффективным воссозданием сцены убийства, которое разыгрывает Барнет. Из «Партии в бакара» исчезает характерный для «Преступления в компании с улицы Камбон» налет хроникальности, зато возникает сильно выраженное «карнавальное» начало, присущее большинству произведений Люпенианы (как указывает Н.Н. Кириленко, «Люпен несомненно игровой герой, его отношения с преступником носят игровой характер с обеих сторон, а окружающие выступают в роли зрителей, увлеченно следящих за представлением, разыгрываемым преступником, сыщиком и полицией» [Кириленко: 104–105]).

Вообще же новеллы Леблана, публиковавшиеся на страницах «*Gil Blas*», носят главным образом «черный» характер. Таков рассказ «Пари» (26 июня 1893 г.), история жуткого тройного убийства, совершенного садистом-маньяком. Криминальная интрига с устрашающими подробностями (в духе газетных репортажей) и описанием судебного процесса здесь налицо, но сам процесс расследования отсутствует. Тройное убийство присутствует и в новелле «Ужасная тайна» (9 октября 1893 г.), еще больше приближенной к детективу. История загадочного убийства трех сестер, Сюзанны, Женевиэвы и Марты Рену́, изложена вышедшим на пенсию прокурором; детали преступления еще более устрашающие, чем в рассказе «Пари»: одна из сестер заколото кинжалом, у другой голова пробита, у третьей – отрублена. Перед нами ранний – созданный за четырнадцать лет до «Тайны желтой комнаты» Гастона Леру – образец «преступления в запертом изнутри помещении». При этом Леблан намекает на возможную сентиментальную подоплеку убийства (все трое сестер были влюблены в одного молодого человека), но это лишь одна из множества гипотез. Голову несчастной Сюзанны через месяц находят в стенном шкафу, но дальнейших подробностей дела читатель не узнает; раскрыто ли оно, неизвестно.

Рассказ «Друг логики» (он был впервые опубликован в эфемерном журнале «*Revue franc-américaine*» в июне 1895 г., а затем дважды перепечатывался в других изданиях) по форме представляет собой исповедь убийцы, с сильным налетом психопатологии. Завязка новеллы предваряет хорошо известный рассказ О'Генри «Родственные души», опубликованный пятнадцатью годами позже: преступник вторгается в дом добропорядочного обывателя с целью ограбления, но внезапно оказывается лицом к лицу с хозяином. У О'Генри ситуация развивается в комическом ключе, у Леблана – в трагическом (преступник впадает в неадекватное состояние и совершает жестокое убийство).

Кажется важным обратить внимание на ту характеристику вора, которая дается в новелле аме-

риканского писателя: О'Генри указывает на определенную утонченность своего героя, который днем вел образ жизни джентльмена («*gentleman by daylight*»), и напрямую сопоставляет его с Раффлзом, героем детективных новелл Э. Хорнунга (из русского перевода, выполненного Т. Озерской, данное сравнение – увы! – изъято). Между тем некоторые исследователи полагают, что именно Раффлз является прообразом Арсена Люпена [Fondanèche: 29]. Нам этот тезис представляется несколько сомнительным: Раффлз обретает известность во Франции только в 1907 году, то есть через два года после выхода в свет первой из новелл о Люпене. Это, конечно, не мешало Леблану по ходу разрастания цикла обогащать его некоторыми аллюзиями как на Конан Дойла, так и на Хорнунга.

Вынесенная в заголовок новеллы Леблана логика – логика безумца. Оказавшись лицом к лицу с преступником, жертва падает без чувств, и это обстоятельство взвинчивает агрессию психопата, который тремя выстрелами (в оба глаза и в подбородок) расправляется с несчастным, позволившем себе, по мнению преступника, умереть раньше времени: «поруганная логика мстила за себя... Отменная месть! Высокая миссия вершителя правосудия (в оригинале «*redresseur des torts*». – К. Ч.)... Гордо выпрямившись, с пистолетом в руке, я был великолепен ...» [Leblanc 2018: 156].

В процитированном нами фрагменте возникает словосочетание «*redresseur des torts*», которое в дальнейшем будет часто применяться исследователями не только по отношению к Арсену Люпену [Marill: 21], но и к Робину Гуду, графу Монте-Кристо, Родольфу Герольштейнскому, Жюдексу и другим знаменитым персонажам массовой литературы [Angenot: 85]. Только эти искатели справедливости, не в пример психопату из новеллы «Друг логики», исполнены благородства и чужаются убийств; ими движет филантропическая идея: прийти на помощь униженным и оскорбленным, осчастливить их – пусть и нарушая при этом закон. Так, Люпен оставляет львиную долю награбленного жертвам своих врагов, во исполнение принципа «грабить богатых, чтобы помочь бедным».

Проделанный нами анализ показывает, что Леблан двигался к детективному жанру через достаточно разнообразные новеллистические и романские сюжеты и структуры. Движение это не было осознанным: будущий создатель Люпенианы вовсе не собирался посвящать себя остросюжетной литературе – если бы не издатель Пьер Лафитт, Леблан остался бы второстепенным эпигоном Флобера и Мопассана. Ему не были близки сенсационные романы-фельетоны, сыгравшие заметную роль в генезисе французского детективного нарратива. Но вот освоение, пусть и не систематическое, криминальных сюжетов; первые попытки развертывания «герменевтического кода» и реконструкции преступления; апология технических новаций «пре-

красной эпохи» и порожденного ею ускорения жизненных ритмов; наконец, нетривиальный набросок образа «redresseur des torts» – все эти разноуровневые компоненты ранней прозы Леблана можно рассматривать как закладку фундамента Люпенианы. Повышенная роль пространственных перемещений в романах «Армель и Клод», «Вот вам крылья!» и ряде очерков предвосхищают ту установку «французского Конан Дойла», которую Ж.-К. Варрей охарактеризовал как «смещение из интеллектуального плана в пространственный» [Vareille: 22], весьма характерное и для романов Гастона Леру. Вместе с тем оригинальный психотип «джентльмена-взломщика», удачно запечатленный уже в самом первом произведении цикла, новелле «Арест Арсена Люпена» (журнал «Je sais tout», 15.07.1905), не имел прецедента в предшествующей литературной практике Леблана.

Примечания

- ¹ Gautier J. Les livres nouveaux. Le Rappel, 9.02.1891, p. 2.
- ² Soignolles J. La bicyclette au Gil Blas. Le Vélo, 09.06.1893, p. 2.
- ³ Berg G. La bicyclette et l'esthétique. La Presse, 06.02.1898, p. 3.
- ⁴ Leblanc M. Elle. Gil Blas, 11.06.1894, p. 1.
- ⁵ Leblanc M. Voici des ailes! Gil Blas, 16.12.1897, p. 2.
- ⁶ Leblanc M. L'esthétique des automobiles. La Vie au grand air, 15.08.1898, pp. 92–93.
- ⁷ Maurice Leblanc nous parle d'Arsène Lupin. Gazette de Bayonne, 13.10.1932, p. 1.
- ⁸ Leblanc M. Le Crime du Cercle de la rue Cambon. Gil Blas, 26.03.1903, pp. 1–2.

Список литературы

- Кириленко Н.Н. Классический детектив как жанр криминальной литературы (инвариант и генезис). Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 246 с.
- Леблан – Леблан М. Зубы тигра. URL: https://librebook.me/les_dents_du_tigre
- Леблан 2004 – Леблан М. Арсен Люпен. СПб.: Амфора, 2004. 589 с.
- Леблан 2011 – Леблан М. Приключения Арсена Люпена. М.: Эксмо, 2011. 608 с.
- Леблан 2020 – Леблан М. Приключения Арсена Люпена. СПб.: Азбука, 2020. 416 с.
- Чекалов К.А. Популярно о популярной литературе. М.: Дело, 2018. 284 с.
- Angenot M. Le roman populaire, recherches en paralittérature. Montréal, Presses de l'Université de Québec, 1975, 145 p.

Bussi M. «L'étrange voyage!» Geographie et cultures, № 61, 2007, pp. 7–23. URL : <http://journals.openedition.org/gc/2576?lang=en>

Caruchet W. Marius Jacob, anarchiste cambrioleur. P., Segquier, 1993, 337 p.

Dérouard J. Maurice Leblanc: Arsène Lupin malgré lui. P., Séguier, 2001, 918 p.

Fondanèche D. Le roman policier. P., Ellipses, 2000, 110 p.

Kalifa D. Illégalisme et littérature, le cas Arsène Lupin. Cahiers pour la littérature populaire, № 13, 1991, pp. 7–21.

Leblanc M. Contes du Journal et d'ailleurs. Paris-Rouen, Bibliothèque internationale Maurice Leblanc, 2018, 713 p.

Leblanc M. Armelle et Claude. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Armelle_et_Claude

Marill F. Le dernier des dandies, Arsène Lupin: étude de mythes. P., A.-G. Nizet, 1979, 148 p.

Ruau A.-F. Les nombreuses vies d'Arsène Lupin. Lyon, Moutons électriques, 2005, 322 p.

Sergent A. Un anarchiste de la Belle Époque. P., Seuil, 1950, 207 p.

Souvestre P. Histoire de l'automobile. P., Dunod et Pinat, 1907, 800 p.

Vareille J.-Cl. Filatures. Itinéraire à travers les cycles de Lupin et Rouletabille. Grenoble, Presses universitaires, 1980, 239 p.

References

- Kirilenko N.N. *Klassicheskij detektiv kak zhanr kriminal'noj literatury (invariant i genezis)* [Classic detective as a genre of criminal literature (invariant and genesis)]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj Publ., 2020, 246 p. (In Russ.)

Leblanc M. *Zuby tigra* [The Teeth of the Tiger]. URL: https://librebook.me/les_dents_du_tigre (In Russ.)

Leblanc M. *Arsène Lupin*. SPb, Amfora Publ., 2004, 589 p. (In Russ.)

Leblanc M. *Priklyucheniya Arsena Lyupena* [The Adventures of Arsène Lupin]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 608 p. (In Russ.)

Leblanc M. *Priklyucheniya Arsena Lyupena* [The Adventures of Arsène Lupin]. SPb., Azbuka Publ., 2020, 416 p. (In Russ.)

Chekalov K.A. *Populyarno o populyarnoj literature* [Popular essay on popular literature]. Moscow, Delo Publ., 2018, 284 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.12.2020; одобрена после рецензирования 23.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 07.12.2020; approved after reviewing 23.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 117-121. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 117-121. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821(73).09«20»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-117-121>

«ЗВЕРЬ В ПЕЩЕРЕ» Г.Ф. ЛАВКРАФТА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

Васильева Эльмира Викторовна, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, elmvasilyeva@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4195-5658>

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию раннего рассказа американского писателя Г.Ф. Лавкрафта «Зверь в пещере» (*The Beast in the Cave*, 1905) с позиций биографического и мифологического (юнгианского) методологических подходов. В настоящем исследовании автор стремится решить три взаимосвязанные задачи: предложить концептуальное прочтение неизученного текста известного писателя и тем самым расширить лавкрафтовский канон, а также установить связь между личными обстоятельствами писателя и тем метафорическим выражением, которое они нашли в указанном тексте. Автор сосредоточивает внимание на нескольких элементах художественного мира рассказа – топосе пещеры, образах героя-повествователя, его таинственного противника («зверя»), а также гида, пришедшего герою на помощь в конце рассказа. Несмотря на то, что рассказ Лавкрафта был написан почти за тридцать лет до оформления некоторых принципиальных положений теории К.Г. Юнга, в нем юный автор интуитивно предугадывает художественный потенциал базового мифа о схождении в пещеру и битве с Тенью и в полной мере реализует его, превращая свой текст в символический отчет о пережитом им потрясении и найденном пути выхода из душевного кризиса. Предложенное прочтение позволяет увидеть в «Звере в пещере» ранний образец лавкрафтовского «мифологизирующего» письма.

Ключевые слова: Лавкрафт, американская готическая традиция, юнгианский анализ, биографический метод, топос пещеры, архетип Тени

Для цитирования: Васильева Э.В. «Зверь в пещере» Г.Ф. Лавкрафта: опыт прочтения // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 117-121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-117-121>

Research Article

HOWARD PHILLIPS LOVECRAFT'S *THE BEAST IN THE CAVE*: AN INTERPRETATION

Elmira V. Vasileva, Candidate of Philological Sciences, independent researcher, St. Petersburg, Russia, elmvasilyeva@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4195-5658>

Abstract. The article proposes a concept study of one of Howard Phillips Lovecraft's earliest pieces *The Beast in the Cave* (1905). The author employs elements of biographical and mythological (Jungian) approaches to the text, synthesising them in order to achieve a complex understanding of Lovecraft's work. In the study the author tries to reach three interconnected goals – to come up with an interpretation of the text previously ignored by the critics and thus to include *The Beast in the Cave* in the Lovecraftian canon, as well as to establish a link between the writer's personal circumstances and their metaphorical embodiment in the text in question. The author of the article concentrates upon several crucial elements of the short story – the topos of the cave and the three principal characters (the protagonist, the beast, and the guide who comes to the narrator's rescue in the end). Despite the fact that Lovecraft's story had been composed almost thirty years prior to the first publication of some of Carl Gustav Jung's principal ideas on archetypes of the collective unconscious, the young writer seems to be able to intuitively foresee the artistic potential of the cave monomyth (the hero goes down the abyss and fights the monster who lives there). Lovecraft masterfully relates the myth, simultaneously turning this general story into a very personal account of his own tragic experience and his way of coping with the crisis. Such an interpretation makes it possible to perceive *The Beast* as an early example of Lovecraft's "mythologising" écriture.

Keywords: Howard Phillips Lovecraft, American Gothic tradition, Jungian analysis, biographical approach, topos of cave, shadow archetype

For citation: Vasileva E.V. Howard Phillips Lovecraft's *The Beast in the Cave*: an interpretation. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 117-121 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-117-121>

Американский писатель Г.Ф. Лавкрафт (Lovecraft, 1890–1937) пользуется сегодня заслуженной репутацией мастера литературных ужасов, основоположника и главного представителя особого направления – космизма, а также вдохновителя многих явлений, без которых немислима современная массовая культура. Влияние Лавкрафта ощущается в художественной литературе и комикс-индустрии, в кинематографе, в сфере стриминговых сервисов и компьютерных игр. Например, только за последние два года вышли художественный фильм «Цвет из иных миров» (*Color out of Space*, 2019) – киноадаптация известного рассказа Лавкрафта, главные роли в которой исполнили Н. Кейдж и Дж.К. Ричардсон, вдохновленный «лавкрафтианскими ужасами», научно-фантастический фильм ужасов «Под водой» (*Underwater*, 2020), сериал НВО «Страна Лавкрафта» (*Lovecraft Country*, 2020), русскоязычное издание графического романа А. Мура «Провиденс» (2019), целая коллекция тематических настольных и видеоигр и мн. др.

Однако репутация демократичного автора и «отца» современной массовой культуры во многом препятствует полноценной академической рецепции творчества Лавкрафта как в России, так и за рубежом¹. Исследования, немногочисленные и редкие, посвящены выявлению общих закономерностей в «малой прозе» писателя, например влиянию американского романтизма и американской готической традиции на Лавкрафта [Ахмедова 2011; Ковалькова 2001] или принципам его работы с научно-фантастическим дискурсом [Данилов 2011]. При этом в поле зрения исследователей не попадает обширное критическое наследие писателя, включая его программный труд «Сверхъестественный ужас в литературе» (*Supernatural Horror in Literature*, 1925–1927), его роман «Случай Чарльза Декстера Варда» (*The Case of Charles Dexter Ward*, нап. 1927, опубл. 1941), поэтические работы, а также те малые прозаические произведения, которые не представляются исследователям достаточно репрезентативными.

К таким незаслуженно забытым текстам Лавкрафта относится и его ранний рассказ «Зверь в пещере» (*The Beast in the Cave*, 1905), написанный автором в четырнадцатилетнем возрасте, но впоследствии ставший классикой «лавкрафтианского» письма и включенный в антологию «Дагон и другие жуткие рассказы» (*Dagon and Other Macabre Stories*, 1965). В настоящей работе мы сосредоточимся на «Звере в пещере» и попробуем предложить концептуальное прочтение этого текста с позиций биографического и мифологического методов.

Написание рассказа «Зверь в пещере» пришлось на тяжелый период: после смерти уважаемого и любимого деда У. Ван Бюрена Филлипса – известного новоанглийского коммерсанта – жизнь юного Говарда резко изменилась. Вместе с ма-

терью Сарой Сьюзен Лавкрафт он был вынужден покинуть дом своего детства – особняк Филлипсов на Энджелл-Стрит в Провиденсе – и переселиться в квартиру в другом районе. Много позже в письме к писателю Дж.В. Ши (Shea, 1912–1981) Лавкрафт признавался в том, что скорострительная смерть деда, переезд, утрата привычного уровня комфорта, потеря любимого кота, совпавшие по времени, привели его на грань самоубийства: «Я чувствовал, что утратил связь со вселенной – ибо, действительно, чем был Говард Филлипс Лавкрафт без достопамятных комнат, коридоров, портьер, лестниц, скульптур, картин... дворов, аллей, вишневого дерева, фонтана, увитой плющом арки, конюшни, садов и всего остального? <...> Продолжать жить казалось чертовски бесполезным делом... Мой дом был моим идеалом Рая и источником вдохновения...» (цит. по: [Спрэг де Камп 2019: 67–68]). Впрочем, от идеи суицида будущий писатель довольно быстро отказался, найдя лучший способ справиться с болью через литературное творчество. Рассказ «Зверь в пещере» стал выражением тех душевных мук, которые испытывал Лавкрафт-подросток, метафорическим изложением его собственной истории.

Повествование ведется от лица безымянного героя – члена туристической группы, отправившейся в поход в Мамонтову пещеру². Вследствие нелепой ошибки герой отбивается от группы и вскоре понимает, что заблудился в подземном лабиринте. Стараясь не терять мужества, он бродит по темным тоннелям, пытаясь найти своих друзей, однако вместо этого сталкивается с неведомым существом, перемещающимся то на двух, то на четырех ногах. Лишенный возможности видеть своего противника, повествователь тем не менее отваживается вступить с ним в бой. Ориентируясь по звукам, он бросает камни в таинственное существо и наконец ранит его. Вскоре проводник находит отбившегося от группы участника экспедиции и вместе они отправляются посмотреть на смертельно раненую тварь. Склонившись над неведомым существом, туристы с удивлением рассматривают его в свете фонаря. В последних строках рассказа герой сообщает о том, что «обуревавший меня ужас сменился удивлением, гневом, состраданием и сознанием вины... убитое мною существо, загадочный зверь, обитавший в темных подземных безднах, был – по крайней мере, когда-то в прошлом – ЧЕЛОВЕКОМ!!!» (орфография и пунктуация автора сохранены. – Э. В.) [Лавкрафт 2019: 397].

В этом рассказе Лавкрафт предстает продолжателем традиций американской готики и полноправным наследником художественной манеры своего главного кумира Э.А. По. Сюжет «Зверя в пещере» минималистичен и сводится к базовой формуле «герой заблудился – герой встретил и победил неведомое чудовище – герой вновь нашел своих друзей», при этом для самого автора фабула не играет

значительной роли, поскольку главная задача Лавкрафта как ученика великого «бостонца» – создание «эффекта». Вслед за своим учителем Лавкрафт пытается воссоздать психическое состояние своего героя, оказавшегося в пограничной ситуации. Несмотря на юный возраст и отсутствие опыта нахождения в пещерах³, автор мастерски передает ощущение нарастающего клаустрофобного ужаса.

В начале рассказа главный герой уверяет себя и читателя в том, что ему «удавалось сохранять самообладание и хладнокровие» [Лавкрафт 2019: 390]. Уже через несколько абзацев, когда фонарь гаснет, а во мраке раздаются звуки шагов неведомого существа, тональность повествования едва уловимо меняется: Лавкрафт прибегает к лексическим и графическим средствам, передавая состояние героя посредством словосочетаний «непередаваемый ужас» (horror), «непостижимая и парализующая истина» (the unexpected and dreadful knowledge), «невыносимое напряжение» (frightful tension), «возбужденное воображение»* (disordered fancy), «безобразные, внушающие ужас очертания»* (hideous and fearsome shapes), «зловещая тьма»* (sinister darkness), «окаменел от ужаса» ([I was] petrified, rooted to the spot), «парализованный страхом и отчаянием мозг» (frenzied condition) и т. д. [Лавкрафт 2019: 392–395; Lovecraft 2008: 2–4]⁴, а также выделяя некоторые слова и фразы курсивом. Впоследствии Лавкрафт считал, что использовал графические средства с избытком и избавился от лишней экспрессивности при подготовке рассказа к первой публикации летом 1918 г.

Эмоции главного героя, очевидно, были списаны Лавкрафтом с самого себя – человека, в одночасье лишившегося всего, что составляло его привычный мир, и оказавшегося в совершенно новых, пугающих обстоятельствах. И юный Лавкрафт, и его герой пережили утрату ориентиров, тех казавшихся прежде незыблемыми точек опоры, на которых зиждился их существование. Для начинающего писателя одной из таких точек опоры был особняк Филиппсов на Энджелл-Стрит, наполненный ожившими воспоминаниями и вещами, которые имели почти сакральное значение для восприимчивого мальчика. Для его героя – это внешний мир, оставшийся за пределами бесконечной пещеры: «Я более не мог тешить себя тщетной надеждой на то, что когда-нибудь перед моими глазами вновь предстанет благословенный свет дня и я снова смогу наслаждаться созерцанием милых моему сердцу холмов и долов внешнего мира» [Лавкрафт 2019: 390].

Обращает на себя внимание специфический образ внешнего мира, представленный в этой цитате: герой с болью думает о «благословенном свете дня» (blessed light of day), «холмах» и «долах» (pleasant hills and dales) [Lovecraft 2008: 1] – элементах locus amoenus, элизийского пейзажа.

Лавкрафт осознанно прибегает к мотиву потерянного Рая, который часто появляется и в его более поздних текстах, где подобные сожаления у автобиографических протагонистов неизменно вызывают утраченная страна детства. Один из возвращающихся героев Лавкрафта Рэндольф Картер в рассказе «Серебряный ключ» (*The Silver Key*, нап. 1926, опубл. 1929) благодаря магическому артефакту находит способ вернуться в благодатный мир детства. Характерно, что в этом рассказе также присутствует образ пещеры как места духовного перерождения героя.

Пещера и другие схожие с пещерой топосы (подземелья, гроты, комнаты-каморки, тайные лаборатории и пр.) занимают важное место в прозе писателя и всегда оказываются своеобразным пространством трансформации для его героев. За тридцать лет до написания К.Г. Юнгом программной работы «Архетипы коллективного бессознательного» (*Die Archetypen und das Kollektive Unbewusste*, 1934) и почти за полвека до появления книги Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой» (*The Hero with a Thousand Faces*, 1949) четырнадцатилетний Лавкрафт интуитивно почувствовал сложный символизм пещеры и сумел функционально использовать ее образность. В упомянутом очерке Юнг написал: «Встреча с самим собой означает прежде всего встречу с собственной тенью. Это тесный проход, узкий вход; тот, кто погружается в глубокий колодец, не может избежать этой болезненной узости... За узкой дверью человек неожиданно обнаруживает безграничные просторы, полные неопределенности. Там нет внутреннего и внешнего, верха и низа, здесь или там, моего и твоего, нет плохого и хорошего. Это мир вод, где свободно течет жизнь, где начинается царство симпатической системы, души всего живого, где я есть нераздельно и то, и это, где я переживаю другого во мне, а этот другой переживает меня в себе» [Юнг 2020: 42].

Этот отрывок созвучен фрагментам описания Мамонтовой пещеры (а точнее, ее восприятия героем рассказа), приведенным Лавкрафтом в «Зверь в пещере». Повествователь называет пещеру «огромным лабиринтом» (vast and labyrinthine recesses), «мрачным, но в то же время и великолепным подземельем» (terrible yet majestic cavern), сравнивает ее с «гробницей» (sepulchre), выделяет «бесчисленные складки нависающего над... головой темного свода» (numberless ramparts of the black maze) и «подземные резервуары гигантского подземного грота» (waters of the [gigantic] cave), что дополнительно создает ощущение пространства [Лавкрафт 2019: 390–393; Lovecraft 2008: 1–3].

Кульминационная точка схождения героя Лавкрафта в пещеру – схватка с незримым противником и победа над ним – также предвещает то, что позднее, в 1930-х гг., было сформулировано Юн-

гом под влиянием его алхимических и оккультных штудий: пещера – место встречи человека с Тенью. В юнгианской аналитической психологии архетип Тени является одним из наиболее загадочных конструктов личного и коллективного бессознательного. Тень – «темный близнец» человека, средоточие тех качеств и характеристик, которые он сам воспринимает как отрицательные. Вымещенный в сферу бессознательного архетип Тени порождает комплексы, ведет к конфликтному поведению, но и существующий в сознании этот архетип доставляет человеку дискомфорт, заставляя чувствовать разрыв между абстрактным идеалом себя и реальным «я», наделенным различными пороками [International Dictionary of Psychoanalysis 2005: 1596–1597]. Таким образом, встреча с Тенью – это решающий бой человека с самим собой, преодоление зла в самом себе или же окончательное принятие различных, зачастую противоположных сторон своей личности.

Сцену боя главного героя «Зверя в пещере» с неведомым противником, оказавшимся некогда заблудившимся в пещере и одичавшим за десятилетия одиночества человеком, можно прочесть как поединок с теми темными силами, которые издревле живут внутри человека, однако под цивилизирующим влиянием общества существуют лишь на уровне подсознания. Герой одерживает верх над инстинктами и темной дикостью и почти сразу оказывается спасен гидом туристической группы для возвращения в мир света, торжества *ratio* и культуры.

С точки зрения биографического контекста логика схождения в подземелье, битвы с Тенью и последующего спасения может быть истолкована как метафорический рассказ юного Лавкрафта о пережитом им горе, суицидальных мыслях и отказе от них. Депрессия будущего писателя, вызванная трагическими событиями в семье и резкими переменами в его собственной жизни, заставила его оценить тот путь, который открывался перед ним – путь добровольного затворничества, следствием которого могла стать полная деградация и даже гибель личности. Воображенная им исполнинская пещера стала символом его собственного сознания, погрузившегося во мрак, превратившегося в безвыходный лабиринт, а обитающий в ней человек-монстр – олицетворением темных мыслей и распавшегося «я». Победа над чудовищем и встреча с проводником, чей фонарь рассеял мрак пещеры, символизирует преодоление кризиса, однако важно подчеркнуть, что рассказ не заканчивается выходом из пещеры на свет, что было бы логичным с мифологической точки зрения финалом. Лавкрафт завершает повествование, оставляя своего героя страдать от чувства вины в теперь освещенной пещере у трупа убитого им несчастного человеческого существа. Безрадостная концовка указывает на то, что, признав наличие у него про-

блемы, взглянув в глаза своему страху и нащупав путь к самоисцелению, юный автор все же не был готов «выйти на свет», оставив свой мрачный опыт в прошлом. Дальнейшая судьба Лавкрафта, прожившего большую часть жизни отшельником и общавшегося с внешним миром главным образом через письмо⁵, показала, что он так и не сумел сделать этот последний шаг.

Таким образом, рассматривая ранний рассказ писателя «Зверь в пещере» с позиций методологического подхода, синтезирующего приемы биографической и мифологической школ, мы находим в нем зашифрованный метафорический отчет о тяжелом душевном кризисе, пережитом Лавкрафтом в 1904 г. Каждый из элементов повествования (топос пещеры, образ героя-рассказчика, образ «зверя», образ гида и пр.) обладает собственным символическим значением, и в этой полисемантике проявляется то, что впоследствии станет визитной карточкой Лавкрафта – одного из величайших мифотворцев XX в. При этом, несмотря на юный возраст, писатель сумел предугадать некоторые важные достижения аналитической психологии К.Г. Юнга и интуитивно почувствовать художественный и сакральный потенциал образов пещеры и Тени, используя их в своем тексте с мастерством автора-постъюнгианца. Это может быть признано достаточным основанием для нового обращения к творчеству Лавкрафта, и в особенности к тем его текстам, которые прежде были отмечены академическим литературоведением как не представляющие интереса для исследования.

Примечания

¹ В США Лавкрафт считается «проблемным» автором также в силу его открыто расистских взглядов, что дополнительно затрудняет включение его творчества в канон американской литературы первой половины XX в.

² Мамонтова пещера – одна из достопримечательностей штата Кентукки. Мамонтова пещера считается самой длинной пещерной системой в мире: ее исследованный участок простирается примерно на шестьсот километров, но точными данными о ее полной длине современная наука не располагает. Пещера была открыта в конце XVIII в., активно разрабатывалась в XIX–XX вв. В 1842–1843 гг. внутри пещеры располагался частный мини-санаторий доктора Дж. Крогана для больных туберкулезом. В те годы считалось, что вдыхание испарений солей может оказать благоприятный терапевтический эффект, и Кроган, сам страдавший от этой болезни, открыл лечебное учреждение за свой счет. После кратковременного улучшения состояние пациентов Крогана резко ухудшилось. Пятеро из пятнадцати больных скончались, и Кроган принял решение эвакуировать оставшихся пациентов из пещеры, однако долгое пребывание в сыром и холодном подземелье успе-

ло нанести непоправимый ущерб их и без того слабому здоровью. В течение нескольких лет все участники эксперимента, включая самого Крогана, умерли [Hidden History]. В рассказе «Зверь в пещере» Лавкрафт вскользь упоминает об этой истории.

³ Основательный подход автора к литературной работе проявляется уже в этой ранней пробе пера: четырнадцатилетний Лавкрафт никогда не бывал в пещерах, поэтому провел много дней в библиотеке Провиденса, читая о пещерах в целом и о Мамонтовой пещере в частности и ее истории, чтобы его собственный текст был максимально достоверным [Lovecraft 2008: 1].

⁴ Астериском отмечены использованные Лавкрафтом слова и выражения, которые не были отражены в переводе рассказа, выполненном И. Богдановым, а здесь приводятся в переводе автора статьи.

⁵ Лавкрафт был не только плодовитым писателем, но и одним из самых выдающихся эпистографов своего времени, написав за жизнь свыше ста тысяч писем.

Список литературы

Ахмедова У.С. «Мифология ужаса» Г.Ф. Лавкрафта и традиции американского романтизма // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 5. С. 53–58.

Данилов Д.Д. Особенности жанра научной фантастики в творчестве Г.Ф. Лавкрафта // Вестник Челябинского государственного университета. Сер., Филология. Искусствоведение. 2011. № 3. С. 42–48.

Ковалькова Т.М. Готическая традиция в американской прозе 1920–30-х годов: новеллистика Х.Ф. Лавкрафта: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2001. 206 с.

Лавкрафт Г.Ф. Зов Ктулху: повести, рассказы, сонеты. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. 640 с.

Спрэг де Камп Л. Лавкрафт: Живой Ктулху: [биография]. М.: Изд-во АСТ, 2019. 656 с.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Изд-во АСТ, 2020. 224 с.

Hidden History: Tuberculosis in Mammoth Cave. URL: <https://www.nps.gov/articles/tuberculosis-mammoth-cave.htm> (access date: 13.12.2020).

International Dictionary of Psychoanalysis; ed. by A. de Mijolla. New York, San Francisco, Thomson Gale, 2005, 2196 p.

Lovecraft H.P. The Fiction. Complete and Unabridged. New York, Barnes & Noble, 2008, 1099 p.

References

Akhmedova U.S. "Mifologiya uzhasa" G.F. Lavkrafta i traditsii amerikanskogo romantizma [H.P. Lovecraft's "mythology of horror" and American Romantic Traditions]. *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2011, № 5, pp. 53–58. (In Russ.).

Danilov D.D. *Osobennosti zhanra nauchnoi fantastiki v tvorchestve G.F. Lavkrafta* [H.P. Lovecraft's Science Fiction and Its Peculiarities]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser., Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser., Philology. Art history], 2011, № 3, pp. 42–48. (In Russ.).

Koval'kova T.M. *Goticheskaia traditsiia v amerikanskoi proze 1920-30-kh godov: novellistika Kh.F. Lavkrafta: diss. ... kand. filol. nauk* [Gothic Tradition in US Prose of 1920s–1930s: H. P. Lovecraft's Minor Fiction: doctoral thesis]. Saransk, 2001, 206 p. (In Russ.).

Lavkraft G.F. *Zov Ktul'khu: povesti, rasskazy, sonety* [The Call of Cthulhu: Tales, Short Stories, Sonnets]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus Publ., 2019, 640 p. (In Russ.).

Spreng de Kamp L. *Lavkraft: Zhivoi Ktul'khu: biografii* [Lovecraft: A Living Cthulhu: A Biography]. Moscow, AST Publ., 2019, 656 p. (In Russ.).

Jung K.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow, AST Publ., 2020, 224 p. (In Russ.).

Hidden History: Tuberculosis in Mammoth Cave. URL: <https://www.nps.gov/articles/tuberculosis-mammoth-cave.htm> (access date: 13.12.2020).

International Dictionary of Psychoanalysis; ed. by A. de Mijolla. New York, San Francisco, Thomson Gale, 2005, 2196 p.

Lovecraft H.P. *The Fiction. Complete and Unabridged*. New York, Barnes & Noble, 2008, 1099 p.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020; одобрена после рецензирования 10.02.2021; принята к публикации 21.02.2021.

The article was submitted 15.012.2020; approved after reviewing 10.02.2021; accepted for publication 21.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 122-128. ISSN 1998-0817
 Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 122-128. ISSN 1998-0817
 Научная статья
 УДК 821(73).09«20»:792
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-122-128>

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РЕБЁНКА И КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ В ДРАМАТУРГИИ Э. ОЛБИ И С. МРОЖЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМЫ ПОКОЛЕНИЙ

Зиновьева Регина Владимировна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия, regina46@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1875-0729>

Аннотация. В статье исследуется место архетипических образов ребёнка и культурного героя в идейно-образной системе театра абсурда Эдварда Олби и Славомира Мрожека. Утверждается, что в драмах Олби («Песочница», «Американская мечта», «Кто боится Вирджинии Вульф», «Шаткое равновесие») и Мрожека («Танго», «Счастливое событие», «Racket Baby») вступают в амбивалентные отношения архетипические образы божественного и демонического («ужасного») ребёнка, обозначенные в психоаналитической философии К.Г. Юнга. Танатологические мотивы, сопутствующие этой архетипической дуальности, свидетельствуют об искаженном образе будущего в сознании человека XX века, в связи с чем образ ребёнка в драме абсурда становится отражением общего процесса дегуманизации современного общества и семьи. Архетип культурного героя, согласно мировой мифологической традиции, воплощает в себе идеи индивидуации и трансформации ребёнка. Однако через представление гротескно-пародийных образов детей и юношей в творчестве драматургов понимание архетипа ребёнка как потенциального культурного героя не несёт идею цивилизационного прогресса как «будущности» мира, а, наоборот, отражает эсхатологический сценарий мировой истории. Проблема внутрисемейных отношений, запечатлевающая поколенческий конфликт в его карнавализованном варианте (перевернутые отношения «старших» и «младших»), является индикатором социального абсурда, представленного в пьесах. Сопоставительный анализ произведений сквозь призму амбивалентного архетипа «божественного ребёнка» – «ужасного младенца» способствует выявлению национальной и социокультурной специфики конфликта «отцов и детей». Делается вывод о том, что собирательный опыт поколения, к которому принадлежали Олби и Мрожек, определил пессимистическое видение будущего обоими драматургами.

Ключевые слова: Олби, Мрожек, архетип, ребенок, культурный герой, поколение, конфликт, карнавал, абсурд

Для цитирования: Архетипические образы ребёнка и культурного героя в драматургии Э. Олби и С. Мрожека сквозь призму проблемы поколений // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 122-128. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-122-128>

Research Article

ARCHETYPICAL IMAGES OF A CHILD AND A CULTURAL HERO IN THE PLAYWRIGHTS OF EDWARD FRANKLIN ALBEE AND SŁAWOMIR MROŻEK IN THE LIGHT OF THE GENERATIONAL PROBLEM

Regina V. Zinoveva, Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, regina46@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1875-0729>

Abstract. The article examines the place of archetypal images of a child and a cultural hero in the ideological and imaginative system of theatre of the absurd of Edward Franklin Albee and Sławomir Mrożek. It is stated that in Albee's dramas («The Sandbox», «The American Dream», «Who's Afraid of Virginia Woolf», «A Delicate Balance») and Mrożek's dramas («Tango», «A Happy Event», «Racket-Baby») the archetypal images of a divine and demonic («unruly») child, outlined in Carl Gustav Jung's psychoanalytic philosophy, enter into ambivalent relations. The thanatological motifs which accompany this archetypal duality testify to the distorted image of the future in the consciousness of twentieth-century human, so that the image of a child in the drama of the absurd becomes a reflection of the general process of dehumanisation in modern society as well as in the family. The archetype of the cultural hero, according to the world mythological tradition, embodies the ideas of individuation and transformation of a child growing into adulthood. However, through the presentation of grotesque and parodic images of children and young men in the work of playwrights, the understanding of the child archetype as a potential cultural hero does not include the idea of civilisational progress as the «futureness» of the world, but rather reflects the eschatological scenario of the world history. The problem of family relations, which captures the generational conflict in its carnivalised version (the inverted relations between the «older» and the «younger»), is an indicator of the social absurdity represented in the plays. The comparative analysis of the plays in the light of the ambivalent archetype of «divine child» – «unruly child» contributes to the identification of national and socio-cultural specificity of the conflict of «fathers and sons». It is concluded that the collective

experience of the generation to which Albee and Mrożek belonged to determines the pessimistic vision of the future by both playwrights.

Keywords: Edward Franklin Albee, Sławomir Mrożek, archetype, child, cultural hero, generation, conflict, carnival, absurd

For citation: Zinoveva R.V. Archetypical images of a child and a cultural hero in the playwrights of Edward Franklin Albee and Sławomir Mrożek in the light of the generational problem. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 122-128 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-122-128>

Театр абсурда XX века в его разных национальных вариантах, отражая, с одной стороны, состояние дезинтеграции бытия, с другой стороны, сохраняет в себе генетический код целостности жизни и ее смысла, инструментом исследования которого может стать теория архетипов Карла Густава Юнга. По определению В.Н. Фурса, архетипы представляют собой «универсальную модель психической активности, спонтанно определяющую человеческое мышление и поведение» [Фурс: 50–51]. Наряду с множеством архетипов, описанных Юнгом, таких как «мать», «дева», «герой» и «трикстер», особую роль в литературе играет архетипический образ ребёнка, являющийся, с одной стороны, знаком божественного присутствия, спасения и преображения мира, а с другой стороны, выступающий в демонической ипостаси «ужасного младенца», отражающего эсхатологический сценарий мировой истории.

Являясь одним из древнейших архетипов, образ ребенка может актуализироваться в структуре любого другого архетипа в силу своего активного духовного начала. По мнению Л.К. Нефедовой, архетип ребенка является не только «энергично-смысловой формой репрезентации феномена детства в художественном творчестве» [Нефедова: 36], но и средством познания коллективного конструирования бытия, поскольку, как писал К.Г. Юнг, архетип «репрезентирует или персонафицирует определенные инстинктивные данности примитивной темной психики, подлинные, но невидимые корни сознания» [Юнг: 356].

У Юнга, с одной стороны, ребенок выступает в качестве беспомощного невинного существа, который находится во власти невидимых враждебных сил, а с другой стороны, ребенок (а также юноша) наделён огромной силой и способностями, «которые далеко превосходят человеческую меру» [Юнг: 369]. Такая поляризация архетипа свидетельствует о «непреодолимости» ребёнка, о его «целостности» [Юнг: 369], охватывающей глубинные природные начала, и о его власти, включающей в себя силы «верха и низа» [Юнг: 370]. Манифестация архетипа ребенка как одного «из наиболее глубоких и потенциально опасных уровней фундаментального архетипа коллективного бессознательного – Тени»¹ представлена в творчестве Эдварда Олби и Славомира Мрожека, являющихся характерными выразителями соответственно американской и польской школ театра абсурда. В пьесах Олби «Песочница» (1960), «Американская мечта» (1961), «Кто боится Вирджинии Вульф» (1962), «Шаткое равно-

весие» (1966) и Мрожека «Танго» (1964), «Racket Baby» (1965), «Второе блюдо» (1968) и «Счастливый случай» (1971) создан многогранный образ ребёнка, реализующий свою амбивалентную природу в рамках проблемы конфликта двух или трёх поколений.

В контексте реализации архетипа ребенка в образной системе поколений драматургии Олби и Мрожека значим аспект поколенческой идентификации американского и польского драматургов. Согласно теории Н. Хоува и В. Штрауса [Ожиганова: 94], Олби (1928–2016) и Мрожек (1930–2013) принадлежат поколению «художников», либо «молчаливому поколению» («silent generation»), родившемуся в период упадка. В польском литературоведении поколение, которым обозначаются представители искусства, дебютировавшие в 1956 г. в Польше и чья деятельность пришлась на ближайшие десятилетия, называется поколением «Вспулчесносци» (pokolenie «Współczesności») [Gazda: 501]. Последствия Второй мировой войны затронули общество обеих географически отдаленных друг от друга стран, дали мощный толчок к переосмыслению исторического и культурного наследия, традиционных ценностей и идентичности. Смена государственной власти, установление коммунистического режима в Польше, воочию узревшей все ужасы войны, – всё это стало предметом рефлексии сознания польского драматурга. Послевоенный американский контекст, безусловно, не сравним по своему историческому напряжению с польским, однако основные симптомы кризиса (несоответствие желаемого с реальным, сбой ценностных и мировоззренческих ориентиров, разочарование в надеждах на лучшее будущее) характерны для собирательного опыта поколения, к которому принадлежали и Олби, и Мрожек.

Поколенческий конфликт, который представлен в пьесах авторов, отражает алогизм семейных отношений и релятивизм моральных принципов героев. В мире, в котором они живут, нарушаются преемственные связи между поколениями, осязательны их дискоммуникация и адиалогичность. Представлен мир «наоборот» с перевернутыми ценностями и устоями, в котором герои ведут себя аморально. Тема «перевернутых отношений» в семье отсылает нас к бахтинской теории карнавала. Согласно Бахтину, карнавал – это соединение трагического и комедийного, профанного и сакрального, то есть противопоставление «верха» и «низа». Карнавализация семейно-поколенческой тематики – это перевернутые отношения между от-

цами («верхом») и детьми («низом») в драматургии Олби и Мрожека и отражение трагизма социальной действительности.

Для исторического опыта поколения, к которому принадлежали Олби и Мрожек, актуальным является утверждение Юнга, считавшего архетип ребёнка символическим выражением «потенциального будущего» [Юнг: 362]. Однако, у обоих драматургов образ ребёнка, наоборот, парадоксальным образом противостоит идее будущего. Это связано, прежде всего, с тем, что в западном искусстве XX века, которому принадлежали американский и польский абсурдисты, происходит процесс «дегуманизации детства» [Ненилин: 48].

В творчестве Олби образ ребенка не только не соотносится с идеей будущности, но и связан с архетипическим сюжетом «пляски смерти», средневековым мотивом «*dansemacabre*», относящимся к карнавальной тематике и сочетающим в себе элементы комического и трагического. М.М. Бахтин писал об использовании во время карнавала образов детей «в качестве универсальнейшего символа вечно умирающей и обновляющейся жизни» [Бахтин: 276]. А.Г. Ненилин, анализируя проблему детства в литературной традиции Англии и США, приходит к выводу о том, что характерный для англо-американской литературы XIX века культ божественной невинности ребёнка был отвергнут в XX веке [Ненилин: 38]. Э. Пайфер, рассматривая амбивалентность ребёнка в современной англо-американской литературе, пишет об одной из основных тенденций его воплощения, реализованного в «разрушенных и гротескных образах»² [Peifer: 2]. В трагикомедии Олби «Кто боится Вирджинии Вульф» образ ребенка представлен в качестве не реального действующего лица, а внесюжетного персонажа драмы, плода фантазий двух супругов, чьи отношения далеки от идеала семьи. Образ ребёнка здесь метафорически сравнивается с «бедным ягнёнком» («*roog lamb*») [Albee 1: 297]), который, будучи сакральной жертвой, отдан на заклинание отцом, главным героем, как форма освобождения от иллюзий. Мотив жертвоприношения воображаемого сына отсылает нас к ветхозаветной истории Авраама и Исаака³. В пьесе «Шаткое равновесие» также поставлена проблема дисфункциональных семейных отношений: сын двух главных героев умирает, будучи «единственной связью»⁴ [Олби («string») [Albee 2: 80)] между супругами. Обращает на себя внимание тема игровых отношений внутри семьи, имеющих ярко выраженную потребительскую направленность. Неслучайно говорящее имя ребёнка «Тедди» сравнимо с названием детской игрушки «Мишка Тедди» («*Teddy bear*»). Немаловажный смысл несёт само значение этого имени, которое, будучи теофорным (Тедди, Теодор – «Божий дар»), свидетельствует о невинности, беззащитности и божественной сущности героя-ребёнка. С внешней точки зрения, в обеих пьесах Олби

создаёт образ «Божественного Младенца», коррелирующего с фигурой Младенца-Христа. Однако этот образ, являясь номинальным, воплощает теневую сторону архетипа ребёнка и, по сути, оказывается «разрушенным», «мёртвым», поскольку связан с мотивом нереализованных желаний.

В мировой мифологической традиции, по мнению Дж. Кэмпбелла, ребёнок и юноша рассматриваются в одном ключе в контексте мотива приключения и трансформации. «Ребёнок отказывается от своего детства, чтобы стать зрелым мужчиной» [Сила мифа: 169], – пишет исследователь. Юноша воплощает в себе архетип «героя» [Тысячеликий герой: 59], одновременно являясь и жертвой, и спасителем, который «обнаружил или сделал что-то необычное, выходящее за грани привычного повседневного опыта» [Сила мифа: 168]. В пьесах Олби «Песочница» и «Американская мечта» появляется именно такой молодой человек, наделённый безмерной силой и сверхзадачей. В «Песочнице» юноша, будучи участником сценического представления, играет роль пародийного ангела смерти («*The Angel of Death*») [Albee 1: 86]. Умертвляя бабушку, он тем самым вершит судьбу старшего поколения. В «Американской мечте» читатель знакомится с образами близнецов, один из которых становится жертвой расправы жестоких мамуль и папуль, по сути, их «маленькой игрушкой» [Олби 1976: 16] («*a bundle of joy*») [Albee 1: 126]), а второй является статическим воплощением идеала «американской мечты». Олби изображает молодого человека, представляющего собой гротескно-пародийную модель «американского Адама» [Lewis: 3] в контексте «массового идентификационного мифа» [Баталов: 22] Америки, воплотившегося в форме «американской мечты о свободном, успешном человеке в свободном и успешном мире» [Баталов: 22]. Адамический миф является архетипически важным для культуры США, поскольку, по словам В. Патея, «определяет типологию нового человека: вечно молодого, упивающегося своей невинностью; воплощение безграничной потенциальности могущественного прометеевского “Я” и абсолютного начала» [Patea: 18]. Однако образ молодого человека Олби далёк от идеального воплощения национального мифа и являет собой чудовищную гротескную пародию на Адама: «Мое сердце... было вырвано из моего тела... и с этого времени я потерял способность любить... Я потерял способность ощущать что-либо. У меня нет чувств. Меня иссушили... разорвали... выпотрожили. Сейчас у меня есть только я сам... мое тело, мое лицо... Я позволяю людям любить меня... Я не полноценный... я ничего не чувствую» [Олби 1976: 20–21], – говорит о себе юноша.

В драматургии Мрожека категория будущего, с которой отождествляется тема детства и юношества, равно как и у Олби, предстает в отрицательном воплощении. В пьесе «Счастливое собы-

тие» рождение потомка, которое по всем правилам прогрессивного общества должно сулить надежду, заведомо не несёт оптимистического посыла. Напыщенные псевдоромантические восхваления премника, связанные с возможностью передать ему наследие прошлых поколений, иронично высмеиваются мрожековским хамом, приезжим анархистом, олицетворением «ничто» [Mrozek 1963: 187], «посредственности» [Mrozek 1963: 188], духовным детищем которого и становится Младенец, у которого «нет души» [Mrozek 1963: 199]. Союз хама и ребёнка свидетельствует о пренебрежении и отрицании тех духовных ценностей, которые были культивированы в прошлые эпохи. Польский национальный лозунг «Bóg, honor i ojczyzna» («Бог, честь и родина») богохульно высмеивается младшим поколением и его наставником хамом, которые предлагают новую цивилизационную идею. Мрожек, будучи эпатажным обличителем прогресса, с чувством полнейшей безысходности словами одного из своих героев даёт ей метафорическое название «дура» [Mrozek 1963: 199] («задница»). Взрыв, спровоцированный оставленным на попечении хама Младенцем, знаменует собой таящуюся угрозу неизвестного будущего. В короткой пьесе «Racket Baby» («Малыш-мошенник») Мрожек демонстрирует пародийную зарисовку будущего мира, порождённого примитивизмом и хамством, в котором действуют интеллектуально отсталые, но «могущественные младенцы-гангстеры» [Mrozek 2010: 57], выясняющие между собой отношения.

Образ молодого человека, реализующий архетип «героя», присутствует у Мрожека в пьесе «Танго». Неслучайно имя главного персонажа, Артур, означает «медведь». В качестве мифического героя солярного типа медведь символизирует сверхъестественную мощь и отвагу, он борется со злом и одерживает над ним победу. Образ юноши Мрожека имеет прямые отсылки к образу Гамлета, воплощающего в себе «комплекс Ореста» [Murray: 4]. Подобно шекспировскому герою, который был призван «восстановить ценности, расшатанные и разрушенные в процессе стремительных перемен» [Померанц], Артур ценой своей жизни пытается вернуть утраченные семейные ценности и идеалы. Однако его попытка не увенчивается успехом, поскольку мир, с которым он сражается, более не в состоянии удовлетворить его духовные запросы. Трагикомический образ Артура сочетается с танатологическими мотивами, которые присущи творчеству Мрожека. Д.П. Климчак в своей работе «Танго Смерти. Последние вопросы Славомира Мрожека», исследуя творчество драматурга, говорит о его обращении к архетипам и устоявшимся в культуре принципами религиозного осмысления бытия – пограничным ситуациям, входящим в основу догматического учения католической церкви, а именно: смерть, суд, воскресение, рай или ад. Смерть, по замечанию кри-

тика, представляет собой «одну из главных особенностей абсурдистского театра *Misterium Mortis* Мрожека, являющегося одновременно и *Misterium Vitae*» [Klimczak: 33]. В пьесе «Танго» образ Артура воплощает взаимосвязь молодого и умирающего начала в контексте героического пути персонажа.

В целом такое сочетание архетипа детей как культурных героев и танатологических мотивов в творчестве Олби и Мрожека – логическое следствие абсурдности, которая свойственна художественному восприятию обоих драматургов. Посредством системы пародийно-гротескных, «разрушенных» и «мёртвых» образов детей и трагикомических образов юноши абсурдисты рисуют мрачную картину современности и предсказывают трагическое будущее. Ребёнок, равно как и молодой человек, в творчестве обоих драматургов обозначает не столько выход из ситуации разрыва отношений между членами семьи в контексте мотива «связи времён», сколько новый виток дискommunikации поколений, перерастающий в трагическую развязку.

В пьесах Эдварда Олби «Песочница» и «Американская мечта» конфликт отцов и детей представлен в противостоянии старшего и среднего поколений в лице бабушки, её дочери и зятя, которые стремятся избавиться от своей престарелой родственницы. Те карикатурные обозначения, которые даёт Олби своим главным героям («Мамуля» («Mommy»), «Папуля» («Daddy»)), свидетельствуют скорее о тех «функциях, которые они выполняют в обществе» [Janiszewski: 54], и, как пишет сам драматург, указывают на «дряхлость и пустоту характеров» [Albee 1: 85]. Такая бессодержательность представленных образов, по словам Ж. Вилза, стала «результатом упадка ценностей в западном мире в общем и в частности в США» [Weales: 17]. Единственным человеком, который противопоставит миру жестоких мамуль и папуль, является представитель старшего поколения, Бабушка. Пожилая женщина верно называет то время, в котором она живёт, «веком уродства»⁵ («the age of deformity» [Albee 1: 119]), создавшим ситуацию бездуховности, аморальности и абсурдного противостояния между членами семьи. Неслучайно в пьесе есть упоминание, что Бабушка жила в сельской местности («rural» [Albee: 118]), а затем насильно была перевезена своей дочерью в город. Деревня, согласно восприятию многих американцев, являет собой «пасторальный идеал, деревенский рай, описанный ещё Сент Джоном де Кривкёром и Генри Торо» [Janiszewski: 59]. Именно Бабушка является носителем того возвышенного представления об американской мечте, взлелеянной первыми переселенцами и основателями Америки, и противопоставит другой её версии, воплощённой в пародии на американского Адама. В одном из своих монологов она представляет собственную философию жизни, с которой обращается к потомкам: «[...] Ты должен иметь чувство собственного достоинства, [...] если

же его у тебя нет, цивилизация обречена» [Albee 1: 104]. Ссылаясь на высказывание Ульяма Купера, который писал в своём стихотворении, что «Господь создал деревню, а человек город» [Cowper: 3], можно заключить, что в пьесе, таким образом, конфликт среднего и старшего поколения отражает знаковую для американской культуры оппозицию город – деревня. Город, который населяют типовые мамули, папули, а также их дети, отринувшие пуританскую мораль и искажившие идеал американской мечты, несёт за собой угрозу морали и человеческому достоинству. Деревня, представителем которой является Бабушка, напротив, – это пространство, в котором есть надежда для американского Адама вернуть утраченный рай.

В пьесе «Счастлирое событие» Славомира Мрожека семейная драма приобретает политический подтекст, а Мрожек становится, по словам Т. Нычека, «предупреждающим морализатором» [Nyczek: 128]. По словам Блоньского, Мрожек создаёт «модель самоуничтожения», в которой «ошибочные схемы социальной логики и укладов распадаются в собственном развитии» [Błoński]. Поколенческий конфликт в драме отражает авторский взгляд на социально-политическое развитие мира. Мрожеком выстроена определённая схема: идея «абсолютной монархии» и тирании в лице представителя старшего поколения (Старика) противостоит поколение среднее (Муж и Жена), выражающее идеалы демократии и либерализма. Такая идейная конфронтация между сыном и отцом, отражающая глубинную психологию отношений в рамках «эдипова комплекса», по утверждению Г.Д. Гачева, характерна для польской литературы и включает в себе одну из архетипических моделей польского бытия. «Отец отеснён – в ничтожность: и король безгласен при “либерум вето”, и в литературе Отец – слабый персонаж» [Гачев: 460], – пишет исследователь. Рождение ребёнка (Младенца) означает «веяние будущего» [Mrozek: 174], «революцию» [Mrozek: 174], фактически смерть монархии, чего так боится Старик и против чего так рьяно борется: «Зачем мне внук, если я не собираюсь умирать? Что я получу через потомка? Ничего, только потерю. ...Младенец отправит меня в прошлое... и ускорит мою смерть. Итак, или я, или он» [Mrozek: 171]. В сконструированной Мрожеком модели мира, в которой ведущую роль играют мотивы разрушения и опустошенности, преемственность поколений невозможна, так же как и само будущее ставится под вопрос. Конфликт среднего и старшего поколений есть следствие цивилизационного тупика, в котором оказался современный западный мир.

Таким образом, архетипические образы в драматургии Э. Олби и С. Мрожека представляют собой собирательный метанациональный опыт поколения, которому принадлежали Олби и Мрожек. Посредством гротескно-пародийных образов, реализующих амбивалентный архетип «божественно-

го ребенка» – «ужасного младенца», у обоих драматургов представлена аллегория несостоятельного и трагического будущего. Трагикомический образ юноши, выражающий архетип «героя» и сочетающийся с мотивом «пляски смерти», свидетельствует о пародизации героического пути главных персонажей. Через изображение поколенческого конфликта в рамках бахтинской теории карнавала авторами осмысляется рубежное состояние культуры и социума, возникшее в результате общеевропейского кризиса аксиологических оснований бытия. Карнавализация поколенческой тематики отражает трагедию семьи, сквозь призму которой представлен мир «наоборот» с разрушенной иерархией семейных отношений. Адиалогичность поколений, рассогласованность их идеологических позиций противоречат концепции будущности западного мира. Конфликт поколений Олби включает в рамках оппозиции город (среднее и младшее поколение) – деревня (старшее поколение). Через осмысление понятия «город» Олби метафорически изображает неполноценность, бездуховность современного общества, погрязшего в гедонистическом образе жизни, и неспособность молодого поколения изменить его. Некогда одухотворённый смысл «американской мечты», заключающийся в себе пасторальный идеал в лице старшего поколения, оказался выхолощенным и приземлённым до уровня материальных потребностей. Гротескно-пародийный образ американского Адама являет собой искажённую модель национального мифа. Мрожек в своих пьесах становится обличителем цивилизационного прогресса, детищем которого неминуемо оказывается хам и мошенник. Идейная конфронтация старшего и среднего поколений становится фактором цивилизационного тупика и хаоса, сопряжённым с примитивизацией младшего поколения.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: Сагайдак А.Н. Архетип Ужасного Младенца и его манифестация. URL: <https://teurung.org/arhetip-uzhasnogo-mladenca-i-ego-manif/> (дата обращения: 23.11.2020)

² Перевод А.Г. Ненилина

³ Об интертекстуальной связи библейского и литературного текстов см.: Зиновьева Р.В. Игровая поэтика Эдварда Олби в драме «Кто боится Вирджинии Вульф» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4 (85). С. 123–128.

⁴ Перевод В. Вульфа и А. Дорошевича

⁵ Перевод наш. – Р.З.

Список литературы

- Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 545 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.

Кэмпбелл Дж. Сила мифа. СПб.: Питер, 2018. 304 с.

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 480 с.

Ненилин А.Г. Стивен Кинг и проблема детства в англо-американской литературной традиции: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 158 с.

Нефедова Л.К. Архетип ребенка как онтологический прототип и энергийно-смысловая форма конструирования понимания детства в искусстве слова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-rebenka-kak-ontologicheskij-prototip-i-energiyno-smyslovaya-forma-konstruirovaniya-ponimaniya-detstva-v-iskusstve-slova> (дата обращения: 05.11.2020).

Олби Э. Американская мечта // Смерть Бесси Смит и другие пьесы. М.: Изд-во «Прогресс», 1976. 308 с.

Олби Э. Шаткое равновесие. URL: http://filiprov-mi.narod.ru/books/delicate_balance.htm (дата обращения: 13.11.2020).

Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya> (дата обращения: 15.10.2020).

Померанц Г. Интеллигенция, интеллигент и интеллигентность. URL: http://www.pomeranz.ru/p/lect_intell.htm (дата обращения: 13.11.2020).

Сагайдак А.Н. Архетип Ужасного Младенца и его манифестация. URL: <https://teurung.org/arhetip-uzhasnogo-mladenca-i-ego-manif> (дата обращения: 23.11.2020)

Фурс В.Н. Архетип // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.

Юнг К.Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: Изд-во АСТЛТД, 1997. 249 с.

Albee E. The collected Plays of Edward Albee. New York, London, Overlook Duckworth, 2007, vol. 1, pp. 637.

Albee E. The collected Plays of Edward Albee. New York, London, Overlook Duckworth, 2007, vol. 2, pp. 669.

Błoński J. Цит. по: Kral A.W. Katastroficzna farsa Mroźka. Encyklopedia Teatru Polskiego. URL: <http://encyklopediateatru.pl/artykuly/111590/katastroficznafarsa-mrozka> (дата обращения: 10.12.2020).

Gazda G. Słownik europejskich kierunków i grup literackich XX wieku. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000, ss. 501.

Janiszewski A. The idea of the absurd in the American drama of the sixties. Wydawnictwo UMCS. Lublin, 1996, ss. 59–79.

Klimczak D.P. Tango Smierci. Sławomira Mroźka rzeczy ostateczne. Kraków-Warszawa, 2010, ss. 97.

Lewis R.W.B. The American Adam: Innocence, Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century. Chicago, 1955, pp. 203.

Murray G. Hamlet and Orestes: A Study in Traditional Types, N. Y., Oxford University Press American Branch, 1914, pp. 27.

Patea V. The Myth of the American Adam: A Reassessment. Critical Essays on the Myth of the American Adam. Spain, Ediciones Universidad de Salamanca, 2001, pp. 15–40.

Pifer E. Demon or Doll. Images of the Child in Contemporary Writing and Culture. Virginia, 2000, pp. 272.

Mroźek S. Racket Baby. Sztuki odnalezione. Małe i mniejsze. Noir Sur Blanc. Warszawa, 2010, ss. 51–62.

Mroźek S. Szczęśliwe wydarzenie. Wybór dramatów. Kraków, 1963, ss. 163–206.

Nyczek T. Niemowlęce Tango. Twórczość, 1973, Nr 9, ss. 128.

Weales G. Edward Albee: Don't Make Wares. Edward Albee: A Collection of Critical Essays, ed. C.W.E. Bigsby. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1975, pp. 21–44.

William C. The Task. M. Reze, R. Bowen. Key Words in American Life. Understanding the United States. Paris, N. Y., Barcelona, Milan, Masson, 1979, pp. 289.

References

Batalov E. Ya. *Russkaja ideja i amerikanskaja mečta* [The Russian Idea and The American Dream]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2009, 384 p. (In Russ.)

Bahtin M.M. *Tvorčestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Crednevekov'ja i Rennsansa* [The work of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1990, 545 p. (In Russ.)

Gachev G.D. *Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos* [National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995, 480 p. (In Russ.)

Campbell J. *Sila mifa* [The Power of Myth]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2018, 304 p. (In Russ.)

Campbell J. *Tysjachelikij geroj* [The Hero with a Thousand Faces]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2018, 480 p. (In Russ.)

Nenelin A.G. *Stephen King i problema detstva v anglo-amerikanskoj literaturnoj tradicii*: dis. ... kand. filol. nauk [Stephen King and The Theme of childhood in the Anglo-American literary tradition: DSc thesis]. Samara, 2006, 158 p. (In Russ.)

Nefedova L.K. *Arhetip rebenka kak ontologicheskij prototip i jenergiyno-smyslovaja forma konstruirovaniya ponimaniya detstva v iskusstve slova* [The Archetype of the Child As an Ontological

Prototype and an Energetic and Semantic Form of Constructing an Understanding of Childhood in the Art of Speech]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-rebenka-kak-ontologicheskij-prototip-i-energiyno-smyslovaya-forma-konstruirovaniya-ponimaniya-detstva-v-iskusstve-slova> (access date: 05.11.2020). (In Russ.)

Albee E. *Amerikanskaja mechta* [The American Dream]. *Smert' Bessi Smit i drugie p'esy* [The Death of Bessie Smith]. Moscow, Progress Publ., 1976, 308 p. (In Russ.)

Albee E. *Shatkoe ravnovesie* [The Delicate Balance]. URL: http://filippov-mi.narod.ru/books/delicate_balance.htm (access date: 13.11.2020). (In Russ.)

Ozhiganova E.M. *Teorija pokolenij N. Houva i V. Shtrausa. Vozможности prakticheskogo primeneniya* [The Generation Theory of N. Howe and W. Strauss. Opportunities for practical application]. *Biznes-obrazovanie v jekonomike znaniy* [Business education in a knowledge economy], 2015, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozможности-prakticheskogo-primeneniya> (access date: 15.10.2020).

Pomeranc G. *Intelligencija, inteligentny i intelligentnost'* [Intelligentsia, Intellectuals, Education

and Good Manners]. URL: http://www.pomeranz.ru/lect_intell.htm (access date: 13.11.20).

Sagajdak A.N. *Arhetip Uzhasnogo Mladenca i ego manifestacija* [The Terrible Child archetype and its manifestation]. URL: <https://teuring.org/arhetip-uzhasnogo-mladenca-i-ego-manif> (access date: 23.11.2020)

Furs V.N. *Arhetip* [The Archetyp]. *Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija XXvek, gl. nauch. red. i sost. A.A. Gricanov* [The World Encyclopedia: Philosophy of the twentieth century]. Moscow, AST Publ., Minsk, Harvest, Sovremennyj literator Publ., 2001, 1312 p. (In Russ.)

Jung K.G. *Bozhestvennyj rebenok: Analiticheskaja psihologija i vospitanie* [The Divine Child: Analytical Psychology and Training]. Moscow, ASTLTD Publ., 1997, 249 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.11.2020; одобрена после рецензирования 19.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 28.11.2020; approved after reviewing 19.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.

РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ» В ПОВЕСТИ ДЖ. ГАРДНЕРА «КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТ»

Вихрова Ксения Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, r2654256@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4175-8005>

Аннотация. Метанарратив «американской мечты» оказывает всестороннее влияние на социальную, политическую и культурную жизнь США, привлекает неослабевающее внимание исследователей и осмысливается в значительном количестве произведений искусства. В данной статье анализируется функционирование религиозно-мистического опыта как фактора реализации «американской мечты» в повести Дж. Гарднера (1933–1982) «Королевский гамбит» (1974), а также предпринимается попытка определить механизм воплощения национального утопического проекта в этом произведении. В ходе анализа рассматриваются конституирующие элементы исследуемого проекта в синхронической и диахронической проекциях, выделяются уровни его актуализации в произведении, анализируется то, как персонажи пытаются реализовать его в соотношении со своим мировидением и общим экзистенциальным планом, выявляются успешные и неудачные модели воплощения «американской мечты». В «Королевском гамбите» находит отражение философско-эстетическая программа «моральной литературы», позже сформулированная Гарднером в одноименном эссе.

Ключевые слова: Дж. Гарднер, «Королевский гамбит», «американская мечта», экзистенциальный план личности, религиозное сознание, «моральная литература», метафизическая свобода

Для цитирования: Вихрова К.А. Религиозно-мистический аспект «американской мечты» в повести Дж. Гарднера «Королевский гамбит» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 129-135. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-129-135>

Research Article

RELIGIOUS MYSTICISM OF THE “AMERICAN DREAM” IN THE TALE “THE KING’S INDIAN” BY JOHN CHAMPLIN GARDNER JR.

Kseniya A. Vikhrova, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, r2654256@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4175-8005>

Abstract. The metanarrative of the “American Dream” has a comprehensive impact on the social, political and cultural life of the United States, it attracts unflagging attention of researchers and it is interpreted in a significant number of works of art. This article analyses the functioning of the religious and mystical experience as a factor in achieving the “American Dream” “American Dream” in the tale “The King’s Indian” (1974) by John Champlin Gardner Jr. (1933-1982), and it also attempts to determine the mechanism for the embodiment of the national utopian project in this work of fiction. The analysis examines the constituent elements of the project in synchronic and diachronic projections, it highlights the levels of the project actualisation in the work, it analyses how the characters try to implement it in relation to their worldview and individual existential plans; thus, successful and unsuccessful models of the achieving the “American Dream” are found. As a result, it is proved that the failure is due to the lack of religious mysticism. The failure leads to the destruction of the character’s existential plan, built in accordance with the utopian project, and to its possible subsequent reconstruction. The successful realisation of the “American Dream” is possible only when the character follows “self-reliance» and trusts the transcendental forces. “The King’s Indian” also reflects the philosophical and aesthetic program of “moral literature”, later formulated by Gardner in the essay of the same name.

Keywords: John Champlin Gardner Jr., “The King’s Indian”, “American Dream”, individual existential plan, religious consciousness, “moral fiction”, metaphysical freedom

For citation: Vikhrova K.A. Religious mysticism of the “American Dream” in the tale “The King’s Indian” by John Champlin Gardner Jr. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 129-135 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-129-135>

«Американская мечта» – это «одна из главных составляющих менталитета, культуры, истории, социальной и политической жизни США; миф, который глубоко укоренился в массовом сознании, предопределил восприятие мира американцами» [Коновалова: 3]. Характерной особенностью национального утопического проекта является множественность определений, которые ему дают исследователи, общественные деятели, журналисты и деятели искусств. Кроме того, на разных исторических этапах дискретное множество американских «мечтателей» формировало свою «версию» утопического проекта, которая, с одной стороны, была генетически связана с предыдущими, а с другой – отражала изменившийся характер реальности [Cullen: 5–7]. Из-за сложности концептуального объединения «версий» и элементов, конституирующих «американскую мечту» (стремление к счастью, свободе и самореализации при равных социальных возможностях; избранности и безграничной удачи; желание материального процветания и подконтрольности жизни и т.д.) исследователи часто дают ей функциональную дефиницию.

Исторически «американская мечта» формировалась на основе парадоксального сочетания европейских утопических представлений о «земном рае», идей Просвещения и религиозной мысли [Delbanco: 10–11]. С течением времени в результате социальных изменений, а также американской приверженности идее научного прогресса и рационализации происходила секуляризация утопического проекта [Веп-Тов: 4]. Религиозно окрашенные интегральные компоненты концепта (надежда на реформированное общество верующих [Cullen: 11], идея богоизбранности и исключительности, представления об «американском Адаме» и «американской невинности») стали реже эксплицироваться, уступив место светским ценностям. Дальнейшее расщепление концепта на идеальную и материалистическую стороны с последующей редукцией первой еще сильнее «затемнило» религиозный аспект «американской мечты»¹. Наконец, в рамках постмодернистского финалистского дискурса² осуществилась деконструкция и демифологизация национального метанарратива, что привело к еще большей его фрагментарности.

В настоящее время религиозный компонент «американской мечты» редко актуализируется эксплицитно, однако его диахроническая включенность в концепт подтверждается постоянным присутствием в поле мысли. Это иллюстрирует одно из наиболее известных определений, данное Биллом Клинтонем в 1992 г.: «Воплощение “американской мечты” – это возможность жить настолько полной жизнью, насколько позволят данные Богом способности» [Clinton]. Бог в данном случае выступает в качестве источника жизненного потенциала, но его планы остаются непознаваемыми. Уверенность

в собственном будущем обретается исключительно иррациональным «доверием к себе» (по Р.У. Эмерсону) как носителю «божественного кода».

Одним из американских «мечтателей» XX в. стал Дж.Ч. Гарднер (1933–1982). Писатель родился в семье непрофессионального пресвитерианского проповедника, сам был верующим человеком и часто обращался к морально-религиозным темам в своем творчестве. На родине Гарднер неоднократно вел университетские курсы писательского мастерства. Основой его методики обучения было творческое прочтение и переработка классических произведений литературы, что нашло отражение в его собственных работах.

Отечественному читателю Гарднер наиболее известен благодаря роману «Грендель» – пересказу мифа о Беовульфе от лица антагониста, в котором постмодернистская техника сочетается с приверженностью автора идеалам классической эстетики вслед за Т.С. Элиотом. Исследователи отмечают, что «всё творчество Гарднера вырастает из его академического интереса к средневековой литературе» [Борышнева: 2] и убежденности в том, что серьезное искусство должно противостоять хаосу и смерти [Moggis 1981: 1].

Этико-философская модель Гарднера была зафиксирована в программном эссе 1978 г. «О нравственной литературе». В нем автор противопоставляет нигилистической «глупости» постмодернистского конструкта и абстрактным философским построениям в современной литературе. «Нравственность» литературы, по мнению Гарднера, заключается в победе и утверждении «доброкачественных» ценностей (добра, любви, красоты) над искусственными концепциями, выработанными в ходе постмодернистской игры. Изображения в искусстве при этом заслуживают взаимоотношения, характеры и нравственные позиции персонажей, а не рациональные философские схемы.

В произведениях, исследующих «американскую мечту»³, Гарднер не следует обыденной в XX в. модели редукции концепта до материалистической составляющей. В рамках его индивидуально-авторской картины мира, которая сформировалась на основе творческого, академического и религиозного опыта, констелляция национальных мифов анализируется в контексте экзистенциального плана художника, а не с дидактических позиций социальной критики. Образ художника обретает мистическую окрашенность: это «волшебник слова», который творит реальность вокруг себя [Begiebing: 51].

Такой «волшебник слова» становится интрадиетическим нарратором в повести Гарднера «Королевский гамбит» (1974), включенной в одноименный сборник малой прозы. Данная повесть принадлежит к числу сравнительно малоизученных произведений писателя как в отечественном, так и в западном литературоведении⁴.

Гарднер определил «Королевский гамбит» как притчу, главной целью которой является исследование теории прекрасного через описание того, как персонажи «формируют свой мир согласно эстетическим стандартам» [Conversations: 93]. В «Королевском гамбите» нашли отражение сомнения и размышления Гарднера об истинном творчестве и его роли [Ekelund: 292] (в то же время сам автор в интервью неоднократно подчеркивал, что спекулятивные философские построения не должны становиться основой произведений).

Повесть в высокой степени интертекстуальна, наполнена множественными аллюзиями на романтическую литературу XIX в.: прежде всего – на произведения Г. Мелвилла, Э.А. По, С.Т. Кольриджа, Н. Готорна, Р.Л. Стивенсона и М. Твена [Morris 2000: 105]. «Королевский гамбит» стилизован под готику: Гарднер активно использует в повести элементы готической образности (мистические тайны, дьявольские происки злодеев, описания мрачного антуража). Притчевый характер повести выводит повествование на уровень общечеловеческих универсалий и не позволяет проводить конкретные социально-исторические аналогии.

Ранее анализ функционирования «американской мечты» в «Королевском гамбите» был представлен в критическом послесловии Г.П. Злобина, которое сопровождало переводное издание 1979 г. Эту работу отличает краткость и социально-политическая оптика. В рамках данной статьи предпринимается попытка более подробного анализа повести с позиций констелляции американских культурных мифов с учетом конкретных элементов, составляющих основу утопического проекта. «Американская мечта» актуализируется в произведении в контексте религиозно-мистического опыта, что также представляется сравнительно редким обстоятельством и требует детального рассмотрения.

«Королевский гамбит» отличается сложной структурой наррации, состоящей из трех уровней, тесно связанных между собой: готической приключенческой истории; повествования об этом путешествии в таверне, где собрались сам путешественник-мореход, ангел (муза) и гость (критик); плана «над» повествованием, в который вторгается Гарднер под собственным именем и беседует с собравшимися в таверне и читателем. Далее будет представлен последовательный анализ каждого уровня.

План повествования о морском путешествии оказывается наиболее обширным и сюжетно наполненным. Рассказ о приключении начинается с краткого предисловия постаревшего морехода Джонатана Апчерча. Центральный персонаж и интрадигетический нарратор, путешественник и художник слова повествует о том, что он с юности грезил о солнечном южном Иллинойсе и упорно работал, чтобы накопить денег на переезд. Декларируемая прагматическая «американская мечта» Апчерча о фермерской жизни и домовладении

в южном Иллинойсе, который он описывает в терминах дикого «фронттира»⁵, противоречива в самой формулировке. Апчерч мечтал поселиться на холме у бурного слияния Огайо и Миссисипи и наблюдать «разливы могучих рек, всепожирающие, безмолвные и неоспоримые», «чистый образ физического зла» [Гарднер: 285–286]. С одной стороны, Апчерч жаждал контроля над жизнью, с другой – его манил «фронттир» и соседство с индейцами, близость трансцендентного зла в виде бушующей стихии, к которой впоследствии у него сформировался амбивалентное отношение.

Однако мечта о домовладении разрушилась: пиратская компания вовлекла Апчерча в пьяную сделку, в результате которой он пришел в себя в открытом океане на борту шхуны, купленной на все сбережения. Океан очаровал Апчерча и унес навстречу шторму. Неопытная самонадеянность «нового американского Адама», пытавшегося сконструировать экзистенциальный план и согласно ему выстроить свою жизнь, была изначально обречена. Апчерча захватила игра высших сил: он оказался на доске, где разыгрывают партию «два шахматиста с приветом <...> Вельзевул и Яхве» [Гарднер: 279]. Он стоически принял крах своей идеи о переселении в Иллинойс и отдался в руки божественных сил, манифестировавших себя через нуллификацию частных человеческих смыслов.

Из шторма Апчерча спас корабль-китобоец «Иерусалим», на котором командовал капитан Заупокой (*Dirge*), стремившийся достичь таинственных Невидимых островов. Обитатели «Иерусалима» собираются в архетипический образ не только всего человечества в целом, но и мультикультурного общества США в частности. Корабль – символ перехода: он не принадлежит ни земле, ни воде, а пребывание на нем рассматривается как пограничное состояние. Эта метафора получает физическое воплощение. Морьяки «Иерусалима» действительно ни живы, ни мертвы: они застряли во временной петле на пути к Невидимым островам. Недовольство затянувшимся плаванием привело к мятежу под предводительством второго помощника капитана Вольфа и установлению диктаторского режима. Однако в результате сменился лишь капитан, но не цель плавания.

Пытаясь разгадать загадки китобойца и его обитателей, Апчерч обнаружил, что капитан – это механическая кукла, которой управлял его давний враг фокусник-мошенник доктор Флинт, скрывающийся под личиной Иеремии. Еще ребенком Апчерч столкнулся со злодеем на бостонском сеансе месмеризма. Флинт завладел разумом зрителей, но Апчерч, ощущая силу потустороннего магнетизма, смог разорвать всеобщее оцепенение криком, вызвавшим панику и смятение. Влияние злой, лживой, мошеннической воли оказалось решающим для Апчерча, хотя эпизод с Флинтом почти стерся из его памяти. Мысль о существовании глубоко про-

тивоестественной сущности, которой нужно дать отпор, стала основой для его личностного роста. После месмерического опыта неприятие подконтрольности, которое Апчерч испытывал с детства, усилилось. Именно поэтому он противостоял идее пойти по стопам отца и стать моряком (т.е. отдаться океану, потерять контроль над своей жизнью).

Из конфликта невинности и опыта возникла модель индивидуации протагониста, отчасти схожая с моделью мелвилловского Ахава. Обоих героев оплавляет присутствие зла: оно проникает в сознание и определяет их дальнейший путь. В то же время разрушительной одержимости Ахава противопоставляется созидательная мораль Апчерча, который одержал победу над мошенником Флинтом и спас всю команду.

В «Королевском гамбите» представлен конфликт эссенциальных сущностей свободы и рабства, которые являются ключевыми элементами в формировании «американской мечты». Еще в главе I постаревший Апчерч, рассказывая о своих приключениях, четко разделяет физическое и метафизическое рабство и отмечает, что он «плохо приспособлен к тому, чтобы <...> душу водили на помочах» [Гарднер: 280]. Дихотомический конфликт поддерживается суггестивным образным рядом на нескольких уровнях.

Физическое рабство представлено социальной антитезой – декларируемой свободой моряков китобойца и рабства чернокожих гребцов в трюмах корабля. Иллюстрируя известную максиму о том, что основа свободы ограниченного числа людей – это рабство остальных, Гарднер одновременно опровергает этот парадокс: истинная философская свобода (которая в рамках романа осмысливается как приверженность традиционным ценностям и слияние с бытием) оказывается недоступной команде китобойца из-за преграды греховных человеческих смыслов. Моряки очарованы и обмануты дьявольскими пророчествами капитана и его слепого советника Иеремии, заслоняющими божественное. Метафизическое рабство ощущается ими как фаталистическая предопределенность: по мнению Заупокоя, «вся наша свобода — не более, как смехотворная иллюзия» [Гарднер: 382].

Все ключевые персонажи «Королевского гамбита», как и Апчерч, захвачены «американской мечтой» о свободе и контроле над жизнью, о возможности творить судьбу и о реализации своего потенциала. Важным различием становится их отношение к религиозно-мистическому опыту и высшим силам.

Второй помощник капитана Вольф и матрос-механик Уилкинс отрицают существование трансцендентного. Вольф, чьи «движения <...> и голос производили впечатление механических» [Гарднер: 304], сам механистически редуцирует жизнь и склонен к биологизаторству и макиавеллизму. «Новый порядок» Вольфа, установленный после

мятежа, базируется на жесточайшей дисциплине, повиновении центральной власти и «отсутствии воображения», которое, по мнению Вольфа, может привести к вредным фантазиям и иллюзиям и которое играет важнейшую роль в обретении метафизической свободы в философско-эстетической парадигме Гарднера. «Катехизис воинствующего антигуманизма» [Гарднер: 496] Вольфа опирается на насилие и отрицает власть высших сил. Конструируя образ деспотичного, тоталитарного режима фашистского толка, пришедшего на смену парарегиозным мистическим видениям капитана, Гарднер показывает, что персонажи несвободны как в физическом, так и в метафизическом плане.

К свободе не ведет и нигилистическое экзистенциалистское мировидение Уилкинса, помогавшего доктору Флинту и создавшего марионетку-капитана, поддержавшего и предавшего мятежников, убив Вольфа. Для него не существует твердых принципов, он живет циничным отчаянием: «Уилкинс был <...> мыслящая тварь, одаренная сознанием собственных несовершенств, и сознание это так мучило его, как если бы у него был бог, с которым он мог бы стать затылок в затылок и помериться ростом» [Гарднер: 406] (здесь находит отражение гарднеровская полемика с философской мыслью атеистического экзистенциализма). Моральный релятивизм не спасает Уилкинса: внутри заданной мировоззренческой парадигмы невозможно совершить трансгрессирующий прорыв из фатального рабства воли. Это актуализируется эпизодом самоубийства матроса, которое парадоксальным образом наполняет экзистенцию единственно возможным для него смыслом.

В отличие от Вольфа и Уилкинса, доктор Флинт и Апчерч признают существование трансцендентных сил, но выстраивают свой путь к ним по-разному. В данной оппозиции находит отражение дихотомия «ложного» и «истинного» художников, которые соответственно представлены как преступник и спаситель (образец для подражания).

«Профессор шарлатанства» Флинт желает получить контроль над разумом окружающих с помощью мошеннических фокусов и трюков – плодов научных изысканий. Он симулирует мистический опыт и боговдохновенность. «Всю жизнь его манила святость, которая превыше магии» [Гарднер: 409], но в качестве способа приобщения к трансцендентному он выбрал рациональность и расчет. Доктор Флинт стремится физически достичь таинственных Невидимых островов, рационализируя и тем самым уничтожая поэтическую метафору. «Расчлененное» рационализаторством мироздание «кроме головы да левой задней лапы» списывается «в промышленные отходы» [Гарднер: 328–329] и не может стать основой для построения плодотворного экзистенциального плана. Мечтая реализовать себя в качестве творца (что также является элементом «американской мечты»), Флинт терпит

поражение, не осознавая, что источник истинного творчества кроется в слиянии с бытием.

Ни механистическое, ни экзистенциалистское, ни симуляционное мистическое наполнение экзистенции не приближает обитателей китобойца к свободе. Единственной надеждой моряков остается Апчерч – «образец для всех художников – интуиция на службе у Царя Разума – и вечный художник, Бог на земле» [Conversations: 93]. Это честнейший плут, сочиняющий истории, которым никто из моряков не верит, для торжества правды и моральных ценностей. Также характерной оказывается трикстеризация протагониста: он не только постоянно переконструирует собственную биографию, выдумывая новые факты, но и однажды вымазывается углем, чтобы сойти за негра. Так он соединяет в себе разнородные элементы мироздания и претендует на репрезентацию универсальности.

В отличие от доктора Флинта, Апчерч проживает религиозно-мистический опыт и становится истинным магом [Begiebing: 53]. В ходе метафизических поисков он выходит из сферы профанного в результате столкновения с сакральным «Ничто» («Нигде»), которое в повести отождествляется с водной стихией. В главе XI Апчерч, взобравшись на мачту, чувствует «мистическое влечение упасть, потребность нырнуть в безграничную свободу самоубийства» и уже представляет, как он «слился с мистической ширью океана». В этом проявляется изменившееся отношение Апчерча к стихии: осуществляется категорический переход от «абсолютного зла», которое он хотел подчинить и обуздать, к амбивалентному сакральному, соединяющему запретное и божественное. Мачта корабля выступает в роли Axis Mundi, вокруг которой выстраивается мироздание и реальность: она вводит Апчерча в область переживания священного пространства (или «иерофании» М. Элиаде). В результате «возникает не только разрыв однородности пространства, но обнаруживается некая Абсолютная Реальность, которая противопоставляется нереальности, всей огромной протяженности окружающего мира» [Элиаде: 22]. Когда проявляется реальность, в обычной жизни заслоненная субъективно-иллюзорным профанным, обнаруживается единая «точка отсчета». Для Апчерча это творческое осмысление окружающего мира в его целостности, слиться с которым ему позволяет интуиция художника.

Гипнотическое воздействие высоты и стихии разрушает матроса Билли Мур: он спасает Апчерча и наставляет его в опасные моменты обращаться к религиозной вере, вспоминая псалмы и библейские истории. Билли отсылает Апчерча к эксплицитному сакральному (готовой форме, кодифицированному святому), что подчеркивает отсутствие у матроса важной для художника творческой интуиции. Она описывается как «религиозное переживание, бегство от плоского интеллекта в мир действительности, на родину души» [Гарднер: 328],

рождающееся в непосредственном опыте общения с мирозданием и разрушающее рациональные причинно-следственные связи и однородность пространства. В отличие от Билли, Апчерч испытывает боговдохновенность, божественный акт прямого избрания и приобщается к имплицитному святому, которое в рамках «топологии сакрального» не зависит от человеческого установления.

Следующим религиозно-мистическим опытом Апчерча становится признание вины, вызванной гибелью чернокожего гребца (его убили, приняв за Апчерча), последовавшая за ним «метафизическая изоляция» [Howell: 115] и воссоединение с бытием при приеме галлюциногенных грибов, полученных им от христологического темнокожего гарпунщика Каскивы. С этого момента и до конца истории Апчерч начинает видеть манифестации высшей божественной силы в образе белых птиц. Грань между профанной реальностью и сакральным размывается, рушится ограда сознания, «возводимая <...> из понятий и теорий, пустой корабельный корпус, сколоченный из слов и ходячих мнений» [Гарднер: 329]. Апчерч становится истинным творцом: он играет «королевский гамбит, и отныне нет в мире ничего лишнего, ненужного, зряшного — все плодоносит» [Гарднер: 329], и тьма рассеивается.

Доверившись природному (естественному, божественному) началу, художник становится единственным, кто способен освободить моряков и окончить плавание. Под руководством Апчерча, напутствуемого Святым Духом в образе альбатроса, команда берет курс на Иллинойс, чтобы на свободе восстановить свою субъектность и обрести себя в созидательном труде. Перейдя от опыта нуминозной мистики (объектная роль) к опыту магии (субъектная роль), Апчерч сакрализирует и воплощает в жизнь собственную словесную прокламацию: «Не ведающие чина и закона, они [моряки] на борту изувеченного корабля учились теперь быть человеческим обществом. Больше никаких гениев, никаких царей» [Гарднер: 425].

На втором уровне наррации, представленном в главах I, V, VII, X, XV, XXII, XXVIII, постаревший Апчерч комментирует свою историю и вступает в диалог с гостем (критиком), а компанию им составляет ангел (муза морехода). В каждой главе этого уровня актуализируется мотив обмана, который теперь рассматривается как компонент художественного вымысла: гость временами выражает недоверие, когда история морехода становится совсем запутанной. В ответ Апчерч оправдывается тем, что «в этих дутых балладах больше смысла, чем вы [гость] уловили» [Гарднер: 297]. «Ловкий старый притворщик» и выдумщик Апчерч сообщает, что не хочет прослыть лжецом, когда речь заходит о высших силах, ведь по их воле он «застрял» между мирами. Трансцендентные силы наградили его талантом и творческой интуицией, в результате чего ему открылся мир мертвых и еще ожидающих

рождения духов. Апчерч так объясняет критику свое положение: «Они [мертвецы] существуют во мне, а не в «давнем прошлом», ибо прошлого нет, во всей этой вселенной нет ничего, лишь острие бритвы между памятью и воображением, мгновенное узнавание между мертвыми существами, навечно расчлененными...» [Гарднер: 298].

Реалистически мыслящий «человек действия» не способен справиться с фатализмом неизбежной смерти и забвения. Небытие можно победить только творчеством, которое наследует естественному миру природы, наполненной божественной любовью ко всему сущему (глава XXII). Предназначение творчества определяет путь художника: он должен преодолеть болезненную раздробленность мира, атомарность общества и реинтегрировать жизнь воедино вымыслом, проникнутым общечеловеческими ценностями. Именно благодаря выражению добра, любви и красоты вымысел обретает истинную художественную ценность, противостоящую «псевдохудожественной мысли», выразителем которой в повести стал доктор Флинт. Повествование Апчерча морально, что обеспечивает ему эстетическую победу над мошенником и помогает гостю увидеть мир глазами повествователя и почувствовать единство сущего.

Повествователь снимает проблему «правдоподобности» и «реалистичности» в творчестве, поскольку «правда бывает разная» [Гарднер: 320]. Вся действительность дана человеку исключительно в восприятии, поэтому иногда «плоды фантазии, условные фигуры <...> куда реальнее» [Гарднер: 392], чем наблюдаемые явления физического мира. Реальность вымысла актуализируется, когда повествователь упоминает о живущем неподалеку смертельно больном Скульпторе, чье «восприятие действительности стремится к белизне» [Гарднер: 392]. Однако чем сильнее его захватывает недуг, тем упорнее он продолжает работать, поскольку творчество остается единственной доступной ему реальностью.

В главе XXVIII Гарднер под собственным именем вторгается в рассказ и тем самым создает третий уровень наррации «над» повествованием. На этом уровне он раскрывает механизм функционирования поэтической образности и собственные эстетические воззрения. Гарднер колеблется между желанием «художественной обнаженности» [Ekelund: 292], которая позволила бы рассказать, «какая жизнь на самом деле», и литературными конвенциями последней трети XX в., отмеченной торжеством постмодернизма и ироничной словесной игры. Он вынужден скрываться под множеством «личин» из «стыда» перед открытым выражением морального пафоса, признанного современным ему литературным сообществом неуместным [Ekelund: 294]. Гарднер подчеркивает серьезность своих слов, когда устанавливает бытийное равенство между собой и умирающим Скульптором, о котором упоминал Апчерч. Мо-

ральный пафос автора не шутка, как «и сама эта книга [«Королевский гамбит»], она тоже – не детская игрушка, хотя я [Гарднер] и пишу более обычного одолеваемый сомнениями» [Гарднер: 41]. После вынужденного объяснения Гарднер просит морехода продолжить, вновь скрываясь за его фигурой. Через четыре года после публикации «Королевского гамбита» идея «моральной литературы» получит воплощение в одноименном эстетико-философском эссе Гарднера, упомянутом ранее.

Вторжение Гарднера в повествование наделяет читателя субъектностью, поскольку именно благодаря читателю притча обретает значимость «в работе аллегорической интерпретации» [Зенкин: 198]. Воссоздавая в воображении события повести, он реинтегрирует ее универсум, который Гарднер приравнивает к системе мироздания. Так в акте сотворчества читатель восстанавливает и утверждает общечеловеческие ценности и, следовательно, собственную категориальную целостность.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Все уровни наррации в «Королевском гамбите» объединены фигурой повествователя – морехода-художника Джона Апчерча и идеей торжества морали и общечеловеческих ценностей. Все персонажи повести стремятся обрести метафизическую свободу, представляющую собой интегральный компонент «американской мечты», но это удастся только художнику. Апчерч символически отдает контроль над своей жизнью высшим силам и проходит религиозно-мистическую инициацию. «Доверие к себе» (т.е. заключенным в человеке божественным кодам) и творческой интуиции позволяют художнику реализовать свой экзистенциальный план, одержать победу над преступником доктором Флинтом и спасти остальных персонажей.

Повествователь, объединяющий в себе прошлое, настоящее и будущее, в своей наррации уравнивает реальное и воображаемое, утверждая ценности добра, любви и красоты. Он побеждает фатализм небытия, оплавляя реальность творчеством. Повествователь упорядочивает и реинтегрирует картину мироздания, иницирует у гостя чувство сопричастности истории и бытию в целом.

Джон Гарднер, появившись в повествовании под собственным именем, объясняет свои творческие сомнения, касающиеся литературного метода и эстетики, и таким образом символически освобождается от конвенций. Он вовлекает читателя в акт сотворчества, в результате актуализируется гарднеровская модель «моральной литературы».

Примечания

¹ Активная тенденция сводить «американскую мечту» к жажде прагматического социального и материального благополучия проявляется в значительной части знаковых литературных произведений XX в., исследующих данный метанарратив:

например, в «Великом Гэтсби» Ф.С. Фитцджеральда, в «Американской трагедии» Т. Драйзера и «Реквием по мечте» Х. Селби-мл.

² В рамках постмодернистской парадигмы воплощается беспрецедентно большое количество финалистских проектов: например, «конец социального» (Ж. Бодрийяр), «смерть автора» (Р. Барт), «смерть субъекта» (Ж.-Ф. Лиотар), «смерть человека» (М. Фуко), «конец истории» (Ф. Фукуяма).

³ К числу таких произведений, кроме повести «Королевский гамбит» и некоторых рассказов из одноименного сборника, можно отнести романы «Никелевая гора» (*Nickel Mountain*, 1973), «Диалоги о солнечном» (*The Sunlight Dialogues*, 1972) и «Осенний свет» (*October Light*, 1976).

⁴ Среди западных исследований стоит отметить работы Г.Л. Морриса, Д. Макуильямса, Дж.М. Хауэлла, и Б.Г. Экелунда. К отечественным литературоведам, рассматривавшим повесть «Королевский гамбит» в диссертационных исследованиях, относятся Н.А. Шогенцукова и Н.Н. Бoryshneva.

⁵ В данном случае «фронт» определяется как неосвоенная территория, нетронутая цивилизаторской деятельностью колонистов, где коренные народы живут в идиллическом, пасторальном мире с природой.

Список литературы

Бoryshneva Н.Н. Поэтика романов Джона Гарднера (роль средневекового компонента в становлении романного мышления): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004. 17 с.

Гарднер Дж. Никелевая гора. Королевский гамбит. Рассказы / пер. с англ. Е. Коротковой, И. Бернштейна, В. Муравьева, Р. Райт-Ковалёвой, послесл. Г. Злобина. М.: Прогресс, 1979. 504 с.

Зенкин С.Н. Явленное сакральное (numen) // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 197–222.

Коновалова Ж.Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 213 с.

Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 114 с.

Beglebing R.J. Toward a New Synthesis: John Fowles, John Gardner, Norman Mailer. Ann Arbor, London: UMI Research Press, 1989. 152 p.

Ben-Tov S. The Artificial Paradise: Science Fiction and American Reality. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 201 p.

Caldwell W.W. Cynicism and the Evolution of the American Dream. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2011. 192 p.

Clinton B. In Their Own Words; Transcript of Speech by Clinton Accepting Democratic Nomination // The New York Times. New York, NY, 1992. July, 17. URL: <https://www.nytimes.com/1992/07/17/news/their-own->

[words-transcript-speech-clinton-accepting-democratic-nomination.html](https://www.nytimes.com/1992/07/17/news/their-own-words-transcript-speech-clinton-accepting-democratic-nomination.html) (дата обращения: 01.02.2021).

Conversations with John Gardner / ed. by A. Chavkin. Jackson, London: University Press of Mississippi, 1990. 310 p.

Cullen J. The American Dream: A Short History of an Idea That Shaped a Nation. Oxford: Oxford University Press, 2003. 214 p.

Delbanco A. The Real American Dream: A Meditation on Hope. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. 143 p.

Ekelund B.G. In the Pathless Forest: John Gardner's Literary Project: PhD dis. Uppsala, 1995. 377 p.

Gardner J. On Moral Fiction. New York, NY: Basic Books, 1978. 214 p.

Howell J.M. Understanding John Gardner. Columbia: University of South Carolina Press, 1993. 172 p.

Morris G.L. A World of Order and Light: A Critical Introduction to the Fiction of John Gardner: PhD dis. Lincoln, 1981. 267 p.

Morris G.L. John Gardner's "The King's Indian" and the Romantic Tradition // The New Romanticism: A Collection of Critical Essays. Abingdon: Routledge, 2000. P. 105–112.

References

Boryshneva N.N. *Pojetika romanov Dzhona Gardnera (rol' srednevekovogo komponenta v stanovlenii romannogo myshleniya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of John Gardner's novels (the role of the medieval component in the formation of novel thinking): PhD thesis, summary]. Nizhny Novgorod, 2004. 17 p. (In Russ.)

Gardner J. *Nikelevaja gora. Korolevskij gambit. Rasskazy* [Nickel mountain. The King's Indian. Short stories], transl. by E. Korotkova, I. Bernshtejn, V. Murav'ev, R. Rajt-Kovaljova, afterword by G. Zlobin. Moscow, Progress Publ., 1979. 504 p. (In Russ.)

Zenkin S.N. *Javlennoe sakral'noe (numen)* [The revealed sacred (numen)]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2011. Vol. 10. № 1–2. Pp. 197–222. (In Russ.)

Konovalova Zh.G. "Amerikanskaja mehta" v *hudozhestvenno-dokumental'noj literature SShA vtoroj poloviny XX veka: dis. ... kand. nauk* ["American Dream" in American nonfiction of the second half of the XX century: PhD thesis]. Kazan, 2009. 213 p. (In Russ.)

Eliade M. *Svjashhennoe i mirskoe* [The sacred and the profane], transl., introduction and afterword by N.K. Garbovskej. Moscow, Moscow State University Publ., 1994. 114 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.02.2021; одобрена после рецензирования 09.02.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 03.02.2021; approved after reviewing 09.02.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 136-140. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 136-140. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821(450).09«20»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-136-140>

ИДЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ В «АМЕРИКАНСКИХ ЛЕКЦИЯХ» ИТАЛО КАЛЬВИНО

Сабурова Людмила Евгеньевна, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, mila.saburova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7635-6060>

Аннотация. Подготовленный Итало Кальвино курс так называемых «Американских лекций» стал последним литературным трудом писателя и по праву считается его завещанием. Сам Кальвино адресует текст потомкам, собрав в лекциях ценные свойства литературы, которые следует сохранить в следующем тысячелетии. В эпоху непрерывного потока информации, зачастую состоящего из трафаретных текстов и изображений, буквально заполонивших собой все медийное пространство, Кальвино предупреждает читателей об опасности, нависшей над таким самобытным и оригинальным видом человеческой деятельности, как литература. Писатель стремится рассказать об особой роли литературы и встроить лишь ей присущие качества в перспективу развития быстро меняющегося мира. Категории, давшие названия пяти лекциям, далеки от общепринятой литературоведческой терминологии. Более того, сами размышления писателя выходят за рамки как истории литературы, так и традиционной поэтики и эстетики. Взгляд Кальвино на литературу лишен догматизма и чрезвычайно оригинален. Разбирая то или иное явление, писатель проводит неожиданные параллели между литературными произведениями разных стран и эпох. Приняв за точку отсчета созданную Кальвино систему координат, читатель становится полноправным участником процесса, невольно продолжая мысленно нанизывать на обнаруженную писателем связующую нить все новые имена и произведения. Альтернативная теория и история литературы, предложенная писателем, сделалась бесспорным бестселлером не только в кругу специалистов, но и у самой широкой публики.

Ключевые слова: Итало Кальвино, лекции, эстетика, европейская литература, итальянская литература, поэтика, теория литературы

Для цитирования: Сабурова Л.Е. Идея литературы в «Американских лекциях» Итало Кальвино // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 136-140. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-136-140>

Research Article

THE IDEA OF LITERATURE IN THE “AMERICAN LECTURES” OF ITALO CALVINO

Liudmila E. Saburova, Candidate of Philological Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mila.saburova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7635-6060>

Abstract. The course of the so-called “American lectures” prepared by Italo Calvino became the last literary work of the writer and is rightfully considered his testament. Calvino himself addresses the text to posterity, collecting in his lectures the valuable properties of literature to be preserved for the next millennium. In the era of continuous flow of information, often consisting of formulaic texts and images that have literally flooded the entire media space, Calvino warns readers about the danger looming over such a distinctive and original kind of human activity as literature. The writer seeks to talk about the special role of literature and to build its unique qualities into the perspective of the development of the rapidly changing world. The categories that gave names to the five lectures are far from generally accepted literary terminology. Moreover, the writer’s reflections go beyond both the history of literature and traditional poetics and aesthetics. Calvino’s view of literature is devoid of dogmatism and is extremely original. Analysing different phenomena, the writer draws unexpected parallels between literary works of different countries and eras. Taking Calvino’s frame of reference as the starting point, the reader becomes a full participant in the process, unwittingly continuing to mentally string new names and works on the connecting thread discovered by the writer. The alternative theory and history of literature proposed by the writer has become an unquestionable bestseller not only among specialists, but also among the general public.

Keywords: Italo Calvino, lectures, aesthetics, European literature, Italian literature, poetics, theory of literature

For citation: Saburova L.E. The idea of Literature in the “American lectures” of Italo Calvino. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 136-140 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-136-140>

В июне 1984 г. Итало Кальвино, к тому времени уже прославленный писатель не только в Италии, но и за рубежом, был приглашен Гарвардским университетом прочесть курс лекций по поэтике, носящий имя американского дантоведа и историка искусства Чарльза Элиота Нортон. Прежде подобные курсы уже были подготовлены Т.С. Элиотом, И. Стравинским, Х.Л. Борхесом и многими другими именитыми представителями мира искусства и литературы. Курс должен был включать шесть лекций, которые следовало прочесть в течение 1985–1986 учебного года. Термин поэтика в данном случае охватывал все формы художественного высказывания: литературу, музыку, живопись и проч. Выбор темы был свободным.

Когда пришло время отъезда в США, Кальвино полностью завершил работу над текстом пяти лекций, шестую под рабочим названием «Consistency» и возможные дополнительные выступления он планировал дописать, уже будучи в Гарварде [Calvino E. 1995, 2: 629]. Судьба распорядилась иначе. В сентябре 1985 г. Итало Кальвино скоропостижно скончался.

В посмертное издание так называемых «Американских лекций» вошли небольшое авторское предисловие и пять лекций: Легкость, Быстрота, Точность, Визуальность, Множественность (по свидетельствам текстологов, в рукописи чаще всего фигурировали английские термины *Lightness*, *Quickness*, *Exactitude*, *Visibility*, *Multiplicity*) [Asor Rosa]. В качестве приложения в книгу был включен и текст одной из предполагаемых дополнительных лекций, получивший название «Начать и завершить». По объему, манере письма, организации и стилю приложение немногим отличается от предыдущего повествования и воспринимается как еще одна полноценная лекция. В результате по содержанию книга отвечает первоначальному названию: лекций действительно шесть.

Поддача материала в лекциях во многом строится по принципу занимательности. Повествование оживляют яркие литературные примеры и некоторое подобие сюжетной линии, самостоятельной в каждой отдельно взятой лекции. Не отказываясь от спорадического использования изысканной литературной лексики [Piacentini], в целом Кальвино выбирает доступный и подчеркнuto простой стиль изложения. В итоге лекции легки для восприятия, сложность представляют идейный пласт, тематическое разнообразие и нетривиальный авторский взгляд, нуждающийся в осмыслении.

«Американские лекции» представляют собой завещание писателя, адресованное потомкам. Вместе с тем именно здесь мы можем ознакомиться с литературными предпочтениями Кальвино, особенностями его писательской кухни, проследить его творческий путь. Стоит сказать, что за свою литературную карьеру Кальвино сменил не одно творческое кредо, пробуя силы в разных жанрах

и манерах письма [Milanini]. В лекциях фиксируются и обосновываются перемены в мировоззрении писателя, а главное, объясняется его непреодолимая склонность к эксперименту.

Все лекции строятся по крайней мере на трех непременно присутствующих элементах, хотя и расположенных в разном порядке. Автор выражает свое личное отношение к свойству литературы, вынесенному в название, обосновывая его ценность; приводит и анализирует литературные примеры, служащие иллюстрацией разбираемой темы; делает выводы обобщающего характера, касающиеся перспектив развития мировой литературы.

Во вступлении к лекциям Кальвино напоминает о том, что подходящее к концу тысячелетие по праву можно назвать тысячелетием книги. Именно в этот период книга становится столь необходимым предметом во всех сферах жизни. Знаком того, что в так называемую постиндустриальную эру мы наблюдаем закат ее славы Кальвино называет частоту, с которой мы задаемся вопросом о судьбах литературы и книжного знания в целом.

Вера Кальвино в будущее литературы зиждется на существовании таких величин, которые лишь литература благодаря своим особым свойствам может дать человечеству. Именно эти, дорогие сердцу автора свойства он намеревается описать, предлагая сохранить их в новом тысячелетии.

Главной задачей для Кальвино-лектора становится осмысление литературы как метода познания. В лекциях отчетливо слышны отголоски предыдущих критических очерков писателя, суммируя которые Кальвино создает свою концепцию литературного идеала. Еще в статье 1962 г. Кальвино сравнивает литературу с лабиринтом, за рамками которого остается тот, кто пренебрегает ее сложностью. «Литература может подсказать, как повести себя, чтобы найти дорогу к выходу, хотя сама дорога будет ничем иным, как переходом в новый лабиринт» [Calvino I. 1995, 1: 122]. В понимании писателя, именно литература способна объединить отдельную личность и мир вокруг. Основой любой литературы служит миф, сила которого заключена в буквальности. Миф не в силах избавить человека от сумрака и ужасов мира реального, но с его помощью мы можем защитить себя, прибегнув к единственным доступным нам орудиям: фантазии и разуму.

Осмывая работу фантазии и разума и прежде всего описывая характер их синтеза, Кальвино намеревается представить нашему вниманию некую идеальную литературную модель, вобравшую в себя все самые ценные свойства литературы, которые одновременно служат наиболее эффективными инструментами познания. Такие свойства, вынесенные писателем в названия лекций, отнюдь не типичны для литературоведческого дискурса. Легкость, быстрота, визуальность, множественность – скорее подошли бы для описания некоего

физического тела или процесса. Лишь такую категорию, как точность, пожалуй, можно отнести к сфере умозрительного и субъективного. Но при ближайшем рассмотрении и точность, в понимании Кальвино, становится синонимом детальной проработанности, выступая в своей физической функции. Еще большую оригинальность такому подходу к литературе придает беспрестанное сопоставление вышеназванных свойств с противоположными понятиями, служащими им антонимами. Более того, часто сам автор признается, что не ведает, какое свойство литературы предпочтительнее, выбранное им для заглавия лекции или противоположное. В результате оппозиционные пары становятся основными критериями оценки литературного материала.

Между тем все ценные свойства литературы, отобранные писателем, в первую очередь связаны с языком. В осмыслении такого понятия, как язык, Кальвино тоже не пользуется привычными для эстетики категориями красивый – некрасивый, простой – сложный. Текстура языка, согласно Кальвино, сродни паучьей паутине, объединяющей человечество сети, сотканной из ассоциаций, фантазий и идей, рожденных нашим мозгом. Язык как система, выполняющая важнейшую связующую функцию, с одной стороны, между разными людьми в пространстве и во времени, а с другой – между человеком и вселенной, находится в постоянной опасности. По мнению Кальвино, опасность безмерно усилится именно с наступлением нового тысячелетия.

Кальвино всегда были чужды апокалиптические настроения. Более того, экзистенциальный оптимизм уже с первых литературных шагов считался отличительной чертой произведений писателя [Starobinski]. Тем не менее именно в лекциях ощущение будущего в сознании Кальвино сходно с катастрофическим. Это ощущение во многом и задает вектор «завещанию» писателя. Он остро чувствует приближение опасного сдвига, наметившегося в истории человечества. Простирая взгляд в третье тысячелетие, Кальвино указывает на несколько опасных процессов, грозящих бедственными последствиями для человечества. С одной стороны, это заражение языка и засорение визуальных образов, с другой – погружение в водоворот энтропии, дробящей мир на мириады разобренных осколков. Согласно Кальвино, языковой и визуальный культурные пласты понесли огромные потери в эру медийного нашествия. Неслучайно самые трагические прогнозы на будущее содержатся в лекциях, посвященных «Точности» и «Визуальности», более всего пострадавших в непрерывном информационном потоке. Для описания этого процесса Кальвино выбирает такие термины, как «зачумление» и «замусоривание». Беда не только в том, что безликий и неточный язык массмедиа начинает превалировать над языком литератур-

ным, его влияние значительно шире. По мнению писателя, «зачумление» языка вносит изменения в самосознание человека, который умышленно погружается в хаос.

Точность в литературе сопряжена для Кальвино со следующими факторами:

- 1) хорошо выверенным и просчитанным планом произведения;
- 2) работой с четкими, запоминающимися визуальными образами, воспроизводящими действительность;
- 3) отточенностью языка в передаче оттенков смысла и нюансов воображения.

По словам писателя, привести перечень столь «банальных истин» его заставила нетерпимость к приблизительному и небрежному использованию языка. Дело в том, что разбушевавшаяся в нынешнюю эпоху «чумная эпидемия» выбрала своей мишенью именно эту отличительную особенность человека: способность точно выражать свои мысли. Согласно писателю, «зачумление» языка проявляется в потере жажды познания, непосредственности мышления. На смену им приходит автоматизм, стремящийся превратить в расхожий штамп хоть сколько-нибудь оригинальное высказывание. Широко используемые сейчас абстрактные формулы делают значение фраз расплывчатым, «гасят любую искру, вспыхивающую при попадании слов в новые контексты» [Calvino I. 1995, 2: 677]. По мнению писателя, от заражения пострадал не только язык, но и визуальные образы. На человека буквально обрушивается лавина изображений, большая часть из которых мгновенно рассеивается, как дурной сон, не запавший в память, но оставивший ощущение подавленности и замешательства.

Кальвино выдвигает и другую версию: «содержания нет вовсе не только в изображениях или языке, но и в мире» [Calvino I. 1995, 2: 678]. Чума поражает жизнь людей, историю стран, превращая их в нечто бесформенное, бессмысленное, спутанное, без начала и конца. Кальвино признается, что более всего ему досаждают утрата формы, упорядочивающей некогда человеческое существование. Этой утрате писатель, по его словам, старается противопоставить единственное известное ему средство: идею литературы. Согласно Кальвино, модель литературного произведения уже содержит в себе фундаментальную для современной науки оппозицию: хаос – порядок. Кальвино пишет: «Вселенная растворяется в цветном облаке, напрочь увязает в водовороте энтропии, но внутри этого необратимого процесса могут возникать островки порядка, элементы существования, близкие к тому, чтобы обрести форму, смотровые площадки, с которых, кажется, открывается план, перспектива» [Calvino I. 1995, 2: 687]. Согласно писателю, литературное произведение и есть один из таких редких островков. В его недрах существование выкристаллизовывается в форму, при-

обретает смысл, не готовый, не окончательный, не окаменевший, но живой как организм. «Поэзия, – утверждает Кальвино, – злейший враг случайности, но вместе с тем рожденная случайностью, она знает, что в решающий момент случай одержит верх» [Calvino I. 1995, 2: 687].

Кальвино задается вопросами: какую роль в нашем воображении играют образы, предложенные культурой; каково будущее индивидуального воображения в так называемой «цивилизации изображений», сохранится ли человеческий дар вызывать в уме несуществующие образы, когда мир все больше наводняется готовыми изображениями? Писатель поясняет, что включил визуальность в список нуждающихся в защите ценностей для того, чтобы предупредить об опасности. Согласно Кальвино, мы рискуем потерять «фундаментальную способность фокусироваться на визуальных изображениях с закрытыми глазами, генерировать цвета и формы из выведенных на белой бумаге алфавитных черных знаков» [Calvino I. 1995, 2: 711]. Писатель полагает, что способствовать контролю и развитию внутреннего видения могла бы специально созданная для того образовательная методика. Она не позволяла бы человеку погрузиться в путанное, бессистемное фантазирование, но, напротив, помогала бы фантазиям выкристаллизоваться, обрести четкую запоминающуюся форму, цельность, жизненную силу. В то же время Кальвино замечает, что подобная методика была бы действительна лишь тогда, когда использовалась бы применительно к самому себе, методы изобретались бы по случаю, а результат был бы непредсказуем. По словам Кальвино, пользуясь схожей техникой в процессе создания произведений, он нередко вдохновлялся образами с полотен великих живописцев. Мысленно варьируя знаменитые фигуры, он соединял их отдельные черты и вносил свои коррективы в полученный образ.

Формируя визуальный пласт литературного воображения, писатели прибегают к самым разным способам: наблюдению за реальным миром, обращению к изобразительному искусству, преобразованию действительности посредством снов и видений. Особую важность визуальная составляющая воображения приобретает в фантастической литературе. Согласно Кальвино, в эру тотальной инфляции визуальных образов фантастическая литература может развиваться двумя возможными путями:

1. Помещать уже использованные образы в новые контексты, которые изменят их значение. Постмодернизм можно считать ироническим осмыслением медийного визуального штампа или же попыткой привить вкус к чудесному, укоренившийся в литературной традиции, используя чуждые традиции нарративные механизмы.

2. Провозгласить главенство пустоты, чтобы начать путь с нуля. К примеру, Сэмюэл Беккет, согласно Кальвино, добился ошеломляющих ре-

зультатов, сведя к минимуму как визуальную, так и вербальную составляющие, что позволило нам увидеть мир времен постапокалипсиса.

Кальвино сравнивает творческое воображение с целым миром бесчисленных возможностей, которые не способны вместить ни одно произведение искусства. Совсем в другом мире с иными формами порядка и хаоса мы живем и приобретаем опыт. Существует еще и мир слов, заполняющих страницу, красок, расплзающихся по холсту. Он тоже многообразен, но все же поддается управлению и может приобретать конкретные формы. Взаимосвязь между этими тремя мирами Кальвино называет невыразимым парадоксом бесконечных множеств, вмещающих другие бесконечные множества. В понимании Кальвино, все многочисленные реальности и фантазии могут обрести форму лишь благодаря литературе, уравнивающей в правах внешнее и внутреннее, мир вокруг и наше «я», опыт и вымысел, превращая их в одну словесную материю.

В попытке объясниться Кальвино рассказывает о трудностях, встреченных им в начале творческого пути: «Очень скоро я заметил, что между жизненными обстоятельствами, которые должны были служить для меня главным ресурсом, стать током, непрерывной движущей силой повествования, оживляющей, как я того хотел, мое письмо, и самим результатом обнаружился разрыв, на преодоление которого у меня уходило все больше труда. Вероятно, только тогда я и начал ощущать тяжесть, инерцию, непрозрачность мира: именно эти качества сразу же пристают к написанному, если нет способа от них избавиться. Как будто весь мир превращается в камень» [Calvino I. 1995, 2: 634]. Схожую мысль мы встречаем в знаменитом предисловии писателя к его роману «Тропа паучьих гнезд» [Calvino I. 1964: 9]. Размышляя о неореализме, Кальвино сетует на то, что безыскусный рассказ о подлинной жизни с ее всеобъемлющей сложностью и многослойностью походит на «грубую материю». Уже тогда молодой писатель приходит к выводу, что необходим особый взгляд, противоядие против тяжеловесной реальности. В конце жизни Кальвино делится с читателем найденным рецептом, по своему обыкновению прибегая к помощи мифа.

В качестве иллюстрации победы над окаменелой реальностью Кальвино приводит миф о Персее и Медузе Горгоне, который, в понимании писателя, становится аллегорией взаимоотношений поэта с окружающим миром. Именно здесь описан метод, которому стоит следовать, но урок можно извлечь лишь при буквальном понимании мифа. Каждый пишущий рискует попасться на глаза Медузе, рискует окаменением языка. Во избежание такой участи он должен надеть крылатые сандалии Персея, «чтобы отрубить голову Медузе, <...> он обращается к помощи самых легких субстанций: ветров и облаков» [Calvino I. 1995, 2: 636]. Свла-

дать с тяжеловесной реальностью, как и с Медузой, можно лишь на лету, да и наблюдая за ней не впрямую, а при помощи волшебного инструмента – зеркала или же сквозь призму своего особого фильтрующего взгляда. Более того, реальность может быть страшна, а может быть чудодейственна, как волосы медузы. Вслед за Персеем, заботливо ухаживающим за головой побежденного чудовища, нам следует учитывать хрупкость добытого трофея. Ведь легкость всегда сопряжена с хрупкостью. Кальвино признается, что временами царство людей представляется ему осужденным на вечную тяжесть. Писатель сетует: «В такие моменты я думаю, что должен летать как Персей в других небесах» [Calvino I. 1995, 2: 638].

Тревога писателя в отношении будущего все же не переходит в отчаяние. Лекции – своего рода послание Кальвино к следующим поколениям, в которое он помещает спасительное руководство к действию. Кальвино непреложно верит в чудодейственную силу литературы как в единственный способ познания, способный помочь миру, потерявшему форму, обрести ее вновь. Литература, согласно Кальвино, необходима для объединения разрозненных звеньев мироздания, для противостояния фатальной конечности человеческой жизни. Являясь осознанным и разумным выбором, литература одновременно фактор порядка и фактор свободы. В свете такой широкой гуманистической перспективы «Американские лекции» – не только книга о литературе, но и о цивилизационных и культурологических процессах в целом.

По жанру последний труд Кальвино скорее можно отнести к эссеистике. В лекциях нет и намек на исторический или герменевтический подход к литературе. Кальвино ставит перед собой принципиально иную задачу. Рассматривая литературу как систему познания, писатель стремится выявить рычаги, ее формирующие, ведь они-то и составят оборонительную крепость в мире хаоса. Автор пользуется текстами скорее как примерами, разъясняющими его идеи. Основное содержание книги составляет анализ разных литературных моделей и источников, служащих им иллюстрацией. Нередко литературные произведения, относящиеся к разным эпохам и национальным традициям, Кальвино ставит в один ряд как образцы схожей литературной стратегии или типа письма. Большинство из них трудно было бы объединить вне концепции писателя. В итоге взаимосвязи, найденные Кальвино, составляют нечто вроде авторской генеалогии западной литературы, которая и становится ключом к книге. В лекциях Кальвино упоминает около девяноста авторов – внушительное количество для брошюры, уместившейся на немногим более ста страницах. Такой охват материала, с одной стороны, выявляет учебную функцию произведения, а с дру-

гой – его энциклопедическую природу. Кальвино как будто задумал создать каталог своей «идеальной библиотеки» – чем больше текстов он включит, тем надежнее станет укрепительное сооружение, воздвигнутое вокруг самой идеи литературы.

Список литературы

Zuseva-Ozkan V.B. Рамочный и вставной нарративы в метаромане И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путник» // *Narratorium*. 2014. № 1 (7). С. 42–47.

Asor Rosa A. «Lezioni americane» di Italo Calvino. *Letteratura italiana. Le Opere*. Torino, Einaudi, 1995, vol. IV (2), pp. 1–55.

Belpoliti M. L'occhio di Calvino. Torino, Einaudi, 2006, 327 p.

Bertone G. Italo Calvino: il castello della scrittura. Torino, Einaudi, 1994, 331 p.

Calvino E. Nota introduttiva. Calvino I. *Saggi* (1945-1985). Milano, A. Mondadori, 1995, vol. 2, pp. 629–632.

Calvino I. La sfida al labirinto (1962). Calvino I. *Saggi* (1945-1985). Milano, A. Mondadori, 1995, vol. 1, pp. 116–130.

Calvino I. Lezioni americane. Calvino I. *Saggi* (1945-1985). Milano, A. Mondadori, 1995, vol. 2, pp. 633–755.

Calvino I. Prefazione dell'autore. Calvino I. *Il sentiero dei nidi di ragno*. Garzanti, Milano, 1987, pp. 7–26.

Mattioda E. Italo Calvino e il romanzo. Il romanzo in Italia, a cura di Giancarlo Alfano e Francesco De Cristofaro. Roma, Carocci, 2018, pp. 115–130.

Milanini C. L'utopia discontinua. Saggio su Italo Calvino. Milano, Garzanti, 1990, 196 p.

Piacentini A. Tra il cristallo e la fiamma: le Lezioni americane di Italo Calvino. Firenze, Firenze Atheneum, 2002, 629 p.

Starobinski J. Prefazione. Calvino I. *Romanzi e racconti*. Milano, A. Mondadori, 2001, vol I, pp. XI–XXXIII.

References

Zuseva-Ozkan V.B. *Ramochnyi i vstavnoi narrativy v metaromane I. Kal'vino "Esli odnazhdy zimnei noch'iu putnik"* [Frame and internal narratives in the metanovel "If on a Winter's Night a Traveller" by I. Calvino], *Narratorium Publ.*, 2014, № 1 (7), pp. 42–47 (In Russ).

Статья поступила в редакцию 03.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 03.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ С ВИКТОРИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В РОМАНАХ САРЫ УОТЕРС КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ФЕМИНИСТСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Илунина Анна Александровна, кандидат филологических наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия, ailunina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Аннотация. В статье анализируется реализация категории интертекстуальности в романе современной британской писательницы Сары Уотерс «Нить, сотканная из тьмы» / «Affinity» (1999). Целью работы было проследить, каким образом интертекстуальный диалог с викторианской литературой способствует формированию феминистской проблематики произведения. Выявлено, что основными претекстами при создании романа для Уотерс стали «Крошка Доррит» Ч. Диккенса, «Аврора Ли» Э. Баррет-Браунинг, «Поворота винта» Г. Джеймса, романы У. Коллинза. Интертекстуальность также обнаруживает себя на уровне жанра: в «Нити, сотканной из тьмы» присутствуют элементы готического повествования, детектива, сенсационного романа, ньюгейтского романа, женского плутовского романа, которые, в частности, способствуют формированию женской проблематики произведения. Диалог с викторианством позволяет Уотерс поднять вопросы гендерного неравенства в прошлом и настоящем, эксплуатации женщин и прав на реализацию личности своей сексуальной идентичности. Автор одновременно, посредством цитации, реконструирует викторианское прошлое и деконструирует его, акцентируя внимание на ненадежности и противоречивости репрезентирующих его письменных источников. Для Уотерс обращение к викторианству – это способ привлечь внимание к проблемам, которые, по мнению писательницы, до сих пор актуальны в британской культуре, таким как сексуальность, класс и гендер.

Ключевые слова: интертекстуальность, современная британская литература, неовикторианский роман, феминизм.

Для цитирования: Илунина А.А. Интертекстуальный диалог с викторианской литературой в неовикторианских романах Сары Уотерс как средство реализации феминистской проблематики // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 141-146. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-141-146>

Research Article

INTERTEXTUAL DIALOGUE WITH VICTORIAN LITERATURE IN THE NOVELS BY SARAH ANN WATERS AS A MEANS OF IMPLEMENTING FEMINIST ISSUES

Anna A. Ilunina, Candidate of Philological Sciences, Morozov Voronezh State Forest Engineering University, Voronezh, Russia, ailunina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3871-7555>

Abstract. The article presents an analysis of the implementation of the category of intertextuality in the novel «Affinity» (1999) by the British writer Sarah Ann Waters. The aim of the work was to trace how the intertextual dialogue with the Victorian literature contributes to the formation of the feminist issues of the work. It is revealed that the main pretexts when creating a novel for Waters were «Little Dorrit» by Charles John Huffam Dickens, «Aurora Leigh» by Elizabeth Barrett Browning, «The Turn of the Screw» by Henry James, and novels by William Wilkie Collins. «Affinity» has elements of Gothic narrative, a detective, a sensational novel, the Newgate novel, picaresque novel, contributing to the formation of women's issues. The dialogue with Victorianism allows Waters to raise issues of gender inequality in the past and present, the exploitation of women, and the rights of individuals to realise their sexual identity. For Waters, turning to Victorianism is a way to draw attention to issues that, according to the writer, are still topical in British culture, such as sexuality, class and gender.

Keywords: intertextuality, neo-Victorian novel, contemporary British literature, feminism.

For citation: Ilunina A.A. Intertextual dialogue with Victorian literature in the novels by Sarah Ann Waters as a means of implementing feminist issues. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 141-146 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-141-146>

Сара Уотерс / Sarah Waters (род. 1966), современная британская писательница, является на сегодняшний день автором шести романов, становившихся мировыми бестселлерами и удостоившихся престижных литературных премий (Betty Trask Award, Stonewall Book Award, премия Сомерсета Моэма). Писательница трижды была номинирована на Букеровскую премию (2002, 2006, 2009).

Три произведения Уотерс («Бархатные коготки» / «Tipping the Velvet» (1998); «Нить, сотканная из тьмы» / «Affinity» (1999); «Тонкая работа» / «Fingersmith» (2002)) единодушно относятся исследователями к жанру неовикторианского романа (термин Д. Шиллер) – «исторического романа, соединяющего в себе постмодернистскую историографичность с традиционным культурно-историческим подходом и обращающегося в прошлое для того, чтобы проследить, как это прошлое видоизменяется под воздействием современных событий» [Shiller: 40]. Вступая в интертекстуальный диалог с литературой XIX в. посредством заимствования, переработки тем и сюжетов, явной и скрытой цитации, автор неовикторианского романа стремится «переосмыслить и интерпретировать не только викторианские тексты, но и викторианскую культуру в целом и, что самое главное, посмотреть на нее с позиций современности» [Скоруходько: 60]. Для Уотерс актуальными направлениями переосмысления викторианского претекста становятся гендерный и феминистический. Сама писательница, являясь участницей организаций по защите прав женщин и называя феминизм «частью борьбы против всех проявлений неравенства» (цит. по: [Jones: 2]), активно репрезентует в своем творчестве актуальную феминистическую повестку.

В данной статье мы ставим целью на материале романа Уотерс «Нить, сотканная из тьмы» проследить, каким образом интертекстуальный диалог с викторианской литературой способствует формированию феминистской проблематики произведения. Для решения задач исследования нами были применены биографический, культурно-исторический, сравнительный, интертекстуальный методы литературоведческого анализа. Научно-критическое осмысление творчества Уотерс активно ведется в зарубежном литературоведении [Kaplan; Onega; Schaff; O'Callaghan; Jones], интерес к ее романам среди отечественных ученых, пока не слишком значительный [Скоруходько; Кохан 2019а; Кохан 2019в; Кохан 2020], тоже растет, что, на наш взгляд, определяет актуальность данного исследования.

Основное действие романа «Нить, сотканная из тьмы» происходит осенью 1874 – зимой 1875 года. Главная героиня, 29-летняя незамужняя, по меркам викторианства, «старая дева» Маргарет Приор, тяжело пережившая смерть своего горячо любимого отца-историка и даже совершившая на этой почве попытку самоубийства, начинает, с целью продол-

жить его дело и написать социологическое исследование, а также излечиться от затяжной депрессии, посещать лондонскую тюрьму Миллбанк. Там она знакомится с юной заключенной Селеной Дауэс, медиумом, отбывающей наказание за насилие и мошенничество: одна из клиенток Селены погибла во время проводимого ей спиритического сеанса. У Маргарет непростые отношения с матерью, стремящейся, не без оснований, судя по прошлому героини, ее всецело контролировать, она против посещения тюрьмы болезненной и экзальтированной дочерью, но Маргарет серьезно увлекается Селеной и, уверовав в ее невиновность и сверхъестественные способности, соглашается способствовать побегу девушки из тюрьмы.

В романе Уотерс отсутствует всезнающий повествователь от третьего лица, характерный для классического викторианского романа. «Нить, сотканная во тьме», по традиции историографического метаромана исследующая прошлое с маргинальной, в данном случае женской перспективы, представляет собой чередование отрывков из дневников Маргарет Приор и Селины Дауэс. «Интересно, почему мужской голос так отчетлив, а женский так легко приглушить» [Уотерс: 75], – вслед за героиней задается вопросом автор. Стремясь опровергнуть господствующую в западной культуре идеологию «гегемонной маскулинности и идеализированной феминности» [Леонтьева: 134], постмодернистская литература конца XX – начала XIX в. активно внедряет понятия женского взгляда, призванного представить более полную, чем андроцентричная, картину реальности. В то же время создается ситуация двойственности и вероятной «ненадежности» одного или обоих рассказчиков, подвергающее сомнению объективное освещение прошлого, исходя из текстовой его природы.

Одним из наиболее очевидных претекстов «Нити, сотканной из тьмы» можно считать роман Чарльза Диккенса / Charles Dickens (1812–1870) «Крошка Доррит» / «Little Dorrit» (1855–1857). Неслучайно именно его мисс Приор читает вечерами своей матери. Главная героиня романа Диккенса, в образе которой классик викторианской прозы «воплотил абсолютную доброту, любовь и чистоту» [Андреева: 16], родилась и выросла в Лондоне, в долговой тюрьме Маршалси. У читателя возникает параллель между Эми Доррит и Селеной, обманчивая уверенность, что кроткая, ангельская внешность Дауэс, как и у героини Диккенса, является отражением внутренних качеств. В сравнении, образ Селены кажется даже более возвышенным, отреченным от земного, англоподобным:

«Откинув голову и закрыв глаза, она сидела на деревянном стуле. Забытое вязанье лежало на ее коленях, руки были слегка сцеплены, а повернутое к окну лицо ловило жар солнца, озарившего желтое стекло. В солнечном луче резко выделялся тюремный знак – войлочная звезда, небрежно

вырезанная и криво пришитая к рукаву ее бурого платья. Из-под чепца выбилась прядь светлых волос, бледное лицо оттеняло линии бровей, губ и ресниц. Определенно, в ней была схожесть со святой или ангелом с картины Кривелли. Я разглядывала ее с минуту; за все это время она не пошевелилась и глаз не открыла. В этой неподвижности было нечто набожное, и я, вдруг смутившись, решила, что она молится, и уже хотела отвести глаза. Но вот она шевельнулась» [Уотерс: 9]. Сравним: «Оставалась в памяти прозрачная бледность этого лица... красотой оно не отличалось, хороши были только бархатные карие глаза. Слегка склоненная голова, тоненькая фигурка... такова была Крошка Доррит за работой» [Диккенс: 42].

В романе Уотерс сама Маргарет, в силу небольшого личного опыта, опирающаяся больше на опыт литературный, прежде всего сентиментальной поэзии и нравоучительной прозы, экстраполирует книжные штампы на более сложную и амбивалентную реальность. Интересна символика созвучных имен двух возлюбленных Маргарет (Селена – в переводе с греч. «лунная» и Хелена – в переводе с греч. «солнечная»), намекающая на внутреннюю сущность героинь.

Тюрьма Маршалси у Диккенса – «один из ключевых пространственных топосов романа... чужой, отдельный от Лондона мир, несмотря на то, что находится в его границах» [Андреева: 16]. В романе Уотерс ее зеркальным отражением является тюрьма Миллбанк, реально существовавшая в Лондоне в XIX в. Страницы романа, повествующие о суровой жизни заключенных в Миллбанке женщин, деталях их тюремного быта являются плодом, в частности, научных изысканий Уотерс в процессе подготовки ею академической статьи в конце 1990-х (см.: [Waters]). Писательница в «Нити, сотканной из тьмы» затрагивает женскую проблематику содержания в тюрьмах в XIX в., например жестокую практику обрезания женщинам волос при поступлении в учреждение, запрет на ношение удобной одежды и белья, недостаток средств гигиены. Миллбанк был задуман идеологом викторианского утилитаризма И. Бентамом (1748–1832) как Паноптикум – воплощение идеи всевидящей власти (все камеры тюрьмы могли постоянно и незаметно для заключенных просматриваться и прослушиваться надзирателями). Позднее французский философ М. Фуко связал Паноптикум с «технологией власти, способной решать задачи надзора» [Фуко: 223] и увидел в нем воплощение идеи дисциплинарного общества в целом. Для Уотерс в романе важнее, что тюрьма Миллбанк вырастает в метафору положения женщины в викторианском обществе. Неслучайно Маргарет кажется, что мать следит за ней, будто надзирательница, в богатом доме она чувствует себя заключенной, скованной рамками условностей и морали: «Осторожно – даже хлорал не лишает меня бдительности – вожу

пером по бумаге, чтобы не услышала мать, если подкрадется и прикиннет ухом к филенкам двери. С нее станет и подглядывать в замочную скважину, которую я заткнула тряпкой» [Уотерс: 73]. Женщины в обществе разделены на классы, как заключенные Миллбанка на зоны-литеры, но каждая в своей мере испытывает на себе плоды патриархальной эксплуатации и неравенства.

Важным претекстом романа видится нам также роман в стихах знаменитой викторианской поэтессы Элизабет Баррет-Браунинг / Elizabeth Barrett-Browning (1806–1861) «Аврора Ли» / «Aurora Leigh» (1856). В общении с Селеной Маргарет называет себя Авророй, а когда планирует побег с Селеной из Англии в Италию, делает ей документы на имя Мэриан Эль. Это имя носила в поэме Баррет-Браунинг героиня из низов, с рождения ставшая жертвой социальной несправедливости, но сохранившая добросердечие и высокие нравственные качества. Подобно Авроре Ли, Маргарет мечтает спасти Селену и жить с ней в счастливом союзе в Италии. Подобно Авроре Ли, Маргарет мечтает и о творческой и профессиональной самореализации. Героиня поэмы Баррет-Браунинг, «одаренная молодая особа... на пути к своей цели – сделаться известной поэтессой – сталкивается со всеми притуплениями этой стезе испытаниями» [Халтрин-Халтурина: 42], которые успешно преодолевает. «Имя Аврора символизирует зарю новой эпохи, дарующей женщинам свободу выбора творческой профессии» [Халтрин-Халтурина: 42].

Очевидны проекции судьбы самой Баррет-Браунинг на образ Маргарет. С юности терзаемая тяжелым недугом, знаменитая викторианская поэтесса смогла преодолеть болезнь, семейную тиранию и достигнуть успеха как в личной жизни, так и в поэтической карьере. Ее муж, тоже знаменитый поэт Роберт Браунинг / Robert Browning (1812–1889), увез ее в Италию, где Элизабет провела остаток жизни.

В реальности романа Уотерс Маргарет намного труднее претворить в жизнь свои планы. «Женщин учат поступать единообразно – в этом их функция. Лишь такие, как я, расшатывают и отбрасывают подобную систему» [Уотерс: 68], – считает героиня. Она не находит поддержки у близких. Мать полагает, что ее эксцентричность дискредитирует всю семью, грубо намекая, что дочери не удалось реализоваться в практически единственной очевидно социально приемлемой для викторианской женщины сфере – замужестве:

«Маргарет, ты не миссис Браунинг, как бы тебе того ни хотелось. Ты даже не миссис Такая-то. Ты всего лишь *мисс Приор*. И твое место – сколько раз еще повторять? – здесь, возле матери» [Уотерс: 83].

Деверь Маргарет скептически настроен по отношению к проектам Маргарет, уже исходя из того, что из-под пера женщины не может выйти ничего стоящего и разумного: «Вспомнилась реплика Ар-

тура: мол, женщины способны лишь на сердечные дневники» [Уотерс: 78].

В то же время нельзя исключить и пародийный элемент повествования, сопряженный с образом мисс Приор, вероятно, отчасти переоценивающей свой ум и социальную миссию.

Показательно, что проводниками мизогинии и угнетения в романе часто оказываются сами женщины (миссис Приор, надзирательницы). Таким образом, автору удается передать укорененность патриархальных установок в сознании женщин, которые становятся агентами самодискриминации.

Реализации Маргарет в личностном плане мешает не только стигматизация ее окружением как «старой девы», но прежде всего – ее противоположные и неприемлимые с точки зрения морали общества интимные склонности. Мисс Приор представляет, что будет, если отвести Селену не в Италию, а к сестре в Маришес, сидеть с ней за ужином, спать в одной постели, и размышляет, что не знает, чего больше «испугается родня: того, что она спиритка, что осужденная или что женщина» [Уотерс: 102].

Табуирование чувственных сторон жизни, характерное для викторианской морали, оборотной стороной которого оказывается лицемерие и ханжество, а жертвами – чаще всего женщины, находит свое отражение в романе Уотерс. На страницах произведения перед читателем проходит целая вереница трагических судеб заключенных и надзирательниц, соблазненных работодателями и отвергнутых близкими, потому что от связи были рождены незаконнорожденные дети (Джейн Хой, Мери Энн Кук, Джейн Бонн, миссис Джелф). Одна из таких женщин, Мери Энн Кук, не могла получить работу и, боясь потерять съемное жилье, хотела заглушить плач ребенка, спрятав его в пеленках, что послужило причиной гибели малыша. Рассказ звучит из уст «ненадежного рассказчика», однако, даже если женщина стала убийцей намеренно, ее явно подтолкнули к этому тяжелые жизненные обстоятельства. Запрет на публичное выражение чувств влюбленными в общественных местах стал причиной заключения Эллен Пауэр, обвиненной в содержании притона. Услышанное в Миллбанке побуждает Маргарет иначе взглянуть на окружающих ее джентльменов: «Жаль, что она такая дурнушка, – сказала Прис, глядя в окно на уходившую служанку. Я улыбнулась. Но затем возникла ужасная мысль. Я вспомнила Мэри Энн Кук, которой домогался хозяйский сын, и подумала, что в доме бывают мистер Барклей и мистер Уоллес, порой заглядывают приятели Стивена... Нет, хорошо, что девушка не красавица» [Уотерс: 23].

«Соблазненная и покинутая» – можно воспринимать уже как трузизм классической литературы, но в романе «Нить, сотканная из тьмы» автор подчеркивает натуралистический, близкий к социологическому подход в изображении этого

явления, подчеркивая его массовость и разрушая сентиментальность и назидательность развязки.

Успех Селены как медиума во многом зиждется на раскрытии табуированной викторианской моралью чувственности клиенток, происходящей посредством телесных игр «духа» Питера Квика в лице ее сообщницы Рут Вайгерс во время спиритических сеансов. Вероятно, «избранное Уотерс мужское имя отсылает к знаменитому “злому духу” Питера Квина из “Поворота винта” Генри Джеймса» [Коган 2019в: 195] (Henry James (1843–1916), «The Turn of the Screw», 1898). Действительно, одним из вариантов трактовки событий у Г. Джеймса можно также считать психологические и сексуальные фрустрации героини, развившиеся в результате давления викторианской морали в вопросах пола и греха.

Одной из важных в романе с точки зрения феминистической проблематики является проблема наркотической зависимости в викторианскую эпоху среди женщин-домохозяек среднего и высшего сословия. Считалось, что медицинская польза от применения опиума перевешивает потенциальный вред. Постоянный прием предписанных врачами хлорала и лаунданума (опиумной настойки) стал одной из причин чрезмерной экзальтации Маргарет Приор и ее трагического конца. Литературные аллюзии в викторианской литературе на опиумную зависимость достаточно обширны: так, на страницах романа Уотерс упомянуты Э. Баррет-Браунинг, Уильям Уилки Коллинз / William Wilkie Collins (1824–1889) («Лунный камень» / «Moonstone» (1868); «Армадейл» / «Armadale» (1864)).

Интертекстуальность реализуется и на уровне жанра: в «Нити, сотканной из тьмы» присутствуют элементы готического повествования, детектива, сенсационного романа, ньюгейтского романа, которые, в частности, «работают» и на формирование женской проблематики романа. Так, бледная, экзальтированная и склонная к частым обморокам Маргарет обнаруживает черты готической героини (см.: [Parker: 6]), однако местом ее заключения оказывается не таинственный замок, наполненный призраками, а собственный, вполне комфортабельно обставленный викторианский особняк, и причины ее «заточения» не паранормальные, а вполне социально и гендерно обусловленные. Подобно героям ньюгейтских и сенсационных романов, Селена Дауэс и, прежде всего, Рут Вайгерс совершают настолько ловкие и продуманные преступления, что читатель даже почти готов проникнуться к ним восхищением. Изначально угнетенные обществом в гендерном и социальном плане, они не занимают пассивную роль, закрепленную за женщиной викторианством, а предпочитают активную, хоть и аморальную, жизненную позицию. Здесь можно говорить и о цитировании из более ранней, по сравнению с викторианской, литературы образа пикаресной героини («Моль Флендерс» /

«Moll Flanders» (1722) Даниеля Дефо / Daniel Defoe (1660–1773)).

В романе «Нить, сотканная из тьмы» Уолтерс отходит от практики цитирования характерного для ранневикторианского, «диккенсовского» романа «счастливого финала»: «Финал должен быть апокалипсисом, Страшным Судом – добрые вознаграждаются, злых постигает кара... негодяи тонут или убивают друг друга, надменные богачи разоряются, а герои благоденствуют» [Цвейг: 258]. Впрочем, и 1870-е, к которым относится время действия романа, уже не были временем безоглядного оптимизма в литературе. Как и большинству викторианок, Маргарет Приор не суждено победить систему, и она горько осознает тщетность своих попыток самореализоваться. К тому же, убедившись в предательстве Селены, одурманенная наркотиками, она, вероятно, кончает жизнь самоубийством: «О, до чего я устала! Наверно, во всем Лондоне нет никого, кто был бы так изнурен, – ну разве что река, которая под равнодушным небом несет своим привычным путем свои воды к морю. Какой глубокой, черной и густой она кажется нынче! Какой мягкой выглядит ее поверхность. Как, наверно, холодна ее глубина» [Уотерс: 114]. В романе «Крошка Доррит» также «образ реки... связан с мотивом смерти. <...> Здесь смерть не воля providения, а решение человека – самоубийство» [Андреева: 16].

Таким образом, интертекстуальный диалог с викторианской литературой (Ч. Диккенс «Крошка Доррит», Э. Баррет-Браунинг «Аврора Ли», Г. Джеймс «Поворота винта», романы У. Коллинза и др.) является в романе «Нить, сотканная из тьмы» средством реализации феминистической проблематики и позволяет С. Уотерс поднять вопросы гендерного неравенства и эксплуатации женщин в прошлом и настоящем, мизогинии, прав на реализацию личности своей сексуальной идентичности, подвергнуть критике патриархальность викторианского института семьи и брака. Писательница связывает психологические и сексуальные фрустрации героинь с давлением викторианской морали в вопросах пола и греховности. Автор одновременно, посредством цитации, реконструирует викторианское прошлое и деконструирует его, акцентируя внимание на ненадежности и противоречивости репрезентирующих его письменных источников. По свидетельству самой Уотерс, для нее диалог с викторианством – «это способ обратиться к проблемам, которые до сих пор очень, очень актуальны в британской культуре, таким как класс и гендер, подавленная сексуальность... То, с чем, как мы считаем, у нас все в порядке, что на самом деле далеко не так, и мы возвращаемся в девятнадцатый век, когда эти проблемы были еще глобальнее, чтобы разобраться в них, потому что эти вопросы и сегодня не теряют своей злободневности» (перевод наш. – *И. А.*) [Ladies in Peril: 45].

Список литературы

- Андреева Д.А. Образ реки в романе Ч. Диккенса «Крошка Доррит» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 15–18.
- Диккенс Ч. Крошка Доррит / пер. с англ. Е. Калашникова. М.: Азбука, 2019. 960 с.
- Кохан О.Н. «Нить, сотканная из тьмы» (1999) Сары Уотерс как экспериментальный историографический роман // Новое прошлое. 2019а. № 3. С. 202–213.
- Кохан О.Н. «Ньюгейтский роман» в художественной концепции Сары Уотерс // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 3. С. 139–150.
- Кохан О.Н. Призраки и спиритизм в неовикторианском романе Сары Уотерс «Affinity» // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IV Междунар. науч. конгресса / под ред. Е.В. Полховская. 2019в. С. 193–197.
- Леонтьева К.И. Художественный перевод и гендер: адаптация в формате «Woman/manhandling» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). С. 133–135.
- Скороходько Ю.С. Неовикторианский роман как форма интертекстуального диалога с викторианством в английской литературе // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. № 2 (10). С. 59–68.
- Уотерс С. Нить, сотканная из тьмы / пер. с англ. А. Сафронова. М.: Эксмо-Пресс, 2011. 480 с. URL: https://bookscave.net/read/uoters_saranit_sotkannaya_iz_tmy-61568.html (дата обращения: 15.01.2021) (In Russ.)
- Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 220–247.
- Халтрин-Халтурина Е.В. Поэма «Аврора Ли» Элизабет Баррет-Браунинг как памятник викторианской литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 6. С. 41–46.
- Цвейг А. Диккенс / пер. с нем. Ф. Зайбеля // Тайна Чарльза Диккенса. М.: Книжная палата, 1990. С. 243–262.
- Kaplan C. "Fingersmith"'s Coda: Feminism and Victorian Studies. *Journal of Victorian Culture*, 13/1 (Spring 2008), pp. 42–55.
- Ladies in Peril: Sarah Waters on neo-Victorian narrative celebrations and why she stopped writing about the Victorian era. Interview. *Neo-Victorian Studies*, 1:1 (Autumn 2008), pp. 41–55.
- O'Callaghan C. Sarah Waters Gender and Sexual Politics. London, Bloomsbury Academics, 2017, 196 p.
- Jones A. Sarah Waters's Feminisms. Sarah Waters and Contemporary Feminism, ed. by Jones A., O'Callaghan. London, Palgrave Macmillan, 2016, pp. 1–21.

Schaff B. On Not Being Mrs Browning: The Revisionist Feminism of Sarah Waters's Neo-Victorian Trilogy *Anglistik: International Journal of English Studies*, 24/1 (March 2013), pp. 63–75.

Shiller D. The redemptive past in the neo-Victorian novel. *Studies in the novel*, 1997, vol. 29, № 4, pp. 538–560.

Waters S. Interview by Ron Hogan, 2002. Indiebound. URL: <http://www.Indiebound.org/author-interview/waterssarah> (дата обращения: 15.01.2021).

References

Andreeva D.A. *Obraz reki v romane CH. Dikkensa «Kroshka Dorrit»* [The Image of River in the Novel «Little Dorrit» by Charles Dickens]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2014, № 8-1 (38), pp. 15–18. (In Russ.)

Dickens CH. *Kroshka Dorrit* [Little Dorrit], trans. E. Kalashnikova. Moscow, Azbuka Publ., 2019, 960 p. (In Russ.)

Kohan O.N. “Nit', sotkannaya iz t'my” (1999) *Sary Uoters kak eksperimental'nyj istoriograficheskij roman* [“Affinity” (1999) by Sarah Waters as an experimental historiographic novel]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2019a, № 3, pp. 202–213. (In Russ.)

Kohan O.N. «N'yugejtskij roman» v *hudozhestvennoj koncepcii Sary Uoters* [Newgate novel in the artistic conception of Sarah Waters]. *YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences], 2020, № 3, pp. 139–150. (In Russ.)

Kohan O.N. *Prizraki i spiritizm v neoviktorianskom romane Sary Uoters Affinity* [Spirits and Spiritism in “Affinity” by Sarah Waters]. *Inostrannaya filologiya. Social'naya i nacional'naya variativnost' yazyka i literatury* [Foreign Philology. Social and National Variability of language and Culture]: materialy IV Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, ed. by E.V. Polhovskaya, 2019v, pp. 193–197. (In Russ.)

Leont'eva K.I. *Hudozhestvennyj perevod i gender: adaptaciya v formate «Woman/manhandling»* [Artistic translation and gender: adaptation in the form of «Woman/manhandling»]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2012, № 7 (18), pp. 133–135. (In Russ.)

Skorohod'ko YU.S. *Neoviktorianskij roman kak forma intertekstual'nogo dialoga s viktorianstvom v anglijskoj literature* [Neo-Victorian novel as a form of intertextual dialog with Victoriasm in English Literature]. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij* [World Literature on the crossroads of cultures and civilizations], 2015, № 2 (10), pp. 59–68. (In Russ.)

Waters S. *Nit', sotkannaya iz t'my* [Affinity], trans. A. Safronova. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2011, 480 p. URL: https://booksafe.net/read/uoters_saranit_sotkannaya_iz_tmy-61568.html (access date: 15.01.2021) (In Russ.)

Foucault M. *Oko vlasti* [The Eye of Power]. Foucault M. *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Authorities]. Moscow, Praxis Publ., 2002, pp. 220–247.

Haltrin-Halturina E.V. *Poema «Aurora Li» Elizabet Barret-Brauning kak pamyatnik viktorianskoj literatury* [The Poem “Aurora Leigh” by Elizabeth Barrett-Browning as a monument of Victorian Literature]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Philology], 2017, vol. 76, № 6, pp. 41–46.

Zweig A. *Dickens* [Dickens], trans. F. Zajbelya. *Tajna CHarl'za Dikkensa* [The Mystery of Charles Dickens]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1990, pp. 243–262.

Статья поступила в редакцию 18.01.2021; одобрена после рецензирования 30.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 18.01.2021; approved after reviewing 30.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

ИСТОРИКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ НИКОЛАЯ УЛЬЯНОВА В КОНТЕКСТЕ «ДИ-ПИ СЛОВЕСНОСТИ»

Чернов Александр Валентинович, доктор филологических наук, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, avchernov@chsu.ru

Максимова Татьяна Николаевна, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, tnmaksimova@chsu.ru

Аннотация. Начало научной и литературной деятельности второй волны эмиграции историки относят ко времени лагерей перемещенных лиц Ди-Пи (Displaced Persons). Понятия «Ди-Пи литература», «Ди-Пи словесность» часто используются как синонимы эмигрантской литературы «второй волны». Большинство имен писателей – «перемещенных лиц» нечасто упоминается в истории русской литературы и известно лишь узкому кругу специалистов. В статье рассматривается особая историко-эстетическая позиция яркого представителя этой группы – Н.И. Ульянова, обоснованная кратким экскурсом в его драматическую судьбу и историю научного и литературного творчества. Сегодня на родине Николай Ульянов более известен как замечательный историк, автор немногочисленных, но уникальных научных трудов и концепций. И хотя многие его литературные работы также переизданы и доступны широкому читателю, особая писательская позиция Ульянова, выделявшая его в противоречивой словесности и науке второй волны, остается не изученной в полной мере. В статье рассматривается позиционирование Ульяновым себя и своих единомышленников как продолжателей и завершателей «серебряного века» русской культуры. Раскрытие этого положения, попытка объяснить его основания и последствия для окружающего Ульянова совершенно иного контекста и предпринимается в данной статье.

Ключевые слова: Н.И. Ульянов, Ди-Пи литература, вторая волна русской эмиграции, серебряный век, перемещенные лица

Для цитирования: Чернов А.В., Максимова Т.Н. Историко-эстетическая позиция Николая Ульянова в контексте «Ди-Пи словесности» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 147-155. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-147-155>

Research Article

NIKOLAY ULYANOV'S HISTORICAL AND AESTHETIC POSITION IN THE CONTEXT OF "DP LITERATURE"

Alexander V. Chernov, Doctor of Philological Sciences, Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia, avchernov@chsu.ru

Tatyana N. Maksimova, Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia, tnmaksimova@chsu.ru

Abstract. Historians attribute the beginning of the scientific and literary activity of the second wave of emigration to the time of the camps for the DP (Displaced Persons). The concept of the "DP literature" is often used as a synonym for the "second wave" of Russian emigrant literature. Most of the names of writers who were "displaced persons" are not often mentioned in the history of Russian literature and are known only to a narrow circle of specialists. The article examines the special historical and aesthetic position of a prominent representative of this group – Nikolay Ulyanov, justified by a short excursion into his dramatic fate and the history of scientific and literary creative work. Today, in his homeland, Nikolay Ulyanov is better known as a remarkable historian, the author of a few, but unique, scientific works and concepts. And although many of his literary works have also been reprinted and are available to the general reader, the special literary position of Nikolay Ulyanov, which distinguished him in the contradictory literature and science of the second wave, remains not fully studied. The article discusses Nikolay Ulyanov's positioning of himself and his like-minded people as successors and completers of the Russian culture of "Fin de siècle". The disclosure of this provision, an attempt to explain its grounds and consequences for the surrounding Nikolay Ulyanov in a completely different context is undertaken in this article.

Keywords: Nikolay Ulyanov, DP literature, second wave of Russian emigration, Fin de siècle, displaced persons

For citation: Chernov A.V., Maksimova T.N. Nikolay Ulyanov's historical and aesthetic position in the context of "DP literature". Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 147-155 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-147-155>

В настоящее время принято выделять три волны русской эмиграции: первая, причинами которой стали революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война (рубеж 1910–1920-х гг.); вторая, связанная с последствиями Второй мировой войны (1940-е гг.); и третья как реакция на усиление идеологического диктата после закончившейся эпохи «оттепели» (конец 1960-х – начало 1980-х гг.). Все три волны были ознаменованы колоссальным оттоком из страны культурных и интеллектуальных сил.

Научная и творческая деятельность представителей второй волны эмиграции остается одной из наименее изученных страниц российской словесности за рубежом и интерпретируется по-разному. По-разному трактуется исследователями и то, являются ли понятия «Ди-Пи литература» и «литература второй волны эмиграции» синонимичными.

Историк П.Н. Базанов считает, что следует разделять «дипийцев» и писателей второй волны русской эмиграции¹. В своих работах по исследованию русского зарубежья В.В. Агеносов относит ко второй волне лиц без гражданства и писателей послевоенной эмиграции [Мы жили: 383]. Учитывая различия в трактовках терминов, в нашей статье мы будем использовать их как синонимы.

Понятия «Ди-Пи литература», «Ди-Пи словесность» часто используются как синоним эмигрантской литературы второй волны, возникшей вследствие Второй мировой войны, действий Третьего рейха, последующих процессов репатриации или, наоборот, признания беженцами людей, по разным причинам оказавшихся за пределами СССР. Речь идет о тех, кто получил после войны статус беженца, прошел через специальные лагеря для перемещенных лиц, находившиеся в Европе, Латинской Америке, на Дальнем Востоке, и в конце концов осел преимущественно в США².

Начало научной и литературной деятельности второй волны эмиграции историки относят ко времени лагерей перемещенных лиц Ди-Пи (Displaced Persons) [Петрова: 243–248]. Его составной частью по факту становилось и творчество тех писателей первой волны русской эмиграции, на долю которых позже выпала участь перемещенных лиц. Это еще более усложняет выделение творчества представителей второй волны как особого и целостного историко-культурного явления.

В отличие от эстетического и научного наследия эмиграции первой волны, ценность которого не оспаривается, чье возвращение в отечественный научный, литературный процесс, общекультурный контекст стало свершившимся фактом с конца 80-х гг., осмысление и даже простое знакомство с наследием второй волны еще далеко от полного и всестороннего.

Намного более освоено культурное наследие последующей, третьей волны эмиграции. Возвращение же литературной и научной деятельности

«дипийцев» в постсоветской России, начавшееся с 90-х гг. XX в., продолжается и по сей день.

Существует немало причин для подобного отношения отечественной науки к столь значимому культурному пласту. Важную роль играет в одних случаях порожденное пропагандистскими стереотипами, а в других – основанное на реальных исторических фактах отторжение в отношении отдельных личностей этой эмиграции, их роли в военный период, мотивов их решений и т. д. В смысловой парадигме эмиграционных волн четко осознаны причины возникновения, мотивы и следствия «первой» и «третьей». Со «второй» остается множество неясностей, двусмысленностей, сложностей с идентификацией персоналий.

Некоторые причины нужно выделить особо. Первая – сравнительно небольшой масштаб такого явления, как вторая волна, если говорить именно о литературной, научной составляющей. Второй – устойчивый стереотип в отношении общей оценки эстетической и научной значимости наследия в целом, стойкое убеждение во вторичности, неоригинальности созданного этим поколением.

Как отмечается в одном из самых авторитетных исследований русского зарубежья конца 90-х гг. – работе Агеносова, «среди филологов устойчиво бытовало мнение, что вторая волна не дала русской литературе таких блистательных образцов художественного творчества, как послеоктябрьская эмиграция 20–40-х годов» [Агеносов: 544].

Еще одна причина своеобразного избегания изучения явления в целом – настороженное отношение к оказавшимся в послевоенной эмиграции, распространенные обвинения если не в предательстве, то в коллаборационизме. Действительно, среди представителей эмиграции были те, кто сотрудничал с оккупационными властями, как правило не принимая участия в военных действиях на их стороне. Но немало было и тех, кто никогда в таком сотрудничестве не был замечен и эмигрантом оказался по иным причинам, в том числе скрываясь от угрожавших им на родине политических репрессий.

Даже краткий перечень некоторых имен данного поколения дает представление о его культурной неоднородности, разнообразии жизненных судеб, причин эмиграции, политических и эстетических взглядов и убеждений.

Иван Елагин (1918–1987 гг.) – сын поэта-футуриста Венедикта Марта, расстрелянного в 1937 г., оказавшийся в оккупированном немцами Киеве, затем перешедший в американскую зону. Дмитрий Кленовский (Д.И. Крачковский; 1893–1976 гг.) – сын академика живописи Иосифа Крачковского), поэт, журналист, «последний царскосел» – по формулировке Нины Берберовой, из оккупированного Крыма вместе с женой-немкой перебравшийся в Австрию, затем в Германию. Попавший в плен, затем в лагерь перемещенных лиц сын гвардейско-

го офицера, поэт и литературовед Леонид Ржевский (Суражевский) (1905–1986 гг.). Игорь Чиннов (1909–1996 гг.), депортированный из Латвии в Германию на принудительные работы, затем служивший в американской армии во Франции, ставший масоном, а в поэтической иерархии некоторыми критиками почитавшийся прямым наследником и преемником Георгия Иванова. Владимир Марков (1920–2013 гг.), историк русской литературы начала века, знаток русского футуризма и исследователь творчества Велимира Хлебникова, также попавший в плен, затем в западную зону оккупации, защитивший диссертацию под руководством Глеба Струве, профессора Калифорнийского университета. Иван Буркин (1919–2011 гг.), поэт, сын раскулаченного мельника, во время войны попавший в плен, оказавшийся в Германии, затем в США.

Это лишь некоторые имена и некоторые судьбы. Для кого-то возвращение на родину было невозможно в силу довоенного прошлого, уже полученных тюремных сроков по политическим статьям, для кого-то – вследствие военных обстоятельств, плена, для кого-то – по причине сотрудничества с оккупационными властями, пусть и гражданского (или не совсем гражданского, как в случае Юрия Иваска и его службой в эстонской полиции).

При такой разнице в судьбах, опыте, убеждениях, конечно, говорить о целостности, каком-то внутреннем единстве представителей второй волны не приходится, она раскололась на множество групп, кружков единомышленников, политических и художественных лагерей, активно полемизировавших на страницах периодики.

Наконец, существует и устойчивое представление о неравнозначности прозаической и поэтической составляющих этого пестрого наследия. По мнению большинства исследователей-филологов, наиболее интересно поэтическое творчество представителей «Ди-Пи литературы».

В обзорах и антологиях, вышедших как на Западе, так и в России, составленных Татьяной Фесенко [Содружество: 562], Валентиной Синкевич и Владимиром Шаталовым [Берега: 290], Вадимом Крейдом [Вернуться в Россию стихами: 688] и Евгением Витковским [Мы жили тогда на планете другой: 383], именно поэзия представлена наиболее полно.

Безусловно, можно и нужно спорить о художественных достоинствах или научной обоснованности различных прозаических текстов этих авторов. Но нельзя не принимать того факта, что именно в прозаических и публицистических выступлениях, научно-публицистических конструкциях, отражающих актуальную полемику, содержатся важнейшие материалы для осмысления феномена «дипийной» литературы, культуры эмиграции второй волны. И именно через них можно попытаться выявить связующие и разделяющие это многообразие смысловые линии и границы.

Все это делает особенно актуальным обращение к наследию немногих «универсальных» авторов этого поколения, представляющих важную, недостаточно изученную составляющую культуры русской эмиграции. Тех, кто объединил в себе научную, художественно-литературную, публицистическую деятельность. Изучение их наследия позволяет приблизиться к пониманию некоторых смысловых и художественных доминант явления в целом. Особенно если эти авторы настойчиво и искренне старались занять максимально объективную позицию в отношении своей родины, российской истории и культуры, оставаясь максимально сдержанными в выражении своих политических симпатий и антипатий.

Такой во многом уникальной фигурой является историк, прозаик, публицист Николай Иванович Ульянов (1904, Санкт-Петербург – 1985, Нью-Хейвен). Биография Н.И. Ульянова достаточно хорошо известна исследователям, подробно представлена в предисловиях к публикациям его произведений в России, памятном сборнике «Отклики», изданном после кончины Ульянова под редакцией Всеволода Сечкарева в Нью-Хейвене в 1986 г. [Отклики: 249], электронных энциклопедиях, новейших биографических исследованиях. Некоторые из них будут цитироваться далее. Поэтому ограничимся напоминанием основных вех его драматической судьбы и творчества.

Выходец из крестьян, родился в Санкт-Петербурге, окончил Петроградский университет, увлекался историей и театром. Учился в аспирантуре по специальности «История народов СССР». Работал в ведущих центрах исторических исследований, преподавал в Архангельске. Затем снова, но уже в Ленинграде, будучи кандидатом исторических наук, является профессором ЛГУ, возглавляет кафедру истории, работал и в других вузах и академических учреждениях. К роковому для него 1935 г. – автор более десятка серьезных научных публикаций, среди которых «Разинщина» (1931, Харьков), «Очерки истории народа коми-зырян» (1932, Ленинград), «Крестьянская война в Московском государстве начала XVII в.» (1935, Ленинград) [Историк Н.И. Ульянов: 407–422].

Публикация в стенгазете с легкой критикой подходов в исторической науке оборачивается уголовным делом и обвинениями в троцкизме³. Приговор по статьям 58-10 и 58-11, 5 лет лагерей, Соловки, затем Норильск. Освобождение 2 июня 1941 г., Ульяновск, окопные работы под Вязьмой, плен, Дорогобужский лагерь, бегство, возвращение по тылам в Ленинградскую область за женой Надеждой Николаевной. Вновь принудительные работы уже в Германии, сварщик на заводе BMW, после войны – лагерь Ди-Пи, Касабланка, вновь сварщик, сотрудничество с эмигрантскими изданиями, в том числе публикация романа «Атосса», начатого еще в Ульяновске.

С 1949 г. Ульянов активно печатается, сначала под псевдонимом Шварц-Омонский. Приглашен к сотрудничеству с антисоветским радио «Освобождение» (с 1959 г. «Радио Свобода»), быстрое разочарование и уход из него через несколько месяцев. В 1953 г. – переезд в Канаду. Затем – США. При содействии Г. Вернадского получает место в Йельском университете, где и преподает в течение 17 лет до выхода на пенсию.

За это время Ульянов опубликовал несколько десятков статей, эссе, рецензий, отзывов в русскоязычных изданиях: «Возрождение» (Париж), «Новый Журнал» (Нью-Йорк), «Русский демократ» (Париж), «Русская мысль» (Париж), газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк), альманах «Воздушные пути» и т. д.

Его перу принадлежат оригинальные исторические эссе и исследования, художественные романы «Атосса» (1950–1951) и «Сириус» (1955–1975), художественная эссеистика. Всегда самостоятельная позиция и яркая полемичность текстов выделяют тексты замечательного историка и литератора [Список печатных трудов Н.И. Ульянова: 65–70].

Интересы Ульянова лежали в нескольких областях – отечественная история, театр, русская литература. Историческая доминанта органично объединяла две другие составляющие.

Оценку историческому творчеству Николая Ульянова дали в разное время известные и авторитетные мыслители: Г. Вернадский [Вернадский: 421–435], С. Зеньковский [Зеньковский: 268–274], М. Карпович [Карпович: 273–284]. Талант историка проявился рано. С.Ф. Платонов предложил тогда еще студенту-выпускнику историко-архивного цикла факультета языкознания и материальной культуры дипломную работу на тему «Влияние иностранного капитала на колонизацию Русского Севера в XVI–XVII вв.». Сохранилась оценка, данная работе Платоновым: «Считаю работу выдающейся»⁴.

В эмигрантский период Ульянов продолжает активно выступать как историк. Отстаивал оригинальную и самостоятельную позицию по многим спорным вопросам прошлого и настоящего. Выступал ярким полемистом и при этом, как правило, избегал присоединения к какому-то идеологическому или политическому лагерю. Многие его исторические, историко-публицистические работы сохраняют большой интерес и сегодня.

Возвращение творчества Ульянова и знакомство с ним широкого круга российских читателей относится к началу 90-х гг. Тогда выходят подготовленные с согласия вдовы, Н.Н. Ульяновой, одним из авторов этой статьи совместно с В. Кошелевым снабженные предисловиями и откомментированные републикации наиболее принципиальных публицистических работ и литературоведческих эссе⁵.

Затем появилось большое количество переизданий произведений автора уже в российских издательствах. Совершенно особое внимание и особый

интерес приобрела в новом историческом контексте работа Ульянова 1966 г. «Происхождение украинского сепаратизма» [Ульянов: 287]. Неоднократно переизданная уже с конца 90-х гг. в российских издательствах, как правило, сопровождалась справедливым комментарием об этой книге как единственном серьезном исследовании наиболее болезненных аспектов истории российско-украинских отношений, сравнивавшемся, конечно не по масштабу, но по актуальности, с трудом А.И. Солженицына «Двести лет вместе» [Аринштейн: 5–19]. В начале XXI века труд Ульянова стал настоящим бестселлером – если не по продажам, то по запросам в поисковиках и цитированию.

Оторванный от важнейших архивных источников, не имевший возможности продолжать исследование в своей первоначальной тематике, Ульянов все же оставался историком по складу ума, по отношению к источникам, логике научного поиска и аргументации своей позиции. Поэтому закономерен интерес к его наследию со стороны историков – как историков литературы, так и специалистов в области истории науки XX века. Деятельность Ульянова-историка рассматривается в работах В.Э. Багдасаряна [Багдасарян: 135–142].

Наследию Ульянова, его трудам посвящены работы доктора исторических наук, профессора Базанова, члена экспертного совета по вопросам российского зарубежья правительства Санкт-Петербурга⁶. Этот же исследователь – автор единственной монографической работы о деятельности Ульянова. Ему принадлежат глубокие источниковедческие исследования жизни и творчества Ульянова, его научных связей, архивных документов. Монография «“Петропольский Тацит” в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова» – уникальный библиографический источник. Здесь описаны свыше 300 публикаций самого историка и писателя, указаны работы, которые были уничтожены при аресте в 1936 г. и статьи, приписываемые ему. Снабжены библиографическим описанием и хронологически систематизированы почти 600 публикаций, касающихся жизни и творчества Ульянова [Базанов: 511].

Постоянный интерес к прошлому, документам, источникам, проявляемый Ульяновым, безусловно, дает основания рассматривать его, прежде всего, как ученого-историка, иногда занимавшегося литературой. Так, по мнению Базанова, «Ульянов как писатель уступает историку и культурологу, но он все-таки хороший писатель, его можно читать с удовольствием»⁷.

С точки же зрения литературоведческой, историко-литературной, художественная и публицистическая деятельность Ульянова имеет самостоятельное и очень большое значение. Сам он полагал, что история и литература – не просто близки, а прочно взаимосвязаны и взаимозависимы. «Из всех научных дисциплин история единственная, создавшая “свой”

роман», – сформулировал он в принципиальной статье 1953 г. «Об историческом романе», впервые опубликованной в «Новом Журнале» [Ульянов: 7].

К сожалению, по интенсивности и полноте исследований литературное наследие Ульянова уступает его историческим работам. Хотя в большинстве случаев между ними существует не просто тематическая, но и идеологическая, философско-историческая связь. Творчество Ульянова рассматривается в обобщающих и обзорных трудах, посвященных «дипийной» литературе. Исследование М.Е. Бабичевой «Писатели второй волны русской эмиграции: библиографические очерки», снабженное обстоятельной библиографией, делает акцент как раз на авторах-прозаиках⁸. В исследованиях Агеносова представлены исследования русского зарубежья конца 90-х гг. [Агеносов: 544]. Ульянов упоминается и в других исследованиях, посвященных этой литературе. Обстоятельный обзор исследований «Ди-Пи литературы» предпринят в рецензии Т.Г. Петровой на книгу Агеносова [Мы жили тогда на планете другой: 383].

Таким образом, литературное наследие Ульянова эпизодически упоминается, включается в перечень литературных реалий «Ди-Пи словесности». Но специальных работ, ему посвященных, остается немного. Среди специальных работ историков литературы, кроме названных публикаций А. Чернова и В. Кошелева, можно назвать подготовленную В.Н. Запеловым биографическую статью об Ульянове для «Биографического словаря русской литературы XX века» [Арефьева: 66–69], статью В.В. Прозорова «Николай Иванович Ульянов – литературовед Русского зарубежья» [Прозоров: 325–330], отдельные публикации в связи с признанными классиками русского зарубежья. Поэтому задача осмысления литературного, публицистического наследия Николая Ульянова в контексте словесности эмиграции второй волны по-прежнему остается актуальной и для понимания специфики творчества самого Ульянова, и для осмысления феномена второй волны эмиграции в историко-литературном спектре в целом.

В рамках данной статьи представляется важным остановиться на одной, ключевой для Ульянова проблеме – осмыслении феномена русской эмиграции, русской культуры «здесь» и «там», преемственности и невосполнимых разрывов, неожиданных параллелей и надуманных репутаций. Логика преемственности великой русской культуры оказывается в центре его исканий.

Эту достаточно нестандартную для послевоенного времени позицию продемонстрировало уже первое публичное выступление Ульянова – речь, произнесенная в День русской культуры в Касабланке 5 августа 1951 г., называлось «Культура и эмиграция» (1951). Символично, что именно представители первой волны оказались среди приглянувших авторскую концепцию.

Как отмечает Базанов, «статья Н.И. Ульянова “Культура и эмиграция” так понравилась писателю Р.Б. Гулю, что он предложил ее издать отдельным тиражом. В письме Р.Б. Гуля М.М. Карповичу от 25 мая 1952 г. дается положительная, порой даже восторженная оценка» [Базанов: 385–386].

Свою позицию в отношении эстетического наследия эмиграции, дореволюционной культуры России и культуры советской Ульянов последовательно высказывает в статьях «После Бунина»⁹ (1954) и «Десять лет»¹⁰ (1958), неоднократно впоследствии перепечатывавшихся и переиздававшихся.

Исследование духовного регресса русской культуры становится другой важной составляющей выступлений Ульянова. При этом корни негативных процессов он видит в гораздо более ранних, чем революция, и гораздо более сложных, глубинных причинах, нежели политика советского государства, процессах.

«Басманный философ» и «Комплекс Филофея» (1956), «Замолчанный Маркс» (1968) и «Забытый Бог» (1967), «Шевченко легендарный» (1961) и «Северный Тальма» (1964)... В этих и многих других ярких выступлениях Н. Ульянова – поиск и обоснование причин революционной катастрофы, которой не сумела избежать ни страна, ни ее культура. Среди причин – и традиционный космополитический вектор элит, и пренебрежение собственной историей, и прямая русофобия, и поклонение ложным кумирам и искусственно созданным репутациям.

Гигантский разрыв между великим культурным континентом серебряного века и культурой советской, с одной стороны, а с другой – эмигрантской был непреодолим для Ульянова. Г. Вернадский, М. Алданов, Р. Гуль, Н. Берберова и другие представители серебряного века для него намного ближе формальных сверстников. Важно то, что и для людей этого поколения, этой культуры Ульянов вскоре оказался своим, несмотря на его советский опыт, казалось бы необходимо разделяющий эти поколения.

Для той части эмиграции второй волны, к которой принадлежал Н.И. Ульянов, объединяющим можно назвать ощущение того, что они стали свидетелями и участниками конца литературы, конца истории, увидевшими «арьергард» русской культуры серебряного века в представителях первой волны.

Сам Ульянов был ярким выразителем такой идентичности («Спуск флага» и др. работы). Позиция между Ходасевичем и Солженицыным, Маяковским и Евтушенко, с одной стороны, определяла устойчивое присутствие ощущения «конца, заката», с другой – выявляла поколенческую миссию. В эссе Ульянова к 80-летию Бориса Зайцева он говорит о писателе как Багратионе русской литературы, гении арьергардных боев, выполняющем ответственнейшую миссию «старейшего русского писателя, когда литература кончается»¹¹.

Эта же функция «арьергарда» уходящей великой культуры ощущается и в понимании Ульяновым всего поколения второй волны, по крайней мере его собственной и близких единомышленников.

Программой в смысле определения поколенческой идентичности становится статья «Шестая печать» (1965), опубликованная впервые в четвертом номере альманаха «Воздушные пути»: «Мы – дети заката. Куда бы ни шли – приходим к концу: в университет – он доживает последние дни, в литературу – литература кончается, даже в Соловки попали в такое время, когда легендарный лагерь превращался в тюрьму. Когда же вихрем занесло на Запад, стало ясно, что и сюда поспели к спуску занавеса» [Ульянов: 132–133].

Эта особая историко-культурная, литературно-критическая позиция Ульянова в полной мере отразилась и в его публицистике, и в художественном творчестве, демонстрирует важную, недостаточно изученную составляющую культуры русской эмиграции. Так же, как в дальнейшем изучении очевидно нуждается вопрос о том, насколько философия истории Ульянова как ученого определила и обосновала эту сложную идеологическую модель культурных циклов, разрывов и непрямого преемственности, на которой базируется публицистическое и литературное творчество автора.

Примечания

¹ Базанов П., Толстой И. Мифы и репутации: Судьба Ди-Пи. URL: <https://www.svoboda.org/a/376063.html> (дата обращения: 23.10.2020).

² Russian emigrant. Russians in Latin America, USA, and Canada: Electronic Immigration Guide book. URL: <http://ru-emigrant.com/dp> (access date: 24.04.2020).

³ Подробнее см. следственное дело Н.Н. Ульянова: Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Ф. арх.-следств. дел. Д. П–71288. Т. 1. 86 л.

⁴ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 66. Л. 106, 111.

⁵ Н.И. Ульянов. Басманый философ / публ., коммент. В. Кошелев, А. Чернов // Вопросы философии. М.: Наука, 1990, № 10; Н.И. Ульянов. Замолчанный Маркс / публ., предисл., коммент. В. Кошелев, А. Чернов. Москва, 1990. № 10; Н.И. Ульянов. Литературные эссе / вступ. ст., публ., коммент. В. Кошелев, А. Чернов // Русская литература: СПб.: Наука, 1991. № 2.

⁶ Базанов П.Н. Н.И. Ульянов / предисл. к статье: Ульянов Н.И. Петровские реформы // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 5. С. 3–4; 16–18.; П.Н. Базанов. К истории взаимоотношений Георгия Вернадского и Николая Ульянова // Вестник СПбГУ. Сер.: История, 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 266–276. Базанов П.Н. Историк Н.И. Ульянов – начало научно исследовательской деятельности // Вестник истории, литературы и искусства / отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2017. С. 407–422; Базанов П.Н. Историк Н.И. Ульянов

и журнал «Возрождение» // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 3 (32). С. 19–25; Интеллигенция в творчестве Н.И. Ульянова // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 1 (30). С. 19–25; Историк Н.И. Ульянов – начало научно-исследовательской деятельности // Вестник истории, литературы и искусства / отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2017. С. 407–422; Историк Н.И. Ульянов – преподаватель Йельского университета // Известия СмолГУ. 2016. № 2 (34). С. 180–188; Русский эмигрант Н.И. Ульянов – сотрудник Института истории АН СССР // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 17–31.

⁷ Базанов П., Соколов М. Николай Ульянов: русский историк в эмиграции. URL: <https://echo.msk.ru/programs/cenarobedy/2446091-echo/> (дата обращения: 24.04.2020).

⁸ Бабичева М.Е. Писатели второй волны русской эмиграции: библиогр. очерки / Рос. гос. б-ка, НИО библиогр. М.: Пашков дом, 2005. С. 267–307.

⁹ После Бунина // НЖ. 1954. № 36. С. 134–156. (Русская послевоенная литература в эмиграции).

¹⁰ Десять лет // НПС. 1958. 14 дек. С. 2; 17 дек. С. 2; 18 дек. С. 2.

¹¹ Литературные эссе / вступ. ст. и сост. В.А. Кошелева и А.В. Чернова // Рус. лит. 1991. № 2. С. 68–103. Содерж.: Памяти М.А. Алданова. С. 71–72; Б.К. Зайцев: (К 80-летию юбилею). С. 73–77; Об одной неудавшейся поэзии. С. 77–82; Литературная слава. С. 82–85; Мистицизм Чехова. С. 86–93; Национализм Толстого. С. 93–103.

Список литературы

Агеносов В.В. Литература Русского зарубежья. М., 1998. 544 с.

Арефьева А.А. Интерпретация культуры «Серебряного века» в эссеистике Н.И. Ульянова: (портрет Б.К. Зайцева) // Русская классика XX в.: пределы интерпретации: сб. материалов науч. конф. / РАН, ИРЛИ (Пушк. Дом); М-во образования Рос. Федерации, Ставропол. гос. пед. ин-т. Ставрополь, 1995. С. 66–69.

Аринштейн Л.М. Чем замечательна книга Ульянова // Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2007. С. 5–19.

Багдасарян В.Э. Николай Иванович Ульянов // Историки России XVIII–XX вв. Вып. 4. М., 1997. С. 135–142. (Архивно-информационный бюллетень. № 16).

Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.

Берега: Стихи поэтов второй эмиграции. Филадельфия, 1992. 290 с.

Вернадский Г.В. Дневники: Отрывки за 1932–1969 гг. // Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 421–435; публ. из Бахметьевского архива б-ки Колумбийского ун-та в Нью-Йорке: «Ящики 103–106: Дневники и записные

книжки Г.В. Вернадского» в ст. В.Н. Козлякова «Обзор коллекции документов Г.В. Вернадского в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке».

Вернуться в Россию стихами: 200 поэтов эмиграции. М., 1995. 688 с.

Забытый бог / Н.И. Ульянов // Н.И. Ульянов. Диптих. Нью-Йорк: изд. автора, 1967. Munchen: I. Baschkirzew. С. 82–87.

Замолчанный Маркс / публ. и предисл. В. Кошелева, А. Чернова. Москва, 1990. № 10. С. 38–150. (Перепечатка из «Скриптов», т. е. без ссылочного аппарата).

Зеньковский С. Верный флагу. Памяти Н.И. Ульянова (1905–1985) // Новый журнал. 1985. № 160. С. 268–274.

Историк Н.И. Ульянов – начало научно исследовательской деятельности // Вестник истории, литературы и искусства / отд.-е ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2017. С. 407–422.

Карпович М.М. Комментарии: 1. Эмиграция и культура. Эмиграция и политика // Новый журнал. 1952. № XXVIII. С. 273–284.

Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века: сб. докум.: Соцэкгиз, 1935. 180 с. (Ист. фак. ЛГУ им. А.С. Бубнова).

Кривоноженко А.Ф., Ростовцев Е.А. Ульянов Николай Иванович // Биографика СПбГУ. URL//https://bioslovhist.spbu.ru/person/108-ulyanov-nikolay-ivanovich.html (дата обращения: 24.04.2020).

Комплекс Филофея // НЖ. 1956. № 45. С. 249–273. (Первый вариант статьи).

Культура и эмиграция // НЖ. 1952. № 28. С. 261–272. (Речь, произнесенная в День Русской культуры в Касабланке 5 авг. 1951 г.).

Мы жили тогда на планете другой...: Антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990. М., 1997. Кн. 4. 383 с.

Отклики: сб. ст.: памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / ред. В.М. Сечкарев. Нью-Хэйвен, 1986. 248 с.

Очерки истории народа коми-зырян / отв. ред. И.М. Троицкий. М., Л.: Партиздат, 1932. 182 с. (На обл.: Очерки истории народа коми).

Петрова Т.Г. Писатели Ди-Пи и второй эмиграции // Русское зарубежье: история и современность. М., 2015. Вып. 4. С. 243–248.

Прозоров В.В. Николай Иванович Ульянов – литературовед русского зарубежья // Литературоведение на пороге XXI в.: материалы междунар. науч. конф. (МГУ, май 1997 г.). М., 1998. С. 325–330.

Разинщина. Харьков: Пролетарий, 1931. 68 с. (Б-чка истории народов СССР / под. ред. М. Мебеля, В. Невского, С. Пионтковского).

Северный Тальма: (К 150-летию взятия русскими Парижа в 1814 г.). Вашингтон: Изд-во кн. Маг. V/ Kamkin, 1964. 32 с.

Сириус. Нью Хэвен: Киннипиак, 1977. 435 с.

Содружество: Из современной поэзии русского зарубежья. Вашингтон, 1966. 562 с.

Список печатных трудов Н.И. Ульянова. Составлен Н.Н. Ульяновой // Отклики: сб. ст. памяти Н.И. Ульянова, под ред. Вс. Сечкарева. Нью-Хэвен, 1986. С. 65–70.

Ульянов Н.И. Атосса: Роман (Поход Дария в Скифию). 2-е изд., посмерт. / [Муравьев П. Предисловие. С. 7–11]. Париж; Нью Хэвен: Альбатрос, 1988. С. 184.

Ульянов Н. «Басманный философ»: (Мысли о Чаадаеве) // Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 162–188.

Ульянов Н.И. Культура и эмиграция // Новый журнал. 1952. № 28. С. 261–272.

Ульянов Н.И. Об историческом романе // Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 7.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. С. 287.

Ульянов Н.И. Шестая печать / Ульянов Н. Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 132–133.

Шевченко легендарный // НРС. 1961. 30 апр. С. 8.

References

Agenosov V.V. *Literatura Russkogo zarubezh'ja* [Literature of Russian abroad]. Moscow, 1998, 544 p. (In Russ.)

Arefeva A.A. *Interpretacija kul'tury «Serebrjanogo veka» v jesseistike N.I. Ul'janova: (portret B.K. Zajceva)* [Interpretation of the culture of the "Silver Age" in the essay of N. I. Ulyanov: (portrait of B.K. Zaitsev)]. *Russkaja klassika XX v.: predely interpretacii: sb. materialov nauch. konf.* [Russian classics of the twentieth century: limits of interpretation: collection of articles. materials scientific. conf.], RAN, IRLI (Pushk. Dom); M-vo obrazovanija Ros. Federacii, Stavropol. gos. ped. in-t. Stavropol', 1995, pp. 66–69. (In Russ.)

Arinshtejn L.M. *Chem zamechatel'na kniga Ul'janova* [What is remarkable about Ulyanov's book]. *Ul'janov N.I. Proishozhdenie ukrainskogo separatizma* [Ulyanov N.I. The origin of Ukrainian separatism]. Moscow, 2007, pp. 5–19. (In Russ.)

Bagdasarjan V.Je. *Nikolaj Ivanovich Ul'janov* [Nikolai Ivanovich Ulyanov]. *Istoriki Rossii XVIII–XX vv.* [Russian historians of XVIII–XX centuries]. Moscow, 1997, issue 4, pp. 135–142. (*Arhivno-informacionnyj bjulleten'. № 16* [Archival and informational newsletter № 16]). (In Russ.)

Bazanov P.N. *«Petropol'skij Tacit» v izgnanii. Zhizn' i tvorcestvo russkogo istorika Nikolaja Ul'janova* [“Petropolitan Tacitus” in exile. The life and work of the Russian historian Nikolai Ulyanov]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2018, 511 p. (In Russ.)

Berega [Coasts]: *Stihi pojetov vtoroj jemigracii* [Poems of poets of the second emigration]. Philadelphia, 1992, 290 p. (In Russ.)

Vernadskij G.V. *Dnevnik: Otryvki za 1932-1969 gg.* [Diaries: Excerpts from 1932-1969]. *Vernadskij G.V. Russkaja istoriografija* [Russian historiography].

- Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 421–435. (*Publ. iz Bahmet'evskogo arhiva b-ki Kolumbijskogo un-ta v N'ju-Jorke: «Jashiki 103-106: Dnevnik i zapisnye knizhki G.V. Vernadskogo» v st. V.N. Kozljakova «Obzor kollekcii dokumentov G.V. Vernadskogo v Bahmet'evskom arhive biblioteki Kolumbijskogo universiteta v N'ju-Jorke»* [From the Bakhmetyevsky archive of the library of Columbia University in New York: “Boxes 103-106: G.V. Diaries and notebooks Vernadsky” in article of V.N. Kozlyakov “Overview of the collection of documents of G.V. Vernadsky in the Bakhmetyevsky archive of the library of Columbia University in New York.”]) (In Russ.)
- Vernut'sja v Rossiju stihami: 200 pojetov jemigracii* [Return to Russia in Poems: 200 Poets of Emigration]. Moscow, 1995, 688 p. (In Russ.)
- Zabytyj bog* [Forgotten god], N.I. Ul'janov. N.I. Ul'janov. *Diptih* [Diptych]. New York, Author Edition Publ., 1967. Munchen, I. Baschkirzew Publ., pp. 82–87. (In Russ.)
- Zamolchannyj Marks* [Silent Marx], publ. and preface. V. Kosheleva, A. Chernova. Moscow, 1990. № 10, pp. 38–150. (*Perepechatka iz «Skriptov», t. e. bez ssylochnogo apparata* [Reprint from the “Scripts”, that is, without a reference device]). (In Russ.)
- Zen'kovskij S. *Vernyj flagu. Pamjati N.I. Ul'janova (1905–1985)* [Faithful to the flag. In memory of N.I. Ulyanov (1905–1985)]. New magazine Publ., 1985, № 160, pp. 268–274/ (In Russ.)
- Istoričeskij N.I. Ul'janov – nachalo nauchno issledovatel'skoj dejatel'nosti* [Historian N.I. Ulyanov – the beginning of scientific and research activity]. *Vestnik istorii, literatury i iskusstva* [Bulletin of history, literature and art], otd-e ist.-filol. nauk RAN. Moscow., Sobranie Publ., The science Publ., 2017, pp. 407–422 (In Russ.)
- Karpovich M.M. *Kommentarii: 1. Jemigracija i kul'tura. Jemigracija i politika* [Comments: 1. Emigration and culture. Emigration and politics]. *New magazine*, 1952, № XXVIII, pp. 273–284. (In Russ.)
- Krest'janskaja vojna v Moskovskom gosudarstve nachala XVII veka: sb. dokum.: Socjkgiz* [Peasant war in the Moscow state of the beginning of the XVII century: Collection of documents: Publisher of Social and Economic Literature], 1935, p. 180. (Ist. Fak. LGU im. A.S. Bubnova [Faculty of History, Leningrad State University named after A.S. Bubnov]). (In Russ.)
- Krivosozhenko A.F., Rostovcev E.A. *Ul'janov Nikolaj Ivanovich* [Ulyanov Nikolay Ivanovich]. *Biografika SPbGU* [Biography of St. Petersburg State University]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/108-ul-yanov-nikolaj-ivanovich.html> (access date: 24.04.2020). (In Russ.)
- Kompleks Filofeja* [Complex Filofeya]. *New magazine*, 1956, № 45, pp. 249–273. *Pervyj variant stat'i* [First version of the article] (In Russ.)
- Kul'tura i jemigracija* [Culture and emigration]. *NZh* [New magazine], 1952, № 28, pp. 261–272. (*Rech', proiznesennaja v Den' Russkoj kul'tury v Kasablance 5 avg. 1951 g.* [Speech delivered on the Day of Russian Culture in Casablanca in August 5, 1951]). (In Russ.)
- My zhili togda na planete drugoj...: Antologija poezii russkogo zarubezh'ja: 1920-1990* [We lived then on a different planet... Anthology of poetry of the Russian abroad: 1920-1990]. Moscow, 1997, vol. 4, 383 p. (In Russ.)
- Otkliki: sb. st.: pamjati Nikolaja Ivanoviča Ul'janova (1904–1985)* [Feedback: Collection of articles: in memory of Nikolai Ivanovich Ulyanov (1904-1985)], ed. by V.M. Sechkarev. New Haven, 1986, 248 p. (In Russ.)
- Očerki istorii naroda komi-zyrjan* [Essays on the history of the Komi-Zyryan people], ed. by I.M. Trockij. Moscow, Leningrad, Political publishing house Publ., 1932, 182 p. (*Na obl.: Očerki istorii naroda komi* [On the cover: Essays on the history of the Komi people]). (In Russ.)
- Petrova T.G. *Pisateli Di-Pi i vtoroj jemigracii* [Writers of D.P. and the second emigration]. *Russkoe zarubezh'e: istorija i sovremennost'* [Russian Diaspora: Past and Present]. Moscow, 2015, vol. 4, pp. 243–248. (In Russ.)
- Prozorov V.V. *Nikolaj Ivanovič Ul'janov – literaturoved russkogo zarubezh'ja* [Nikolai Ivanovich Ulyanov - literary critic of the Russian Diaspora]. *Literaturovedenie na poroge XXI v.: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Literary criticism on the threshold of the XXI century: materials of the international. scientific. conf.] (MGU, maj 1997 g.), Moscow State University, May 1997. Moscow, 1998, pp. 325–330. (In Russ.)
- Razinshhina* [Razinschina]. *Har'kov: Proletarij* [Kharkov: Proletarian], ed. by M. Mebel, V. Nevsky, S. Piontkovskij, 1931, 68 p. (*B-chka istorii narodov SSSR* [Library of the history of the peoples of the USSR]). (In Russ.)
- Severnyj Tal'ma* [North Talma]: (*K 150-letiju vzjatija russkimi Parizha v 1814 g.* [On the 150th anniversary of the Russian capture of Paris in 1814]). Washington, Bookstore Publishing House V / Kamkin Publ., 1964, 32 p. (In Russ.)
- Sirius* [Sirius]. New Haven, Kinnipiak Publ., 1977, 435 p. (In Russ.)
- Sodruzhestvo: Iz sovremennoj poezii russkogo zarubezh'ja* [Commonwealth: From contemporary poetry of the Russian abroad]. Washington, 1966, 562 p. (In Russ.)
- Spisok pechatnyh trudov N.I. Ul'janova. Sostavlen N.N. Ul'janovoj* [List of printed works of N.I. Ulyanov], compiled by N.N. Ulyanova. *Otkliki* [Feedback]: collection of articles in memory of N.I. Ulyanov, ed. by Vsevolod Sechkarev. New Haven, 1986, pp. 65–70. (In Russ.)
- Ul'janov N.I. *Atossa: Roman* [Atossa: Roman] (Pohod Darija v Skifiju) [Campaign of Darius to Scythia], second edition, posthumous, Murav'ev P. Preface. pp. 7–11. Paris, New Haven, Albatross Publ., 1988, 184 p. (In Russ.)

Ul'janov N. «*Basmannyj filosof*» [Basmanny philosopher] (*Mysli o Chaadaeve*) [Thoughts on Chaadayev]. *Diptih* [Diptych]. New York, 1967, pp. 162–188 (In Russ.)

Ul'janov N. I. *Kul'tura i jemigracija* [Culture and emigration]. *Novyj zhurnal* [New magazine], 1952, № 28, pp. 261–272. (In Russ.)

Ul'janov N.I. *Ob istoricheskom romane* [About the historical novel]. *Diptih* [Diptych]. New-York, 1967, p. 7. (In Russ.)

Ul'janov N.I. *Proishozhdenie ukrainskogo separatizma* [The origin of Ukrainian separatism]. New York, 1966, 287 p. (In Russ.)

Ul'janov N.I. *Shestaja pechat'* [The sixth print]. Ul'janov N. *Diptih* [Diptych]. New York, 1967, pp. 132–133. (In Russ.)

Shevchenko legendarnyj [Shevchenko is legendary]. NRS Publ., 1961, 30 April, 8 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.07.2020; одобрена после рецензирования 14.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 27.07.2020; approved after reviewing 14.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 156-160. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 156-160. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-156-160>

А.П. КАРЕПИН – ПЛЕМЯННИК Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ГЕРОЙ ЕГО РОМАНОВ

Мякинченко Мария Александровна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, maria.myakinchenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты взаимоотношений Ф.М. Достоевского с его племянником А.П. Карепиным и их отражение в творчестве писателя. Кратко описываются особенности натуры и характера Карепина, бывшего очень своеобразным и не вполне психически здоровым человеком, который послужил прототипом различных, фактически диаметрально противоположных в духовном плане героев – Трусоцкого из «Вечного мужа» и князя Мышкина из романа «Идиот». В статье делается вывод, что использование разных, подчас противоположных черт личности прототипа при создании образов героев произведений являлось особенностью творческого метода Ф.М. Достоевского. Кроме того, психическая болезнь Карепина и странности в его поведении позволили писателю по-разному додумать и выстроить не только образ героя с теми или иными чертами прототипа, но и отношение окружающего мира к этому персонажу, в свою очередь иллюстрирующему болезни общества.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, А.П. Карепин, племянник, прототип, «Вечный муж», «Идиот», князь Мышкин, творческий метод

Для цитирования: Мякинченко М.А. А.П. Карепин – племянник Ф.М. Достоевского и герой его романов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 27, № 1. С. 156-160. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-27-1-156-160>

Research Article

ALEKSANDR KAREPIN, THE NEPHEW OF FYODOR DOSTOEVSKY AND THE HERO OF HIS NOVELS

Maria A. Myakinchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, maria.myakinchenko@mail.ru

Abstract. The article discusses aspects of the relationship between Fyodor Dostoevsky and his nephew Aleksandr Karepin as well as their reflection in the writer's work. The peculiarities of the nature and character of Aleksandr Karepin are briefly described; he was a very peculiar and not completely mentally healthy person, who served as the prototype for various, in fact, diametrically opposed in spiritual terms heroes – Pavel Trusotsky from “The Eternal Husband” and Prince Myshkin from the novel “The Idiot”. The article concludes that the use of different, sometimes opposite personality traits of the prototype when creating images of the heroes of the works was a feature of the creative method of Fyodor Dostoevsky. In addition, Aleksandr Karepin's mental illness and the oddities in his behaviour allowed the writer to think out in different ways and build not only the image of a hero with certain features of the prototype, but also the attitude of the world around him to this character, which in turn illustrates the diseases of society.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Aleksandr Karepin, nephew, prototype, “The Eternal Husband”, “The Idiot”, Prince Myshkin, creative method

For citation: Myakinchenko M.A. Aleksandr Karepin, the nephew of Fyodor Dostoevsky and the hero of his novels. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 156-160 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-156-160>

«В силу специфики творческого метода Достоевского связь его биографии с глубинным смыслом его произведений очень сильна, и если не принимать во внимание эту связь, наше понимание этих произведений может быть неполным или даже неверным», – отмечал К.А. Степанян [Степанян: 119]. Однако, как уже было отмечено нами при анализе образа сестры писателя В.М. Карепиной, послужившей прототипом подчас противоположных по характеру героинь произведений Достоевского, внешние образы и жизненные ситуации в силу особенностей творческого метода Достоевского никогда не являлись константой, чем-то раз и навсегда завершенным, а свободно «использовались», перерабатывались писателем для решения текущих творческих задач, выражаясь в том числе и в свободном использовании тех подмеченных им черт характера, особенностей личности прототипа, которые требовались ему на данном этапе творческого процесса [Мякинченко].

При этом одни черты прототипа, становясь как бы более «выпуклыми», заслоняли, отодвигали на задний план другие его черты, уже использованные в предыдущих произведениях. Зачастую именно это приводит к разногласию мнений исследователей при оценке того, насколько определенная фигура из окружения писателя могла выступить прототипом того или иного героя.

В предыдущей статье эта особенность творческого метода писателя рассматривалась нами на примере использования Достоевским в художественных произведениях черт В.М. Карепиной-Достоевской, сестры писателя [Мякинченко]. Но наиболее ярким примером того, как один и тот же человек становился прототипом разных, подчас диаметрально противоположных по своему духовному и нравственному облику героев Достоевского, является, пожалуй, реализация писателем в произведениях облика, характера, внутреннего мира его племянника, сына В.М. и П.А. Карепиных, Александра Петровича Карепина.

А.П. Карепин (1841 – после 1871) родился в Москве в семье правителя канцелярии Московского военного генерал-губернатора П.А. Карепина и младшей сестры писателя. Отец Александра умер, когда мальчику было еще только 9 лет, и воспитание полностью перешло в руки матери. Об этом впоследствии писал и брат писателя А.М. Достоевский: «Обладая твердой силой воли и не женскую энергией, молодая вдова сумела не только воспитать своих детей, но и устроить их, почти не обладая никакими средствами и из гордости не прибегая ни к чьей посторонней помощи»¹.

Особенности методы воспитания В.М. Карепиной, видимо, долго еще обсуждались в семье Достоевских. Так, уже поступившего на медицинский факультет Московского университета А.П. Карепина на учебу каждый день сопровождала бонна, а после дожидаясь конца занятий, чтобы прово-

дить домой. А мать, проштудировавшая с сыном весь курс медицинских наук, по его собственным словам, могла запретить ему читать какую-либо из медицинских книг как ненадлежащую. Сколько в этом правды, а сколько фантазии передающих друг другу семейные сплетни родственников, уже неизвестно. Вероятно, что Карепин действительно страдал некоей легкой формой психического недуга, не мешавшего ему, однако, вести полноценный образ жизни – учиться, работать (после университета служил в Павловской больнице в Москве, позже был военным врачом) и даже создать семью.

Склонная к драматизации Л.Ф. Достоевская, дочь писателя, характеризовала Карепина как человека, чья глупость граничит с идиотизмом [Достоевская: 41]. В кругу же московских родственников, близко знавших Александра Петровича, хотя и было принято подсмеиваться над его странностями, но мнения о том, считать ли его «идиотом», расходились.

Так, другой племянник писателя, А.А. Достоевский, писал: «А.П. Карепин, действительно, страдал ненормальностью, для которой в медицине, по всем вероятностям, есть особый термин, но это не была глупость, а тем более не идиотизм. Я лично хорошо помню Александра Петровича, и мы – дети – вместе со старшими подсмеивались над его, так сказать, “недержанием речи”, но о глупости его у нас никто и никогда не говорил» [Волоцкой: 165].

А.А. Достоевский описывает и особенности речи и поведения Карепина, которые вызывали недоумение и подчас насмешки родных: «...до смешного кроткий, покорный и послушный даже в самые зрелые годы своей жизни, – этими своими свойствами он производил на окружающих впечатление человека смешного и с большими странностями». «По каждому случайно затронутому в разговоре предмету Александр Петрович готов был немедленно прочитать целую лекцию, обильно снабженную всевозможными подробностями – датами, статистическими данными, именами, цитатами и т. п. Все это, нужно сказать, отнюдь не выдумывалось им, а приводилось совершенно правильно и точно – обо всем он, оказывается, читал и прекрасно помнил. Такие “лекции” он мог говорить о чем угодно: о литературе, по философии, истории, биологии, медицине, метеорологии и т. п. Часто, не закончив одной темы, он, прицепившись к какому-нибудь случайно услышанному им слову, перескакивал на другую, обычно совершенно не связанную логически с первой темой и здесь так же сыпал различными справками, данными, цитатами и пр. Знал он очень много, но не было ничего синтезирующего, объединяющего все эти знания в одно целое» [Волоцкой: 165].

Как отмечает далее М.В. Волоцкой, «анекдотичны были не только житейские поступки Карепина, но даже иногда и те способы лечения, которые он применял как врач. Так, например, когда один кре-

стьянин порезал себе верхнюю губу серпом, Александр Петрович заклеил ему пластырем не только губу, но и весь рот и строго-настрого запретил ему снимать пластырь, обрекая таким образом своего пациента, если бы тот стал выполнять его предписания, на голодную смерть» [Волоцкой: 166].

Ф.М. Достоевский близко узнал своего племянника летом 1866 г., когда долго гостил в доме своей сестры В.М. Ивановой в Люблине, под Москвой. Познакомиться с ним он мог и ранее, когда навещал свою сестру В.М. Достоевскую-Карепину в Москве.

Летом Карепин был частым посетителем семейства Ивановых на их даче в Люблине. Он сам и его «чудачества» служили предметом шуток Ивановых и их многочисленных гостей, включая и самого Ф.М. Достоевского.

Дочь В.М. Ивановой, Мария Александровна Иванова, вспоминала: «Много веселья вносило присутствие в семье Ивановых племянника Ивановых и Достоевского, молодого доктора, Александра Петровича Карепина. Ему было двадцать шесть лет, он не был женат и отличался многими странностями. Все приключения диккенсовского Пиквика случались с ним. Несмотря на то, что он окончил медицинский факультет и состоял врачом при Павловской больнице, в жизни он был почти идиотом. Он был предметом неистощимых шуток и глумлений для молодой компании Ивановых» [Достоевский в воспоминаниях: 264].

Известны шуточные оды и стихи, сочиненные Ф.М. Достоевским «в честь» Карепина, дачные забавы, которым с упоением предавался писатель вместе с юными племянниками и племянницами, – импровизированные домашние суды над А.П. Карепиным. Вместе они подсмеивались над его странным поведением, его желанием найти себе «идеальную» юную невесту, 16–17 лет, «далекую от всех современных идей о женском равноправии и труде» [Волоцкой: 169] и ненавистью к эмансипированным женщинам.

М.А. Иванова вспоминала: «В то время как раз все зачитывались романом Чернышевского “Что делать?” и Карепина дразнили, предрекая его жене судьбу героини романа. Достоевский заявил ему однажды, что правительство поощряет бегство жен от мужей в Петербург для обучения шитью на швейных машинках и для жен-беглянок организованы особые поезда. Карепин верил, сердился, выходил из себя и готов был чуть ли не драться за будущую невесту» [Волоцкой: 169]. В конце разыгранного Достоевским с племянниками домашнего спектакля, где должен был состояться суд над Карепиным и его женой, которая хочет бежать в Петербург, затем чтобы обучаться шитью на швейной машинке, являлся Достоевский в образе белого медведя и проглатывал изгнанного в ссылку на Северный полюс незадачливого мужа – противника женской эмансипации. «Подобные инсценировки устраива-

лись очень часто, – рассказывала М.А. Иванова. – В другой раз была устроена торжественная процессия, сопровождающая Магомета II – доктора Карепина. Вся молодежь отправилась из Люблина в Кузьминки с боем в медные тазы, со свистками и пр.» [Волоцкой: 170].

Роман «Преступление и наказание» создавался Достоевским как раз в пору его пребывания на даче у Ивановых. Возможно, отголоски разговоров с Карепиным о его будущей невесте отразились в мечтах Лужина о женитьбе: «Давно уже, уже несколько лет, со сластиею мечтал он о женитьбе, но всё прикапливал денег и ждал. Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благой и бедной (непреренно бедной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастий и вполне перед ним приниженной, такой, которая бы всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному. Сколько сцен, сколько сладостных эпизодов создал он в воображении на эту соблазнительную и игривую тему, отдыхая в тиши от дел!» [Достоевский 6: 235].

Достоевский не мог не вспоминать о Карепине и его стремлении найти себе скромную девушку, не попавшую под влияние современных идей об эмансипации женщин, и когда писал диалог между Лужиным и Лебезятниковым о супружестве. В комических высказываниях Лебезятникова снова угадываются мотивы шуток Достоевского и молодых Ивановых над А.П. Карепиным: «Вон у нас обвиняли было Теребьеву (вот что теперь в коммуне), что когда она вышла из семьи и... отдалась, то написала матери и отцу, что не хочет жить среди предрассудков и вступает в гражданский брак, и что будто бы это было слишком грубо, с отцами-то, что можно было бы их пощадить, написать мягче. По-моему, всё это вздор, и совсем не нужно мягче, напротив, напротив, тут-то и протестовать. Вон Варенц семь лет с мужем прожила, двух детей бросила, разом отрезала мужу в письме: “Я сознала, что с вами не могу быть счастлива. Никогда не прошу вам, что вы меня обманывали, скрыв от меня, что существует другое устройство общества, посредством коммун. Я недавно всё это узнала от одного великодушного человека, которому и отдалась, и вместе с ним завожу коммуну. Говорю прямо, потому что считаю бесчестным вас обманывать”» [Достоевский 6: 282].

Многие исследователи полагают, что А.П. Карепин является прототипом Трусоцкого, героя повести Достоевского «Вечный муж»: «В вечном муже мечты Карепина о женитьбе на шестнадцатилетней девушке воспроизведены в эпизоде сватовства Трусоцкого к Наде. Участие Вельчанинова в играх молодежи и “заговор” против Трусоцкого напоминают высмеивание Карепина молодыми Ивановыми во главе с Достоевским» [Достоевский

6: 475]. Сходство Труссоцкого с Карепиным отмечалось и очевидцами люблинских событий.

Достоевский комически вырисовывает Труссоцкого: «Такой человек рождается и развивается единственно для того, чтобы жениться, а женившись, немедленно обратиться в придаточное своей жены, даже и в том случае, если б у него случился и свой собственный, неоспоримый характер. Главный признак такого мужа – известное украшение. Не быть рогоносцем он не может, точно так же как не может солнце не светить; но он об этом не только никогда не знает, но даже и никогда не может узнать по самым законам природы» [Достоевский 9: 27].

Тем не менее, узнав об измене жены с Вельчаниновым и о том, что его дочь на самом деле вовсе не его, а любовника жены, Труссоцкий начинает преследовать Вельчанинова и даже покушается на убийство. Это дает основание исследователям вновь провести параллель с Карепиным, который, рассердившись на Достоевского из-за сочиненного писателем очередного шуточного стихотворения, набросился на него с кулаками и готов был начать драку, так как «душевная кротость» его «сочеталась с большой возбудимостью и раздражительностью» [Волоцкий: 168]. Вельчанинов думает о Труссоцком: «Он ехал, чтоб зарезать меня, а думал, что едет “обняться и заплакать”» [Достоевский 9: 103].

Как уже было отмечено, веселые проказы люблинской молодежи, их шутки над Карепиным также нашли свое отражение в «Вечном муже». Так, взявшегося играть в пословицы с молодежью семейства Захлебниных Труссоцкого берут в игру лишь затем, чтобы потом обвести вокруг пальца, убежать от него («Пусть он там стоит и смотрит на забор, а мы все убежим» [Достоевский 9: 78]) и посмеяться над ним сообщая: «Павла Павловича отвели к самому забору, в угол, и поставили туда лицом, а чтобы он не оглянулся, приставили за ним смотреть рыженькую. Павел Павлович, уже ободрившийся и почти снова развеселившийся, намерен был свято исполнить свой долг и стоял как пень, смотря на забор и не смея обернуться. Рыженькая сторожила его в двадцати шагах позади, ближе к обществу, у беседки, и о чем-то перемигивалась в волнении с девицами; видно было, что и все чего-то ожидали с некоторым даже беспокойством; что-то приготавливалось. Вдруг рыженькая замахала из-за беседки руками. Мигом все вскочили и бросились бежать куда-то сломя голову» [Достоевский 9: 78].

Своими выходками Захлебнины приводят Труссоцкого в ярость, а Вельчанинов объясняет ему, что «оттого вас и дразнят, что вы злитесь, когда всем весело» [Достоевский 9: 78].

Те же черты характера, особенности личности А.П. Карепина, в некотором смысле породившие на свет Труссоцкого, совсем иначе воплотились в другом герое Достоевского – князе Мышкине. Именно П.А. Карепина многие исследователи от-

носят к основным из возможных прототипов главного героя романа Достоевского «Идиот» [Белов]. Так, В.В. Борисова делает подобный вывод на основании того, что «модальность его (А.П. Карепина. – М. М.) фигуры не столько сатирическая, сколько трагикомическая» [Борисова: 198].

Непохожесть князя на других, «резкое расхождение с общепринятыми нормами в общении и поведении», «детскость героя и комичность его облика и поведения», инфантильность дают основания исследователям соотносить Мышкина именно с А.П. Карепиным [Батталова]. Именно так «воспринимался и оценивался в своем кругу А.П. Карепин», вокруг которого на даче Ивановых, как и вокруг князя на даче Лебедева в Павловске, «образовалась целая компания гостей-насмешников», – считает А.Н. Батталова [Батталова].

«Смешной» – постоянный эпитет Мышкина. Аглая пишет записку Мышкину и наставляет его никому этой записки не показывать. «Хоть мне и совестно писать вам такое наставление, но я рассудила, что Вы того стоите, и написала, – краснея за ваш смешной характер», – заканчивает она [Достоевский 8: 299]. Ту же характеристику дают ему Ганя Иволгин и княгиня Белоконская: «...это человек решительно добрый, хотя и... смешной» [Достоевский 8: 398], «...человек ты добрый, да смешной» [Достоевский 8: 456].

Да и сам князь считает себя смешным: «Я, может быть, смешно очень выразился и был сам смешон...», – говорит он о себе Настасье Филипповне [Достоевский 8: 142]. Даже увлечение Карепина Дон-Кихотом, вплоть до намерения выучить испанский язык, чтобы читать Сервантеса в подлиннике, сближает его образ с образом князя-рыцаря Мышкина.

Таким образом, мы вновь встречаемся с ситуацией, когда один и тот же человек из числа знакомых писателя послужил прототипом совершенно разных по своему духовному облику героев. Шут Труссоцкий, почти перерождающийся от злости в классического героя из числа «бесов» Достоевского, и благородный, по-детски невинный, «юродивый» Лев Мышкин – оба могут быть соотнесены с доктором Карепиным.

Творческий гений Достоевского, его особенное восприятие врожденной двойственности человеческой личности, ее, используя термин Бахтина, «полифонизма», способность «слышать» разные тональности одной человеческой души позволяли писателю создавать разнополюсных героев, имеющих между тем один и тот же прототип.

Примечания

¹ Московский листок. 22 января 1893. № 22.

Список литературы

Батталова А.Н. Образ князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: проблема реаль-

но-исторических прототипов: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 170 с.

Борисова В.В. Александр Петрович Карепин как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. 500 лет роду Достоевского: межвуз. сб. науч. трудов. М.; Иркутск, 2008. Вып. 18. С. 227–248.

Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 576 с.

Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского. Москва: Север. 1933. 442 с.

Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 244 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского / под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридендера. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1. 530 с.

Мякинченко М.А. В.М. Карепина (Достоевская) – сестра и героиня романов Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 113–119. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119>

Степанян К.А. Биография автора как источник комментария к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119–142.

Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: Серия литературных мемуаров. М.: Худ. лит., 1964. Т. 1. 439 с.

References

Battalova A.N. *Obraz kniazia Myshkina v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot": problema real'no-istoricheskikh prototipov*: dis. ... kand. filol. nauk [The image of Prince Myshkin in the novel by F.M. Dostoevsky's "The Idiot": the problem of real-historical prototypes PhD thesis]. Ekaterinburg, 2013, 170 p. (In Russ.).

Borisova V.V. *Aleksandr Petrovich Karepin kak prototip kniazia Myshkina* [Alexander Petrovich Karepin as a prototype of Prince Myshkin]. *Tri veka russkoj literatury. Aktual'nye aspekty izucheniia. 500 let rodu Dostoevskogo. Mezhevuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Three centuries of Russian literature. Actual aspects of the study. 500th anniversary of the Dostoevsky family. Interuniversity collection of

scientific papers]. Moscow, Irkutsk, 2008, issue 18, pp. 227–248. (In Russ.).

Belov S.V. *F.M. Dostoevskii i ego okruzenie: Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary "F.M. Dostoevsky and his entourage"]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, vol. 1, 576 p. (In Russ.).

Volotskoi M.V. *Khronika roda Dostoevskogo* [Chronicle of the Dostoevsky family]. Moscow, Sever Publ., 1933, 442 p. (In Russ.).

Dostoevskaja L.F. *Dostoevskii v izobrazhenii svoei docheri* [Dostoevsky in the image of his daughter]. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1992, 244 p. (In Russ.).

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.).

Letopis' zhizni i tvorcestva F.M. Dostoevskogo [Chronicle of the life and work of F.M. Dostoevsky], ed by N.F. Budanova, G.M. Friedlander. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1, 530 p. (In Russ.).

Miakinchenko M.A. *V.M. Karepina (Dostoevskaja) – sestra i geroinia romanov F.M. Dostoevskogo* [Varvara Karepina, née Dostoevskaya – sister and heroine of Fyodor Dostoevsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 4, pp. 113–119. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119> (In Russ.).

Stepanian K.A. *Biografiia avtora kak istochnik kommentariia k romanu F.M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy"* [The author's biography as a source of commentary on F.M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura* [Dostoevsky and world culture], 2018, № 3, pp. 119–142. (In Russ.).

F.M. Dostoevskii v vospominaniakh sovremennikov: Seriya literaturnykh memuarov [F.M. Dostoevsky in the memoirs of his contemporaries. A series of literary memoirs]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1964, vol. 1, 439 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.12.2020; одобрена после рецензирования 18.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 17.12.2020; approved after reviewing 18.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

ПСИХОАНАЛИТИКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В. О «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Горностаева Светлана Андреевна, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, uspenskaya_83@mail.ru

Аннотация. В статье представлены взгляды представителей психоанализа начала XX в. на жизнь и творчество Ф.М. Достоевского и, в частности, его роман «Преступление и наказание». Рассмотрены работы таких известных психоаналитиков и последователей психоанализа как А. Адлер, И. Нейфельд, З. Фрейд и Э. Фромм. В статье «Достоевский» Адлер, отмечая противоречивость характеров героев, указывает на общее для них направление движения в сторону обретения внутреннего покоя, в чем в свою очередь, проявляется сходство с натурой самого писателя. Особое внимание исследователя привлекает тема границ дозволенного и недозволенного в творчестве Достоевского. Нейфельд в работе «Достоевский» указывает, что в основе художественного изображения в творчестве Достоевского лежит эмоциональный опыт самого писателя, склад личности которого психоаналитик оценивает как истерический, что оказывается характерным и для его персонажей. Также исследователь отмечает, повышенное внимание писателя к категории бессознательного и выделяет ряд особенностей, характерных для поэтики Достоевского. В известной работе «Достоевский и отцеубийство» Фрейд указывает на влияние «бессознательных импульсов» в творчестве русского классика, на структуру и особенности сюжетных линий в произведениях. Основатель неопсихоанализа Фромм также обращает внимание на категорию бессознательного, однако в большей степени склонен интерпретировать поведение героев с учетом социальных и мировоззренческих факторов. В статье делается вывод, что в целом исследования психоаналитиков позволили переосмыслить особенности творчества Достоевского и романа «Преступление и наказание».

Ключевые слова: психоанализ, «Преступление и Наказание», Ф.М. Достоевский, А. Адлер, И. Нейфельд, З. Фрейд, Э. Фромм, бессознательное, характер

Для цитирования: Горностаева С.А. Психоаналитики первой четверти XX в. о «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 161-165. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-161-165>

Research Article

PSYCHOANALYSTS OF THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY ABOUT “CRIME AND PUNISHMENT” BY FYODOR DOSTOEVSKY

Svetlana A. Gornostaeva, Moscow City University, Moscow, Russia, uspenskaya_83@mail.ru

Abstract. The article examines the judgements of representatives of psychoanalysis of the early 20th century on the life and work of Fyodor Dostoevsky and, in particular, his novel «Crime and Punishment». The works of such famous psychoanalysts and followers of psychoanalysis as Alfred Adler, Jolan Neufeld, Sigmund Freud and Erich Seligmann Fromm are analysed. In the article «Dostoevsky» Adler, noting the contradictory nature of the characters, points to the general direction of movement for them towards finding inner peace, which, in turn, reveals a similarity with the nature of the writer himself. The researcher’s particular attention is drawn to the theme of the boundaries of what is permitted and what is not permitted in Dostoevsky’s work. Neufeld in his work «Dostoevsky» indicates that the basis of artistic depiction in the work of Dostoevsky is the emotional experience of the writer himself, whose personality makeup the psychoanalyst assesses as hysterical, which, in turn, turns out to be characteristic of his heroes. The researcher also notes the writer’s increased attention to the category of the unconscious and highlights a number of features characteristic of Dostoevsky’s poetics. In the well-known work of Freud «Dostoevsky and Parricide», the influence of «unconscious impulses» in the work of the Russian classic on the structure and peculiarities of plot lines in his works is indicated. The founder of neopsychoanalysis, Fromm, also draws attention to the category of the unconscious, but he is more inclined to interpret the behaviour of the heroes taking into account social and worldview factors. On the whole, the considered studies of psychoanalysts laid the foundations for a close study of the features of psychologism in Dostoevsky’s work.

Keywords: psychoanalysis, “Crime and Punishment, Fyodor Dostoevsky, Alfred Adler, Jolan Neufeld, Sigmund Freud, Erich Seligmann Fromm, unconscious, character

For citation: Gornostaeva S.A. Psychoanalysts of the first quarter of the 20th century about “Crime and Punishment” by Fyodor Dostoevsky. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 161-165 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-161-165>

Психоаналитики считали, что открытым ими метод применим «всюду, где приходится иметь дело с индивидуальной и даже коллективной личностью и ее творчеством» [Нейфельд: 7], что явилось стимулом для обращения к анализу психологии писателей и персонажей их произведений. Изображение глубин человеческой психики в произведениях Ф.М. Достоевского привлекало внимание как материал, на примере которого можно было продемонстрировать теорию психоанализа и его возможности.

В первой четверти XX в. были переведены на русский язык работы А. Адлера (1918), И. Нейфельда (1925), З. Фрейда (1928), Э. Фромма (1946). В тот же период появились работы и российских медиков. Многие взгляды психоаналитиков на личность самого Достоевского и истолкование переживаний и поступков его персонажей востребованы и учитываются литературоведами, философами, социологами, психиатрами, криминалистами [Бачинин; Кантор; Кошечко; Лейбин]. Однако до сих пор они остаются не систематизированными. Систематизация интерпретаций романа «Преступление и наказание» в работах европейских психоаналитиков является задачей данной статьи.

Одна из первых работ психоаналитиков – статья А. Адлера «Достоевский» (1918). Психиатр обращает внимание на противоречивость характеров героев романов «пятикнижия»: Раскольникова, Мышкина, Карамазовых. Разрешить душевный конфликт и успокоить их может только обнаружение «истины»: «Кто таит и вынужден преодолевать в себе такие противоречия, тому необходимо докапываться до самых корней, чтобы обрести в себе состояние покоя» [Адлер: 202]. Таким образом, общее направление внутреннего движения, душевной борьбы и изображенных в романах конфликтных ситуаций состоит в том, чтобы герои могли обрести покой. То, что в художественном мире романов Достоевского обозначено как поиск истины, по мнению Адлера, по сути является стремлением персонажей к душевному покою. В этом отношении характеры героев сходны с характером самого писателя, его натуры, «стремившейся через заблуждение прийти к истине» [Адлер: 209].

Внимание ученого привлекает в художественном мире Достоевского передача ощущения границ дозволенного, которые нельзя переступать. Приближаясь вплотную к границам морального и безнравственного, герои ощущают тревогу, волнение, беспокойство, как, например, Раскольников, который за минуты до совершения преступления «ощущает, как бешено колотится его сердце. В этом сердцебиении говорит логика человеческой жизни, выражается тонкое чувство границ, присущее Достоевскому» [Адлер: 206]. Адлер показывает диалектику художественного изображения, выявляя двойственность образа, в котором переплетаются плотоядное, хищное и духовное, жертвенное.

Пристальное внимание к движениям души и смене эмоций дает ученому возможность прийти к неожиданному выводу, по-новому освещающему вопрос о «маленьком человеке» Достоевского. Адлер делает тонкое замечание о том, что «не индивидуалистический героизм толкает персонажей переступать через линии любви к ближнему, а наоборот, человек перестает быть незначительным, чтобы умереть в плодотворном героизме» [Адлер: 206]. «Маленькие» люди – герои произведений Достоевского – имеют особое свойство «разрастаться до гигантских размеров, пока не достигнут тех границ общечеловеческого героизма, к которым их хочет подвести Достоевский» [Адлер: 206]. Эта трактовка диаметрально расходится с традиционным литературоведческим пониманием типа маленького человека в творчестве Достоевского, главная особенность которого (по сравнению с образами маленьких людей его литературных предшественников) выражалась в особой гордыне и болезненном самолюбии.

В своей работе австрийский психолог и психиатр наметил ряд направлений, которые явились основой для последующих литературоведческих исследований. Так, методологически значимыми стало его замечание о значении смеха для изображения характера, о «возможности лучше узнать человека из его смеха». Обратим внимание, что эта мысль перекликается с аналогичной в романе «Подросток» Достоевского: «Если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он смеется» [Достоевский: 285]. О «человеке смеющемся» как особой форме познания характера в произведениях классика писал В.Е. Хализев: «В своих крупнейших произведениях Достоевский тщательно воспроизводил смех своих героев, выявляя и подчеркивая его сюжетную и смысловую роль» [Хализев: 333]. Эта тема развита в работе Г.И. Романовой, рассматривающей изображение внешности Раскольникова «и как портрет, и как поведенческую реакцию» [Романова: 80].

Методологически плодотворным стало замечание психолога о значимости сновидений в произведениях Достоевского и о понимании человека, которое «совпадает с самыми современными достижениями индивидуальной психологии» [Адлер: 213]. Выявление содержательной роли сновидений в произведениях Достоевского (и позднейших авторов) как особого художественного приема с тех пор стало важнейшей частью литературоведческого анализа.

И. Нейфельд в работе «Достоевский» (1923) с помощью психоаналитического подхода пытался найти разгадку жизни и творчества писателя. Он исходил из того, что в основе художественного изображения находится эмоциональный опыт самого писателя, его характер. Так как эмоциональный склад писателя невротический, истерический («на-

ходим у него целую массу» «истерических симптомов, корнящихся тоже в комплексе Эдипа» [Нейфельд: 22]), то тем же качеством, как считает психоаналитик, наделены его персонажи. В доказательство приводится тот факт, что слово «истерия» использует для самохарактеристики герой «Записок из подполья». Особенно важным для читателей Достоевского является пояснение психиатра о том, что, хотя герои Достоевского – невротики, но, «как показал Фрейд, невроз не имеет какого-либо специфического содержания; невротики больны теми же комплексами, которые определяют психику и здорового человека. Фрейдовские механизмы легко узнать в образах Достоевского» [Нейфельд: 96]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что вопрос, которым задавались критики – современники писателя, здоров или болен психически Раскольников, не принципиален для понимания философского, нравственно-этического смысла романа. Напомним, что Д.И. Писарев, Н.Н. Страхов, Н.Д. Ахшарумов, Н.К. Михайловский и другие критики – современники Достоевского – ставили в прямую зависимость решение вопроса о ценности художественного изображения в романе с душевным здоровьем его главного героя. Так, Писарев, одним из первых написавший рецензию на вышедший роман, завершал статью утверждением: «Тут можно сказать только, что человек ошалел от страха и дошел до какого-то сомнамбулизма, во время которого он и ходит, и говорит, и как будто даже думает. Существует ли такое психическое состояние и верно ли оно изображено в романе Достоевского, – об этом пусть рассуждают медики, если эти вопросы покажутся им достойными внимательного изучения» [Писарев: 244].

Не менее важным представляется суждение Нейфельда о возможностях анализа той области психики, которая определена как бессознательное. Разгадать загадку характера писателя и его героев помогает концепция З. Фрейда о бессознательном и уверенности в том, что «всякий имеет в своем бессознательном инструмент, при помощи которого он проникает в бессознательное другого...» [Нейфельд: 21]. С одной стороны, так оригинально объяснялся психологизм изображения человека в творчестве писателя, который провозглашается психоаналитиком: «Достоевский изображает душевную жизнь своих героев, как будто он задолго до Фрейда открыл психоанализ, так сказать, для своего частного пользования. ... В своих работах вместе с Юнгом Фрейд полагает, что всякий, кто знает о бессознательном и вытеснении, заслуживает имени психоаналитика», – писал Нейфельд [Нейфельд: 87]. Это касается изображения активного формирования идей как бы скрытно от рассудка, сознания героев. С другой стороны, и читатели получают право на субъективность прочтения романов Достоевского. «Достоевский знал, что интенсивно действующая связь мыслей

долгое время существует в душе скрытно от сознания» [Нейфельд: 88].

Буквальное применение психоанализа в некоторых случаях дает результаты, которые в настоящее время принять трудно, а то и невозможно. Наряду с ними некоторые суждения Нейфельда представляются пронизательными и недооцененными. В первую очередь, те из них, которые связаны с интерпретацией отдельных эпизодов из романа «Преступление и наказание». Например, объяснение поступков Мармеладова, который демонстрирует «амбивалентное отношение к деньгам» [Нейфельд: 67], т. е. добивается их путем просьб и унижения, а затем сразу проматывает. Отношение к деньгам психоаналитики рассматривают как личностное, внутреннее качество, а не результат внешних условий. Мотовство, растрата предстают как осуществление внутренних комплексов.

Одним из первых западноевропейских интерпретаторов произведений Достоевского, Нейфельд отметил такие «говорящие» особенности его поэтики, как очень редкие описания природы [Нейфельд: 70], а также тот факт, что «герои Достоевского никогда не едят» [Нейфельд: 69]. Как и Адлер, проявляя пронизательное понимание роли сна в раскрытии бессознательного, Нейфельд только оценивает эту черту [Нейфельд: 92], приводя в пример сон Раскольникова накануне совершения преступления [Нейфельд: 93]. Отмечено, что наряду со снами, предшествующими событиям, сновидения у Достоевского имеют «регрессивный характер» [Нейфельд: 93–94]. Писатель с точки зрения психоаналитика «правильно пользовался символикой снов» [Нейфельд: 94], а также, несколько опережая науку, постиг тенденцию сновидений – «спасаться от тяжестей жизни в детстве» [Нейфельд: 94]. Стоит отметить, что на подобные особенности творчества Достоевского обращали внимание и отечественные исследователи. В частности, В. Мережковский отмечал психологизм великого классика и его умение изобразить «тонкие, почти неуловимые, психологические переходы», а также проявления подсознательного, в частности видений, призраков, кошмаров, галлюцинаций, снов, бреда» [Горностаева: 32]

Работа З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство» написана как предисловие к роману «Братья Карамазовы» в 1926 г. и является во многом обобщением тех размышлений о творчестве русского писателя, которые звучали на заседаниях Венского психоаналитического общества и были выражены в работах его учеников (А. Адлера, И. Нейфельда и др.). Главным предметом обсуждения, как следует из заголовка статьи, стала «очевидная связь между отцеубийством в “Братьях Карамазовых” и судьбой отца Достоевского» [Фрейд 1995: 288]. Однако здесь также звучат основные положения психоаналитической концепции вообще, затронуты особенности художественного творчества Достоевского,

относимые и к роману «Преступление и наказание». Хотя Фрейд и признает, что «перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие» [Фрейд 1995: 285], однако он касается и вопросов поэтики. Именно этот аспект его статьи представляется наиболее значимым для интерпретации романов Достоевского в литературоведении.

Фрейдом развита мысль о «бессознательных импульсах» в творчестве Достоевского, которые во многом определили даже формальные аспекты его произведений – структуру и особенности сюжетных линий. Выбор сюжетов Достоевским Фрейд рассматривает не в русле литературной традиции жанра детектива, а видит его мотивировку в характере личности, склонной к преступлению. Персонажи Достоевского – насильники, убийцы, вредители, поджигатели, провокаторы и т.д. – деструктивные элементы. Раскольников также обладает подобной деструктивной устремленностью, в его характере присутствуют такие садистические склонности, как раздражительность и нетерпимость, в том числе по отношению к близким людям.

Автор работы «О сновидении» (1901) развивает важную часть своей концепции, связанной с анализом снов, преследующих человека, а также объясняет их смысл: «Наши ночные продукции сновидений представляют собой, с одной стороны, самое большое внешнее сходство и внутреннее сродство с симптомами душевной болезни, с другой стороны, вполне совместимы с нашей здоровой бодроственной жизнью» [Фрейд 1912].

Эти идеи развиты последователями психоаналитика: «Сны и видения Раскольникова, а также Ивана Карамазова, несут в себе именно этот вытесненный в бессознательное голос совести, которого они боятся» [Лесевичкий]. Таким образом, Фрейдом было предложено еще одно истолкование значения снов Раскольникова.

В свете психоанализа представляется особенно важным суждение Фрейда о такой особенности произведений Достоевского, как симпатия к преступнику. «Симпатия Достоевского к преступнику действительно безгранична, она далеко выходит за пределы сострадания, на которое несчастный имеет право, она напоминает благоговение, с которым в древности относились к эпилептику и душевнобольному. Преступник для него – почти спаситель, взявший на себя вину, которую в другом случае несли бы другие» [Фрейд 1995: 96]. Как известно, именно изображение внешности Раскольникова, пронизанное явной авторской симпатией, а также перечень тех добрых дел, которые были совершены героем «Преступления и наказания» задолго до преступления, ставилось в вину Достоевскому официальной критикой советского периода (например, в книге В. Ермилова «Писатель Ф.М. Достоевский», 1956).

К теории страдания и покаяния Фрейд относился скептически, рассматривал ее как негативную национальную черту: «Кто же попеременно то

грешит, то, раскаиваясь, ставит себе высокие нравственные цели, – того легко упрекнуть в том, что он слишком удобно для себя строит свою жизнь. Он не исполняет основного принципа нравственности – необходимости отречения, в то время как нравственный образ жизни – в практических интересах всего человечества. ... эта сделка с совестью характерная русская черта» [Фрейд: 285].

На это отвечают современные исследователи, корректируя мысль психоаналитика: «Покаяние есть компенсаторный эффект самосознания личности и данный вид психотерапии характерен не только для русской нации, но и для других народов» [Лесевичкий].

Идеи психоаналитиков первой четверти XX в. были развиты в трудах их последователей, в частности, основателя неопсихоанализа, неотрейдизма Э. Фромма. Он развил такие суждения о творчестве Достоевского, известные по работам Фрейда, как открытие несоответствия между подсознательными желаниями и рациональными мотивами, отдавая приоритет бессознательному. Однако в целом акцент в его объяснениях основных мотивов поведения героев Достоевского был уже перенесен на социальные факторы, на религиозное мировоззрение: «С развитием “новой науки” религия в ее традиционных формах становилась все менее эффективной, в результате возникла опасность утраты ценностей, которые в Европе закрепились в рамках теизма. Эту опасность Достоевский выразил в своем известном утверждении: “Если Бога нет, то все позволено” ... Предсказание Достоевского о том, что все этические ценности рухнули бы, если бы прекратилась вера в Бога, оправдалось лишь отчасти» [Фромм], так как с развитием человечества проявилась сильнейшая склонность к иным гуманистическим ценностям.

Таким образом, в работах психоаналитиков первой четверти XX в. было дано толкование личности и творчества писателя, которое, несмотря на явный уклон в сферу анализа психических состояний, оказалось значимым в науке о Достоевском. Психоаналитическая трактовка способствовала более пристальному вниманию к внутренним, подсознательным импульсам поступков героев «Преступления и наказания».

Список литературы

Адлер А. Достоевский // Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 202–214.

Бачинин В.А. Фрейд и/или Достоевский: мировоззренческий выбор криминологического сознания // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 2 (15). С. 19–22.

Горностаева С.А., Романова Г.И. Д.С. Мережковский о психологии и психологизме в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник МГПУ. Сер. «Фило-

логия. Теория языка. Языковое образование». 2020. № 3. С. 27–34.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 456 с.

Кантор В.К. Фрейд versus Достоевский // «Судить божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. М.: РОССПЕН, 2010. 422 с.

Косичко А.Н. Психофизиологические особенности личности как основа формирования экзистенциального мирообраза в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4 (16). С. 93–110.

Лейбин В.М. Психоаналитическая традиция и современность. М.: Когито-Центр, 2012. 560 с.

Лесевицкий А.В. Психоаналитические интерпретации экзистенциальных смыслов жизни героев произведений Ф.М. Достоевского // Политика, государство и право. 2013. № 9. URL: <http://politika.snauka.ru/2013/09/960> (дата обращения: 11.09.2020).

Нейфельд И. Достоевский. Л.; М.: «Петроград-Москва», 1925. 96 с.

Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 3. Л.: Худ. лит., 1981. 360 с.

Романова Г.И. Портрет смеющегося человека в романе «Преступление и наказание» Достоевского // Литература в школе. 2007. № 5. С. 9–11.

Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Художник и фантазирование. М.: Республика. 1995. С. 285–294.

Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. М., 1912. URL: <https://freudproject.ru/?p=1166> (дата обращения: 20.11.2020)

Фромм Э. Психодуховное обновление // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с. URL: <https://fil.wikireading.ru/91869> (дата обращения: 16.11.2020).

Хализев В.Е. Человек смеющийся // Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. С. 301–355.

References

Adler A. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Adler A. *Praktika i teoriia individual'noi psikhologii: Lektsii po vvedeniuiu v psikhoterapiiu dlia vrachei, psikhologov i uchitelei* [Practice and theory of individual psychology: Lectures on introduction to psychotherapy for doctors, psychologists and teachers]. Moscow, Institute of psychotherapy Publ., 2002, pp. 202–214. (In Russ.)

Bachinin V.A. *Freid i/ili Dostoevskii: mirovovzrencheskii vybor kriminologicheskogo soznaniia* [Freud and/or Dostoevsky: the worldview choice of criminological consciousness]. *Kriminologiya: vchera, segodnia, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2008, № 2 (15), pp. 19–22. (In Russ.)

Gornostaeva S.A., Romanova G.I. *D.S. Merezhkovskii o psikhologii i psikhologizme v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Merezhkovsky about psychology and psychology in Dostoevsky's works]. *Vestnik MGPU* [Messenger of Moscow city pedagogical University], 2020, № 3, pp. 27–34. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: V 30 t. T. 13. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 456 p. (In Russ.)

Kantor V.K. *Freid versus Dostoevskii* [Freud versus Dostoevsky]. “*Sudit' bozh'iu tvar'*”. *Prorocheskii pafos Dostoevskogo* [“Judging God's creature”. Dostoevsky's prophetic pathos]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 422 p. (In Russ.)

Koshechko A.N. *Psikhoфизиологические особенности личности как основа формирования экзистенциального мирообраза в творчестве Ф.М. Достоевского* [Psychophysiological features of personality as the basis for the formation of an existential world image in the works Of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Messenger of Tomsk State University]. 2011. № 4 (16). pp. 93–110. (In Russ.)

Leibin V. *Psikhoanaliticheskaia traditsiia i sovremennost'* [Psychoanalytic tradition and modernity]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2012. 560 p. (In Russ.)

Lesevitskii A.V. *Psikhoanaliticheskie interpretatsii ekzistentsial'nykh smyslov zhizni geroev proizvedenii F.M. Dostoevskogo* [Psychoanalytic interpretations of existential meanings of the life of the heroes of F.M. Dostoevsky's works]. *Politika, gosudarstvo i pravo* [Politics, state and law]. 2013. № 9. URL: <http://politika.snauka.ru/2013/09/960> (access date: 11.09.2020). (In Russ.)

Neifel'd I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Leningrad; Moscow, Petrograd-Moskva Publ., 1925. 96 p. (In Russ.)

Pisarev D.I. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]: v 3 t. T. 3. Leningrad: Khudozh. lit. Publ., 1981. 360 p. (In Russ.)

Romanova G.I. *Portret smeishchegosia cheloveka v romane “Prestuplenie i nakazanie” Dostoevskogo* [Portrait of a laughing man in the novel “Crime and Punishment” by Dostoevsky]. *Literatura v shkole* [literature at school]. 2007. № 5. pp. 9–11. (In Russ.)

Freid Z. *Dostoevskii i ottseubiistvo* [Dostoevsky and parricide]. *Khudozhnik i fantazirovanie* [Artist and fantasy]. Moscow, Respublika Publ., 1995. pp. 285–294. (In Russ.)

Freid Z. *O psikhoanalize. Piat' lektsii* [On psychoanalysis. Five lectures]. Moscow, 1912. URL: <https://freudproject.ru/?p=1166>. php (access date: 20.11.2020) (In Russ.)

Fromm E. *Psikhodukhovnoe obnovenie*. Fromm E. *Psikhoanaliz i etika*. Moscow, Respublika Publ., 1993. 415 p. URL: <https://fil.wikireading.ru/91869> (access date: 16.11.2020). (In Russ.)

Khalizev V.E. *Chelovek smeishchiisia* [Laughing man]. Khalizev V.E. *Tsennostnye orientatsii russkoi klassiki* [Khalizev V.E. Value orientations of the Russian classics]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. pp. 301–355. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 14.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 166–171. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 166–171. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821.161.1.09«19»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-166-171>

РАННИЕ ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА: ДИАЛОГ С И.С. ТУРГЕНЕВЫМ

Бигильдинская Ольга Викторовна, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, bigolga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4212-5544>

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о влиянии поэтики произведений И.С. Тургенева на особенности ранней драматургии А.П. Чехова – студенческой пьесы «Безотцовщина» (1880–1881 гг.), «Иванов» (редакция 1888–1889 гг.) и «Леший» (1888–1889 гг.), подробно изучается степень знакомства Чехова с корпусом драматургических текстов Тургенева. Выявлено единство хронотопа дворянского гнезда, отдаленные сюжетные сходства (корыстные мотивировки поступков), тематический мотив самоосуждения героев. Показано, что в пьесах Чехова действуют типологически близкие Тургеневу персонажи (лишний человек, Гамлет, Дон-Кихот, «тургеневская девушка», приживал), а также встречаются такие элементы поэтики тургеневской драматургии, как монологичность, прием перебоя, микросюжеты. Статья обращает внимание не на прямые заимствования, а на преемственность и развитие Чеховым драматургической традиции, утвердившейся в работах Тургенева. А также на природу чеховского творчества, ориентированно-го на диалог с тургеневским наследием.

Ключевые слова: Чехов, Тургенев, драматургия, поэтика, влияние, образы, темы, мотивы

Для цитирования: Бигильдинская О.В. Ранние пьесы А.П. Чехова: диалог с И.С. Тургеневым // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 166–171. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-166-171>

Research Article

EARLY PLAYS BY ANTON CHEKHOV: A DIALOGUE WITH IVAN TURGENEV

Olga V. Bigildinskaya, Moscow City University, Moscow, Russia, bigolga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4212-5544>

Abstract. This article tells about the influence of the poetics of Ivan Turgenev's works on the features of early Anton Chekhov's drama – the student play "Platonov" (1880–1881), "Ivanov" (edited in 1888–1889) and "The Wood Demon" (1888–1889). The author studies in detail the degree of Chekhov's familiarity with the body of Turgenev's dramatic texts. The author reveals the unity of the chronotope of the noble nest, distant plot similarities (self-serving motivations of actions), and the thematic motif of self-condemnation of the characters. It is shown that in Chekhov's plays there are characters typologically close to Turgenev (Superfluous Man, Hamlet, Don Quixote, "Turgenev's girl", sponger), and there are also such elements of the poetics of Turgenev's drama as monologue, the reception of interruptions, micro-plots. The article draws attention to the fact that Chekhov was the successor of the dramatic tradition established in Turgenev's work, and developed, rather than making direct borrowings. Thus was the nature of Chekhov's creative work, focused on a dialogue with the Turgenev heritage.

Keywords: Anton Chekhov, Ivan Turgenev, drama, poetics, influence, images, themes, motifs

For citation: Bigildinskaya O.V. Early plays by Anton Chekhov: a dialogue with Ivan Turgenev. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 166–171 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-166-171>

К моменту написания первой чеховской пьесы «Безотцовщина» в 1880–1881 гг. все драматургические произведения и романы И.С. Тургенева уже были созданы и могли быть прочитаны А.П. Чеховым. Упоминания имени классика, ссылки на его произведения встречаются в его письмах к братьям. Так, в письме к Михаилу в апреле 1879 г. он советует «братьям прочесть <...> “Дон-Кихот и Гамлет” Тургенева» [Чехов 1974–1983, 1: 29] – статью о двух типах характеров, уживающихся в каждом человеке, а следовательно, и в каждом литературном герое. В марте 1886 г. в письме Николаю он наставительно рекомендует «...разбей графин с водкой и ложись читать... Хотя бы Тургенева, которого ты не читал» [Чехов 1974–1983, 1: 225]. Можно привести множество выдержек из писем и записных книжек Чехова, говорящих о том, что произведения Тургенева не просто входили в круг чтения Чехова, но прочитывались им внимательно, анализировались, беспристрастно оценивались, прочно входя в культурное поле молодого писателя. Это подтверждают и многочисленные последующие отсылки к Тургеневу в его произведениях.

Интересно выяснить, с какими пьесами Тургенева Чехов был знаком наверняка. Первой в переписке упоминается комедия «Холостяк». В одном из писем сентября 1886 г. Чехов просит Ф.О. Шехтеля «быть сегодня у Корша», упоминая, что и сам планирует быть на спектакле: «Дается “Холостяк” Тургенева, где, по словам Корша, Давыдов выше критики» [Чехов 1974–1983, 1: 258]. А спустя несколько дней напишет Н.А. Лейкину, что «сидит дома» и «изредка ходит смотреть Давыдова» [Чехов 1974–1983, 1: 259]. Интересно отметить, что в этот период В.Н. Давыдов, покинувший Александринский театр, играл в Москве Авакова в «Вечере в Сорренте» и Мошкина в «Холостяке». Можно предположить, что «Вечер в Сорренте» Чехов также смотрел, так как особенно интересовался игрой Давыдова, которому предназначал главную роль в пьесе «Иванов».

Упоминания о других тургеневских пьесах в письмах Чехова – более позднего периода. В январе 1903 г. он пишет О.Л. Книппер-Чеховой о том, что получил от Вл.И. Немировича-Данченко список пьес, которые собирается поставить МХТ, в том числе и «Месяц в деревне», мнение о которой будет неоднократно менять, в этот раз называя ее «хорошей, литературной пьесой» [Чехов 1974–1983, 11: 111]. А уже в марте 1903 г. напишет супруге, что прочитал почти все тургеневские пьесы, что «Месяц в деревне» ему не понравился, что «Нахлебник» «сделан недурно» и что «Провинциалку» «придется посократить» [Чехов 1974–1983, 11: 184]. И днем позже упомянет в письме Ольге Леонардовне тургеневскую комедию «Где тонко, там и рвется». Но мы не можем исключать, что Чехов был знаком с ними и раньше, тем более что

в первых его пьесах прочитываются явные параллели с этими тургеневскими пьесами.

При этом он возражал против прямых заимствований. В 1895 г. он пишет брату Александру: «Для ропшущего попа (в финале) придумай иные выражения, а то ты повторяешь Базарова-отца» [Чехов 1974–1983, 6: 16]. Да и к любым сравнениям относился отрицательно. В 1899 г. в письме В.И. Немировичу-Данченко он возмущается статьей «Русских ведомостей», автор которой причисляет героев его пьес – Войницкого, Астрова и Тригорина – «семье Обломовых», и считает это «высасыванием из пальца» [Чехов 1974–1983, 8: 319]. К счастью, критика, на протяжении всей жизни А.П. Чехова сопоставлявшая его с И.С. Тургеневым, не «рассорила» писателей. Известно, что интерес к Тургеневу не оставлял Чехова на протяжении всей его литературной деятельности.

Тургеневские реминисценции в чеховском творчестве исследовались и ранее в работах А.И. Батюто [Батюто: 850–856, 859–889], З.С. Паперного [Паперный 1987: 127–136], Е.В. Тюховой [Тюхова 2005; Тюхова 2004], В.И. Сахарова [Сахаров], Г.А. Григорян [Григорян] и др. Однако эти авторы касались в основном прозаических произведений Чехова и главных его пьес. Выявление конкретных литературных сходжений и отсылок к текстам Тургенева в ранних пьесах Чехова является задачей данной работы. Материалом исследования стали первая студенческая пьеса «Безотцовщина» (1880–1881 гг.), «Иванов» (редакция 1888 г.) и «Леший» (1888–1889 гг.).

Прежде всего в поэтике первых пьес Чехова обращает на себя внимание характерная им *монологичность*, присущая и драматургии Тургенева. Позже Чехов станет писать более кратко, основная мысль будет разбросана по пьесе штрихами и собираться в одно целое при рассмотрении издалека – как на картинах импрессионистов, недаром Чехова называют импрессионистом в литературе. Но пока писатель не отказывается от монологов героев: Платонова в «Безотцовщине», Иванова в «Иванове» и др.

Интересно отметить наличие *микросюжета* в структуре пьес обоих драматургов. З.С. Паперный пишет, что «микросюжет, как в фокусе, собирает то, о чем говорит большой сюжет» [Паперный 1982: 44]. Так, в поздней редакции пьесы «Иванов» Николай Иванов рассказывает, как его рабочий «хотел похвастать перед девками своею силой, взвалил себе на спину два мешка ржи и надорвался» [Чехов 1974–1982, 12: 52]. Этот рассказ проецируется на судьбу самого Иванова, который, как и рабочий Семен, взвалил на себя непосильную ношу: «Гимназия, университет, потом хозяйство, школы, проекты... <...> Все это, Паша, мои мешки» [Чехов 1974–1982, 12: 52] – и тоже надорвался. В пьесе «Месяц в деревне» Тургенева рассказ Натальи Петровны Ислаевой о том, как в детстве она

боялась своего раздражительного и строго отца, что даже самые нежные его ласки не могли изгладить в ней первые впечатления ее молодости [Тургенев 3: 62], «цементирует» основной сюжет, объясняя ее робость и внешнюю холодность, а также тоску по нежности и любви, которую она искала в приезде студенте Беляеве.

Говоря о поэтике, выделим в пьесе Тургенева прием, который традиционно приписывается чеховским пьесам. З.С. Паперный называет это приемом «перебоя» – наложение реплики на другую с переносным смыслом [Паперный 1982: 20]. Вот этот прием в «Безотцовщине» Чехова:

«Софья Егоровна (*бледная, с помятой прической*). Не могу! Это уж слишком, выше сил моих! (*Хватает себя за грудь.*) Гибель моя или... Счастье! Душно здесь!.. Он или погубит, или... вестник новой жизни! Приветствую, благословляю... тебя, новая жизнь! Решено!

Голос Войницова (*кричит*). Берегись! Фейерверк». [Чехов 1974–1982, 11: 90].

А вот он у Тургенева в комедии «Где тонко, там и рвется» (где в объяснение Веры и Горского вторгаются голоса Мухина и М-II Bienaimé, играющих в этот момент в бильярд и не участвующих в их разговоре):

«Вера. Послушайте... Мы, вероятно, в последний раз говорим об этом... Вы умный человек, а ошиблись во мне грубо. Поверьте, я не ставила вас au pied du mur¹, как выражается ваш приятель monsieur Мухин, я не налагала на вас испытания, а искала правды и простоты, я не требовала, чтобы вы прыгнули с колокольни, и вместо этого...

Мухин (*громко*). J' ai gagné².

М-IIe Bienaimé. Eh bien! la revanche³.

Вера. Я не дала играть собою – вот все... Во мне, поверьте, горечи нет...

Горский. Поздравляю вас... Великодушные приличествует победителю». [Тургенев 2: 116].

Вопрос, был ли знаком Чехов с пьесой «Где тонко, там и рвется» до написания своей первой студенческой пьесы «Безотцовщина», остается до сих пор неизученным. Достоверно известно лишь то, что текст к тому времени был неоднократно опубликован (в частности, в № 11 журнала «Современник» за 1848 г., в собраниях сочинений И.С. Тургенева в 1869 г. и 1880 г.) и вполне мог быть прочитан Чеховым.

Очевидны *мотивные и образные переклички* в произведениях обоих авторов. Письменное суждение о том, что «Нахлебник» «сделан недурно» высказано Чеховым только в 1903 г. в письме О.Л. Книппер-Чеховой, однако отголоски «Нахлебника» есть уже в чеховском «Иванове», где впервые появляется разоренный граф Матвей Семенович Шабельский, вынужденный жить за чужой счет («Кто я? Что я? Был богат, свободен, немного счастлив, а теперь... нахлебник, приживалка, обезличенный шут» [Чехов 1974–1982, 12:

14]). Интересно, что «нахлебник» Тургенева Кузовкин награжден той же характеристикой шута: «Полноте-с, говорят... Я вам не шут дался <...>. Вы извольте себе другого шута сыскать» [Тургенев 2: 153]. В целом *образ приживала*, вынужденного доживать свою жизнь за счет других людей – близких или не очень – прослеживается практически во всей чеховской драматургии и явно интересует писателя. Чехов выводит приживала в «Лешем» (Егор Петрович Войницкий), «Дяде Ване» (Иван Петрович Войницкий) и, наконец, в «Трех сестрах», где живущий в доме Прозоровых и забывающий вот уже восемь месяцев заплатить за квартиру Иван Романович Чебутыкин, по версии некоторых исследователей, скрывает, что он настоящий отец одной из «трех сестер» – Ирины (в то время как Кузовкин, оказавшийся настоящим отцом владелицы имения Ольги Петровны Елецкой – раскрывает свою тайну, вокруг которой и построен сюжет).

К творчеству Тургенева отсылает *образ «дворянского гнезда»*, ярко представленный в чеховских пьесах, действие которых происходит в дворянских усадьбах. В «Нахлебнике» Павел Николаевич Елецкий приезжает в имение и с удовольствием берет управление им в свои руки [Тургенев 2: 135], в «Месяце в деревне» Аркадий Сергеевич Ислаев все время проводит в заботе о хозяйстве, занят строительством: он «рожден быть хозяином – и больше ничем» [Тургенев 3: 60]. В первых же пьесах Чехова появляется мотив разорения дворянских имений, а иногда и сами они становятся символом беды. Имение вдовы Войницевой («Безотцовщина») покупает богатый еврей Венгеревич – за долги. Иванов («Иванов») – банкрот, постоянно должен денег, ему нечем платить рабочим, нечем заплатить проценты по векселю: «...где взять? Научи: где? Остается одно: ждать осени, когда я хлеб продам» [Чехов 1974–1982, 12: 50]. В пике бездеятельному Иванову предприимчивый управляющий Боркин предлагает довольно беспринципный план спасения имения: купить полосу земли на противоположном берегу реки, объявить о строительстве запруды, а потом собирать деньги с тех, кто живет вниз по реке и кому плотина не выгодна. «Проект» не находит у Иванова понимания, и он просит Боркина держать свои фокусы при себе: «Ваши подлые проекты <...> сделали меня в глазах людей бесчестным человеком!» [Чехов 1974–1982, 12: 60]. Отставной профессор Серебряков («Леший») – желает продать имение, принадлежащее его дочери, чтобы обратить доход в процентные бумаги [Чехов 1974–1982, 12: 173] и тем самым разрушить жизнь «дворянского гнезда», которое в свое время выкупил из долгов и расстроил брат его первой жены Егор Войницкий (будущий «дядя Ваня»). Людям грядущего нового времени (все в первых пьесах Чехова движется к его главной пьесе, «Вишневному саду»), и ее кульминационному событию – вырубке сада и продаже его под дачи)

не жаль этого пережитка прошлого, «дворянское гнездо» не уживается с их представлениями о счастье. Так образ «дворянского гнезда» в «Иванове» даже трансформируется в «совиное гнездо», переключаясь и посягая на одну из мифологем русской литературы: «Ну, объясните, растолкуйте мне, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это совиное гнездо? Зачем вы здесь?» [Чехов 1974–1982, 12: 21]. В итоге в этом «гнезде» погибают главные герои и «Иванова» (Анна Петровна, Иванов), и «Лешего» (Войницкий).

Одной из основных, незаменимых составляющих «дворянского гнезда» является *сад*, в котором происходит большое количество событий тургеневских пьес. У Чехова *сад* не утрачивает своей роли – там по прежнему происходит масса событий, но уже более знаковых и трагичных по своей природе (разговор Платонова с Софьей Егоровной, разбивающий ее последующую жизнь, страшное признание Иванова Львову о его охлаждении к умирающей жене Анюте и др.). Сад у Чехова становится не просто местом действия, а символом уходящей жизни, но судьба его окончательно проявится в «Вишневом саде» – последней пьесе, созданной в 1903 г.

Еще одна из мифологем классического наследия – «тургеневская девушка» – обнаружена исследователями и в творчестве Чехова. Г.М. Ребель в своей работе «Чеховские вариации на тему “тургеневской девушки”» отмечает такие характеристики тургеневских героинь, попадающих под это определение: «чужие в своих семьях, живущие сложной и напряженной внутренней жизнью, томимые ожиданием любви, жаждущие самореализации, способные на неординарный, социально дерзкий поступок, чистые, самоотверженные» [Ребель: 146]. Несмотря на цитату Чехова из письма Суворину в феврале 1893 г. о том, что все светские барыни у Тургенева «похожи одна на другую» и «все женщины и девицы Тургенева невыносимы своей деланностью и, простите, фальшью» [Чехов 1974–1983, 5: 174], вряд ли можно утверждать вслед за автором исследования, что «Чехов “тургеневскую девушку” не любил» [Ребель: 147]. Скорее, это были претензии к языку, ведь «женские отрицательные типы <...> нарисованы замечательно и удались ему до такой степени, что, как говорится, комар носа не подточит» [Чехов 1974–1983, 5: 174–175]. Эту версию о несовершенстве языка частично подтверждает продолжение письма о том, что у Тургенева хороши описания природы, но от такого рода описаний мы отвыкаем и уже «нужно что-то другое» [Чехов 1974–1983, 5: 175]. Вероятно, именно поэтому мы все-таки можем проследить в героинях чеховских пьес след «нелюбимой» «тургеневской девушки»: написанной другим языком и другими красками, но передающих ту же суть. Вслед за Е.В. Тюховой,

составляющей с типом «тургеневской девушки» Ирину из «Трех сестер» и Аню из «Вишневого сада», впишем в этот «тургеневский» список Анюту–Сарру из «Иванова», бросившую родителей, переменявшую веру ради Иванова и угасающую «под тяжестью своих жертв»; а также «возвышенную девицу» Сашу, кинувшуюся спасать Иванова и страстно полюбившую эту свою задачу, свою деятельную, но и мученическую любовь: «Он хороший, несчастный, непонятый человек, я буду его любить, пойму, поставлю его на ноги. Я исполню свою задачу. Решено!» [Чехов 1974–1982, 12: 67]. То, что во втором варианте пьесы, предназначенном для Александринского театра, в роль Саши «были внесены черты тургеневской девушки» отмечает и В.Б. Катаев в книге «Литературные связи Чехова» [Катаев: 136].

Завершая тему любовных отношений, можно наблюдать интересное совпадение в «Иванове» и «Месяце в деревне». Это *мотив сватовства не ради счастья будущей семьи, а ради выгоды сватов*. Так, у Тургенева доктор Шпигельский выступает посредником между стареющим помещиком Большинцовым и Натальей Петровной Ислаевой, святая воспитанница Ислаевой Верочку за Большинцова. Признание Шпигельского Ракитину раскрывает его жестокий мотив: «У меня пристыжная на ноги села, так вот он мне обещал... целую тройку» [Тургенев 3: 92]. В «Иванове» же Боркин сватает молодую богатую вдову Бабакину за обедневшего графа Шабельского, указывая ей – вдове купца – на завидный титул. Сам же надеется на посреднические проценты: приживал Шабельский, получив хорошенькое наследство жены, мог бы решить денежные затруднения Иванова и спасти имя.

Не менее важны и возможные отсылки к *образу лишнего человека*, впервые воплощенному в творчестве Тургенева. Таким героем – «лишним человеком в тургеневском вкусе» – режиссер Александринского театра Ф.А. Федоров-Юрковский (получивший пьесу для бенефиса) считал Иванова. А актеры А.С. Суворин и М.Г. Савина – и во все подделом. Давая по этому поводу в конце декабря 1888 г. развернутый комментарий в письме А.С. Суворину, Чехов сетует: «Если вы трое так поняли меня, то это значит, что мой “Иванов” никуда не годится» [Чехов 1974–1983, 3: 109]. И далее объясняет главную катастрофу Иванова, причисляя его не к лишним, а к «надломленным», утомленным, не понимающим себя: «Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью» [Чехов 1974–1983, 3: 111]. Стало быть, Чехов не продолжает тему лишнего человека, а выводит совсем иного героя – не отторгая его как неудобного и не вписавшегося во время, а жалея и пытаясь объяснить его, «суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и своим “Ивановым” положить предел этим писаниям» [Чехов 1974–1983, 3: 132].

Проводя параллели с Тургеневым, возникает еще один соблазн – причислить Иванова к *Гамлету* в тургеневской (а не шекспировской, как отмечает ряд литературоведов) интерпретации, представленной в статье «Гамлет и Дон-Кихот» [Тургенев 8: 171–192]. Тем более что параллели напрашиваются сами собой: описанные Тургеневым эгоизм, презрение к самому себе, самокритика и самоуничтожение, одиночество и занятость только собою – присущи Иванову. Обманывается и Саша:

«Иванов. <...> ты воображаешь, что обрела во мне второго Гамлета, а, по-моему, эта моя психопатия <...> может служить хорошим материалом только для смеха и больше ничего!» [Чехов 1974–1982, 12: 58].

К тому же вся эта его «психопатия» – дело временное: «Поиграл я Гамлета, а ты возвышенную девицу – и будет с нас» [Чехов 1974–1982, 12: 70]. Более того, говорит Иванов и о том, что и роль *Дон-Кихота* он примерял, и тоже не пришлась она ему в пору:

«Иванов. <...> Был я молодым, горячим, искренним, неглупым; любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за десятерых, сражался с мельницами, бился лбом об стены; не соразмерив своих сил, <...> взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы» [Чехов 1974–1982, 12: 74].

Стало быть, Иванов – совершенно новый выведенный Чеховым тип усталого человека, который «погиб безвозвратно» [Чехов 1974–1982, 12: 71]. И тип этот, вероятно, выведен в полемике со статьей Тургенева, утверждая, что, теряя ориентиры и не находя себя в образах Гамлета или Дон-Кихота, человек безвозвратно погибает.

Еще одна переключка между пьесами «Иванов» и «Месяц в деревне» – *мотив самоосуждения* главных героев. Точно так же, как Иванов осуждает и казнит себя в пьесе (и в переносном, и самом прямом смысле, застреливаясь), Наталья Петровна «сбрасывает с себя личину» и винится перед Верой и Беляевым за обман, надеясь, что теперь перестала быть в их глазах «притеснительным, скрытным и хитрым существом» [Тургенев 3: 132].

Обобщая вышесказанное, отметим, что в ранних пьесах Чехова прослеживаются очевидные отсылки к мотивам, образам и элементам поэтики не только известных эпических и публицистических произведений Тургенева, но и пьес писателя: «Нахлебник», «Месяц в деревне», «Где тонко, там и рвется». Это позволяет сделать вывод о преемственности и творческом развитии Чеховым драматургической традиции, утвердившейся в работах Тургенева. А также о диалогичной природе чеховского творчества, ориентированного на диалог с тургеневским наследием.

Примечания

¹ к стенке (*франц.*).

² Я выиграл. (*франц.*)

³ Ну что ж! Реванш. (*франц.*)

Список литературы

Батюто А.И. Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова. Статья первая // Батюто А.И. Избранные труды. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 830–858.

Батюто А.И. Тургенев и русская литература от Чернышевского до Чехова. Статья вторая // Батюто А.И. Избранные труды. СПб.: Нестор-История, 2004 С. 859–889.

Григорян Г.А. А.П. Чехов – читатель и критик И.С. Тургенева: дис. ... канд. фил. наук. М., 2019. 207 с.

Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М.: МГУ, 1989. 261 с.

Паперный З.С. «Вопреки всем правилам...». Пьесы и водевили Чехова. М.: Искусство, 1982. 285 с.

Паперный З.С. Творчество Тургенева в восприятии Чехова // И.С. Тургенев в современном мире: сб. ст. / отв. ред. С.Е. Шаталов. М.: Наука, 1987. С. 127–135.

Ребель Г.М. Чеховские вариации на тему «тургеневской девушки» // Русская литература. 2012. № 2. С. 144–170.

Сахаров В.И. Высота взгляда (Тургенев и Чехов) // Сахаров В.И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 197–215.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960–1968.

Тюхова Е.В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи // Спасский вестник. 2005. № 12. С. 158–165.

Тюхова Е.В. Тургеневские цитаты и реминисценции в пьесах Чехова // Спасский вестник. 2004. № 11. С. 141–153.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982.

References

Batyuto A.I. *Turgenev i russkaya literature: ot Chernyshevskogo do Chexova. Statya pervaya* [Turgenev and Russian literature from Chernyshevsky to Chekhov. Article one]. *Batyuto A.I. Izbrannyye Trudy* [Batuta A.I. Selected works.]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004, pp. 830–858. (In Russ.)

Batyuto A.I. *Turgenev i russkaya literature: ot Chernyshevskogo do Chexova. Statya vtoraya* [Turgenev and Russian literature from Chernyshevsky to Chekhov. Article two]. *Batyuto A.I. Izbrannyye Trudy* [Batuta A.I. Selected works.]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004, pp. 859–889. (In Russ.)

Grigoryan G.A. *A.P. Chexov – chitatel' i kritik I.S. Turgeneva: dis. ... kand. fil. Nauk* [A.P. Chekhov

is reader and critic of I.S. Turgenev: PhD thesis]. Moscow, 2019, 207 p. (In Russ.)

Kataev V.B. *Literaturnye svyazi Chexova* [Chekhov's literary connections]. Moscow, MGU Publ., 1989, 261 p. (In Russ.)

Paperny Z.S. "Vopreki vsem pravilam...". *P'esy I vodevili Chexova* ["Contrary to all the rules...". Chekhov's plays and vaudevilles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, 285 p. (In Russ.)

Paperny Z.S. *Tvorchestvo Turgeneva v vospriyatii Chexova* [Turgenev's creativity in Chekhov's perception]. *I.S. Turgenev v sovremennom mire* [I.S. Turgenev in the modern world]: sb. st., otv. red. S.E. Shatalov. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 127–135. (In Russ.)

Rebel' G.M. *Chexovskie variacii na temu "turgenevskoj devushki"* [Chekhov's variations on the theme of "Turgenev's girl"]. *Russkaya literatura* [Russian literature]. 2012, № 2, pp. 144–170. (In Russ.)

Saxarov V.I. *Vysota vzglyada (Turgenev i Chexov)* [Height of view (Turgenev and Chekhov)]. *Saxarov V.I. Russkaya proza XVIII–XIX vekov. Problemy istorii i poe'tiki* [Sakharov V.I. Russian prose of the XVIII–XIX centuries. Problems of history and poetics.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, pp. 197–215. (In Russ.)

Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t.* [Complete works and letters: in 28 vols. Essays: in 15 vols.]. Moscow;

Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1960–1968. (In Russ.)

Tyuxova E.V. *Turgenev I Chexov: preemstvennye I tipologicheskie svyasi* [Turgenev and Chekhov: a typological continuity and communication]. *Spasskij vestnik* [Spassky Vestnik], 2005, № 12, pp. 158–165. (In Russ.)

Tyuxova E.V. *Turgenevskie citaty i reminiscencii v p'esax Chexova* [Turgenev quotes and reminiscences in Chekhov's plays]. *Spasskij vestnik* [Spassky Vestnik], 2004, № 11, pp. 141–153. (In Russ.)

Chexov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russ.)

Chexov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Essays: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1982. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 07.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В ПРОГРАММНОЙ РАБОТЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА «ВИЗАНТИЗМ И СЛАВЯНСТВО»

Осипова Елена Аркадьевна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, osipovv@rambler.ru

Аннотация. В статье последовательно исследуется программная работа К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство», затрагивающая тему зарубежных славян и славянского единства. Мнение мыслителя о славянском мире отражено в контексте всего многообразия проблем и вопросов, объединенных славянской темой. Автор статьи приходит к выводу, что ключевую роль в восприятии Леонтьевым славян играла степень его приверженности «византизму» как важному охранительному началу, способному воспрепятствовать утрате Россией и другими православными славянами собственной духовной и национальной идентичности. Большое внимание Леонтьев уделял болгарам в связи с византийско-болгарской церковной распрей, невольно проецируя свойственное ему критическое отношение к ним также и на других южных славян, и даже на славянство в целом. В связи с этим общие выводы философа о вопросах славянского единства достаточно пессимистичны, однако отдельные его высказывания и наблюдения над некоторыми явлениями славянской жизни, в частности сербов, весьма точны, хотя и не влияют на его концепцию о взаимоотношении России с зарубежными славянами. Её общий смысл заключался в необходимости поддерживать «искусное тяготение на почтительном расстоянии». В статье кратко прослежена эволюция восприятия темы славянского единства русскими мыслителями, писателями и публицистами в XIX веке.

Ключевые слова: славянский мир, славянофилы, ученые-слависты, панславизм, младобуржуазность

Для цитирования: Осипова Е.А. Зарубежные славяне в программной работе К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 172-178. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-172-178>

Research Article

NON-RUSSIAN SLAVS IN THE PROGRAMME WORK “BYZANTINISM & SLAVDOM” BY KONSTANTIN LEONTIEV

Elena A. Osipova, Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, osipovv@rambler.ru

Abstract. The article examines the programme work “Byzantinism & Slavdom” (1831–1891) by Konstantin Leontiev in the context of his other works that touch on the topic of non-Russian Slavs and Slavic unity. The thinker’s view of the Slavic world is reflected in the context of the variety of problems and issues united by the Slavic theme. The author of the article concludes that what played a key role in Konstantin Leontiev’s perception of the Slavs was the extent of his commitment to “Byzantinism” as an important preservative capable of preventing Russia and other Orthodox Slavs from losing their own spiritual and national identity. Much attention was paid to the Bulgarians in connection with the Byzantine-Bulgarian church strife by Konstantin Leontiev, who unwittingly projected his critical attitude towards them onto other southern Slavs just as well, if not on the Slavs as a whole; that was characteristic of him. Therefore, the philosopher’s general conclusions about Slavic unity were rather pessimistic; however his individual statements and observations about certain phenomena in Slavic life, notably the Serbian ones, were quite accurate, though they did not affect his conception of Russia’s relationship to the other Slavs. The general sense of this conception was the need to maintain a “skillful affection at a respectful distance”. The evolution of the perception of the Slavic unity theme by Russian thinkers, writers and publicists in the 19th century is briefly traced in the article.

Keywords: Slavic world, Slavophiles, Slavist scientists, pan-Slavism, young bourgeoisie

For citation: Osipova J.A. Non-Russian Slavs in the programme work “Byzantinism & Slavdom” by Konstantin Leontiev. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 172-178 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-172-178>

Вопросы единства и многообразия славянского мира, его тесные исторические, культурные и духовные взаимосвязи с Россией начинают активно изучаться отечественными учеными, писателями и публицистами примерно с 30-х гг. XIX века. Видное место в этом ряду занимает известный русский консервативный мыслитель, дипломат, писатель и публицист второй половины XIX века К.Н. Леонтьев (1831–1891), в своих сочинениях большое внимание уделявший положению дел в славянстве. Показательно, что современники нередко характеризовали мыслителя с точки зрения его отношения к славянскому вопросу. При этом диапазон этих оценок мог быть достаточно широким, вплоть до совершенно не сходных друг с другом. Так, например, философ С.Н. Трубецкой называл Леонтьева «разочарованным славянофилом» [Трубецкой: 123–159], а П.Н. Милюков определял его взгляды не иначе как «разложение славянофильства» [Милюков: 21–34], в то время как мыслитель и общественный деятель Л.А. Тихомиров, напротив, считал автора «Византизма и славянства» продолжателем дела И.В. Киреевского и А.С. Хомякова [Тихомиров: 1090].

Основанием для столь разных мнений служат идеи самого Леонтьева, высказываемые им в его письмах, публицистических произведениях и других сочинениях. К слову, себя мыслитель называл «славянофилом на свой салтык»: несмотря на многочисленные критические высказывания в адрес зарубежных славян, он глубоко переживал за их судьбу. По его мнению, это сопереживание давало ему сугубое моральное право быть к ним зачастую весьма суровым, и особенно к славянам православным: «Если они нам очень близки, если они нам братья, мы должны относиться к ним как к самим себе, с прямотой и откровенностью». Критика доброжелательности не исключает» [Леонтьев 2000б: 448], – утверждал мыслитель.

Синонимом славянства (зачастую рассматриваемого на фоне греческой истории и культуры) у него служат выражения «греко-славянский мир», «Восточно-Православный мир» [Леонтьев 2000б: 448], «христианский Юго-Восток», а также – «Христианский Восток» [Леонтьев 2000б: 449] и даже «Восток» [Леонтьев 2000б: 457], – отчасти благодаря Восточному вопросу, чрезвычайно актуальному в ту пору и бывшему по своей сути вопросом славянским. Эта тема была одной из ключевых в наследии Леонтьева и тесно сопрягалась с его изысканиями о цивилизационном пути развития России и остальной Европы. Подобные основополагающие для отечественного самосознания вопросы широко и подробно освещались предшественником Леонтьева Н.Я. Данилевским. В начале – середине XX века размышления о кризисе европейской культуры и роли славянского мира в мировой истории получили развитие в работах ряда западноевропейских мыслителей (О. Шпен-

глера, А. Тойнби, Й. Хейзинга и др.), хотя и восходили к иной философской традиции.

Взгляды Леонтьева на славянство отчасти пересекались с воззрениями Ф.М. Достоевского, о чем упоминает, в частности, Л.А. Тихомиров в своей работе «Русские идеалы и К.Н. Леонтьев» [Тихомиров: 1086–1103]. Достоевскому, в равной мере как и Леонтьеву, была небезразлична судьба «великой, старой Европы, которой мы столько обязаны» [Леонтьев 1876: 66]. Однако были между ними и некоторые отличия: Достоевский к славянству и Европе относился несколько иначе, чем Леонтьев: Россию, зарубежных славян и Европу в этно-историческом плане он друг другу не противопоставлял, хотя всячески порицал принятый на Западе обычай во всем искать выгоду и действовать по расчету. Размышляя о значении Восточного вопроса для русского самосознания, Достоевский писал: «У нас именно народ интересуется высшей идеей помощи братьям – выше интереса, и это вовсе не идеально, как говорите вы европейским языком. Это идеально в Европе, потому что там нет ни одного народа, который бы поставил интерес *братьев* выше собственной выгоды, и потому там это идеально, а у нас реально» [Достоевский 1982: 294]. Однако Достоевский, как известно, признавался в своей искренней, непритворной любви к Европе и потому стремился образумить ее, полагая, что она еще не до конца потеряна. Видимо, по той же причине у него встречается ряд критических замечаний и по отношению к славянам, что даже приводило его к столкновению со славянофилами [Достоевский 1980: 294].

Таким образом, уже в XIX веке, особенно начиная со второй его половины, идея славянского единства начинает восприниматься с определенной долей критики и недоверия. При этом если русские слависты первого поколения (И.И. Срезневский, П.И. Прейс, В.И. Григорович и др.) с большим энтузиазмом изучали духовное наследие и культуру зарубежных славян и были настроены по отношению к ним весьма восторженно, то уже в следующем поколении ученых (например, у В.В. Макушева) проскальзывает несколько скептическое, порой даже саркастическое отношение. Однако традиционный вектор российской геополитики по-прежнему оставался неизменным, а истонные взаимоотношения России с зарубежными славянами не подвергались сомнению. Правда, по мнению К.Н. Леонтьева, они должны были сводиться к «искусному тяготению на почтительном расстоянии» [Леонтьев 1876: 129]. В этом отношении программной является его знаменитая работа «Византизм и славянство» (1875) – своего рода квинтэссенция наиболее характерных взглядов мыслителя, многие из которых отразились и в таких его сочинениях, как «Средний европеец как идеал и орудие всеобщего разрушения», «Национальная политика как орудие всемирной револю-

ции», «Плоды национальных движений на православном Востоке» и др.

Ключевую роль в восприятии Леонтьевым «братьев-славян» играла степень их приверженности «византизму» как важному охранительному началу, способному воспрепятствовать утрате их собственной духовной и национальной идентичности. Тем более что в городской среде, представляющей собой резкий контраст с патриархальным миром сельской крестьянской общины, было немало печальных тому примеров. Достаточно выразительно Леонтьев писал об этом в статье «Русские, греки и юго-славяне», с горечью отмечая, что в то время как «в греческих и славянских горах эпическая песня еще не замолкла», в самих городах уже появились газеты «самого радикально-буржуазного направления и пишутся незатейливые стишки в самом новейшем духе» [Леонтьев 2000б: 477].

Высказывания, подобные этому, в русле неизменных славянских интересов Леонтьева неслучайны: ему явно была невыносима сама мысль о том, что славяне, как духовная и культурная общность, могут потерять себя, раствориться в некой младобуржуазности, под которой понималась совокупность черт, «вступающих в явное противоречие со вселенским духом Православия» [Числов: 12]. По мысли философа, славяне просто не имеют на это морального права. Исходя из этого, он прямо признается, что любил бы славянскую среду, «если бы она не была, вообще, так похожа на самую серую, самую казенную, самую, до швов истасканную, общеевропейскую демократию» [Леонтьев 2016: 101]. Леонтьев считал, что наряду с «византизмом», значение которого вполне определено, существует и «славизм», обозначающий, однако, нечто не вполне ясное, не оформившееся еще в полной мере и потому имеющее весьма аморфные, расплывчатые формы [Леонтьев 1876: 3].

Отсюда в значительной степени проистекает и его негативное отношение к панславизму [Леонтьев 1993: 349]. Как видно, например, из переписки философа с публицистом и ученым славянофильского направления С.Ф. Шараповым, идея панславизма в его понимании была всего лишь подражанием Европе, не являясь «своеобразно русской и истинно национальной идеей» [Переписка: 142]. С его точки зрения, полемической к мнениям старших славянофилов, это было отрицанием своеобразия, погоней за «миражем, который есть отражение вовсе не старины, а самоновейшей либеральной Европы» [Переписка: 142]. Иными словами, упомянутое явление Леонтьев понимал в первую очередь как либеральное и революционное, предполагающее «разрушение оков и стеснений» [Переписка: 142], а значит заслуживающее порицания. К тому же, по мысли Леонтьева, которую, как отмечает О.Л. Фетисенко, он неизменно высказывал в разные годы жизни [Фетисенко: 142], панславизм противоречит мессианскому назначе-

нию России, суживая тем самым горизонт ее потенциального влияния. «Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа» [Фетисенко: 142], – писал он. Идея панславизма не имела для него оправдания еще и потому, что он рассматривал ее сквозь призму греко-болгарской церковной распри [Фетисенко: 123], всецело сочувствуя в этом вопросе грекам.

Многое во взглядах философа на славянство проясняется, если мы примем во внимание его понимание народности, в основе которого лежала идея об определенном культурном типе, исторически участвовавшем в ее образовании. Так, русскую культуру, по его мнению, сформировали византийские начала, именно на русской почве получившие свое наивысшее выражение. Остальные славяне (в особенности православные) в силу исторически сложившихся обстоятельств также принадлежат к византийскому ареалу, что определяло их мировоззрение и культурные особенности. Очевидно, поэтому мыслитель, говоря о «возрождающихся нациях в XIX веке» [Фетисенко: 142], к каковым он относит чехов, сербов, поляков, греков и венгров, называет их «мелкими или второстепенными народами» [Леонтьев 2000б: 350], – видимо, в полной мере не отдавая себе отчета в том, что, например, в масштабах Балкан ни греки, ни сербы таковыми не являются. Достаточно указать на обширность *всех* сербских земель, включающих, помимо собственно Сербии, Черногорию, Боснию и Герцеговину, а также некоторые исторические сербские области. Скорее – наоборот. К грекам и сербам применима идея самого же Леонтьева о «цветущей сложности», если учесть разнообразие исторических обстоятельств, повлиявших, в частности, на общественно-политические условия, сложившиеся в каждом из сербских регионов.

Кроме того, критикуя такое явление, как «буржуазность», Леонтьев, по всей видимости, подразумевал под ним внешний, наносной лоск современной европейской культуры, а не приверженность идеалам старой Европы и бывшие некогда более крепкими родовые связи. Иными словами, он задумывался прежде всего о цивилизационных и культурных различиях России, зарубежных славян и западных европейцев. Поэтому именно через этнографическое сходство, особенности быта и общественно-политического устройства он стремился объяснить те или иные народности, сопоставляя, например, поляков с великороссами, англичан – с североамериканцами, а словаков – с венграми. Два последних народа, как известно, очень сильно отстоят друг от друга в родственном отношении, однако Леонтьев в первую очередь руководствовался тем, что словаки, будучи в составе империи Габсбургов, испытывали на себе значительное влияние «мадьярского элемента». Очевидно, наблюдая духовную и культурную разрозненность славянского мира, Леонтьев полагал,

что «славянство есть, а славизма нет». По его мнению, не существует какой-либо славянской идеи, а само понятие славянства он сводил к «племенной совокупности» [Леонтьев 1876: 31], к «идее общей крови» [Леонтьев 1876: 32], что не являлось для него чем-то первостепенным. Напротив, он даже выступал за большее сближение с народами «иноплеменными и иноверными» [Леонтьев 1876: 62], поскольку, с его точки зрения, они «еще не пропитались европеизмом» [Леонтьев 1876: 62], который он искренне и глубоко презирал, понимая под ним популярные у современных ему славян «космополитические, разрушительные и отрицательные идеи, воплощенные в кое-как по-европейски обученной интеллигенции» [Леонтьев 1876: 65].

Главным объектом его критики – в трактате «Византизм и славянство» и в ряде других сочинений – были болгары, и прежде всего их правящая интеллигенция. У них Леонтьев, по его собственному выражению, не находил «ничего славянского, в смысле зиждительном, творческом» [Леонтьев 2000б: 351], видя «только отрицание, и чем дальше, тем сильнее» [Леонтьев 2000б: 351]. Особенно строго он взыскивал с болгар за их церковное противостояние с греками, поскольку, считал он, тем самым они наносили значительный ущерб охранительным началам вселенского значения, подрывая основы и русской государственности, а значит, вредили и самому славянству. Эта мысль проистекала из твердого убеждения Леонтьева, что «для существования славян необходима мощь России»: «Для силы России необходим византизм» [Леонтьев 1876: 46].

Философ уделяет особое внимание и сербам как единоверному с русскими южнославянскому народу, с которым у России существуют давние исторические и духовные взаимосвязи. Свой разговор об этом Леонтьев предваряет следующим справедливым замечанием: «Ни один из славянских народов не раздроблен так и политически, и культурно, как сербский народ» [Леонтьев 1876: 48]. Обстоятельства, приведшие к разделению сербского народа в государственном, а также в культурном и религиозном отношении, сложились главным образом в период турецкого ига, а также были обусловлены геополитическим положением сербских земель, некогда находящихся на пограничье Западной и Восточной Римской Империи. Политическая раздробленность сербов в немалой степени явилась причиной их неоднородности и в плане культурном. На основании этого Леонтьев приходит к выводу, что у них не выработалось собственных характерных черт, которые способствовали бы сохранению неповторимых особенностей как древней, так и современной сербской жизни (в отличие, например, от поляков и русских, «живших долго независимой государственной жизнью» [Леонтьев 1876: 52]). Наоборот, и у сербов, полагает он, наблюдается опасная тенденция к утрате своей уни-

кальности, выделявшей их на фоне прочих славянских и европейских народов: «Они бросают вовсе свои живописные одежды и пляски; военные одеваются почти по-австрийски, штатские и женщины по общеевропейским образцам» [Леонтьев 1876: 49]. Распадается и знаменитая сербская задруга – тесная братская община – оплот соборного устройства народной среды. Она рушится под влиянием «демократического индивидуализма, того безграничного освобождения лица от всех стесняющих уз, к которому стремится с прошлого века образованный по-европейски мир» [Леонтьев 1876: 49].

Одна из основных причин этого, считал мыслитель, состоит в том, что у южных славян нет как такового аристократического сословия и монархического устройства. Являясь последовательным сторонником монархии (как проявления византийского начала в общественно-политической жизни), Леонтьев, видимо, усматривал в самом ее существовании спасение для православных славян от полного разобщения и культурного и национально-обезличивания. По его мнению, воспрепятствовать наметившейся у них негативной тенденции может укрепление патриархальных устоев и сохранение эпического духа народных обычаев.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие критические высказывания К.Н. Леонтьева в адрес Европы связаны с неразличением таких исторически принципиально разных понятий, как Европа и Запад, хотя отличие между ними и в то время уже прослеживалось. Как показал Леонтьев на основании своей теории триединого процесса, в истории Европы предпосылки конечного «смесительного упрощения» [Леонтьев 1876: 75], следующего за «первоначальной простотой» [Леонтьев 1876: 75] и «цветущей сложностью» [Леонтьев 1876: 75], наметились после французской революции 1789 г., положившей начало обесцениванию авторитета религии, падению нравственности, нивелированию прежних аристократических достоинств и сословного порядка [Леонтьев 1876: 100]. Все это – неизбежное следствие того разрушительного демократического либерализма, считал мыслитель [Леонтьев 2017: 250], «продуктом» которого являлся «средний человек; буржуа спокойный среди миллионов точно таких же средних людей, тоже покойных» [Леонтьев 2017: 250].

Характерное для Леонтьева восприятие идеи славянского братства и единства отразилось не только в его публицистических и художественных произведениях, но и в переписке с разными лицами. В частности, в одном из писем к С.Ф. Шарапову философ приводит мнение секретаря Славянского благотворительного общества публициста А.В. Васильева о необходимости «любить славян как братьев» и тут же против этого мнения возражает, восклицая: «Какая натяжка! Какая притворная ложь! За что? – За то, что их “интеллигенция” как две капли воды европейская?» [Леонтьев 2017: 142].

Зададимся вопросом, что послужило причиной столь безапелляционного мнения философа о зарубежных славянах и насколько справедливыми оно оказалось. Отметим попутно, что сам Леонтьев все же не являлся специалистом по истории Европы, равно как и славистом в классическом смысле этого слова. Обширный и многоликий славянский мир философ знал неравномерно. Например, он был неплохо осведомлен о поляках, тем более что они (как Царство Польское) входили на тот момент в состав Российской Империи. Стоит также напомнить, что Леонтьев на протяжении нескольких месяцев в 1880 г. проживал в Варшаве, являясь редактором русской газеты консервативного направления «Варшавский дневник». Позже, в 1883 г., вышел в свет его очерк «Польская эмиграция на Нижнем Дунае», где достаточно ярко описываются впечатления от встречи с отдельными представителями польской интеллигенции, обосновавшимися в Добружде.

Из числа зарубежных славян Леонтьев в большей степени был знаком с жизнью болгар, при этом невольно проецируя свое мнение о них и на других южных славян и даже на славянство в целом, что особенно заметно в его работе «Византизм и славянство». К слову сказать, он и сам признавался, что писал эту работу, испытывая значительное воздействие «церковной греко-славянской распри» [Чижов: 396]². Однако и в отношении болгар его оценки и выводы не всегда можно назвать точными и исчерпывающими. Например, объясняя особенности болгарского менталитета главным образом на примере их борьбы с греками (а значит, и с византизмом), Леонтьев писал: «У болгарского патриота в комнате, рядом с иконой православных Кирилла и Мефодия, обучавших болгар славянской национальной грамоте (это главное для них, а не крещение), вы видите обыкновенного язычника царя Крума, которому приносят на мече голову православного греческого царя» [Чижов: 349]. Между тем ранее уже отмечалось исследователями, что, хотя упомянутый Леонтьевым эпизод периода византийско-болгарского противостояния действительно имел место, общий вывод мыслителя не вполне правомочен, поскольку Никифор Арап, о котором идет речь в цитате, «был вовсе не “православным греческим царем”, а узурпатором [...] и притеснителем Церкви» [Числов 2017: 250].

В свою очередь сербов Леонтьев пытался объяснить через поляков и болгар, хотя сербы – крупный южнославянский народ [Леонтьев 2000б: 486]³ с яркой самобытной национальной традицией – существенно отличается и от тех, и от других. Справедливо замечание исследовательницы наследия мыслителя О.Л. Фетисенко: «Легко заметить, что поляки и болгары для него составляют два полюса славянского мира – католический и православный, западный и южный» [Фетисенко: 168]. При этом болгарскую интеллигенцию Леонтьев

описывал главным образом в сопоставлении с греческой, отмечая: «Насколько греки кажутся суше русских и, каждый отдельно и взятые вместе, однообразнее русских, настолько болгары кажутся для человека, пожившего и с ними, и с греками, суше и однообразнее греков» [Леонтьев 2000б: 458]. Одновременно греческую, болгарскую и сербскую интеллигенцию Леонтьев считал проще и грубее русской, лишенной тонкости и изящества, и по отношению к прогрессивной Европе ставил ее в роль «рагуни вчерашнего, который всем восхищается в буржуазной Европе» [Леонтьев 2000б: 482].

Но при этом в сербах Леонтьев смог выделить главное: ярко выраженное героическое начало, аристократизм, мужество народа-воина, стоящего на страже (подобно тому как и Пушкин чутьем гения верно уловил образ Карагеоргия, предводителя Первого сербского восстания, хотя и изобразил этого прославленного сербского героя достаточно мрачно). «Всякий серб – дворянин! – говорит с гордостью серб. Это шляхетское чувство собственного достоинства, распространенное на весь народ», – писал мыслитель.

Важное наблюдение Леонтьева касалось также региональных особенностей отдельных сербских регионов, в частности Военной границы, служащей пограничьем между Австро-Венгрией и Османской Империей. Империя Габсбургов привлекала сербов на военную службу, благодаря чему они приобретали статус «привилегированного сословия» (по сравнению с теми же католиками-кметами). Описывая их быт и устройство, Леонтьев отмечал: «Граничары имеют в привычках своих и в организации много казацкого. У них до последнего времени хранилась своеобразная сербская община (сербская задруга)» [Леонтьев 1876: 49]. Оценивая героическую борьбу сербов против турок в Герцеговине и Черногории, он пишет: «...Черногорские молодцы точно так же, как и теперь, наводили ужас на турецких низамов несокрушимой отвагой своею» [Леонтьев 2019б: 445]. Уроженцев сербской Спарты, как традиционно называли Черногорию русские-слависты и путешественники XIX века, он именует не иначе как «черногорскими удалцами» [Леонтьев 2000б: 449], а саму Черногорию – «орлиным гнездом» [Леонтьев 2000б: 364], хотя и считает, что все это уже по большей части в прошлом.

Особое внимание Леонтьев обращает на отношение сербов к вере, отмечая в связи с этим, что «сербы хвалят Православие; они чтут его»: «Они могут даже сражаться за него геройски» [Леонтьев 1885: 224]. Для Леонтьева также дорого, что митрополиты Черногории, ее духовные и светские владыки предводительствовали своей пастве и в битвах «умели сражаться и с турками и с французами» [Леонтьев 1876: 65]. В его глазах подобные проявления доблести и эпического духа в народной жизни славян являлись несомненным

достоинством, противостоящим столь нелюбимому им «мелочному, неподвижному и серому порядку полнейшей равноправности, когда уж и героизм, и все идеальное станет лишним» [Чижов: 397].

Степень и характер религиозности сербов (равно как и болгар) Леонтьев ставит в прямую зависимость от «близости к памятникам (церковным. – Е. О.), к патриаршим странам, к преданиям» [Чижов: 486] и, наконец, оценивает их по приверженности «к славе византийской» [Чижов: 486]. Любопытны его наблюдения относительно сербского национального характера, лишённого, в отличие от русского, «идеализма, мечтательности, поэзии» – а «болезненности души вовсе нет» [Чижов: 486]. Иными словами, в сербах, считает он, нет излишней сложности и утонченности, встречающихся у русских. «Они очень просты и лично, и национально», – писал Леонтьев. Мыслитель верно подметил, что сербы более цельны, значит, в известном смысле и более здоровы, а об удивительной простоте и патриархальности их нравов, особенно черногорцев (как наиболее героической части сербства), с удивлением свидетельствовали многие русские ученые и путешественники за несколько десятилетий до Леонтьева, в частности В.Б. Броневский, Е.П. Ковалевский, И.И. Срезневский и др.

Следует также иметь в виду, что в то время, когда Леонтьев размышлял о славянстве, зарубежные славяне в силу ряда исторических обстоятельств еще не проявили себя в полной мере. На тот момент зарубежные славянские земли пребывали в состоянии раздробленности, что особенно видно на примере сербского народа: одна его часть (вместе с болгарам) входила в состав Османской империи, другая принадлежала Австро-Венгрии, третья (уроженцы Черногории) сохраняла и героически отстаивала свою независимость. Отсюда становится понятней мысль Леонтьева, что «славизм, взятый во всецелости своей, есть еще сфинкс, загадка» [Леонтьев 1876: 3]. При этом он допускал, что славяне могут в будущем заявить о себе: «...славизм еще не сказал своего слова и таится, как огонь под пеплом» [Леонтьев 2000а: 168]. Между тем эта мысль была близка и Достоевскому, который писал о славянской идее как о еще зарождающейся, «содержащей в себе возможности разрешения судеб человеческих в Европе...» [Достоевский 1995: 10, 14, 23, 230].

Подытоживая, отметим, что у Леонтьева изначально уже была некая заданность в отношении к славянам, описывая которых он прибегает порой к достаточно широким обобщениям, не особенно вдаваясь в подробности их исторической и духовной жизни, которые, однако, имели немаловажное значение для понимания их национальных особенностей. Иными словами, Леонтьев подходил к славянам с мерками уже разработанного им учения, находя у них по большому счету подтверждение своих мыслей, при этом попутно делая любопыт-

ные и нередко точные замечания об отдельных сторонах жизни того или иного славянского народа. Наряду с отдельными верными наблюдениями, касающимися зарубежных славян, в целом выводы Леонтьева о славянах и их взаимоотношениях с Россией остаются не очень утешительными. В своих ярких и талантливых публицистических сочинениях Леонтьев разоблачал пагубную, с его точки зрения, тенденцию, наметившуюся в Европе после 1789 г., проявлением которой стал опасный процесс «всеобщего уравнивания», подготовивший почву для будущей революции в России. В работах целого ряда исследователей литературного наследия мыслителя встречается мнение, что при его жизни высказываемые им идеи не пользовались широкой популярностью, а новый всплеск интереса к его личности и наследию наблюдается уже в конце XX – начале XXI вв., когда совершенно изменились геополитические условия по сравнению с тем временем, когда жил и творил К.Н. Леонтьев.

Примечания

¹ Ср. мнение Н.А. Бердяева: «На Балканах К. Леонтьев любил греков и турок и не любил славян, особенно болгар» // К.Н. Леонтьев: Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1995. Кн. 2. С. 62.

² Мнение о ней в значительной мере было сформировано под воздействием статей Т.И. Филиппова.

³ Показательно, что сам же Леонтьев употребляет по отношению к ним термин «пансербизм», рассуждая о возможном будущем объединении всех сербов, в то время как у него нет, например, такого понятия, как «панболгаризм».

Список литературы

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Два лагеря теоретиков (по поводу «Дня» и кой-чего другого). Т. 20. 432 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. 518 с.

Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. 515 с.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: Имп. Общ-во истории и древностей российских при Московском университете, 1876. 132 с.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: сб. ст. К. Леонтьева. М.: Тип. И.Н. Кушнерова и Ко, 1885. Т. 1. 312 с.

Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ: Московский рабочий, 1993. 397 с.

Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 113 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Произведения конца 1860-х –

1891 годов. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2000а. Т. 5. 930 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Публицистика 1862–1879 годов. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2000б. Т. 7 (1). 558 с.

Леонтьев К.Н. Передовая статья из «варшавского дневника» // Котельников В.А. Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017. 284 с.

Милуков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев: [Публичная лекция, читанная 22 января 1893 г. в аудитории Исторического музея]. М.: Тип. тов-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1893. 53 с.

Переписка К.Н. Леонтьева и С.Ф. Шарапова (1888–1890) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6. С. 142–152.

Числов И.М. «Малый народ – удивительное явление...» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 1. С. 11–17.

Чижов Михаил. Константин Леонтьев. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 632 с.

Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 1086–1103.

Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: Pro et contra [Текст]: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1995. Кн. 1. 474 с.

Фетисенко О.Л. Константин Леонтьев: «Турецкий игумен» в славянском монастыре // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6. С. 165–198.

References

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 20, 432 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 24, 518 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii* [Complete works]: in 15 vols. Saint-Petersburg, 1995, vol. 14, 515 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Vizantizm i slavianstvo* [Byzantism and Slavism]. Moscow, Imp. Obshch-vo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1876, 132 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Vostok, Rossija i slavjanstvo* [East, Russia and the Slavs]: sb. st. K. Leont'eva. M., Tip. I.N. Kushnereva i Ko Publ., 1885, vol. 1, 312 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Izbrannoe* [Favourites]. Moscow, 1993, 397 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Plody natsional'nykh dvizhenii na pravoslavnom Vostoke* [Fruits of national movements in the Orthodox East]. M., Berlin, Direkt-Media Publ., 2016, 113 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]: in 12 vols. Saint-Petersburg, Vladimir Dal' Publ., vol. 5, 2000a, 930 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]: in 12 vols. Saint-Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2000b, vol. 7 (1), 558 p. (In Russ.)

Leont'ev K.N. *Peredovaia stat'ia iz "varshavskogo dnevnika"* [Editorial article from the "Warsaw diary"]. Kotel'nikov V.A. Konstantin Leont'ev. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2017, 284 p. (In Russ.)

Miliukov P.N. *Razlozhenie slavianofil'stva. Danilevskii, Leont'ev, Vl. Solov'ev* [Decomposition of Slavophilism. Danilevsky, Leontiev, V. Solovyov]. Moscow, Tipografia tov-va I.N. Kushnereva i K° Publ., 1893, 53 p. (In Russ.)

Perepiska K.N. Leont'eva i S.F. Sharapova (1888–1890) [Correspondence between K.N. Leontiev and S.F. Sharapov]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [Christianity and Russian literature]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2010, collection 6, pp. 142–152. (In Russ.)

Chislov I.M. "Malyi narod – udivitel'noe iavlenie..." [Small people – an amazing phenomenon...]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniia* [Scientific result. Social and humanitarian research], 2017, vol. 3, № 1, pp. 11–17. (In Russ.)

Chizhov Mikhail. *Konstantin Leont'ev* [Konstantin Leontiev]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2016, p. 632. (In Russ.)

Tikhomirov L.A. *Russkie idealy i K.N. Leont'ev* [Russian ideals and K.N. Leontiev]. *Leont'ev K.N. Slavianofil'stvo i griadushchie sud'by Rossii* [Leontiev K.N. Slavophilism and future destinies of Russia]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2010, pp. 1086–1103. (In Russ.)

Trubetskoi S.N. *Razocharovannyi slavianofil* [Disillusioned Slavophile]. *K.N. Leont'ev: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo K. Leont'eva v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei, 1891–1917 gg.: antologiya (v 2 kn.)* [K.N. Leontiev: Pro et contra: K. Leontiev's personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers, 1891–1917: anthology (in 2 books)]. Saint-Petersburg, Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo institute Publ., 1995, vol. 1. p. 474. (In Russ.)

Fetisenko O.L. *Konstantin Leont'ev: "Turetskii igumen" v slavianskom monastyre* [Konstantin Leontiev: "Turkish Abbot" in the Slavonic monastery]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [Christianity and Russian literature]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2010, collection 6, pp. 165–198. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.11.2020; одобрена после рецензирования 25.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 14.11.2020; approved after reviewing 25.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.

ГОГОЛЬ В НЕМОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Булавина Мария Олеговна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, bulavmaria@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8666-6959>

Аннотация. Статья посвящена интерпретации творчества Н.В. Гоголя в отечественном немом кино. Проблема взаимодействия литературы и кинематографа рассматривается в конкретно-историческом плане с учетом особенностей времени, в которое создавалась та или иная гоголевская экранизация. При этом принимался во внимание уровень технической оснащенности раннего кинематографа и другие присущие ему качества, в значительной мере определившие подход первых постановщиков к специфическому гоголевскому материалу. В центре оказались такие киноинтерпретации, как «Мертвые души» П.И. Чардынина, «Тарас Бульба» А.О. Дранкова, «Ночь перед Рождеством» и «Портрет» В.И. Старевича, «Шинель» Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга. Каждая из перечисленных экранизаций имеет свою специфику, определяемую тесной связью с другими видами искусства, фрагментарностью, мелодраматичностью, обилием фантазмагорий и др. В ряду немых интерпретаций выделяется авангардная «Шинель» Козинцева и Трауберга, являющаяся новым взглядом на процесс перевода Гоголя с языка литературы на киноязык. По сравнению с предыдущими кинолентами создатели кинематографической версии «Шинели» 1926 года учитывали гоголевский стиль и настроение, воссоздаваемые через картину призрачного экспрессионистского Петербурга.

Ключевые слова: немое кино, интерпретация, читатель, перевод, гоголевская поэтика, формализм

Для цитирования: Булавина М.О. Гоголь в немом кинематографе // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 179–184. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-179-184>

Research Article

NIKOLAI GOGOL IN SILENT FILMS

Maria O. Bulavina, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, bulavmaria@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8666-6959>

Abstract. The article is devoted to the problem of Nikolai Gogol's interpretation on Russian screen. The problem of interaction between literature and cinematography is considered in a concrete historical plan, that is connected with the features of the time in which Gogol's film adaptations were created. At the same time, the level of technical equipment of cinematography and other inherent qualities of it, that are largely determined the approach of the first directors to specific Gogol material, were taken into account. Cinema interpretations like «Dead Souls» by Pyotr Chardynin, «Taras Bulba» by A.O. Drankov, «Christmas Eve» and «The Portrait» by Ladislav Starevich, «The Overcoat» by Georgi Kozintsev and Leonid Trauberg are in the centre of the article. Each of the listed film adaptations has its own specifics determined by close connection with other types of art, fragmentariness, melodramatic, an abundance of phantasmagorias, etc. «The Overcoat» stands out in the list of silent interpretations, since presents a new look at the process of Gogol's translation from the language of literature into the cinema language. Compared to previous films, the creators of the 1926 cinematic version of «The Overcoat» took into account Gogol's style, the mood of his work, recreated through the picture of the ghostly expressionist Petersburg.

Keywords: silent film, interpretation, reader, translation, Nikolai Gogol's poetics, formalism

For citation: Bulavina M.O. Nikolai Gogol in silent films. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 179–184 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-179-184>

Проблема взаимодействия кино и литературы вот уже несколько десятилетий является актуальной. Ее, как правило, всегда сопровождает разговор о специфике «перевода» литературы на киноязык. Начало этому разговору было положено С.М. Эйзенштейном и представителями ОПОЯЗа (Ю.Н. Тыняновым, В.Б. Шкловским, Б.М. Эйхенбаумом), последние из которых часто связывали друг с другом теорию кино с теорией литературной.

Разумеется, после упомянутых работ Эйзенштейна и формалистов появились и другие. В их ряду исследования И.М. Маневича, У.А. Гуральника, Н.М. Зоркой, Н.С. Горницкой и др. Важными для целей нашей статьи являются труды современных ученых, среди которых исследования 2000-х гг., принадлежащие Д.В. Кобленковой, Н.Г. Кривуле, В.И. Мильдону, В. Шливар. Особое место в этом ряду занимает обзорная работа В.Ф. Семерчука «Отечественная киногололиана в зеркале критики».

Во всех названных работах гоголевское творчество представлено как материал, обладающий широкими возможностями для интерпретации посредством кино. Неслучайно гоголевский кинематограф существует вот уже более века: первая экранизация датируется 1909-м г. («Мертвые души» П.И. Чардынина), последняя – 2018-м (трилогия Е.Г. Баранова). При этом среди созданных фильмов присутствуют не только классические, максимально приближенные к тексту произведения, но и авангардные ленты вкупе с постмодернистскими, в которых наблюдаются многочисленные эксперименты с литературным оригиналом.

Поскольку данная статья подразумевает обращение к немому кинематографу, то уместным будет обозначить некоторые особенности отечественного кино на раннем этапе его развития. Так, в 1900–1910-е гг. особым спросом пользовались жанры мелодрамы, комедии и «страшного» фильма. В списке фильмов того времени – салонные мелодрамы с участием В.В. Холодной («Ради счастья» – 1916, «Столичный яд» – 1917), комедийный «Домик в Коломне» П.И. Чардынина (1913), мистический хоррор «Драма в кабаре футуристов № 13» В.В. Маяковского (1914) и т. п. Подобную картину можно было наблюдать и на Западе: в мелодраматике С. Де Милля, немой комической М. Сэннета и Ч. Чаплина, ужасе С. Рийе [Беленький: 170, 45–46, 71–73, 101].

Немой кинематограф Гоголя содержит такие экранизации, как «Мертвые души» П.И. Чардынина (1909), «Тарас Бульба» А.О. Дранкова (1909), «Ночь перед Рождеством» В.И. Старевича (1913), его же «Портрет» (1915), «Шинель» Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга (1926). Фильмы эти, кроме последнего, напоминают фантастику Ж. Мельеса. В большинстве своем для них была характерна съемка в павильонах, цирковость, бутафорика. В «Мертвых душах», например, присутствует из-

быточное количество реквизита – раскрашенный задник, холсты на стене, стулья; в «Ночи перед Рождеством» наблюдается мельесовская фантазмагория с полетами; в «Портрете» – иллюзионизм.

Теперь о деталях каждого фильма. Начать стоит с небольших зарисовок Чардынина – «Мертвых душ», которые были сняты к столетнему юбилею писателя [Чардынин: 3]. Едва ли эту экранизацию можно считать полноценным фильмом. Как отмечает Н.М. Зоркая, «Мертвые души» 1909 г. являются скорее иллюстрацией, что было характерно для раннего кино: тогда могли изображаться отдельные эпизоды из того или иного произведения. Фрагментарность имела место по причине короткого метража. А в случае с Чардыниным еще и потому, что эстетика его интерпретации формировалась под влиянием творчества А.А. Агина и П.М. Боклевского. К этому стоит прибавить факт статичности и фронтальности камеры в кинематографе первых десятилетий XX века [Зоркая: 38–39]. Таким образом, весь рассматриваемый материал имеет иллюстративные, театральные, а также фотографические истоки (в финале фильма появляется фотография с бюстом Гоголя).

Беседа о зарисовках по гоголевским произведениям предполагает обращение к одной из работ поистине гоголевского режиссера – Старевича. Ему принадлежит шесть экранизаций Гоголя, из которых, к сожалению, сохранились только две. Сначала несколько слов о «Портрете». Сохранившаяся часть киноленты показывает зрителю два эпизода из повести – покупку портрета и сумасшествие Чарткова. В этом хоррор-фильме нельзя не заметить мельесовского влияния (в частности, фильма «Кошмар» 1896 г.). Это тем более очевидно при рассмотрении цирковых приемов. В отношении Старевича действительно можно сказать: он был незаурядным режиссером, мастерски реализующим технический потенциал кинематографа [Соболев: 41]. Подобное как раз и роднит его с Мельесом. Параллели между этими авторами хорошо заметны – хотя бы в том, как показано появление в комнате художника ростовщика, очень, кстати говоря, похожего на старика из гоголевской «Страшной мести» [Зоркая: 39].

В комедии «Ночь перед Рождеством» Старевич выступил одновременно как режиссер, сценарист и оператор. Зритель обнаружит здесь самые причудливые феерии, которые тогда могли быть в отечественном кино: это и полеты Солохи, и похищение месяца чертом, и путешествие Вакулы [Зоркая: 33]. Данная кинолента – образец комбинированных съемок [Соболев: 41]. В этой интерпретации, как и в случае с «Портретом», прослеживается мультипликационный опыт Старевича [Беленький: 145], свидетельством чего являются театральные декорации. Важным оказывается и выбор актера И.И. Мозжухина, чье исполнение роли черта в очередной раз показало его комедийный талант [Сиротин: 58].

Среди кинолент, относящихся к немому «бу-тафорскому» кинематографу, может быть названа мелодрама «Тарас Бульба» 1909 г. Другое ее название – «Любовь Андрия». Согласно мнению одного из кинематографистов, эта интерпретация может быть охарактеризована не иначе как «хищническое освоение классики» [Сабинский: 60]. Причина – все та же фрагментарность, которую мы отмечали применительно к «Мертвым душам» и «Портрету». Более того, вместо некоторых знаковых эпизодов режиссер предпочел разнообразить фабулу такими отрывками, как заключение Тараса в тюрьму и его казнь (Тараса отрубает голову). Минусом этой экранизации является также игнорирование патристического пафоса – отсутствует монолог Тараса о товариществе, нет эпизода убийства Андрия. Место эпичности на экране занимает наивная мелодраматика с акцентом на польской пани.

Одной из основных особенностей кинематографа 1900–1910-х гг. была коммерциализация, связанная с пониманием раннего кинематографа как прибыльного аттракциона. Это относится к большинству фильмов того времени. Вопросы коммерции коснулись и гоголевского кино, что заметно по выбираемым жанрам: легкие мелодрамы, непсихологичные комедии, а также первые попытки создания «ужасного» фильма. Все это, разумеется, предназначалось для неопытного, массового зрителя, чья история восприятия кино, по мнению киноведа и теоретика кино Ю.Г. Цивьяна, сильно уступала истории интерпретации литературы [Цивьян: 16].

Совсем по-другому нужно рассматривать последнюю немую экранизацию Гоголя – «Шинель», интересную тем, что ее сценарий был написан Ю.Н. Тыняновым, превратившим фильм в настоящий продукт авангарда. И поскольку эксперимент был формалистским, то он подразумевал особую трансформацию. Подобная трансформация должна была как можно точнее передать специфику Гоголя. Начать хотя бы с изображения петербургского пространства, призрачного и во многом статуарного, похожего на пространство немецкого киноэкспрессионизма с его «больной» мрачностью «Кабинета доктора Калигари» (1920) и снежным хаосом «Раскольникова» (1923), снятых Р. Вине [Гуральник: 143, 149]. Экспрессионистский метод в «Шинели» настолько выражен, что создает в ней криминальную атмосферу. Способствует этому и фабула, в которой неожиданно появляются детективные мотивы.

Кроме экспрессионистского метода, в фильме Козинцева и Трауберга нельзя не заметить метафоричность. В частности, изображение цветов как напоминание о женщине. Метафоричность, как и экспрессионизм (в «Петербургских повестях»), характерны для гоголевского художественного мира. Уместным будет вспомнить, к примеру, цветовую или зеркальную метафору, свойственную творчеству Гоголя [Бочаров: 145; Демидова; Кондакова: 149; Кривуля; Патапенко].

Говоря о «Шинели» в контексте художественного мира писателя, необходимо упомянуть и об интертекстуальном характере ее фабулы, содержащей различные цитаты из классиков русской литературы. В эпизоде с наказанием, например, угадывается отрывок из рассказа Л.Н. Толстого «После бала» [Васиярова: 56–57], в одном из кадров появляется Медный всадник, отсылающий к А.С. Пушкину. Есть и гоголевский текст. Например, эпизод, в котором главный герой преследует женщину, является ссылкой на «Невский проспект», а персонажи-помещики – это цитата из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

В интерпретации Козинцева и Трауберга ощущается избыточное использование приемов авангарда. Так, в образе героя с перевязанной щекой или клерка с пером за ухом обнаруживается знакомый авангардный эпатаж. Подобное можно наблюдать и в декорациях – в гротесковом чайнике, создающим призрачную атмосферу в комнате (пар). Экспрессионизм, кстати говоря, тоже является авангардным течением. Однако его присутствие в ленте иллюстрирует гоголевский текст, а не дополняет его.

Как видно из написанного, немые интерпретации 1900–1910-х гг. сильно отличаются от интерпретации сторонников ОПОЯЗа. Если в первом случае наблюдаются черты кинематографа только формирующегося, то во втором идет речь уже о теории кино в ее взаимодействии с литературной теорией.

В отношении раннего гоголевского кинематографа можно сделать еще один интересный вывод: поэтика писателя интерпретировалась в нем только частично. Однако и в этом случае речь стоит вести об экранизации. То есть о соответствии тексту Гоголя хотя бы в какой-то мере.

Выборочное использование гоголевской фабулы заключается, например, в следующем: в «Мертвых душах» нет лирических отступлений, вставной повести о капитане Копейкине, идеи возрождения души; в «Тарасе Бульбе», наоборот, появляется эпизод о казни; в «Портрете» отсутствует история падения Чарткова; в фильме «Ночь перед Рождеством» вставляется отрывок с танцами черта в аду; в «Шинели» вообще смешиваются нескольких фабул, меняется жанр (на детектив) и, более того, опускается религиозная линия. Процесс экранизации выглядит хаотичным, что кроме «молодости» кинематографа объяснимо зависимостью монтажа фильма от того, какое настроение этот фильм должен был создавать. Из-за такой установки в ленты попадали наиболее впечатляющие фрагменты (даже если их не было в оригинальном тексте): встреча с панночкой, тюрьма, казнь Тараса, полеты гоголевской нечисти, появление ростовщика из картины. Правда, про эпизоды из «Шинели» (с inferнальной женщиной, «делом», нападением на Акакия) нельзя сказать, что они вставлены исключительно с целью привлечь

массового зрителя. Причина – экспериментальный характер фильма. Это означает, что для просмотра и интерпретации «Шинели» необходим читатель с богатым рецептивным опытом, подразумевающим знание о художественном мире Гоголя, авангарде, западном экспрессионизме и т. д.

За кадром немого кино остались характерные особенности гоголевского стиля. В частности, символика писателя. В указанных фильмах зрителю не удастся обнаружить таких образов-символов, как «птица-тройка», знаковый осетр Собакевича или «брусничный с искрой» фрак Чичикова (в последнем случае не будем забывать о том, что мы рассматриваем черно-белое кино). Стоит сказать и о гротеске Гоголя: если в «Ночи перед Рождеством» он выявляется, например, в фигуре черта, а в «Портрете» с помощью изображения границы между мирами [Кривонос 2006: 341], то в «Мертвых душах» он пропадает совсем. Нет гротескового «контраста живого и мертвого» [Манн: 262–276]. Он узнается разве только в фигурах помещиков.

Перечисленные недостатки первых киноинтерпретаций Гоголя легко объясняются «молодостью» кинематографа и отсюда – его непсихологичностью. Сложно представить, что образы актеров немого кино могли дать зрителю полное представление о жизни и характере героев. Бытийная экцентрика и цвет немых фильмов, их условность и даже цвет (черно-белый, сепия) делали персонажей искусственными. Фабульные изменения, таким образом, были в значительной мере вызваны техническим несовершенством.

История экранизации гоголевских произведений имеет истоки в немом кинематографе. Именно в эту эпоху появляются первые попытки экранизации Гоголя, начиная «Мертвыми душами» и заканчивая «Шинелью». Обобщая наблюдения, можно сказать, что характер интерпретации зависел от технологии кино, от ищущей новых впечатлений публики, сильного влияния других видов искусства и, наконец, от экспериментальной деятельности авангардистов. Кроме того, заметным было и влияние западного кинематографа. В результате существующие экранизации Гоголя можно условно разделить на две части: до «Шинели» и после. Главная причина в том, что фильм Козинцева и Трауберга задал новый уровень осмысления гоголевского текста. В «Шинели» был воссоздан художественный мир повестей Гоголя с их экспрессионистской урбанистикой. Немаловажную роль сыграли и титры: в фильме делался акцент на сохранении синтаксиса писателя [Сергеева: 102]. Иначе говоря, именно «Шинель» открыла другой метод экранизации, главным условием которой стало внимательное отношение к тексту Гоголя.

Список литературы

Беленький И.В. Лекции по всеобщей истории кино: Годы беззвучия: учеб. пособие / под ред.

В.А. Лукова. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина (ГИТР), 2008. Кн. 1–2. 416 с.

Беляев В.В. Россия и Наполеон в поэме Гоголя «Мертвые души» // Известия Саратовского ун-та. 2009. № 4. С. 65–70.

Бочаров С.Г. Загадка «Носа» и тайна лица // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. С. 124–160.

Васярова О.А. «Шинель»: авангардная киноверсия классического текста // Вестник Самарского ун-та. Сер., История, педагогика, филология. 2017. № 23 (3). С. 55–59.

Гольденберг А.Х. О чем поет шарманка Ноздрева? // Н.В. Гоголь и русская литература: материалы IX Гоголевских чтений: Дом Н.В. Гоголя: мемориальный музей и научная библиотека (2009). URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/707/> (дата обращения: 10.11.2020).

Гуральник У.А. Русская литература и советское кино. М.: Наука, 1968. 434 с.

Демидова Т.Э. Происхождение и смысл одной цветовой метафоры в поэме Н.В. Гоголя (Гоголь и Айвазовский) // Н.В. Гоголь и его литературное окружение: материалы VIII Гоголевских чтений: Дом Н.В. Гоголя: мемориальный музей и научная библиотека (2008). URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1015/> (дата обращения: 10.11.2020).

Зоркая Н.М. История советского кино. СПб.: Алетейя, 2005. 544 с.

Кондакова Ю.В. Техника «завуалированной фантастики» в произведениях Гоголя // Н.В. Гоголь как герменевтическая проблема: к 200-летию со дня рождения писателя / под ред. О.В. Зырянова. Екатеринбург: Изд-во «Урал», 2009. 348 с.

Кривонос В.Ш. «Мертвые души» Гоголя: пространство смысла. Самара: ПГСГА, 2012. 311 с.

Кривонос В.Ш. Гоголь: Проблемы творчества и интерпретации. Самара: СГПУ, 2009. 420 с.

Кривонос В.Ш. Повести Гоголя: Пространство смысла. Самара: Изд-во СГПУ, 2006. 442 с.

Кривуля Н.Г. Особенности интерпретации гоголевского текста в фильме «Нос» А. Алексеева // Н.В. Гоголь и современная культура: материалы VI Гоголевских чтений: Дом Н.В. Гоголя: мемориальный музей и научная библиотека (2006). URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1540/> (дата обращения: 10.11.2020).

Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.

Патаненко С.Н. Образ зеркала в художественной структуре пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» // Н.В. Гоголь и русская литература: материалы IX Гоголевских чтений: Дом Н.В. Гоголя: мемориальный музей и научная библиотека (2009). URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/923/> (дата обращения: 10.11.2020).

Сабинский Ч.Г. Из записок старого киномастера // Искусство кино. 1936. № 5. С. 60–63.

Семерчук В.Ф. Отечественная киногоголиана в зеркале критики: (информационно-аналитический очерк) // Гоголевский кинословарь: аннот. кат. фильмов: [1909–2009: к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя]. М.: Парадиз, 2009. С. 215–239.

Сергеева М.В. Литературные коды в языке немого кино // Междисциплинарность в науке и искусстве: Вызовы будущего: материалы конференции «VII Студенческие смольные чтения» (Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2018 г.). СПб.: Изд-во «Центр научно-производственных технологий “Астерион”», 2018.

Сиротин О.В. Двойная звезда. Александр и Иван Мозжухины. Изд-е 2-е, испр. и доп. Пенза: [б. и.], 2014. 152 с.

Соболев Р.П. Люди и фильмы русского дореволюционного кино / под ред. Л.А. Ильиной. М.: Искусство, 1961. 177 с.

Цивьян Ю.Г. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России, 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991. 492 с.

Чардынин П.И. Рождение русской кинематографии // Кино, еженедельная газета. 1926. № 35 (155). 4 с.

References

Belen'kij I.V. *Lekcii po vseobshhej istorii kino: Gody bezzvuchija* [Lectures on the General History of Cinema: Years of Silence]: учебное пособие, под ред. V.A. Lukova. Moscow, Gumanitarnyj institut tevidenija i radioveshhanija im. M.A. Litovchina Publ. (GITR), 2008, vol. 1–2, 416 p. (In Russ.)

Beljaev V.V. *Rossija i Napoleon v pojeme Gogolja «Mertvye dushi»* [Russia and Napoleon in Gogol's Poem «Dead Souls»]. *Izvestija Saratovskogo un-ta* [Saratov University Bulletin], 2009, № 4, pp. 65–70. (In Russ.)

Bocharov S.G. *Zagadka «Nosa» i tajna lica* [The «Nose» Riddle and the Mystery of the Face]. Bocharov S.G. *O hudozhestvennyh mirah* [About Art Worlds]. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1985, pp. 124–160 (In Russ.)

Vasijarova O.A. *«Shinel'»: avangardnaja kinoversija klassicheskogo teksta* [The Overcoat: An Avant-garde Film Version of a Classic Text]. *Vestnik Samarskogo un-ta. Istorija, pedagogika, filologija* [Samara University Bulletin. History, Pedagogy, Philology], 2017, № 23 (3), pp. 55–59. (In Russ.)

Gol'denberg A.H. *O chem poet sharmanka Nozdreva?* [What is Nozdryov's Organ Sings About?]. *N.V. Gogol' i russkaja literatura. Materialy IX Gogolevskih chtenij* [N.V. Gogol and Russian Literature. Materials of the Ninth Gogol Readings]: Dom N.V. Gogolja: memorial'nyj muzej i nauchnaja biblioteka (2009) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/707/> (access date: 10.11.2020). (In Russ.)

Gural'nik U.A. *Russkaja literatura i sovetskoe kino* [Russian Literature and Soviet Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 434 p. (In Russ.)

Demidova T. Je. *Proishozhdenie i smysl odnoj cvetovoj metafory v pojeme N.V. Gogolja (Gogol' i Ajvazovskij)* [The Origin and Meaning of One Color Metaphor in the Poem by N.V. Gogol (Gogol and Aivazovsky)]. *N.V. Gogol' i ego literaturnoe okruzenie: materialy VIII Gogolevskih chtenij* [N.V. Gogol's and His Literary Environment. Materials of the Eighth Gogol Readings]: Dom N.V. Gogolja: memorial'nyj muzej i nauchnaja biblioteka (2008). URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1015/> (access date: 10.11.2020). (In Russ.)

Zorkaja N.M. *Istorija sovetskogo kino* [History of Soviet Cinema]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2005, 544 p. (In Russ.)

Kondakova Ju.V. *Tehnika «zavualirovannoj fantastiki» v proizvedenijah Gogolja* [The Technique of «Veiled Fiction» in Gogol's Works]. *N.V. Gogol' kak germeneticheskaja problema: k 200-letiju so dnja rozhdenija pisatelja* [N.V. Gogol as a Hermeneutic Problem: to the Bicentennial of the Birth of the Writer], pod red. O.V. Zyrjanova. Ekaterinburg, Ural Publ., 2009, 348 p. (In Russ.)

Krivosos V.Sh. *«Mertvye dushi» Gogolja: prostranstvo smysla* [Gogol's «Dead Souls»: The Space of Meaning]. Samara, PGSGA Publ., 2012, 311 p. (In Russ.)

Krivosos V.Sh. *Gogol': Problemy tvorcestva i interpretacii*. [Gogol: Problems of Creativity and Interpretation]. Samara, SGPU Publ., 2009, 420 p. (In Russ.)

Krivosos V.Sh. *Povesti Gogolja: Prostranstvo smysla* [Gogol's Tale: The Space of Meaning]. Samara, SGPU Publ., 2006, 442 p. (In Russ.)

Krivulja N.G. *Osobennosti interpretacii gogolevskogo teksta v fil'me «Nos» A. Alekseeva* [Features of the Interpretation of Gogol's Text in the Film «The Nose» by A. Alekseev]. *N.V. Gogol' i sovremennaja kul'tura: materialy VI Gogolevskih chtenij* [N.V. Gogol and Modern Culture. Materials of the Sixth Gogol Readings]: Dom N.V. Gogolja: memorial'nyj muzej i nauchnaja biblioteka (2006). URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1540/> (access date: 10.11.2020). (In Russ.)

Mann Ju.V. *Pojetika Gogolja. Variacii k teme* [Gogol's Poetics. Variations to the Theme]. Moscow, Coda Publ., 1996, 474 p. (In Russ.)

Patapenko S.N. *Obraz zerkala v hudozhestvennoj strukture p'esy N.V. Gogolja «Revizor»* [The Image of the Mirror in the Artistic Structure of the Play by N.V. Gogol «The Inspector General»]. *N.V. Gogol' i russkaja literatura: materialy IX Gogolevskih chtenij* [Gogol's and Russian Literature. Materials of the Ninth Gogol Readings]: Dom N.V. Gogolja: memorial'nyj muzej i nauchnaja biblioteka (2009). URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/923/> (access date: 10.11.2020). (In Russ.)

Sabinskij Ch.G. *Iz zapisok starogo kinemastera* [From the Notes of the Old Cinema]. *Iskusstvo kino* [Film art], 1936, № 5, pp. 60–63. (In Russ.)

Semerchuk V.F. *Otechestvennaja kinogogoliana v zerkale kritiki (Informacionno-analiticheskij ocherk)* [Domestic Gogol Study in the Mirror of Criticism (Information-Analytical Essay)]. *Gogolevskij kinoslovar': annot. kat. fil'mov: [1909-2009: k 200-letiju so dnja rozhdenija N.V. Gogolja]* [Gogol Cinema Dictionary: Annotated Film Catalog. 1909–2009: On the Occasion of the Bicentennial of the Birth of N.V. Gogol]. Moscow, Paradiz Publ., 2009, pp. 215–239. (In Russ.)

Sergeeva M.V. *Literaturnye kody v jazyke nemogo kino [Literary Codes in the Language of Silent Films]. Mezhdisciplinarnost' v nauke i iskusstve: Vyzovy budushhego: materialy konferencii «VII Studencheskie smol'nye chtenija»* (Saint-Petersburgh, 19–21 aprelja 2018 g.) [Interdisciplinarity in Science and Art: Challenges of the Future. Materials of the Conference «Seventh Student Smolny Readings»]. Saint Petersburg, Centr nauchno-proizvodstvennyh tehnologij «Asterion» Publ., 2018 (In Russ.)

Sirotin O.V. *Dvojnaja zvezda. Aleksandr i Ivan Mozzhuhiny* [Double star. Alexander and Ivan

Mozzhukhin]. Izd-e 2-e, ispr. i dop. Penza, [b. i.], 2014, 152 p. (In Russ.)

Sobolev R.P. *Ljudi i fil'my russkogo dorevoljucionnogo kino* [People and Films of Russian Pre-revolutionary Cinema], pod red. L.A. Il'inoj. Moscow, Iskusstvo Publ., 1961, 177 p. (In Russ.)

Civ'jan Ju.G. *Istoricheskaja recepcija kino: Kinematograf v Rossii, 1896–1930* [Historical Reception of Cinema: Cinematography in Russia, 1896–1930]. Riga, Zinatne Publ., 1991, 492 p. (In Russ.)

Chardynin P.I. *Rozhdenie russoj kinematografii* [The Birth of Russian Cinematography]. *Kino* [Cinema], ezhenedel'naja gazeta, 1926, № 35 (155), 4 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.11.2020; одобрена после рецензирования 22.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 07.11.2020; approved after reviewing 22.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.

АБИССИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ПАВЛА БУЛЫГИНА В ЖУРНАЛЕ «РУБЕЖ» (Харбин, 1935–1936)

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, сектор литературоведения Института филологии СО РАН, Новосибирск, Россия, kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Аннотация. Статья посвящена абиссинским стихотворениям Павла Булыгина – поэта и прозаика, покинувшего Россию после революции, опубликованным в харбинском еженедельнике «Рубеж» (1935–1936). Анализируются экзотические мотивы в творчестве поэта, для которого вслед за Гумилевым Африка стала «путеводной звездой»: Абиссинии посвящен сборник стихов Булыгина «Чужие звезды» – название цикла явно отсылает к «Чужому небу» Гумилева. Особое внимание в работе уделяется майскому выпуску «Рубежа» (1936), где было напечатано пять стихотворений Булыгина из цикла «Чужие звезды» под общим заголовком «Стихи об Абиссинии». Данные тексты рассматриваются как микроцикл, объединенный тематически: описывается поэтический bestiary Булыгина, во многом ориентированный на гумилевский; отмечается литературная природа тяги поэта к африканским путешествиям не только через лирику Гумилева, но и через приключенческие романы Фенимора Купера и Джека Лондона; указывается на использование поэтом приема «воображаемого» экфрасиса, когда вместо реально существующей картины воссоздается своя – поэтическая и одновременно как будто живописная. Кроме публикации в майском выпуске «Рубежа» 1936 г., представлены произведения Булыгина, напечатанные в харбинском еженедельнике в 1935 г. («Соу Джин» («Человек-Гиена»), «Русский в Абиссинии», «С нагретого красного камня...»). Погружение в африканский топос, согретый для Булыгина поэзией и путешествиями Гумилева, помогает поэту-эмигранту спастись от одиночества, тоски и ностальгии.

Ключевые слова: восточная эмиграция, экзотические мотивы, Африка, Абиссиния, еженедельник «Рубеж», Харбин, реминисценции, Николай Гумилев, Павел Булыгин

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Для цитирования: Куликова Е.Ю. Абиссинские стихотворения Павла Булыгина в журнале «Рубеж» (Харбин, 1935–1936) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 185–191. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-185-191>

Research Article

PAVEL BULYGIN'S ABYSSINIAN POEMS IN THE MAGAZINE "RUBEZH" (BORDER) (Harbin, 1935–1936)

Elena Yu. Kulikova, Doctor of Philological Sciences, Literary criticism Sector of the Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia, kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Abstract. The article is devoted to the Abyssinian poems by Pavel Bulygin, a poet and a prose writer who left Russia after the revolution, whose poems were published in Harbin weekly "Rubezh" (Border) (1935–1936). Exotic motives are analysed in the poet's work, for whom, following Nikolay Gumilyov, Africa became a "guiding star": Bulygin's collection of poems "Alien Stars" is dedicated to Abyssinia – the name of the cycle clearly refers to Gumilyov's "Alien Sky". Special attention is paid to the May issue of "Rubezh" (1936), where Bulygin's five poems from the cycle "Alien Stars" were published under the general title "The poems about Abyssinia". These texts are considered as a microcycle, united thematically – Bulygin's poetic bestiary is described, focused on Gumilyov in many respects; the literary nature of the poet's affection to African travels is noted not only through Gumilyov's lyrics, but also through James Fenimore Cooper and Jack London's adventure novels; it is pointed out that the poet uses the technique of "imaginary" ekphrasis, when instead of a really existing picture, his own one is recreated – poetic and as if picturesque at the same time. In addition to the publication in the May issue of "Rubezh" in 1936, there are Bulygin's works, published in Harbin weekly in 1935 ("Saw Gin" ("Hyena-Man"), "Russian in Abyssinia", "From a heated red stone..."). Immersion in African topos, warmed for Bulygin by Gumilyov's poetry and travels, helps the emigrant poet escape from loneliness, anguish and nostalgia.

Keywords: Oriental emigration, exotic motifs, Africa, Abyssinia, "Rubezh" (Border) weekly, Harbin, reminiscences, Nikolay Gumilyov, Pavel Bulygin

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation grant № 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer"

For quotation: Kulikova E. Yu. Pavel Bulygin's Abyssinian poems in the magazine "Rubezh" (Border) (Harbin, 1935–1936). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 185–191 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-185-191>

Поэт Павел Булыгин, ныне незаслуженно забытый, покинул Россию после революции и расследовал дело об убийстве императорской семьи, чему посвящена его работа «Убийство Романовых. Достоверный отчет». С Китаем Булыгин был связан достаточно косвенно: через Владивосток, Харбин и Белград он добрался до Парижа, где вместе со следователем Н.А. Соколовым продолжал свое расследование — после разгрома армии А.В. Колчака материалы следствия удалось вывезти во Францию. Однако в еженедельнике «Рубеж», выходившем в Харбине в 1926–1945 гг., публиковались его абиссинские стихи, поэтому местным эмигрантам Булыгин был хорошо знаком.

О «Рубеж» есть немало работ и исследований. Е.О. Кириллова пишет, например, что «этот литературно-художественный журнал призван был снабжать читающую по-русски аудиторию зарубежного Дальнего Востока не только художественными произведениями, но и свежими новостями» [Кириллова: 7]. «Рубеж» «появился благодаря стараниям крупнейшего на Дальнем Востоке издателя-эмигранта Е.С. Кауфмана, который, по его собственным словам, преследовал цель сохранения русской культуры в эмигрантском сообществе» [Дмитриев]. Еженедельник «был единственным крупным в мировом масштабе эмигрантским изданием типа “Иллюстрированной России”, выходившим во время второй мировой войны, несмотря на оккупацию

японцами» [Чернов]. «Вниманию читателя, — пишет И.Е. Дмитриев, — предлагались художественные произведения популярных писателей и авторов журнала, новости со всего мира (в том числе из СССР), анекдоты и сатирические заметки, часто высмеивающие советскую жизнь» [Дмитриев].

И в 1935–1936 гг. в «Рубеж» вышла целая серия абиссинских стихотворений Павла Булыгина.

Павел Булыгин — офицер Русской императорской армии, после февральской революции изгнанный из полка как «контрреволюционер» и «монархист». Был контужен, ранен в Ледяном походе Корниловской армии. Вылечившись в госпитале, Булыгин набрал группу офицеров Петроградского и других Гвардейских полков, чтобы освободить Николая II из плена. Но в июле 1918 г. его арестовали, а через десять дней он бежал. Булыгин снова пытался организовать спасение царя, не зная еще, что тот был убит во время его заключения.

В конце 1918 г. Булыгина отправила с посланием к английской королеве Александре вдовствующая императрица Мария Федоровна: в послании содержалась просьба помочь с расследованием обстоятельств убийства царской семьи. В 1921–1922 гг. Булыгин жил в Берлине, некоторое время — в Риге и Каунасе, с 1924 по 1934 гг. — в Аддис-Абебе. В январе 1934 г. переехал в Прибалтику, где близ Риги жила мать его жены — художницы Агаты Шишко-Богуш. В том же году Булыгин получил приглашение старообрядческой общины Литвы

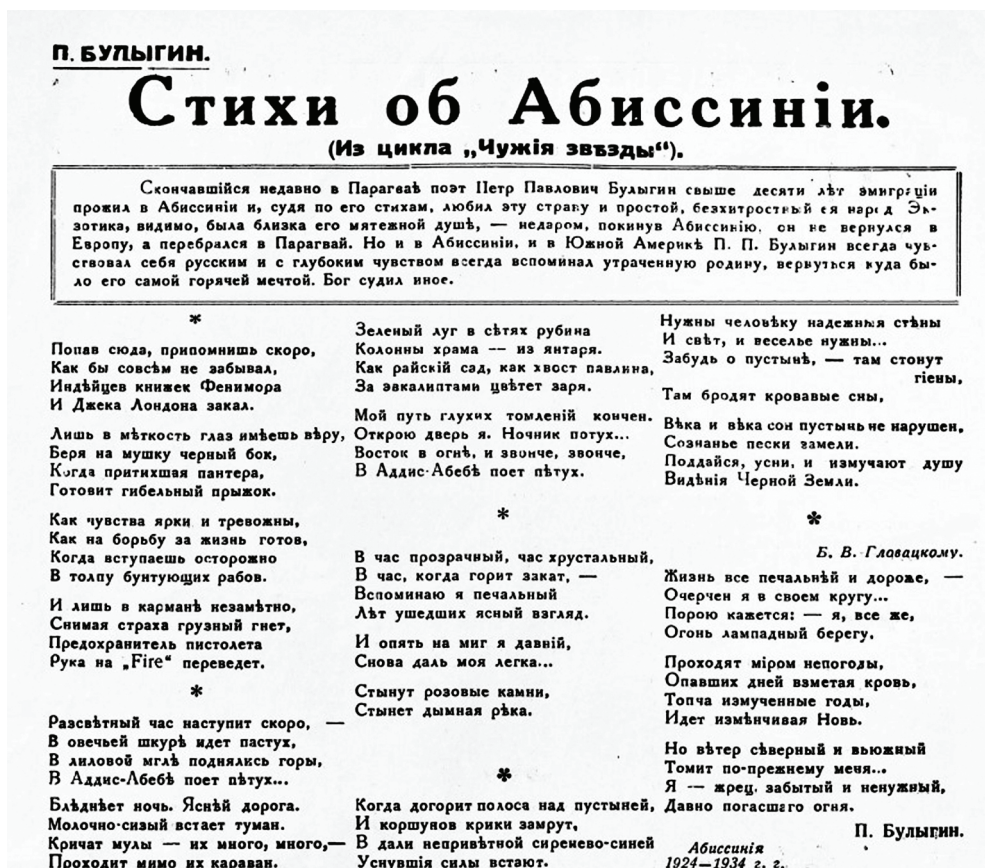

Рис. Стихотворения Павла Булыгина в журнале «Рубеж»

образовать поселение в Парагвае у слияния рек Парана и Парагвай, что и было им осуществлено. Умер Булыгин в Асунсьоне 17 февраля 1936 г. в день военного переворота, возглавляемого полковником Рафаэлем Франко.

В 1930 г. на проходившем в Варшаве конкурсе зарубежных поэтов и писателей первой премии была удостоена его поэма «Пороша», написанная онегинской строфой и посвященная Бунину. В 1937 г. в Риге его жена издала на свои средства сборник стихов – «Янтари».

В России в 1998 г. по инициативе внучатой племянницы Булыгина Т.С. Максимовой был издан сборник «Пыль чужих дорог», в 2009 г. – более полное собрание стихов, рассказов и публицистики под тем же названием. В 2010 г. – рассказы «Страницы ушедшего», в 2014 г. – книга об убийстве императорской семьи¹.

Жизнь Павла Булыгина «напоминала сказку, занимательный роман, повесть о днях беспокойного сердца, рассказ о человеке, не желавшем покоя, всегда стремившемся в неизвестную даль» [Пильский: 8], – отмечал в предисловии к книге «Янтари» известный в русской эмиграции критик Петр Пильский.

В 1935–1936 гг. стихи об Абиссинии Булыгина печатались в харбинском еженедельнике «Рубеж». Экзотическая тема вела поэта вслед за Гумилевым, Африка Гумилева стала своего рода его «путеводной звездой»: Абиссинии посвящен сборник стихов Булыгина «Чужие звезды», что дает прямую отсылку к «Чужому небу» Гумилева. Но не только именно на эту поэтическую книгу ориентирован Булыгин, как можно судить по заголовку, но и на «Шатер», и на многие экзотические стихотворения, баллады и новеллы Гумилева разных лет. В стихотворении «Красное море» из сборника «Шатер» Гумилев подчеркивает эту необычность, непривычность нового мира: «Нам чужие созвездья, кресты, топоры / Над тобой загорятся в небесных садах» [Гумилев: 283]. И эти «чужие созвездья» Булыгин приносит в свою лирику.

Гумилев был любим Булыгиным и за творчество, и за судьбу – такую показательную после революции. Булыгина «всегда тянуло к необычному, его звали дальние страны, экзотические миры, необычайная обстановка» [Пильский: 8].

В майском выпуске «Рубежа» 1936 г. напечатано пять стихотворений Булыгина из цикла «Чужие звезды» под общим заголовком «Стихи об Абиссинии»: «Попав сюда, припомнишь скоро...», «Рассветный час наступит скоро...», «В час прозрачный, час хрустальный...», «Когда догорит полоса над пустыней...» и «Жизнь все печальней и дороже...». Стихотворения микроцикла связаны между собой даже тематически – первые строки текстов как будто объединены общим посылом: новый, неизведанный мир, в котором осознается особенно остро космическая сущность огромного континен-

та и то, что человек является всего лишь песчинкой в этом чудесном, но и немного пугающем топосе.

Ностальгические нотки пронизывают эти тексты, но интерес к чужому пространству преобладает. Булыгин, как и Гумилев, увлечен открытием Африки, и это увлечение в первую очередь литературное. Фенимор Купер и Джек Лондон вытекают из воспоминаний поэта, мужество и преодоление препятствий персонажей американских писателей переходят к лирическому герою Булыгина. Смелость в душе рождается из чтения книг, и страницы приключенческих романов оказываются вписанными в осмысляемое поэтом абиссинское пространство:

Лишь в меткость глаз имеешь веру,
Беря на мушку черный бок,
Когда притихшая пантера
Готовит гибельный прыжок.

Как чувства ярки и тревожны,
Как на борьбу за жизнь готов,
Когда вступаешь осторожно
В толпу бунтующих рабов² [Булыгин 1936: 6].

Гумилевские строки о львах из стихотворения «У камина» (цикл «Чужое небо») «Мы стреляли в них, целясь между глаз» [Гумилев: 178] отзываются в описании подчеркнуто длительного прыжка пантеры (на целых два стиха!). И невероятное обострение чувств возникает именно на границе жизни и смерти, толкает лирического героя в мир опасностей и первобытных страхов. Готовность победить «бунтующих рабов», застрелить бросившуюся на тебя пантеру – черты, за которые Булыгин восхищался Гумилевым и ценил его «сильную» поэзию.

В стихотворении «Рассветный час наступит скоро...» Булыгин рисует раннее утро в Аддис-Абебе, природу, расписанную самыми удивительными красками. Лиловая мгла гор и молочно-сизый туман становятся поистине фантастическим фоном для рождения дня на этой таинственной земле:

Зеленый луч в сетях рубина.
Колонны храма – из янтара.
Как райский сад, как хвост павлина,
За эвкалиптами цветет заря... [Булыгин 1936: 6]

Рассвет окрашивает город и его окрестности в разные цвета, их переливы рожают сложные сочетания, напоминающие райские картины. Булыгин видит Абиссинию первозданным миром, в котором заря распускается хвостом павлина, когда ночь снимает свое покрывало, и Аддис-Абеба оказывается освещенной зелеными и янтарными оттенками.

В стихотворении «Сахара» Гумилев тоже представляет воображаемый экфрасис, описывая картину пустыни, созданную Богом:

Живописец небесный осенней порой
У подножия скал и растений
На песке, как на гладкой доске золотой,
Расстиляет лиловые тени [Гумилев: 287].

«Лиловая мгла» гор у Булыгина перекликается с «лиловыми тенями» на песках гумилевской Са-

хары. Вообще, описания «Абиссинских стихотворений» во многом ориентированы на образы и мотивы «Шатра», Африка Булыгина как будто вырастает из Африки Гумилева.

Поющий петух в первой и последней строфах стихотворения Булыгина становится символом рождения нового мира, знаком света и огненного Востока. В «Шатре» Гумилев не раз упоминал «пылающую» Африку, «луговые пожары» [Гумилев: 292]: «облеченная в пламя и дымы» [Гумилев: 281], «лопнет налитый огнем известняк» [Гумилев: 287], «и невиданным зверем багровым / на равнинах шевелится пламя» [Гумилев: 292], «знойное солнце пылает» [Гумилев: 295] и т. д.

Но если для Гумилева Африка соединяет в себе огненные и морские мотивы³, то Абиссиния Булыгина, с одной стороны, туманная, лиловая, переливающаяся разными оттенками, необыкновенно яркими и практически жгучими («В золоте кряж Мангаши» [Булыгин 2009: 236]; «Рыжие коршуны вились высоко» [Булыгин 2009: 236]; «Закат горит... Блестят костры» [Булыгин 2009: 236]; «Лесной задымился костер» [Булыгин 2009: 239] и др.), с другой – словно подернутая мягкой пеленой, из-за которой цвета перестают быть сияющими и матово тускнеют: «Побелила луна / Ущелья отвесные стены» [Булыгин 2009: 235]; «Плывет волна молочного тумана» [Булыгин 2009: 234]; «Стынут розовые камни, / Стынет дымная река» [Булыгин 1936: 6] и т. д.

И поэтому третье абиссинское стихотворение, опубликованное в «Рубеже», продолжает колористические игры Булыгина с африканским пространством. В данном тексте описывается закат (в противоположность рассвету предыдущего стихотворения), но закат тихий, с мягкими переливами цвета, скорее импрессионистический, чем гогеновский. Поэт видит не яркий обжигающий свет, а прозрачность и хрустальность воздуха (почти как в осеннем мире Тютчева), легкую даль, скрывающуюся за дымкой прошлого, и землю, окрашенную не в алые цвета, а в нежный розовый – сквозь мягкую дымку реки:

В час прозрачный, час хрустальный,
Час, когда горит закат, –
Вспоминаю я печальный
Лет ушедших ясный взгляд.

И опять на миг я давний... [Булыгин 1936: 6]

«Когда догорит полоса над пустыней...» – следующе стихотворение, продолжающее тему африканского заката. Сочетание огня (через яркую метафору «горящей полосы») и оттенков сиренево-синего показывает многогранность абиссинского мира. В этом мире сочетается мечта о доме («Нужны человеку надежные стены») и об открытом пространстве, которое воплощает пустыня, наполненная «кровавыми снами». Двойственность чуждого и вместе с тем такого притягательного мира в лирике Булыгина отсылает к диадам Тют-

чева, описывающего землю и жуткой мертвенной («обгорелой»), и цветущей и напоенной счастьем («В бездонном небе звездный сонм горит... / Соседний ключ слышнее говорит» [Тютчев: 158]):

Века и века сон Пустынь не нарушен.

Сознание – пески замели.

Поддайся, усни – и измучают душу

Видения Черной Земли [Булыгин 1936: 6].

В «видениях Черной Земли» у Булыгина проступают знаменитые строки из «Безумия» Тютчева:

Там, где с Землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет...

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами

Чего-то ищет в облаках... [Тютчев: 120].

Некая личностность, персонализация образа тютчевского Безумия в тексте Булыгина полностью снимается: сквозь космический сон Пустыни проступают видения «обгорелой», «черной» земли, но это больше напоминает сон огромного материка, скрывающего в себе тайны Вселенной. Пустыня у Булыгина открывается читателю не просто как экзотический пейзаж, а как некое надмирное пространство, как новая планета, где человек становится частью космоса.

Эти образы близки тютчевским стихийным силам, когда окружающий мир воспринимается живым и дышащим, подобно океану: «Над спящим градом, как в вершинах леса, / Проснулся чудный, еженочный гул... / Откуда он, сей гул непостижимый?.. / Иль смертных дум, освобожденных сном, / Мир бестелесный, слышный, но незримый, / Теперь роится в Хаосе ночном?» [Тютчев: 158]. «Лирические пейзажи Тютчева, его чувство всеобщей одушевленности, – пишет Ю.Н. Чумаков, – неопровержимо свидетельствуют, что поэт не проводил отчетливой границы между так называемым субъективным и объективным» [Чумаков: 366]. И как в «Безумии» Тютчева смешиваются стихии, и аллегорическая фигура (которая не является лирическим «я») теряет свое субъективное начало, так и у Булыгина в финале исчезают черты персонализации, и бытие открывается через вековой сон пустынь, перетекающих в человека: «Поддайся, усни – и измучают душу / Видения Черной Земли» [Булыгин 1936: 6], а сам человек растворяется в этом сне Вселенной.

«Когда догорит полоса над пустыней» – в то же время очень «гумилевское» стихотворение – о зыблущихся песках, засыпающих сознание. Кажется, будто личность человека растворяется в этом огромном мире и теряет свою индивидуальность, свои конкретные черты, становясь частицей бесконечных зыбей. Такой вариант Апокалипсиса описан в «Сахаре» Гумилева:

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара [Гумилев: 289].

Последнее стихотворение Булыгина из данной подборки «Жизнь все печальней и дороже...» выглядит ретроспективным взглядом из глубин Африки на «северное» прошлое поэта. Привычный образ огня преобразуется здесь в огонь лампы, освещающий путь странника, революция и Гражданская война относятся Булыгиным к природным катаклизмам («Проходят миром непогоды, / Опавших дней взметая кровь» [Булыгин 1936: 6]), а бытие обновляется – но не для поэта, душой оставшегося в потерянном мире («Но ветер северный и вьюжный / Томит по-прежнему меня» [Булыгин 1936: 6]). Находясь на просторах удивительной Африки, Булыгин чувствует себя одиноким и потерявшим смысл жизни:

Я – жрец, забытый и ненужный,
Давно погасшего огня [Булыгин 1936: 6].

Вероятно, посылая эти пять стихотворений в харбинский «Рубеж», поэт думал и о своих «китайских» соотечественниках, оставшихся без родины, и обо всех скитальцах, вынужденных покинуть Россию после революции или Гражданской войны. Это был его «африканский» привет городу, через который он покинул прежде родной и любимый мир.

Отдельно хочется упомянуть стихотворение «Соу Джин» («Человек-Гиена»), напечатанное в 46-м номере «Рубежа» за 1935 г., потому что образ гиен – один из важнейших в абиссинском бестиарии Булыгина. У Булыгина есть почти параллельный этому тексту, со схожим сюжетом, рассказ «Соу Джин» (*Очерк из абиссинской жизни*), где также идет речь о человеке-гиене – странном существе, о котором поведал герою-повествователю его местный слуга. Рассказ вышел в Риге в 1925 г. Соу Джин, пишет Булыгин, «днем работает в поле, как все, но лишь стемнеет... крадется чащей голый, черный, старый человек на четвереньках. Теперь он – гиена, он повторяет все ее хватки и уха-ет, подражая ей... человек становится зверем, злее и отважнее зверя» [Булыгин 2010: 31]:

Если, встретив ребенка, похвалит его,
Саблю воина тронет рукою,
Заболает дитя ни с того ни с сего,
И гурада покроется ржою... [Булыгин 2009: 238]

Когда рассказчик встречается с Соу Джином, он описывает его глаза так: «темнота глянула оттуда,

темнота черных веков грозной пустыни» [Булыгин 2010: 33]⁴.

Ритм стихотворения Булыгина (чередование 4-стопного и 3-стопного анапеста) адресует читателя к текстам Гумилева, часто использующего в «Шатре» анапест вообще, а именно такое чередование – в «Сахаре», «Галле», «Сомалийском полуострове» (в последнем, правда, рифмовка смежная, а не перекрестная). Финал тоже сделан в духе гумилевских концовок, например «Абиссинии» (характерно упоминание леопарда в стихотворении о «гиене»):

И я вижу, как знойное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга
[Гумилев: 295].

Как ни грозен в лесу леопард-господин,
Как ни страшны тюремные стены,
В каждом округе есть свой, наверно, один
Или два человека-гиены

[Булыгин 2009: 238].

Леопард встречается в «Чужих звёздах» Булыгина неоднократно. В стихотворении «Вечерами я с трубкой сижу у ворот» («Рубеж», 1935, № 12) упомянут «Леопард Господин» – элемент гумилевского бестиария в творчестве Булыгина: «Леопард лишь хозяин один / Потемневшей туманной равнины» [Булыгин 2009: 251].

Гиен можно встретить и в других абиссинских текстах Булыгина, опубликованных в «Рубеже»: например, в уже рассмотренном нами стихотворении «Когда догорит полоса над пустыней...» упоминаются гиены («Там стонут гиены, там бродят кровавые сны» [Булыгин 1936: 6]). Пустыня становится таинственным местом, в котором живут мистические существа. Пустыня, по мнению Булыгина, «край гиен».

Экзотический мир поэт описывает, однако, не только как необычный, странный и чуждый, но и как будто приближает его к себе, «одомашнивает», открывает его мягкий и спокойный быт – на фоне лиловых гор и пронзительных рассветов/закатов. И в этом мире абиссинский бестиарий открывается иначе: чудные звери становятся обыденными животными, присущими африканскому пространству:

С нагретого красного камня
Блеснула мне взглядом змея...

... И снова, знакомый, но странный,
Дрему опрокинувший вмиг,
Попавшей в капкан обезьяны,
Далекий придушенный крик [Булыгин 2009: 239].

«Обезьяний сюжет»⁵ характерен для новелл и стихотворений Булыгина. Обезьяны для поэта – привычные и, пожалуй, близкие существа, которые, будучи дикими, могут вредить человеку, а могут выступать и в роли домашних любимцев. В стихотворении «С нагретого красного камня...», опубликованном в 4-м номере еженедельника «Ру-

беж» в 1935 г., обезьяны напоминают кроликов, которые попадают в капканы в русских лесах. Но сам абиссинский быт заставляет видеть Булыгина мир животных иначе, чем в России. Обезьяны, слоны и змеи – привычные обитатели Африки, к ним привыкает и автор «Чужих звезд». И русский пейзаж словно просвечивает сквозь экзотический, один мир проступает через другой, обостряя чувства и ностальгию:

И вижу, – нет слаще отравы, –
Лесной задымился костер,
Кровавая примятые травы,
И кактусов колкий забор [Булыгин 2009: 239].

Невольно у читателя возникает аналогия с тихим русским лесом, но характерные приметы Африки «выдают» иное пространство.

Мотив воспоминаний – один из самых частых в лирике Булыгина: в стихотворении «Русский в Абиссинии» («Рубеж», № 32, 1935 г.) почта (точнее, раб, который ее приносит раз в месяц) связывает Россию, такую далекую, и мир Пустыни⁶. Повторяя для себя путь Гумилева, как будто погружаясь в африканские строки поэта, Булыгин пытается привыкнуть к местным реалиям: «Кормя ручного леопарда, – / Я с ним по-русски говорю» [Булыгин 2009: 239]. Но память услужливо напоминает о прежней жизни и не дает внутреннего покоя и счастья: «Храню погоны и кокарду / От службы Русскому Царю... // И вспоминаю Гумилева...» [Булыгин 2009: 239].

Контраст двух миров отчетливо виден в стихотворении «На Страстной» («Рубеж», № 19, 1936 г.), которое можно было бы назвать «Абиссинский сон»: «Я забыл в своей беленькой хате / Абиссинского солнца неволю» [Булыгин 1936: 4]. Поэту снится Арбат и дорога к Девичьему Полю. И африканский мир отступает, уходит в небытие перед прошлой, такой яркой и счастливой жизнью:

Над проржавленной красною крышей
Ярко-синие луковки храма.
В палисадниках слова не слышно
От веселого птичьего гама.

Разгуделась Страстная Неделя...
И гудит, и гудит непрестанно...
В голубую прозрачность Апреля
Я, как в юность далекую, канул...

[Булыгин 1936: 4]

Вынужденная эмиграция отзывается весенней Страстной неделей, кануном Пасхи. Потерявший родину поэт остается наедине со своими воспоминаниями, и солнечная Африка, спасая его, тем не менее навсегда остается для Булыгина всего лишь вторым миром.

Абиссиния Булыгина открывает нам не просто мир, который хочется покорить, в котором хочется проявить свое мужское начало, в котором звери прекрасны и опасны, притягательны и устрашающи. Поэт открывает для себя новую Вселенную: она чарующа и бесконечна, словно воронка, втя-

гивает в себя иноземца, подчиняет своим законам и растворяет в себе. Пустыня, по описаниям Булыгина, – это неизведанная планета, ставшая для путника прибежищем и подарившая ему новую форму жизни. Эмигрант, покинувший Россию, не сумевший спасти императора и вынужденный бежать из родной страны, обретает новый дом – одновременно непонятный и непостижимый, но поэтический, живописный и неожиданно уютный. Погружение в африканский топос, согретый для Булыгина поэзией и путешествиями Гумилева, помогает поэту спастись от одиночества, тоски и ностальгии. Любовь к родине остается в сердце, но новый мир дает силы жить и творить дальше.

Примечание

¹ См.: «Введение» Т.С. Максимовой к книге стихотворений Булыгина «Пыль чужих дорог» [Булыгин: 4–22; Куликова 2017: 146–164].

² Цитируется здесь и далее в современной орфографии.

³ См. об этом подробнее: [Куликова 2010: 76–83].

⁴ Тексты Булыгина о человеке-гиене перекликаются с новеллами Гумилева «Черный Дик» (1908), стихотворениями «Гиена» (1907) и «Ужас» (1907) – произведениями, в которых явно описан мотив «оборотничества» – превращения человека в зверя. Подробнее об этом см.: [Куликова 2017: 146–164].

⁵ Описанный мною в: [Куликова 2017: 146–164].

⁶ В некоторых стихотворениях Булыгин пишет слово «Пустыня» с прописной буквы, подчеркивая ее власть над африканским континентом.

Список литературы

- Булыгин П. На Страстной // Рубеж. Харбин. 1936. № 15. С. 4.
- Булыгин П. Пыль чужих дорог: собрание стихотворений. М.: ACADEMIA, 2009. 480 с.
- Булыгин П. Стихи об Абиссинии (из цикла «Чужие звезды») // Рубеж. Харбин. 1936. № 19 (432). С. 6.
- Булыгин П. Страницы ушедшего: рассказы. М.: Изд-во ACADEMIA, 2010. 108 с.
- Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.
- Дмитриев И.Е. Эмигрантский журнал «Рубеж» как источник по антропологии моды русского зарубежья 1930–1940-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 5. С. 102–112.
- Кауфман Е.С. К 10-летию издания журнала // Рубеж. Харбин. 1938. № 13. С. 1–2.
- Кириллова Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербачев, Е.Е. Яшнов). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. 276 с.
- Куликова Е.Ю. Африканские «картинки из книжки старинной» Н. Гумилева // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 76–83.

Куликова Е.Ю. О магистральных и маргинальных путях русской поэзии: «Чужие звезды» Николая Гумилева и Павла Булыгина // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 146–164.

Пильский П. Янтари. Новая книга: Павел Булыгин. Стихотворения. Изд-во Дидковского. Рига. 1937 // Сегодня. 1937. 15 июня. № 162. С. 8.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. М.: Издательский Центр, Классика, 2002. Т. 1. 528 с.

Чернов О. История журнала «Рубеж». Харбин, 1926–45 гг. URL: https://web.archive.org/web/20111026210644/http://antiq-books.com/dlya_antikvara/almanah-rubez-harbin/ (дата обращения: 25.01.2021).

Чумаков Ю.Н. Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассмотрений. М.: Языки славянской культуры, 2008. 416 с.

References

Bulygin P. *Na Strastnoi* [On Holy Week]. *Rubezh* [Frontier]. Kharbin, 1936, № 15, p. 4. (In Russ.)

Bulygin P. *Pyl' chuzhikh dorog: sobranie stikhotvoreniĭ* [Dust of others roads: collection of poems]. Moscow, 2009, 480 p. (In Russ.)

Bulygin P. *Stikhi ob Abissinii (iz tsikla «Chuzhie zvezdy»)* [Poems about Abyssinia (from the cycle “Alien Stars”)]. *Rubezh* [Frontier]. Kharbin, 1936, № 19 (432), p. 6. (In Russ.)

Bulygin P. *Stranitsy ushedshego: rasskazy* [Pages of left: stories]. Moscow, 2010, 108 p. (In Russ.)

Gumilev N.S. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems]. Leningrad, 1988, 632 p. (In Russ.)

Dmitriev I.E. *Emigrantskii zhurnal «Rubezh» kak istochnik po antropologii mody russkogo zarubezh'ia 1930-1940-ch gg.* [The emigrant magazine “Rubezh” as a source on the anthropology of fashion in the Russian diaspora in the 1930-1940s.] *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* [Historical journal: scientific research]. 2019, № 5, pp. 102–112. (In Russ.)

Kaufman E.S. *K 10-letiiu izdaniia zhurnala* [To the 10th anniversary of the publication of the magazine] *Rubezh* [Frontier]. Kharbin, 1938, № 13, pp. 1–2. (In Russ.)

Kirillova E.O. *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ia Dal'nego Vostoka*

(B.M. Iul'skii, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Iashnov) [Oriental themes, images, motives in the literature of the Russian diaspora of the Far East (B.M. Yul'sky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov)]. Vladivostok, Dal'nevostochnyy federal'nyy universitet Publ., 2015, 276 p. (In Russ.)

Kulikova E.Iu. *Afrikanskie «kartinki iz knizhki starinnoi» N. Gumileva* [African “pictures from an old book” of N. Gumilyov]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2010, № 4, pp. 76–83. (In Russ.)

Kulikova E.Iu. *O magistral'nykh i marginal'nykh putiakh russkoi poezii: «Chuzhie zvezdy» Nikolaia Gumileva i Pavla Bulygina* [On the main and marginal paths of Russian poetry: “Foreign stars” by Nikolai Gumilyov and Pavel Bulygin]. *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], 2017, № 2, pp. 146–164. (In Russ.)

Pil'skii P. *Iantari. Novaia kniga: Pavel Bulygin. Stikhotvoreniia. Izd-vo Didkovskogo. Riga. 1937* [Ambers. New book: Pavel Bulygin. Poems. Didkovsky's publishing house. Riga. 1937]. *Segodnya*, 1937 (June 15), № 162, p. 8. (In Russ.)

Tiutchev F.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6-ti t.* [Full composition of writings. Letters: in 6 vols.]. Moscow, Izdatel'skii Tsentr Publ., Klassika Publ., 2002, vol. 1, 528 p. (In Russ.)

Chernov O. *Istoriia zhurnala «Rubezh».* Kharbin. 1926–45 gg. [History of the “Rubezh” magazine. Harbin. 1926-45]. URL: https://web.archive.org/web/20111026210644/http://antiq-books.com/dlya_antikvara/almanah-rubez-harbin/ (access date: 25.01.2021). (In Russ.)

Chumakov Iu.N. *Pushkin. Tiutchev. Opyt immanentnykh rassmotrenii* [Pushkin. Tyutchev. Experience of immanent considerations]. Moscow, 2008, 416 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.12.2020; одобрена после рецензирования 19.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 30.12.2020; approved after reviewing 19.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 192-199. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 192-199. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821.161.1.09«20»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-192-199>

СОКРОВЕННЫЕ ЛЮДИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТИПОЛОГИЯ, ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Иванов Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Типы и персонажи А. Платонова, его мастерство в создании художественных образов, формы и способы презентации авторского мира – актуальная историко-литературная проблематика, рассмотрению которой в контексте современных исследований русской литературы 1920–30-х гг. посвящена данная работа. «Сокровенные люди» – авторская находка Платонова – художественные типы индивидуализированы, самобытны и архетипичны одновременно. Они появились как результат платоновского мыслетворчества и языкотворчества, наложившихся на колорит эпохи, историко-литературные и культурные традиции. Эти и другие трудноуловимые связи, пересечения, взаимодействия и были охарактеризованы в процессе исследования, которое выдержано в методологии мифопоэтической реконструкции текстовых структур и дискурсивных практик. Устанавливались фольклорные и мифопоэтические архетипы, систематизировались мотивы творчества Платонова. Наиболее значимые результаты работы: дополнены сложившиеся представления о типе художественного мышления Платонова; раскрыт историко-литературный и культурный контекст формирования авторской позиции; показана функциональная сторона мифопоэтических мотивов и архетипов в создании образов; даны новые оценки содержания и формы ряда известных произведений. Мастерство Платонова осмыслено в контексте актуальных для русской прозы XX века неомифологизма и словотворчества; дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой половины XX столетия.

Ключевые слова: русская литература XX века, А. Платонов, художественные типы и персонажи, поэтика, язык и стиль прозы, мифопоэтика

Для цитирования: Иванов Н.Н. Сокровенные люди Андрея Платонова: художественная типология, историко-литературный и культурный контекст // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 192-199. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-192-199>

Research Article

THE INNERMOST MEN OF ANDREI PLATONOV: THE TYPOLOGY OF ARTISTIC, HISTORICAL-LITERARY AND CULTURAL CONTEXT

Nikolay N. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. Types and characters of Andrei Platonov, his skill in creating artistic images, forms and ways of presenting the author's world – a topical historical and literary problem, which is considered in the context of modern research of Russian literature in the 1920s-1930s. This work is devoted to “innermost men” – Platonov author's discovery, certain artistic types, individualised, original and archetypal at the same time. They appeared as the result of Platonov's thought-making and language-making, superimposed on the colour of the epoch, historical, literary and cultural traditions. These and other difficult-to-grasp connections, intersections, and interactions were characterised in the course of research, which is based on the methodology of mythopoetic reconstruction of textual structures and discursive practices. Folklore and mythopoetic archetypes were established, and Platonov's creative motives were systematised. The most significant results of the work are the following. The existing ideas about the type of Platonov's artistic thinking are supplemented; the historical, literary and cultural context of the author's position formation is revealed; the functional side of mythopoetic motifs and archetypes in the creation of images is shown; new assessments of the content and form of a number of well-known works are given. Skill of Platonov is meaningful in the context of contemporary Russian prose of the 20th century, of neomifologists and word creation; augmented scientific understanding of complex phenomena in Russian literature of the first half of the 20th century.

Keywords: 20th century Russian literature, Andrei Platonov, artistic types and characters, poetics, prose language and style, mythopoetics

For citation: Ivanov N.N. The innermost men of Andrei Platonov: the typology of artistic, historical-literary and cultural context. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 192-199 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-192-199>

Сверхзадача данной работы состоит в попытке раскрыть художественную типологию созданного А. Платоновым типа так называемого сокровенного человека, рассмотреть его в контексте творческих поисков самого Платонова, русской литературы первой трети XX столетия и в более широком – культурном, прежде всего мифопоэтическом.

Характеризуя художественные типы и персонажи, мы стремились выявить архетипичные черты *сокровенного человека* и вписать его в систему мифопоэтических мотивов. В результате планировалось получить новое знание о малоизученных сторонах, типе художественного мышления Платонова и художественном выражении его авторской позиции. Это возможно при условии интерпретации, комментирования символики и архетипов, мотивов, микрообразности, внешней и внутренней формы в функционально-художественных аспектах. Решение поставленных задач, полагаем, состоялось благодаря методологии исследования, опирающейся на мифопоэтический подход к явлениям литературы, искусства, традиции мифокритики, метод реконструкции текстовых структур, дискурсивные практики.

Сочинения Андрея Платонова всегда оценивали по-разному, но никогда – нейтрально [Андрей Платонов: Воспоминания современников]. Прочитав в журнале «Октябрь» рассказ «Усомнившийся Макар», И.В. Сталин в узком кругу назвал его «двусмысленным произведением» [Чалмаев 1996: 31]. А. Фадеев к «идеологической» двусмысленности добавил определение «анархистский» [Чалмаев 1996: 31]. Показалось умонастроение Платонова «анархическим» и М. Горькому, а люди, при «нежности» отношения Платонова к ним, «чужаками» и «полоумными» [Чалмаев 1996: 41]. Не назвать дружескими отношения Платонова с М. Пришвиным. Тем не менее Горький и Платонов, при всех индивидуальных, творческих и других расхождениях, в оценке эпохи, понимании её идеалов совпадали. Оба представляли новый мир как царство свободных раскрепощённых людей; оба допускали чудесное преобразование физического потенциала личности в созидательную духовную силу, и это не было утопическим проектом [Вечное солнце; Гюнтер]. Платоновская вера в преображение человека, совершенствование природы опиралась на разум, труд, талант самого человека, на технический гений его (сегодня – технический прогресс) [Варламов; Васильев]. Горький же боготворил знание, культуру, книгу.

Прототекст сочинений Платонова правомерно считать отдельные темы русской литературы XIX века, идеологемы русского религиозно-философского ренессанса, в меньшей степени – фольклор, но в значительно большей – широко трактуемый сегодня библейский, христианский миф [Иванов 2011: 220–224]. Здесь форми-

ровались и *сокровенные* люди, и символические образы его сочинений, прежде всего повести «Котлован»: дом – сад – котлован – башня. Последние вобрали представления Платонова о городе солнца, его версии древних мотивов трансформации мёртвого в живое, телесного – в духовное. Экфрасис же – литературное описание архитектурных объектов – позволил визуализировать личностные архетипы автора в виде идей священного центра и возвышения человека и, в контексте фаустианского мифа, преодолеть власть Духа земли [Иванов 2018: 27].

Сокровенный человек – авторская находка, художественный тип, выразивший личные, интимные движения душевного мира Платонова-писателя. Сокровенные люди автобиографичны; как и создатель их, внутренней гармонии они не знали, к пантеизму, как у Пришвина, или к богостроительству, как у Горького, не тяготели. Их порыв преодолеть духовные противоречия, не потеряться между землёй и небом, обрести человека в новой, коммунистической действительности имел другой вектор. Типологически сокровенный человек близок фольклорным искателям *инога царства* [Трубецкой: 100], так называемым народным мудрецам, склонным к юродству героям-бродягам. Но, в отличие от фольклорных, платоновский странник истиной обделён, и он – не божий, но изначально безбожный человек. В повести «Ямская слобода» – это Филат, в рассказе «Усомнившийся Макар» – главный герой, чьё имя отражено в названии рассказа; Фома Пухов и Саша Дванов, соответственно, повесть «Сокровенный человек» и роман «Чевенгур», наконец, Вощёв из повести «Котлован».

Востребованность социально-психологических типов народной культуры обусловлена полемикой с культурой книжной [Иванов 2017: 18], и в неореализме это был поиск скорее онтологический, чем художественный. Из недр языка, мифа, апокрифов был извлечён тип *народного мудреца*, или *мудрого простеца*; он известен по работам А. Афанасьева, С. Максимова, Е. Трубецкого, В. Лосского, В. Проппа. Народные мудрецы влекли деятелей искусства, литературы тонкими связями человека с потусторонними сферами Бытия. С. Максимов в русском странничестве видел ценности более высокие, нежели здравый смысл [Максимов: 50]. *Простые* миряне, *Христа ради* юродивые, скрывая свои духовные дары, совершают нелепые поступки, чтобы вырваться из уз *мира сего*, и потенциально близки к духовному совершенству, в этом феноменальность русского юродства [Лосский: 18]. Самозабвенно странствуя по разным местам, они реализуют аскетическое стремление уйти из мира, но платоновские бродяги Филат, Пухов, Вощёв – не аскеты, из мира не бегут.

Фольклорный, мифологический инвариант искателей *инога царства*, народных мудрецов в проекциях на художественные опыты русского неореа-

лизма, прозы 1920–30-х годов дал образы широкого ментального и этического спектра. В прозе Горького, например, это неприметные внешне люди из мещанства, социальных низов, но выдержанные в архетипах как святого человека, так и колдуна. Принадлежность к мастерству, ремеслу – кузнецы, мельники, плотники – обеспечивает им особый статус, право на вещи, тайные слова.

Народные мудрецы, используя притворства, превращения, получают способности в момент безумия [Пропп 2: 182]. Подобные способы освобождения от физической оболочки и вселения духа демонстрировали персонажи произведений А. Ремизова, Горького, Пришвина. Принадлежа к миру естественному, природно-стихийному, они воплощали заветную правду, утраченную европейски просвещённой интеллигенцией. Художественная разработка означенных типов позволяла повествовать о духе и плоти, о мире невидимом, направляла поиски Бога живого. Народные мудрецы могут быть в виде умных старичков, блаженных или дурачков, они разыгрывают скоморошью роль безумца, облачаются в рубище бродяги-юродивого.

Традицию продолжил Платонов, но его сокровенные люди вынуждены обретать *вещество* и смысл жизни в безбожном мире, в социально-политических обстоятельствах 1920–1930-х годов, перевернувших национальный уклад: великий перелом, индустриализация, культурная революция, коллективизация. Следует уточнить, что и сам Платонов, участник Гражданской войны, корреспондент, критик красных газет, журналов, активно строил новый мир, не устранившись на периферию. Это он в одной из рецензий назвал Пришвина «певцом болотной экзотики», «бесчеловечным» писателем, на что тот отреагировал в дневниках и объявил себя не антропософом, но собакософом [Иванов 2020: 34].

По-своему блаженны и Пухов, и Дванов, и Воцев. Первые двое к тому же, маскируя свою правду и несогласие с абсурдными вывертами советской реальности, пытаются ещё и юродствовать. Традиционные искатели иного царства, мудрые простецы покидали мир, который знали; но Воцев никуда не уходит, по воле ветра и судьбы он оказывается причастен к центральным событиям эпохи: сначала возведение Вавилонской башни для трудящихся, затем – новые соборность, крестьянский общинный рай в виде коллективизации.

Бездомные сокровенные люди, как и персонажи волшебных сказок, агиографии, реализуют мифопоэтические мотивы судьбы, странствий, бродячества, вхождения в мир, преодоления испытаний на пути духовного роста. Внутренняя жизнь сокровенных людей наполнена правдоискательством, мыслями об аналоге эликсира жизни, установлением сакральных связей микро- и макромира; в равной степени они внимательны и к букашкам, копошащимся в траве, и к тем, кто созерцает звёзды.

Большевистский проект нового мира был вдохновлён утопическими идеями русских философов Вернадского, Чижевского, Федорова, других учёных-идеалистов о Бытии в ритме солнца, творчестве и созидании, преодолении смерти. Интеллектуальный, культурный потенциал сокровенных людей, не имевших академической теории, методологии, инструментария, не позволял решать столь грандиозные задачи, потому в повестях Платонова и появляются инженеры: в «Котловане» – Прушевский, в повести «Ювенильное море» (1934) – Николай Вермо. С другой стороны, непонимание происходящего сокровенными людьми, допускаем, имеет автобиографическую подоплёку. Эти персонажи вышли из стихии платоновского языкотворчества, сказа как установки на сознание определённого типа людей.

Подчёркнуто автобиографичен образ Воцева. Платонов начал работу над повестью в 1929 году, когда ему было 30 лет, столько же и Воцеву, уволенному с завода в «день тридцатилетия» [Платонов: 4]. Сокровенные люди Платонова – правдоискатели, как и многие горьковские персонажи, но темперамент их совершенно иной. В финале автобиографической трилогии Горького автобиографический герой добирается до берегов Каспия, пристаёт к небольшой артели рыболов. Артель рыболовов здесь – не бытовая деталь; она вводит образные представления читателя в библейские, евангельские смыслы: рыбы на гороскопе Христа, призвание первых учеников из числа рыболовов, последующие мессианство, учительство. Великие дела ждут и Алексея Пешкова, готового вступить в новый круг жизни. Платоновский Воцев, пребывая в возрасте свершений, по сути, возрасте Христа, «задумчив» и «слабосилен». Усталость от жизни, от мыслей как типологическое свойство сокровенных людей демонстрируют Пухов, Дванов. Воцев не обременён поисками Святого Грааля, но душу он «напрягал», тела на «работу ума» во имя «тайны жизни» не жалел [Платонов: 7]. В образно-понятийном поле *вещества жизни, преодоления плоти* следует расценивать и покрывавшихся звериной шерстью безымянных персонажей, выведенных в повестях «Котлован», «Ювенильное море».

Монументальный новый дом в повести «Котлован» воспроизводит библейский мотив строительства башни до небес. В Ветхозаветной традиции башня олицетворяет тело для духа [Энциклопедия: 73–75]. Высотно ориентированные здания советских архитекторов, задуманные в конце 1920-х – 1930-е годы, выразили религию человекобожия, основные мифологемы которой русские революционеры-утописты определили ещё на рубеже XIX–XX столетий [Булгаков: 222]. Монументальный дом предназначен для коллектива, трудящихся всей земли и противопоставлен дому традиционному, усадьбе как разновидностям *огороженного* существования. Сокровенные люди – бездомны; их

души полны «теплоты жизни», но лишены истины, потому слабосилен Вощев, потому устал Дванов. Вощев чувствовал «сомнение в своей жизни и слабость тела без истины» [Платонов: 7]. Видимо, отринув идею богоподобия, не зная о толстовском нравственном принципе Царства Божия *внутри нас*, сокровенные люди не устояли перед иллюзиями новых идеологов, ведь Вощев мягок, гибок, податлив, как воск, что отразила его фамилия. Уходя от себя, он бесцельно странствует по земле. «Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка» [Платонов: 6]; о невозможности отгадать загадки Большого Мира свидетельствует небо, которое светит над ним «мучительной силой звезд» [Платонов: 5].

Вощев восприимчив, податлив. Его потребность в созидании удовлетворилась бы открытием истины в ближнем к нему «теле человека» [Платонов: 13]. Но тщетны усилия нетрудоспособного Вощева, что также отразила его фамилия: *вотще, тщетно*. Запах «умершей» травы на пустыре обострял чувство «грусти жизни и тоски тщетности» [Платонов: 15]. Вощев живёт «заочно» [Платонов: 10], вопрошает «безответно» [Платонов: 7]; его тело истомлено «мыслью и бессмысленностью» [Платонов: 15]. Жизнь сокровенных людей мотивирована философией биодицеи (жить – чтобы жить), в отличие от теодицеи – богоподобие как истинное знание оправдывает земной путь человека.

Мотив тщетной жизни без истины воспроизведён в пейзаже, в лиризованном повествовании, деталях, в музыке, звуки которой спасают «от тоски тщетности» [Платонов: 14], системе персонажей: слабосильный Вощев, собравшийся умереть Прушевский, ждущий смерти в гробу мужик-крестьянин, обретшая «смирение в земле» Настя.

Мистическое противопоставление человека животным основано на том, что человек познаёт и развивается в течение всей жизни, тогда как животному высокий для него уровень интеллекта дан с момента рождения. «Скучно собаке, она живет благодаря одному рождению, как и я» [Платонов: 5], и, как она, добавим, Вощев не может развиваться. «Лучше б я комаром родился» [Платонов: 36], – думал он. Пейзажные детали усиливают идею покинутости сокровенных людей. «Умерший, палый лист» [Платонов: 7] лежал рядом с головою, метонимически определяя её носителя – Вощева. Предметы «несчастья и безвестности» [Платонов: 7] – лист, осколок камня – он подбирал и прятал, чтобы сделать их игрушками для Насти. Упавшая мёртвая птица в его руках сигнализирует о прерванном полете.

Как и первозданный Адам, Вощев не связан с прошлым, находится вне культуры, традиций, и, обделённый истиной и веществом существования по факту своего рождения, остаётся между комаром, собакой и человеком. Вощев идентифицирует себя как личность без индивидуальности, потому и говорит колхозникам, обрадовавшись: «Вы стали теперь, как я, я тоже ничто» [Платонов: 83].

У персонажей повести общее дело – рытьё котлована. Товарищ Пашкин даёт указания, инженер Прушевский проектирует «общепролетарский дом», землекопы и мастеровые Чиклин, Сафронов, Козлов, разные безымянные люди работают; по дну котлована ездит на тележке инвалид Жачев и, как бы случайно, здесь оказался Вощев. Вскоре в рабочем бараке появится девочка-сиротка Настя. Не все они – «ничто»; обладают «самостью Чиклин, Жачев, Пашкин, Козлов, Сафронов, Елисей Саввич, кузнец Миша, «буржуйка» Юлия, её дочь Настя.

Тщетность усилий Вощева в поисках иного царства предстаёт более выпукло, будучи спроецированной на деятельность инженера Прушевского – не сокровенного, но отчасти близкого Платонову профессионально, однако далёкого ему социально, культурно, ментально человека. Вощев не знал «точного устройства всего мира» [Платонов: 17], но и Прушевский его не знал. Внетекстовые (дискурсивные) факторы актуализации смысла повести продуктивны при интерпретации диалогов персонажей об истине: включается содержание споров Христа и Пилата, Фауста и Мефистофеля. И совсем уж фаустианский вопрос: «А вы не знаете, отчего устроился весь мир?» [Платонов: 27] – Вощев адресовал Прушевскому. Впавший в уныние инженер признался, что интеллигенцию учили «какой-нибудь мёртвой части <...> Всего целого или что внутри – нам не объяснили» [Платонов: 27].

Вощев-личность пребывает почти на голом месте – без прошлого и традиций: чистая, свободная для любого текста доска, исходный материал (воск, глина) для скульптора. Прушевский же типизирует потенциальные возможности интеллигенции в новом мире. Он – человек культуры, знания, инженер старой формации, скорее всего, бывший дворянин. Прушевский верил в Христа, он дорожит воспоминаниями о матери, о любимой когда-то женщине. Прошлое инженера – насыщенное и полноценное; в прошлом же истоки его ущербности. Самые лиричные страницы повести посвящены Прушевскому. Он чувствителен, сентиментален, пишет трогательные письма сестре, а перечитывая её открытки, плачет; параллельно с этой темой звучит другая: «тоскливо и задумчиво» [Платонов: 19] ему было уже в детстве, и теперь он не знает, как «жить одному» [Платонов: 19]. Прушевский – интеллигент чеховского типа, он и живёт во «флигеле во фруктовом саду» [Платонов: 22]. Чеховские аллюзии отсылают к комплексу представлений о бескрылости [Неведомский] интеллигенции рубежа XIX–XX столетий. Свой потенциал она исчерпала задолго до 1917 года, теперь же оказалась востребованной только потому, что на «спецов» «курс есть» [Платонов: 35].

Прушевский, инженер, чертёжник, «не старый, но седой от счёта природы человек», достиг предела личностного развития, испытал «конец дальнейшему понятию жизни» [Платонов: 22], подошёл к

обозначенной Свыше черте. Фаустом двигало живое чувство, разум Прушевского поражен «стеснением сознания», он не знает ту «волнующую силу», от которой «начнет биться сердце и думать ум» [Платонов: 37]. В сознании инженера установилось нежное равнодушие, согласованное со смертью и с чувством «сиротства к людям» [Платонов: 37]. Сомнения Прушевского не фаустианского толка, но рефлексия интеллигента чеховской, не гаршинской закваски. Интеллигенция рубежа веков была склонна к многословию и даже суесловию, ей свойственно было иронизировать над идеей Мира как тайной Творения, моделировать любовь в соответствии с книжными идеалами, далёкими от живой жизни, инстинктов, страсти, известной читателю по сочинениям Куприна, А.Н. Толстого, Пришвина. Это люди без *солнца в крови*, о которых мечтал Горький.

Однажды Горький поделился с Пришвиным соображением о том, что человек в его, Пришвина, книгах предстаёт Мужем Земли, творцом чудес и радостей её [Иванов: 2017]. Прушевский чудес не творит, мир он представлял «мёртвым телом» [Платонов: 16], и его потенциалов недостаточно, чтобы соединить в теле дух и материю, оплодотворить природу.

Архаичные мифологические системы допускают создание Божественным архитектором Храма для духа в виде тела как условие восстановления «теоморфного» принципа человека [Энциклопедия: 51]. Прушевский бессилён преобразовать мёртвое в живое, а его творение – восстановить теоморфный принцип. Предвидя произведение «статической механики», он не мог предчувствовать «устройство души» поселенцев общего дома, «вообразить» жителей будущей башни [Платонов: 37].

Ведомый Прушевским землекоп Чиклин упраздняет «старинное природное устройство» [Платонов: 16], не понимая его. «Маленькая каменная голова» Чиклина [Платонов: 33] не могла «чувствовать»; себя он, как и Воцев, называл «ничто» [Платонов: 48]. Для Прушевского Чиклин – «бесцельный мученик» [Платонов: 16]. Сила Никиты Чиклина уходит в землю, тогда как былинный Никита Кожемяка получал силу от Матери-Земли. Чиклин – землекоп, что аллегорически причисляет его к разряду гробовщиков. Эта линия развёрнута: в котловане найдены гробы, два Никита забрал для Насти: для «постели» на будущее время и для «детского хозяйства», «красного уголка» [Платонов: 54]. Когда Настя умрёт, Чиклин погребёт её в котловане, над нею же вознесется башня, спроектированная Прушевским.

Миссия Чиклина – гробовщик и разрушитель. В деревне перед ним едет подвода с гробами [Платонов: 60], в сельсовете он в роли жреца смерти восседает на столе между гробами Козлова и Сафронова.

В пустой церкви Чиклин беседовал с попом, раскуривал трубку от свечи, подобно царю Петру.

Храм – дом Бога; храмовое здание – условное тело, а тело человека – храм его духа; но в действе Чиклина просматривается сакральный ритуал: *освящение*, перенос огня, наполнение тела нового человека проверенной духовной субстанцией.

Печальны воспоминания Никиты о прошлом, о «солнце детства», когда жизнь «была вечностью среди синей, смутной земли, которой Чиклин лишь начинал касаться босыми ногами» [Платонов: 42]. Он вырос и разрушает землю детства ломом, лопатой. Далее начинают работать библейские, фольклорные образы-символы: очаг, хлеб, мировое древо, райский сад. Рядом с «потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами» Никита дышит «воздухом ветхости и прощальной памяти» [Платонов: 42]. Образ времени, построенный на соотношении детства и настоящего, наполняет жизнь Чиклина ветхостью и тленом.

В середине 1930-х годов СССР стал центром социалистического мира, а в нём – социалистическая Мекка, Москва, а в ней – священные камни: храмовый комплекс ВДНХ и башня Дворца Советов на месте порушенного храма Христа Спасителя. Строили «монументальный новый дом», но получили котлован (бассейн Москва – Борис Иофан, проект Дворца Советов, 1933 год).

«Лунная ночь, похоронили Козлова и Сафронова: в стороне «зашло солнце, и стало сразу пустынно и чуждо на свете»; с неба льется «тяжесть холодной воды» [Платонов: 66]; заря похожа «на свет погребения» [Платонов: 67]. Апокалиптические мотивы сопряжены со словами о «смертной земле», о пропасти «под общий дом», бледном солнце и массах, которые «двигались по горизонту на неизвестное межселенное собрание» [Платонов: 107]. Приведённый пейзаж удивительным образом совпадает с одной из картин К. Юона, продвигавшего идеи *нового мира* средствами изобразительного искусства.

Платонов признавался, что дети – «спасители вселенной» [Платонов 2006; Корниенко], время, «созревающее в свежем теле» [Платонов: 9], а большие – предтечи; критерий детскости, имеющий мифопоэтическое значение (ребёнок, дитя, чудесный отрок), применён и в повести «Котлован». Упомянуто детство Чиклина, выведена девочка-сиротка Настя. Воцев встречает «осмысленного ребёнка» в доме шоссейного надзирателя: дорога включает мотив судьбы. Ради него Воцев собирался «напрячь» душу, не жалеть тела «на работу ума» [Платонов: 7]. Вот переход физического в духовное.

Роль девочки-сиротки Насти, лидера «будущего пролетарского света» «в форме детства» [Платонов: 41], установил Сафронов: от её «мелодичного вида» «более согласованно жить» [Платонов: 41]. История Насти отразила тезис Ф.М. Достоевского о неприятии всемирного счастья на слезе ребёнка, но социалистический рай допускал смертную

жертву. Однако в судьбе Насти прочитывается и более глубокий, архаичный мотив. Древние культуры знают обряд погребения детей в городской или крепостной стене: такой ребёнок выполнял бы охранительную функцию и сам находился под защитой Великой Богини-матери.

«Предтечи» Насти: *буржуйка* Юлия, на которую девочка «все более походила» [Платонов: 105], в роли отца – Чиклин либо Прушевский: оба любили её мать, о чём девочка не знает. Один гробовщик, другой – теоретик. Мартыныч, на котором женилась Юлия, Насте не родной, он был «пролетарский» [Платонов: 48]. Символизм роли Насти – не воскресшей Анастасии состоит в авторском несогласии, неприятии жертвы, а потому и бесперспективности спасения вселенной. Чиклин похоронил Настю в котловане, который будет основанием для монументального «нового дома». В финале повести сокровенный человек Вошев задаётся ожидаемым от него и солидарного с ним Платонова вопросом об истине и смысле жизни; возможны ли они, если нет «маленького верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением» [Платонов: 113]. Платонов написал повесть с глубинным притчеобразным смыслом, оценка которого в полной мере не произошла.

В качестве итогов работы укажем на новое знание о платоновском сокровенном человеке как художественном типе и на способы получения этого знания. Сокровенный человек характеризуется в контексте творческих поисков, систематизации, дополнения и уточнения так называемого прототекста сочинений А. Платонова (что делается нечасто): фольклор, русская литература XIX века, библейский, христианский миф. В этой проблематике через дискурсивную и мифопоэтическую методологию устанавливались параллели, переключки с литературой русского неореализма и современной Платонову литературой. В дискурсивном ключе учитывались и повлиявшие на Платонова идеологемы русской философии и науки: труд и творческая энергия, нескончаемость жизни, победа над смертью. Без последних увидеть содержание внутреннего мира сокровенных людей, движущие их мотивы не представляется возможным.

Была предпринята попытка выявить художественную типологию сокровенных людей, созданных в рассказе «Усомнившийся Макар», повестях «Ямская слобода», «Сокровенный человек», «Котлован», в романе «Чевенгур». Этот тип – авторская находка, продукт мыслетворчества и языкотворчества Платонова, его влечения к сказу. Характеристика типа осуществлялась посредством интерпретации, комментирования символики и архетипов, мотивов, микрообразности, внешней и внутренней формы в функционально-художественном аспекте. Устанавливались автобиографические и архетипические истоки сокровенных людей, их типологическая близость фольклорным, языческим,

мифологическим, апокрифическим так называемым народным мудрецам или мудрым простецам, искателям иного царства. Отмечалось и индивидуальное, авторское наполнение этих образов, мотивируемое реалиями современной Платонову действительности. Как и указанные типы народной культуры, сокровенные люди – не от мира сего, но оказываются в центре событий, имеют свой взгляд на происходящее, демонстрируют его неприятие или непонимание. В отличие от фольклорных, платоновские странники не божьи, но безбожные люди, истиной не владеют. Соотнесены сокровенные люди Платонова и варианты народных мудрецов в сочинениях М. Горького, М. Пришвина по линиям правдо- и богоискательства, живой жизни, реализации творческого потенциала человека.

Очерчена система *мотивов*, на которых построено повествование о сокровенных людях, раскрывается наполнение этого типа. Таковы мотивы мифопоэтические, библейские: сотворение человека из праха земного, строительство башни до небес, апокалиптические. В создании образов сокровенных людей учтены фольклорные мотивы вхождения человека в мир, судьбы, странствий, правдоискательства, обретения чудесных даров, преодоления испытаний на пути духовного роста. Пожалуй, впервые в связи с Платоновым выделен фаустовский мотив: вопрошание сокровенных людей об устройстве мира у интеллигенции. В контексте художественной типологии сокровенных людей вовлечены философские проблемы человека и культуры, живого и мёртвого знания, теодицеи и биодицеи, человекобожия и богоподобия; мистические – теоморфный принцип человека, тело как Храм для духа; утопические мотивы, новозаветные аллюзии: диалоги об истине как отголоски евангельских споров Христа и Пилата, Фауста и Мефистофеля. Рассматривались контекстные переключки, межлитературные связи Платонова с Л.Н. Толстым (сокровенный человек и Царство Божие в себе), Ф.М. Достоевским (счастье на слезе ребёнка), А.П. Чеховым (оценка интеллигенции и её потенциалов). В создании образов сокровенных людей рассматривалась целостность произведения литературы – от сюжета до детали, семантика фамилий, имён. На фоне сделанного возможны обновлённые оценки и неоднозначно трактуемой авторской позиции, и не поддающегося одномерным характеристикам типа художественного мышления А. Платонова, позволившие ему занять исключительное место в русской литературе 1920–1930-х годов.

Список литературы

Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии: сборник. М.: Современный писатель, 1994. 295 с.

Булгаков С.Н. Религия человекобожия в русской революции // Новый мир. 1989. № 10. С. 221–229.

Варламов А. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. 592 с.

Васильев В.В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. М.: Современник, 1990. 285 с.

Вечное солнце. Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX – начало XX века) / сост. С. Калмыков. М.: Молодая гвардия, 1979. 431 с.

Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с. (Научное приложение. Вып. CV).

Иванов Н.Н. Своеобразие художественного языка в повести А. Платонова «Котлован» // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2011. № 4. Т. 1. С. 220–224.

Иванов Н.Н. Рецепция архетипа «народного мудреца» в русской литературе // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin: науч. журнал. Ярославль, РИО ЯГПУ, 2017. № 2. С. 17–20.

Иванов Н.Н. Фаустианские мотивы в русской литературе серебряного века // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin: науч. журнал. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. № 1. С. 26–29.

Иванов Н.Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.

Корниенко Н.В. История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946). М.: Б. и., 1993. 320 с.

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 287 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 530 с.

Неведомский М.П. Без крыльев (А.П. Чехов и его творчество) // А.П. Чехов: pro et contra / сост., общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГА, 2002. С. 786–830. (Русский путь).

Платонов А. Котлован. Ювенильное море: повести. М.: Худож. лит., 1987. 190 с.

Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 418 с.

Пропл В.Я. Собрание трудов. Т. 1, 2. Морфология. Историч. корни волшебной сказки. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 511 с.

Трубецкой Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М.: Лепта, 2000. 320 с.

Чалмаев В. Андрей Платонов. К сокровенному человеку. М.: Сов. писатель, 1989. 445 с.

Чалмаев В. Творческий путь и художественное новаторство Андрея Платонова // Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе / сост. Е.П. Пронина. М.: Просвещение, 1996. 384 с. Ч. 2. С. 20–55.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Локид, 1999. 560 с.

Lauer Reinhard: Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München, Auflage, C.H. Beck, 2008.

References

Andrej Platonov: *Vospominanija sovremennikov: materialy k biografii: sbornik* [Memoirs of contemporaries: Materials for a biography. Collector]. Moscow, Sovremennij pisatel' Publ., 1994, 295 p. (In Russ.)

Bulgakov S.N. *Religija chelovekobozhija v russkoj revoljucii* [Religion of man-God in the Russian revolution]. *Novyj mir* [New world], 1989, № 10, pp. 221–229. (In Russ.)

Varlamov A. *Andrej Platonov*. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2011, 592 p. (In Russ.)

Vasil'ev V.V. *Andrej Platonov: Oчерk zhizni i tvorcestva* [Andrej Platonov: Essay of life and creativity]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, 285 p. (In Russ.)

Vechnoe solnce. Russkaja social'naja utopija i nauchnaja fantastika (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [The eternal sun. Russian social utopia and science fiction (the second half of the XIX-early XX century)]: comp. S. Kalmykov. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1979, 431 p. (In Russ.)

Gjunter H. *Po obe storony utopii: Konteksty tvorcestva A. Platonova* [On both sides of utopia: Contexts of A. Platonov's creativity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 216 p. (Nauchnoe prilozhenie. Vyp. CV) [Scientific application. Iss. CV]. (In Russ.)

Ivanov N.N. *Svoeobrazie hudozhestvennogo jazyka v povesti A. Platonova «Kotlovan»* [The originality of the artistic language in the story by A. Platonov "The Foundation Pit"]. *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik* [Jaroslavl pedagogical Bulletin]. Jaroslavl', RIO JaGPU Publ., 2011, № 4, vol. 1, pp. 220–224. (In Russ.)

Ivanov N.N. *Receptiya arhetipa «narodnogo mudreca» v russkoj literature* [Reception of the archetype of the "national sage" in Russian literature]. *Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin]: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl', RIO YaGPU Publ., 2017, № 2, pp. 17–20. (In Russ.)

Ivanov N.N. *Faustianskie motivy v russkoj literature serebrjanogo veka* [Faustian motifs in Russian literature of the silver age]. *Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin: nauchnyj zhurnal]. Jaroslavl', RIO JaGPU Publ., 2018, № 1, pp. 26–29. (In Russ.)

Ivanov N.N. *Filosofija, estetika i poetika tvorcestva Mihaila Prishvina: monografija* [Philosophy, aesthetics and poetics of Mikhail Prishvin's creativity: monograph]. Jaroslavl', RIO YaGPU Publ., 2020, 175 p. (In Russ.)

Kornienko N.V. *Istorija teksta i biografija A.P. Platonova (1926–1946)* [The history of the text and the biography of A.P. Platonov (1926–1946)]. Moscow, b. i., 1993, 320 p. (In Russ.)

Losskij V.N. *Oчерk misticheskogo bogosloviya vostochnoj cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [An essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow, Centr «SEL» Publ., 1991, 287 p. (In Russ.)

Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [An impure, unknown, and godly force]. SPb., T-vo R. Golike i A. Wil'borg Publ., 1903, 530 p. (In Russ.)

Nevedomskij M.P. *Bez kryl'ev (A.P. Chehov i ego tvorchestvo)* [Without wings (A.P. Chekhov and his work)]. *A.P. Chehov: pro et contra*. Comp., under the General editorship of I.N. Suhih. SPb., RHGA Publ., 2002, pp. 786–830. (Russkij put'). (In Russ.)

Platonov A. *Kotlovan; Juvenil'noe more: Povesti* [The pit; the Juvenile sea: Stories]. Moscow, Hudozh. Lit. Publ., 1987, 190 p. (In Russ.)

Platonov A.P. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebook. Materials for the biography]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006, 418 p. (In Russ.)

Propp V.Ja. *Sobranie trudov. T. 1, 2. Morfologija, Istorich. korni volshebnoj skazki. Pojetika fol'klora* [Collected works. Vol. 1, 2. Morphology. Historical roots of a fairy tale. The poetics of folklore]. Moscow, Labirint Publ., 1998, 511 p. (In Russ.)

Trubeckoj E. *Inoe carstvo i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke* [The other Kingdom and its seekers in a Russian folk tale]. Moscow, Lepta Publ., 2000, 320 p. (In Russ.)

Chalmaev V. *Andrej Platonov. K sokrovennomu cheloveku* [Andrey Platonov. To the innermost man]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1989, 445 p. (In Russ.)

Chalmaev V. *Tvorcheskij put' i hudozhestvennoe novatorstvo Andreja Platonova* [Creative path and artistic innovation of Andrey Platonov]. *Russkaja literatura XX veka. Oчерki. Portrety. Jesse* [Russian literature of the XX century. Essays. Portraits. Essay], part 2, comp. E.P. Pronina. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1996, pp. 20–55. (In Russ.)

Jenciklopedija simvolov, znakov, jemblem [Encyclopedia of symbols, signs, and emblems]. Moscow, Lokid Publ., 1999, 560 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.11.2020; одобрена после рецензирования 14.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 21.11.2020; approved after reviewing 14.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 200-204. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 200-204. ISSN 1998-0817
Научная статья
УДК 821.161.1.09«20»
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-200-204>

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ АБСУРДА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРАКТИКОЙ (пьеса И. Вырыпаева «Сны»)

Муравьева Алла Владимировна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, a-mour@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8219-7908>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению комплекса абсурдистских техник и методик, проявленных в пьесе И. Вырыпаева «Сны», которые – по предварительной гипотезе – эволюционно развиваются в тексте, демонстрируя историю становления и развития абсурда в отечественной литературной практике XX века в целом. В ходе исследования было установлено, что всю совокупность абсурдизирующих пространство пьесы средств условно можно разделить на три части: 1) отвечающую абсурдистско-авангардным техникам начала XX столетия, 2) иллюстрирующую экзистенциальный драматический локус середины XX века, 3) демонстрирующую функционирование феномена абсурда в отечественной постмодернистской драме конца XX – начала XXI вв. Построенная на принципах смещения и замещения, пьеса «Сны» последовательно иллюстрирует смену механизма построения текста: от полуабстрактных компонентов, ориентированных на метафоризацию пространства текста и на прямое нарушение формальной логики, пьеса посредством введения социального подтекста приходит к постановке экзистенциальной проблематики, а через неё, главным образом – через абсурдистский элемент, выходит к типичным постмодернистским принципам организации текстового пространства. Основным выводом исследования является тезис о характеристике «Снов» как пьесы-метафоры, отражающей динамику развития абсурда в XX веке.

Ключевые слова: абсурд, авангард, новая драма, постдрама, экзистенциальная драма, ониризм

Для цитирования: Муравьева А.В. К вопросу о восприятии абсурда современной литературной практикой (пьеса И. Вырыпаева «Сны») // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 200-204. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-200-204>

Research Article

ON THE QUESTION OF THE PERCEPTION OF THE ABSURD IN MODERN LITERARY PRACTICE (on the example of the piece of Ivan Vyrypaev's «Dreams»)

Alla V. Muraveva, Ivanovo state University, Ivanovo, Russia, a-mour@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8219-7908>

Abstract. The article is devoted to the parallel consideration of two questions: the text, on the one hand, deals with a set of absurdist techniques and methods stated in the text of Ivan Vyrypaev “Dreams”, and with another – attempt projection composite-content structure plays in the history of the formation and development of the absurd in Russian literary practice of the 20th century. In the course of the study, it was found that the entire set of tools that absurdistise the space of the play can be divided into three parts: 1) corresponding to the absurdist-avant-garde techniques of the early 20th century, 2) illustrating the existential dramatic locus, 3) demonstrating the functioning of the phenomenon of the absurd in Russian postmodern drama. Built on the principles of displacement and substitution, the play “Dreams” series illustrates the change of the principle of construction of the text: from semi-abstract components that target the metaphorisation of space in text and in direct violation of formal logic, the play by introducing social commentary comes to the staging of existential issues, and through it, mainly through the absurdist element that goes to a typical post-modern principles of organisation of the text. The main conclusion of this research is the thesis about the characterisation of “Dreams” as a metaphor play that reflects the dynamics of the development of the absurd in the 20th century.

Keywords: absurd, new drama, postdrama, avant-garde, existential drama, oneirism

For citation: Muraveva A.V. On the question of the perception of the absurd in modern literary practice (on the example of the piece of Ivan Vyrypaev's «Dreams»). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 200-204 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-200-204>

Текст Ивана Вырыпаева «Сны» был написан в 1999 году. Ситуация рубежа веков, новодраматические тенденции, автобиографический элемент – всё это повлияло на специфику пьесы, определило круг проблем, но главное – отразило особое для современных Вырыпаеву драматургов и для автора в частности миропонимание, особую, реализуемую в текстах мировоззренческую модель.

Формируя пространство «Снов», Вырыпаев использует комплекс актуальных для своего времени техник и методик организации текста, в комбинациях которых наиболее ярко проявляют себя компоненты а) авангардно-абсурдистские, б) частично экзистенциальные и в) типично постмодернистские, часто включающие первые и вторые. Конечно, «сегодня значительно затруднено само определение критериев авангардности: многие приемы, воспринимающиеся таковыми, на самом деле – в неизменном или трансформированном виде – заимствованы и оригинальными не являются» [Кобринский], то же можно сказать относительно типичных экзистенциальных компонентов, однако текст «Снов» (в соответствии с концентрацией отдельных характеристик) делим на 3 условные части, в каждой из которых наблюдается интенсификация того или иного признака.

Пьеса начинается с погружения действующих лиц в полусновидческое пространство («действие происходит у вас»), где первым словом-действием ДК («Девушки, Которой снились сны») становится «дверь», которую она рисует мелом на стене. Именно этот сюжетно-композиционный элемент станет ключевым для понимания пьесы: с одной стороны, непосредственно здесь начинается погружение реципиента в абсурдистское пространство пьесы (комната как таковая изначально предполагает наличие двери), с другой – здесь же начинает намечаться аллюзивный блок, проецируемый на практики прошлого/настоящего – от авангардизма с чистым абсурдом, представленным разного рода формальными нарушениями, к экзистенциализму с невозможностью входа/выхода и постмодернизму с его перформативностью.

Первые акты пьесы («Красота», «Освобождение», «Любовь») формируют полуметафорическое пространство, построенное преимущественно на уже ставших клишированными формулах («Однажды я видела красоту как луну»). Каждый из действующих лиц здесь проецирует ту или иную формулу на особую мировоззренческую модель, актуальную в конкретный исторический момент (ДС – интуитивизм, ПЗ – эмпиризм и т. д.). Эта часть пьесы насыщена различного рода нарушениями, связанными как с соединением внутри макровысказывания реплик персонажей (имеется в виду различие в понимании категорий) и следующих за ним ситуативных несоответствий (соотношение высказываний и следующих за ними

ремарок, например), так и с организацией микровысказывания: построенные преимущественно по метонимическому принципу, внешне реплики представляются нагромождением образов, лишённых структурности и какой бы то ни было логики.

В третьем акте пьесы («Любовь») заявляет о себе социальный подтекст. Читатель узнает, что ПЗ и ДС были в браке, а ПК и ДУ просто состояли в отношениях; к тому же из диалогов предыдущих актов мы помним о подруге ДУ, у которой «красивый живот». Система персонажей становится похожей на традиционную, а значит, реальные очертания приобретает происходящее: ссоры, недопонимания, расставания и разводы, болезни и выкидыши. Сюжет пьесы очерчивается более чётко, параллельно чему претерпевает изменения и жанровая природа пьесы, оказываясь где-то между мелодраматическим и драматическим канонами.

Метафоризация компонентов последующих актов пьесы постепенно нивелируется, сходит на нет и собственно сновидческий способ организации пространства, но текст не выравнивается вовсе: клише, преимущественно романтические, формирующие цепочку образов-символов, определяющие субъекта и способ его восприятия, устраняются из текста, однако сохраняет себя заявленная изначально метонимия (чаще – в отдельных высказываниях персонажей). Изменения претерпевает и ониричность: если ранее она сводилась ко сну, некоей надреальности, то с включением социального подтекста она выходит в область нарушения восприятия, искажения сознания, вызванного действием стороннего вещества. Здесь же актуализируется и экзистенциальная проблематика: если в акте «Любовь» стало явным социальное одиночество персонажей, то в акте «Бог» социальность проблематики раздваивается: с одной стороны, выходит в область проблем наркозависимости, а с другой – иллюстрирует скорее метафизическое одиночество персонажей.

Часть пятая пьесы, именуемая «Кайфом», продолжает развитие обозначенных линий, однако не попеременно выводя те или иные сегменты на поверхность, как было в предыдущих актах, а формируя пространство, стоящее на границе сна и яви. Кайф по своей действенной характеристике не является сном в привычном смысле этого слова: это состояние эйфории, погружённость в полусон, при котором связь с реальностью остаётся жёсткой, но значительно деформируется. Социальность проблематики в этой ситуации выходит в иную плоскость: это уже не проблема сообщения, социального дистанцирования или нарушения адаптации – текст полностью поворачивается в сторону проблемы наркозависимости, где прошлая проблематика оказывается сопутствующей, выводимой из последней. Меняются в связи с этим: а) способы характеристики субъекта (мир субъекта предстаёт как череда ощущений, однако выводимых не из

опыта прошлого, а формируемого здесь и сейчас и иллюстрирующего различные формы искажения времени и пространства: «Кайф – это когда не спишь, а тебе кажется, что спишь») и б) формы организации текста (происходит расширение принципа метонимизации: замещению теперь подвергается не отдельное высказывание или деталь в образе, а ситуация в целом).

В акте «Кайф» текст приобретает конкретику: начинают фигурировать слова «героин», «шприц», «болезнь»; однако здесь же наблюдается переложение ситуации на мифических друга/подругу: ощущения, описываемые персонажами, обозначались в качестве личных, собственных, следующие же за ними последствия (от формальных нарушений к болезни и смерти) заключаются формулой «у одного моего друга». История жизни персонажей детализируется за счёт введения понятия «наркотик»: мы узнаём, что ПК (в поиске «тепла») умирает от передозировки; ДУ заражается через шприц «очень модной болезнью», желая угодить своему парню – ПК; ДС теряет ребёнка в процессе принятия наркотиков и затем также умирает от передозировки. Искажённое сознание персонажей апеллирует не фактами, а метафорами: мыши и птицы в животе ДС «устраивают» плод, занимая его место, отказ от наркотиков заканчивается рецидивом, во время которого ДС снова беременеет – но уже героинном. «Кайф» становится той самой границей, что отделяет пространства сна и реальности, однако и сам «кайф» делится на две части – иллюзорную/воображаемую/желаемую и реальную. Стадиальность развития наркозависимости проецируется на структуру текста, однако не линейно, а иррационально, вследствие чего очерченные границы пространств вновь теряют свою чёткость.

Заканчивает действие пьесы акт «Ад». Попав туда, персонажи «открывают глаза, встают, но не просыпаются». «Здесь ад», – оповещает ДК, будто приглашая присутствующих ознакомиться с тем, что их окружает. Будучи с открытыми глазами, ментально они не осознают в том пространстве, которое оставили, ибо далее следует череда вопросов о наличии предметов, составляющих ад в привычном для обывателя понимании: котлов, например. Но персонажи всего лишь попадают в комнату, показанную ещё в первом акте пьесы, цель же их присутствия сводится к пробуждению: «Что мы должны делать? – Просыпаться. Просыпаться в аду». Равно как сознание, погружённое в забытие и находящееся на краю гибели, теряет здесь связь с реальностью, так и текст, сформированный этим сознанием, подвергается деформации. Попав в иной мир, персонажи не теряют речемыслительных способностей: обсуждение пространства и осмысление иных категорий происходит по тем же принципам, что и ранее. Жизнь реальная и существование после смерти уравниваются – и по наполнению, и по значимости. И здесь встаёт вопрос

о содержании понятия “ад”: чёткий параллелизм пространств, схожесть ощущений, общность ситуаций позволяют говорить не столько о физической смерти, сколько о смерти ментальной. В этой ситуации происходит выравнивание композиции: жизнь без «бога», его обретение, погружение в состояние эйфории, забытие (отсутствие композиционного элемента) приводят к моральному/ментальному «устранению» действующих лиц, но и сохранению реалий прошлого. Своего рода усугубление ситуаций формирует метафору жизни после принятия наркотиков: ад.

В этом лишённом чёткости и определённости, жёсткости механизма пространстве действует один принцип: искажение. Деформации подвергается процесс жизни в его совокупности – от прошлого к настоящему и будущему. Внешне это выглядит как нарочитая абсурдизация жизненного процесса, но и сам механизм воссоздания текстового пространства постоянно нарушается. Нечёткость границ, неоднозначность проблематик, множественность сюжетных линий к концу текста образуют хаотичное пространство текста, где уже нет места даже субъекту с его мнением и способом восприятия.

«Русское искусство живет циклами, постоянно входя в противоречие с западным эволюционизмом. Его развитие тяготеет к восточному историзму, сближаясь с природным кругооборотом», – замечает В. Пацюков [Пацюков]. В этом эволюционном ракурсе интересным будет параллельное рассмотрение композиционно-содержательной структуры пьесы и истории формирования и развития феномена абсурда в отечественной традиции XX–XXI вв. Движение абсурда от первых серьёзных проявлений в эпоху модерна до полного слияния с действительностью в постмодернизме, согласно нашей гипотезе, проецируется на структуру пьесы. Сам текст в данном контексте представляет собой метафору движения абсурдистской мысли – *от* (1) провокации с внешне акцентированным абсурдистским элементом *через* (2) осмысление феномена, принятие его как некоей философской категории *к* (3) отрицанию последнего, сохранению внешней атрибутики и погружению в социальный контекст с явной его акцентуацией.

Условно первая часть пьесы (акты «Красота», «Освобождение», отчасти «Любовь») определяет границы пространства абсурда. Начавшийся постепенным погружением в алогизированный мир, текст пьесы определяет перечень техник и приёмов, в разной степени актуальных в развитии действия. В первую очередь здесь мы видим субъекта, пытающегося определить пространство вокруг себя и сформулировать принципы существования внутри него. К слову, возможным здесь оказывается всё; единым же принципом становится принцип алогизации – *от* внешней, визуальной, условно сценической – ситуативной – *до* внутренней, проецируемой на лексико-грамматический и синтак-

сический строй языка. Но и главным атрибутом определения *абсурда ситуации* оказывается *слово*, причём слово это, представленное вне контекста, всегда нормативно, окказиональным оно становится в структуре фразы, в сочетании с другими лексемами. Здесь это своего рода «способ выразить невыразимость невыразимого – вещи, не поддающиеся языку, ускользающие от наименования», это стоящее на границе реального и надреального «художественное освоение именно тех областей бытия, которые незримы, неосязаемы, неизрекаемы» [Эпштейн]. Технически абсурд в «Снах» формируется, с одной стороны, сочетаемостью, с другой – своеобразным синтаксисом, причём в обоих случаях итогом становится организация не столько классически метафорического, сколько метонимического пространства, работающего на визуализацию образов и определение особого рода модели восприятия. Эта часть пьесы, максимально причудливая, характеризующаяся нагромождением образов (к слову сказать, *не* нестандартных, как это было характерно, скажем, для практиков начала прошлого столетия, а банальных, стереотипных, ставших клишированными), главным образом работает на создание эффекта эпатажа, сродни авангардному: абсурд здесь определяется в качестве самодостаточного феномена. В тексте вновь ставится вопрос «функционирования искусства: интересно, не как оно сделано, не о чем оно, а как оно ведет себя в обществе. Интересен не столько текст, сколько контекст» [Курицын: 92].

Постепенно текст разворачивается в сторону явной социальной проблематики. Уже в «Любви», третьем акте пьесы, наблюдается постепенный отход от сценичности. Во-первых, текст насыщается онирическим элементом, частично формирующим представление о тексте как о пьесе для чтения. Здесь, в первую очередь, имеется в виду мотив помутнения рассудка, связанного с действием наркотика, а также череда выводимых из процесса употребления вещества и формируемых в сознании субъекта образов. Во-вторых, здесь же наблюдается интенсификация экзистенциальной проблематики и активизация сопутствующей ей методики организации текста. Если условно выделяемая первая часть текста строилась по принципу явного нарушения причинно-следственных связей, то во второй части (до шестого акта «Кайф» включительно), с одной стороны, происходит наращение символического подтекста, а с другой – актуализируются собственно экзистенциальные элементы, ставшие на момент написания пьесы даже эмблематичными. Экзистенциальный абсурд аллюзивно заявлен образом ДУ – «девушки, у которой коричневые слюны» – и сопровождающим её мотивом тошноты. С экзистенциальной проблематикой текст «Снов» связывает и тема одиночества, расширенная мотивами поиска и неузнавания. Равно как сдвиг социального наблюдается в движении от

обэриутской традиции в сторону андеграунда, так и в «Снах» формируется пространство, где одновременно сосуществуют (условно) чистые абсурдистские формы и фундаментальный философский компонент, берущий своё начало в экзистенциализме (примечательно, не особенно характерном для русской традиции середины прошлого столетия, но активно прорабатываемом отечественными теоретиками и практиками конца XX века).

Последняя условная часть пьесы – совпадающая преимущественно с последним актом пьесы «Ад» с возможным продлением до акта «Бог» – представляет собой проекцию абсурда постмодернистского, построенного на обнажении приёма и формирующего не идею абсурда как искусства, не феномен, а некий пустой знак, игровой элемент, работающий по принципам социальности. Реципиент сталкивается здесь с социальной пустотой: за социальной проблемой стоит исключительно проблема, без метафоричности и переносных смыслов (неслучайны в связи с этим упрощение и выравнивание синтаксиса, нивелирование образности через натурализацию объектов, введение конкретики в части определения наркотического вещества и характеристики субъектов – их самих и отношений между ними). Здесь же происходит глобальное замещение: если предыдущие акты ставили и развивали множественную проблематику – от религиозной до собственно философской и искусствоведческой, – то здесь определяющие действие элементы («бог», «ад») сводятся к одному: к наркотику. Пространство текста значительно упрощается: от абсурда бытия с его густотой и многомерностью – к пустоте бытия. «Авангардизм, пародирующий и деконструирующий свои собственные предпосылки», приводит «непосредственно к постмодернизму» [Лейдерман, Липовецкий: 402]. Абсурд как философская категория, погружённая в реалии жизни, обесмысливается, лишается значимости, расщепляется и обращается не к жизни субъекта-абсолюта, а к жизни человека, маленького, ничтожного, подверженного влиянию множества негативных факторов. Ситуация попадания в «ад», с одной стороны, связывает действие с уже заявленным экзистенциализмом, а с другой – формирует собственное пространство, где бог – мёртв, где мёртв и субъект, однако смерть эта также абсурдна, ибо действующие лица продолжают существовать – по крайней мере, говорить и двигаться.

Текст «Снов», таким образом, параллельно разворачивается в нескольких парадигмах. С одной стороны, это типичная для новой драмы пьеса с острой социальной проблематикой. С другой – в рамках ситуации постмодернизма актуальны сегодня разного рода стилизации, в том числе – и ориентированные на авангардистскую традицию, где «заново запускаются особые культурно-генетические процессы языческой регрессивной

архаизации» [Иоффе], а значит, отчасти параллельно, отчасти вкупе, это пьеса, формируемая постмодернистским каноном, где обработке и переработке подлежит совокупность абсурдистских техник и методик. С третьей – это пьеса-метафора, действие которой спроецировано на динамику развития абсурда в XX веке. Чёткому отграничению проблематика не подлежит, поскольку общим для всех вариантов оказывается мотив помутнения рассудка (как актуальная проблема, как неотъемлемый компонент характеристики субъекта и как деталь, ставшая эмблемой эпохи), а значит, текст «Снов» можно определить как своего рода гибрид, впитывающий эстетику прошлого и настоящего и формирующий новый, особого рода абсурдистский канон.

Список литературы

Иоффе Д. *Fin de siècle* трансгрессивности русского поставангарда: эстетика и практика трансфуризма // Новое литературное обозрение. 2018. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2018/1/fin-de-siecle-transgressivnosti-russkogo-postavangarda.html> (дата обращения: 31.10.2020).

Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 288 с.

Кобринский А.А. Авангард после авангарда // Дружба народов. 2004. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/4/kobr11.html> (дата обращения: 16.10.2020).

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 2 т. М.: Издательский центр «Академия», 2003–2006. Т. 1. 688 с.

Пацюков В. Симметрия в пространстве ушедшего века: первый и второй русский авангард. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/82/article/1792> (дата обращения: 31.10.2020).

Эпштейн М. Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир. 1989. № 12. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=2270&id=3848 (дата обращения: 16.10.2020).

References

Ioffe D. *Fin de siècle transgressivnosti russkogo postavangarda: estetika i praktika transfurizma* [Fin de siècle transgressivities of the Russian post-avant-garde: aesthetics and practice of transfurism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2018, № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2018/1/fin-de-siecle-transgressivnosti-russkogo-postavangarda.html> (access date: 31.10.2020). (In Russ.)

Kuritsyn V. *Russkii literaturnyi postmodernizm* [Russian literary postmodernism]. M., OGI, 2000, 288 p. (In Russ.)

Kobrinskii A.A. *Avangard posle avangarda* [The avant-garde after the avant-garde]. *Druzhba narodov* [Friendship of peoples], 2004, № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/4/kobr11.html> (access date: 16.10.2020). (In Russ.)

Leiderman N.L., Lipovetskii M.N. *Sovremennaia russkaia literatura* [Modern Russian literature]: in 2 vol. M., Akademiya Publ., 2003–2006, vol. 1, 688 p. (In Russ.)

Patsiukov V. *Simmetriia v prostranstve ushedshego veka: pervyi i vtoroi russkii avangard* [Symmetry in the space of a bygone century: the first and second Russian avant-garde]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/82/article/1792> (access date: 31.10.2020). (In Russ.)

Epshtein M. *Iskusstvo avangarda i religioznoe soznanie* [Avant-garde art and religious consciousness]. *Novyj mir* [New world], 1989, № 12. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=2270&id=3848 (access date: 16.10.2020). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.11.2020; одобрена после рецензирования 22.12.2020; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 04.11.2020; approved after reviewing 22.12.2020; accepted for publication 12.02.2021.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 205-209. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 205-209. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу
УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-205-209>

«И Я ПРОСНУЛСЯ»: НОВАЯ КНИГА О ТОЛСТОМ*

Федотова Анна Александровна, доктор филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Аннотация. В рецензии отмечается, что И.Ю. Лученецкая-Бурдина представляет широкую панораму российской культурной и литературной жизни второй половины XIX в., в контексте которой рассмотрено художественное и публицистическое наследие Л.Н. Толстого. Анализируется структура монографии, подчеркивается широта охвата материала, а также привлекательный для широкого читателя и в то же время перспективный научный подход к исследуемой проблематике. В рецензии охарактеризован круг проблем, рассматриваемых И.Ю. Лученецкой-Бурдиной, отмечены удачные и нетривиальные наблюдения автора новой книги.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков, А.П. Чехов

Для цитирования: Федотова А.А. «И я проснулся»: новая книга о Толстом // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 27. № 1. С. 205-209. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-27-1-205-209>

Book Review

“AND I WOKE UP”: A NEW BOOK ABOUT LEO TOLSTOY**

Anna A. Fedotova, Doctor of Philological Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, gry_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

Abstract. The review notes that Irina Luchenetskaya-Burdina presents a wide panorama of the Russian cultural and literary life of the second half of the 19th century, in the context of which the artistic and journalistic heritage of Leo Tolstoy has been examined. The structure of the monograph is analysed, the breadth of coverage of the material is emphasised, as well as scientific approach to the studied problem, attractive to the general reader and at the same time promising. The review describes the range of problems considered by Irina Luchenetskaya-Burdina, the successful and non-trivial observations of the author of the new book are noted.

Keywords: 19th century Russian literature, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Nikolai Leskov, Anton Chekhov

For citation: Fedotova A.A. “And I woke up”: a new book about Leo Tolstoy. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 27, № 1, pp. 205-209 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-27-1-205-209>

* Рецензия на книгу: Лученецкая-Бурдина И.Ю. Творчество Л.Н. Толстого в контексте русской культуры последней трети XIX века. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 211 с.

** Review of the book: Luchenetskaia-Burdina I. Iu. The work of L.N. Tolstoy in the context of Russian culture in the last third of the 19th century. Iaroslavl', RIO IaGPU Publ., 2019. 211 p.

Автор рецензируемой монографии – хорошо известный в научных кругах специалист-толстовед, доктор филологических наук, профессор И.Ю. Лученецкая-Бурдина. Новая монография о Л.Н. Толстом, вышедшая в Ярославле в серии «Монографии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского», представляет своеобразный итог ее размышлений над судьбой и творчеством одного из самых известных классиков XIX в. – Л.Н. Толстого. Лученецкую-Бурдину привлекает наиболее спорный и сложный этап жизни писателя – поздний период его творчества, которое рассматривается в контексте эпохи. Толстой 1870-х – 1890-х гг., безусловно, ключевая фигура в русской и даже мировой литературе и культуре, поэтому вполне оправданным кажется нам выбор именно этого писателя как ключевой фигуры при анализе основных тенденций культурного развития России последней трети XIX в.

Феномен позднего Толстого привлекает научный интерес отечественных и зарубежных литературоведов. В ИМЛИ РАН, где сейчас готовится и издается Полное собрание сочинений писателя в 100 томах, выходят ежегодные сборники и труды, посвященные творчеству Л.Н. Толстого, немало ценных материалов о творчестве писателя публикуются в крупнейшем зарубежном издании о Толстом – online-журнале «Tolstoy Studies Journal». И, тем не менее, как справедливо замечает Лученецкая-Бурдина, «оценка творчества Толстого 1870-х – 1890-х годов – одна из нерешенных проблем» литературоведения [Лученецкая-Бурдина: 6]. Главную причину этой научной проблемы исследовательница видит в том, что долгое время господствовало убеждение – этот стереотип жив и поныне – о том, что поздний Толстой (во всяком случае, начиная с 1880-х гг.) – это философ и учитель-моралист, произведения которого не обладают значимыми художественными достоинствами. Несправедливость подобного взгляда на прозу Толстого и раскрывается в монографии. Ее автор убедительно доказывает, что позднее творчество Толстого – это целостная художественная система, специфику которой нельзя понять без учета, религиозной философии писателя. Отсюда следуют и основные задачи, решенные в исследовании, – «определение стилевых доминант прозы Толстого 1870–1890-х гг., выяснение особенностей динамики развития авторского стиля писателя и выявление соотносительности прозы Толстого с общекультурными, в частности, литературными тенденциями эпохи» [Лученецкая-Бурдина: 13].

Структура книги отличается четкостью и продуманностью. Монография состоит из 6 глав, каждая из которых включает в себя 2 параграфа. Основная часть работы построена на сопоставлении поздней прозы Толстого с творчеством крупнейших классиков 1870-х – 1890-х гг. – Ф.М. Досто-

евского, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова. Выбранный Лученецкой-Бурдиной сопоставительный подход, сочетающийся с типологическим исследованием особенностей поэтики писателей-современников Толстого, определяет актуальность монографии и позволяет ее автору представить динамичную картину литературной жизни России.

Первая глава монографии посвящена выявлению основных тенденций историко-культурного контекста последней трети XIX в. и анализу того, каким образом они обусловили мироощущение Толстого и его теорию искусства. Рассматривая многочисленные факты из истории русской живописи, музыки, архитектуры и литературы, Лученецкая-Бурдина анализирует основные проблемы, свойственные общественному мировоззрению этого периода. Среди них – проблемы соотношения Востока и Запада, России и Европы, православия и католицизма; проблемы судьбы России, ее народа, роли личности в историческом процессе; наконец, проблемы национального характера, духовного состояния личности, самоопределения интеллигенции, ее отношения к народу. Безусловно тесно связанные между собой, эти проблемы определили тот ракурс, который позволил Лученецкой-Бурдиной объединить в одном смысловом поле публицистику Н.Н. Стрхова и К.Н. Леонтьева, полотна В.И. Сурикова и И.Е. Репина, исторические труды С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, оперы А.Н. Бородина, М.Н. Мусоргского и И.А. Римского-Корсакова. Анализ приводит исследовательницу к заключению о том, что в общекультурном контексте эпохи ведущая роль принадлежала литературе, а основой для активного взаимодействия различных видов искусства (литературы и музыки, литературы и живописи) стала «не столько эстетическая, сколько этическая составляющая русской культуры» [Лученецкая-Бурдина: 29].

Утверждение этической доминанты отечественной культуры последней трети XIX в. является логичным переходом к анализу религиозной философии Толстого и влияния последней на индивидуальный стиль писателя. Выясняя, какие жизненные факты оказали влияние на философию толстовского взгляда на мир, Лученецкая-Бурдина подчеркивает, что события внешней жизни и внутренние установки, которые послужили импульсом к работе Толстого, были разнообразны: «Восторг перед Шопенгауэром и педагогическая работа, чтение древних греков и создание “Азбуки” для детей, постижение красоты народной речи и изучение древнегреческого языка – вот координаты мыслительной работы писателя в эти годы» [Лученецкая-Бурдина: 31].

С другой стороны, в исследовании подчеркнута кризисное мироощущение Толстого, проявившееся в эти годы. Обострившийся страх смерти способствовал формированию трагического миропони-

мания, констатации «неизбежного исчезновения физического я и невозможности личного бессмертия» [Лученецкая-Бурдина: 37]. Трагизм мироощущения Толстого был, несомненно, связан с кризисом его религиозности. Писатель потерял доверие к официальному православию и противопоставил последнему личную веру в Бога. Со свойственным ему максимализмом Толстой не ограничился воплощением своих религиозных взглядов в собственных произведениях, но поставил перед собой задачу реформировать христианскую религию. Как отмечает Лученецкая-Бурдина, стремление, зародившееся у писателя еще в 1860-х гг., получило свое воплощение в религиозных трактатах и публицистических выступлениях 1880-х гг. Между тем, наиболее точно своеобразие нового видения мира Толстого отразилось на жанрово-стилевых изменениях прозы Толстого на рубеже 1870-х – 1880-х гг. Исследовательница формулирует два основных требования Толстого к искусству: «значимость этической координаты» [Лученецкая-Бурдина: 46] и «изображение не реального, но идеального» [Лученецкая-Бурдина: 46]. На смену художественному вымыслу приходит философское осмысление мира, возрастает интерес Толстого к таким малым жанрам, как притчи, сказки, легенды. Поиски нового языка отразились не только в «Анне Карениной», но и в многочисленных народных рассказах. Как точно и лаконично отмечает Лученецкая-Бурдина, «обращение в своем творчестве к жанрам народной литературы стало толстовским вариантом “хождения в народ”, а просветительские установки воплотились в осознании Толстым своей миссии пророка» [Лученецкая-Бурдина: 50].

Большой научный интерес представляет вторая глава монографии – «Русский роман – “кладезь самобытной русской философии”». В ней Лученецкая-Бурдина предлагает анализ и интерпретацию романа «Идиот» Достоевского и романа «Анна Каренина» Толстого. Ключом к пониманию текста Достоевского выступают живописные образы, в частности картина Ганса Гольбейна – «Мертвый Христос» (1521). В афористичной и образной форме исследовательница подчеркивает: «Искомая истина рождается в споре голосов, а живописное полотно высвечивает сокровенные духовные силы или человеческое бессилие перед вечностью. Вечность же дано почувствовать (и это авторская разгадка базельской картины) лишь тем, кто принял свой Крест и уверовал в Красоту, спасающую Мир» [Лученецкая-Бурдина: 61].

Помимо жанрового родства, «Идиота» Достоевского и «Анну Каренину» Толстого объединяют и общие философско-этические проблемы, и автобиографическое начало. Между тем, проведенный Лученецкой-Бурдиной анализ позволил ей выявить не только сходства, но и значимые различия в художественной структуре произведений, которые свидетельствуют о специфике романного мышления

Толстого и Достоевского. Как отмечает исследовательница, в отличие от Достоевского, герои которого пребывают в сфере духа, Толстой изображает многообразие конкретно-чувственного мира. Если Достоевский ориентирован на метафизическое осмысление философской проблемы, то Толстого больше интересуют ее этические аспекты. У Толстого авторская позиция декларируется в прямом авторском слове, в то время как у Достоевского она воплощена в самом изображаемом, которое провоцирует активность читателя.

Размышления о рецепции русской классической литературой образов мировой культуры, начатое в параграфе исследования, посвященном творчеству Достоевского, продолжается в третьей главе книги – «“О самом важном, что позабыто и нужно вспомнить”»: образы мировой художественной культуры в русской прозе 1870–1890-х гг.». Как показывает Лученецкая-Бурдина, в ситуации кризиса, охватившего русское общество в 1870-е – 1880-е гг., образы мировой культуры, прежде всего античные и библейские, стали той основой, которая могла обеспечить непрерывность культурного развития.

Рецепция русскими классиками последней трети XIX в. античных образов рассматривается в монографии на основе анализа трех романов: «Истории одного города» (1869–1871) Салтыкова-Щедрина, «Соборян» (1872) Лескова и «Анны Карениной» (1873–1878) Толстого. Особенно важными являются наблюдения Лученецкой-Бурдиной над стилистическим вовлечением «чужого» слова в языковое пространство собственно авторских текстов.

Исследовательница подчеркивает, что у Салтыкова-Щедрина активное использование античных образов усиливало метафоризацию языка писателя. Античные реминисценции подверглись в романе «История одного города» иронической интерпретации, вплоть до приобретения или шаржевой формы. В романе «Соборяне» «происходит своеобразная адаптация образов античной культуры к национальной почве и представляется их стилизация в духе народной этимологии» [Лученецкая-Бурдина: 81]. Принципиально иной характер, как аргументированно доказывает Лученецкая-Бурдина, носит обращение к античной традиции в романе Толстого «Анна Каренина». Толстой вступает в философский и мировоззренческий спор с античной культурой, этот спор осмысливается им как противостояние языческого и христианского, это не игра, а, скорее, интеллектуальный диалог с культурной традицией.

Освоение библейской традиции в русской прозе проанализировано Лученецкой-Бурдиной на материале романа Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1875–1880), а также прозы Достоевского и Толстого. Как отмечает исследовательница, «если для Салтыкова-Щедрина и Достоевского Евангелие было животворящей силой, средоточи-

ем главных художественных идей, воплощающих пророчество о судьбе России и ожидание будущего духовного преображения народа, то Толстой воспринимал учение Христа как практическое руководство к нравственному совершенствованию человека» [Лученецкая-Бурдина: 91]. В этом параграфе Лученецкая-Бурдина анализирует такие малоизученные тексты Толстого, как трактат «О жизни» и «Соединение и перевод четырех Евангелий». Исследовательница рассматривает различные способы «присвоения» Толстым «чужого» слова, которые включают в себя цитирование, переработку евангельских сюжетов, использование заимствованных образов для создания собственных текстов.

Четвертая глава монографии – «“Совершенно простым и понятным языком ничего дурного нельзя будет написать”: образы народной культуры в малых прозаических жанрах» – выступает логичным продолжением исследования. В ней Лученецкая-Бурдина переходит от проблемы рецепции русскими писателями образов мировой культуры к проблеме освоения отечественной классикой национальной культурной традиции, в частности, фольклора. Принципы организации повествования в малых жанрах (сказки, рассказы, легенды и повести) рассмотрены в главе на материале «Сказок для детей изрядного возраста» Салтыкова-Щедрина, повести Лескова «Очарованный странник», цикла народных рассказов Толстого. Проведенное в монографии исследование бытования фольклорной традиции в малых жанрах приводит Лученецкую-Бурдину к заключению о том, что отечественные классики не просто заимствовали определенные сюжеты, образы и мотивы, но ставили своей целью раскрыть их общечеловеческое содержание. Способы же актуализации фольклорных традиций были индивидуальны. Так, в прозе Салтыкова-Щедрина народные мотивы и образы приобретают характер пародийного обыгрывания, в то время как Лесков преимущественно идет по пути стилизации. В творчестве же Толстого народная традиция была особо значима как средоточие авторского идеала и средство дидактической проповеди.

Пятая глава монографии по своей структуре несколько отличается от предыдущих. Как следует из ее названия – «“И я проснулся”: публицистика Л.Н. Толстого» – внимание исследовательницы в ней сосредоточено исключительно на наследии Толстого. И это вполне оправданно и малой изученностью материала, и его особой значимостью для понимания динамики творчества позднего Толстого. Кроме того, как точно замечает Лученецкая-Бурдина, публицистические жанры и, в частности художественная публицистика, очерки, были особенно актуальны в русской литературе последней трети XIX в., когда «сила факта, документа соперничала с вымыслом» [Лученецкая-Бурдина: 133].

Материалом для анализа в главе выступают два наиболее значимых публицистических произведе-

ния Толстого – автобиографический трактат «Исповедь» (1879–1880, 1882) и философский трактат «О жизни» (1886–1887). Большое внимание исследовательница уделяет как содержательным особенностям взглядов Толстого, так и стилистической специфике их воплощения. По обоснованному мнению Лученецкой-Бурдиной, в публицистических произведениях Толстой решает задачи «самораскрытия личности», «утверждения основ своего мировоззрения, рассуждает на общефилософские и религиозные темы», при этом «публицистический текст риторически организуется за счет использования риторических вопросов, восклицаний, анафор, повторов и уточнений» [Лученецкая-Бурдина: 156].

Заключительная глава диссертации – «“Коротко говорить о длинных вещах”: А.П. Чехов и Л.Н. Толстой» – подводит итоги развития русской литературы XIX в. Как известно, эпоха 1880-х – 1890-х гг. – это время кризиса и обновления классической реалистической прозы. Сопоставительное исследование чеховских и толстовских художественных произведений этого периода позволяет Лученецкой-Бурдиной охарактеризовать авторские способы выхода из кризиса, увидеть своеобразие нового художественного мышления писателей. По мнению автора монографии, в отличие от творчества Толстого, представляющего в 1870-х – 1890-х гг. «иерархически упорядоченную художественную модель мира» [Лученецкая-Бурдина: 186], в творчестве Чехова «иерархическая вертикаль... оказалась окончательно упразднена» [Лученецкая-Бурдина: 187], была утверждена «относительная самостоятельность периферии и центра» [Лученецкая-Бурдина: 187]. Исследовательница приходит к выводу о том, что «творчески осваивая опыт великого романиста, А.П. Чехов создавал новую художественную модель рассказа, противостоящую традиции классической литературы» [Лученецкая-Бурдина: 187].

В монографии Лученецкой-Бурдиной представлена динамичная картина развития отечественной литературы последней трети XIX в. Показывая индивидуальные манеры письма русских писателей-классиков, Лученецкая-Бурдина рассматривает их как участников одного литературного пространства. В монографии писатели объединены не только и не столько культурным контекстом, но прежде всего – их творческими контактами и литературными связями друг с другом и, прежде всего, с Толстым. Именно фигура последнего становится той призмой, благодаря которой кажущийся мозаичным материал превращается в целостную картину эпохи.

Список литературы

Лученецкая-Бурдина И.Ю. Творчество Л.Н. Толстого в контексте русской культуры последней трети XIX века. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 211 с.

References

Luchenetskaia-Burdina I.Iu. *Tvorchestvo L.N. Tolstogo v kontekste russkoi kul'tury poslednei treti XIX veka* [The work of L.N. Tolstoy in the context of Russian culture in the last third of the 19th century]. Iaroslavl', RIO IaGPU Publ., 2019. 211 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.12.2020; одобрена после рецензирования 13.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 15.12.2020; approved after reviewing 13.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотографий и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES**

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г. (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Пабблишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Рачин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет).

Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки «*»*», если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “*”*”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2021 – Т. 27 – № 1

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 26.02.2020.
Дата выхода в свет 31.03.2021.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 27,0.
Уч.-изд. 28,1 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 26.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна